

Судите
или
Сгно стелцата
рвжата аага

Ана Крвнкова

Золушка золушке рознь. Кто-то убегает в полночь, оставляя хрустальный башмачок, и ждёт своего принца. А кто-то, как я, носит обувь в пору и предпочитает не ждать чудес, а чудить самостоятельно. Принц перешёл в наступление, фея-крёстная достал волшебную палочку и несёт добро в массы, а братья-рокеры пытаются ужиться с новым руководством. Старое авто пострадало ни за что, а вместе с мачехой в жизнь ворвалось ещё одно воспоминание из прошлого. А Золушка... А что Золушка-то? Она всё ещё в кедах, с верой в сказку и неистощимым желанием творить волшебство. И кому, как не главному Чудищу универа знать, как именно превратить серую, скучную жизнь в одни сплошные приключения?

Анна Кувайкова

Чудище или Одна сплошная рыжая бед

Глава 1

— Бомжик мой, — сграбастав руку Кирилла, лежащую на широком подлокотнике, я обняла ее, как плюшевого мишку и довольно урчала, то и дело потираясь носом о вкусно пахнущее предплечье. — Бомжик мою любименький... Бомжулечка!

— Рыж, ты же в курсе, что сейчас губишь мою репутацию на корню? — сидящий за рулем мужчина в ответ только добродушно посмеивался надо мной, внимательно поглядывая на дорогу и изредка на балдеющую от его присутствия меня.

— А ты что, изменил в кой-то веки своим правилам и воткнул в собственного монстра прослушку? — на минуточку отвлеклась я от нежностей, но сильную конечность из своих цепких лапок так и не выпустила. Счаз, размечтались! Это моя прелесть!

— Нет, конечно, — едва не расхохотался Кирилл, на секунду отвлекаясь от управления этой монстрины, по жуткому недоразумению автомобилем зовущейся.

— Ну а чего тогда? — фыркнула моя светлость и снова прижалась щекой к мягкой ткани, под которой легко угадывались крепкие мышцы. — Бомжулик мой родненький!...

— Вся та же невыносимая язва, — мягко усмехнулся Громов, впрочем, не пытаюсь отвоевать свою руку у такой обрадованной его приездом меня. — Рыж, мы так разобьемся.

— Сказал человек, лично преподающий курсы экстремального вождения, — хмыкнула я и снова прильнула к надежному плечу. — Отмазка не катит! Еще варианты?

— Ну, судя по всему, — иронично протянул мужчина, скосив глаза на меня, едва не мурлыкающую от удовольствия. — Никаких! Ты же теперь не отцепишься?

— Шутить изволим? — вскинула я брови. — Я тебя год не видела! Так что нет, ты теперь целиком и полностью в моих алчных лапках! И даже не надейся на эту, как ее...

— Сатисфакцию? — улыбнувшись, подсказал Кирилл, спокойно выкруливая одной рукой на загородную трассу.

— Точно! — согласилась я и снова потерлась носом. — Никакой сатисфакции, помилования и даже обжалования! Я соску-у-у-училась...

— Я тоже скучал, Рыж, — улучив момент, Громов поцеловал меня в макушку и снова обратил свое внимание на дорогу.

А я же, прижавшись к его руке, вздохнула, чувствуя себя самым счастливым человеком на этой грешной Земле.

Он рядом. Он не забыл.

— Ки-и-ир, — протянула, задирая голову, припомнив кое-что интересное. — А что за помпезное появление? Ты вроде показушником никогда не был!

— Ну надо же было показать местному населению, что с тобой лучше не связываться, — хмыкнул мужчина, мельком взглянув в боковое зеркало. — В свете последних событий мне показалось, что тебе лишняя поддержка не помешает. Мелких вредителей это, конечно, не отпугнет, но кого побольше на расстоянии удержит.

— А, так ты последние видео уже имел сомнительное счастье лицезреть, — наморщила я нос, теперь понимая, почему Громов явился к универу сам, а не просто позвонил. — И как оно?

— Обижаешь, Рыж, — насмешливо покосился на меня Кирилл, — Я даже записал на память, а парочку твоих приемов взял на вооружение. Не против?

— Пользуйся! — великодушно разрешила моя светлость и снова уткнулась во вкусно

пахнущее предплечье, довольно мурлыкая. — Своим людям двойная скидка! Я так понимаю, рассказывать обо всем произошедшем не имеет смысла... кто сдал? Егор Дмитриевич или его коллега?

— Оба, — не стал отпираться мужчина, искоса следя за моей реакцией. Не увидев вящего возмущения, он усмехнулся. — Как я понял, тебе не пришлось скучать?

— О да! — хохотнула я, ни капли не сомневающаяся, что оба наших физрука так или иначе были связаны с моим любимым бомжиком. — С нехристью не заскучаешь!

— С кем? — поперхнулся воздухом Кир, но быстро справившись с удивлением, потом хохотнул. — Ань, ты окрестила «нехристью» наследника GRT-групп?

Я невинно похлопала ресничками.

— Оторва, — покачал головой Кирилл, впрочем, ласково и мягко улыбаться он не прекратил. Правильно, знал же, с кем связался когда-то дано! — Не зря тебя весь универ так называет. А если серьезно, Рыж, что тебя на самом деле с Исаевым?

— А что с ним? — удивилась непонимающая я. Чего-то я не припоминала, чтобы у меня что-то было с родимой нехристью, кроме парочки поцелуев!

— Ань, он во мне дырку пытался прожечь, — иронично выгнул брови Громов, поглядывая то на меня, то на дорогу.

— Чегой? — едва не подпрыгнула я. А потом, пораскинув мозгами, застонала вслух, отлепившись от мужчины и сползая по креслу. — Да екарный ж бабай! После каких-то случайных поцелуев нечестивец себя собственником возомнил? У-у-у... Как все запущено!

— Не буду спрашивать, что именно произошло, — мужчина был как всегда сама тактичность. И заботливость. — Ты-то сама как к нему относишься?

— Ну-у-у, — задумчиво протянула, нашаривая в кармане сигареты. — Тебе кратко или цензурно?

— Понятно! — расхохотался Громов, сворачивая на обочину. Припарковав своего монстра прямо на трассе, мужчина опустил стекла и тоже закурил — было у него такое правило, никогда не курить на ходу. Против моей данной дурной привычки он ничего не имел, просил лишь только быть осторожнее и не дымить за рулем.

— Вот вечно из меня монстра делают! — обиженно насупилась я, пыхтя сигаретой. Наблюдающий за мной Кир улыбнулся и, потянувшись, потрепал меня по волосам... и естественно мгновенно был прощен! Я тут же снова кинулась обниматься, выбросив за окно вредный источник никотин. — Ты надолго приехал?

— Нет, Рыж, — отрицательно качнул головой мужчина, приглаживая широкой ладонью им же взлохмаченные волосы на моей макушке. — Завтра утром опять уеду.

— Гадство, — сморщилась я и уткнулась носом в рубашку, пахнущую таким знакомым, терпким и чуть сладковатым парфюмом.

— Работа, — спокойно поправил меня Кирилл. — К тому же, я итак привлек к тебе достаточно внимания. Больше рисковать не стоит.

— Знаю, знаю, — недовольно буркнула вся расстроенная я, занимая нормальное положение в кресле. Мужчина уже докурил, так что и минуты не прошло, как мы снова мчались по трассе. — Конспирация превыше всего!

— Рыжик, не дуйся, — отозвался Кир, уже не отвлекаясь от дороги, которая, если честно, после очередного поворота превратилась в одно сплошное бездорожье. Благо хромированный монстр, легко переплюнувший по габаритам «Хаммер» моего соседушки, легко и играючи справлялся со всеми выбоинами, колдобинами и прочими мало приятными

для подвески вещами. — Я же приехал.

— Мне сегодня так плохо было, — вздохнув, не удержалась я и пожаловалась. — Думала, одной ехать придется.

— Ань, — мужчина припарковал машин в конце старой, запущенной аллеи и, заглушив мотор, повернулся. — С тобой рядом столько народа крутится. Бартеньева, Липницкий, Полонский в конце концов. Почему никому ничего не сказала? Неужели настолько им не доверяешь?

— Не могу, — еще тяжелее вздохнула я. — Ты же знаешь, я приверженец отношений «все или ничего». Я не могу рассказать даже Александрычу и попросить его съездить со мной, а потом дальше молчать об остальном. Все, кого ты перечислил мои друзья, да. Они заботятся обо мне, каждый по-своему и я благодарна им за это. Но близко подпускать я никого не хочу. Да и не имею права, тебе ли не знать?

— Знаю, Рыж, — вздохнув, Кирилл снова притянул меня к себе. Я обвила его талию и прижалась лицом к груди, совсем как раньше, когда верила, что Кир способен меня защитить и спрятать от остального мира. Защитил. Спрятал. Сижу вот теперь, не зареветь пытаюсь. — Как и знаю, что тебе придется потерпеть еще немного.

— Да я уже привыкла, собственно, — невесело хмыкнула, чувствуя, как меня гладят по голове, совсем как маленькую девочку. Сразу захотелось вернуться на десять лет назад. — Спать только хочется.

— С суток? — видеть не видела, но чувствовала, как Громов улыбается. — Еще и голодная наверняка.

— С тебя ужин, — вскинув голову, расплылась в улыбке моя нахальная физиономия. — Собственноручно приготовленный!

— Идет, — покорно согласился мужчина и щелкнул меня ногтем по кончику носа. — Шантажистка.

— Что делать, что делать, — окончательно намотав на кулак распущенные сопли, моя почти местами скромность изволила отлепиться от Громова и, сунув сигарету в зубы, покинула навороченное авто, едва просто и незатейливо не брякнувшись с него. — Какая есть, такую и любите!

— Цветы не забудь! — донеслось мне насмешливое вслед.

Ага, такой веник забудешь! Интересно, а мог ли сгорающий от ревности Исаев хотя бы на миг подумать о том, что данный букетище предназначался совсем не моей балованной персоне?..

Букет из пятидесяти роз я честно тащила по разбитому асфальту, покрытому опавшей желтой листвой. А вот когда старую аллею сменила узкая тропинка, поросшая жухлой травой, моего энтузиазма хватило ровно на пять минут. Да и не только моего — после пятого спотыкания красивый, но громоздкий веник у меня банально отобрали. Так что по прибытию на место назначения, низкую ажурную калитку я открывала первой. И, сделав шаг, не сдержала грустной улыбки, глядя на такие родные карие глаза:

— Привет, мам...

С невысокого памятника из белого мрамора на меня смотрела, улыбаясь, молодая женщина, которой было не суждено дожить до сегодняшнего дня. Мама умерла именно в этот день, последний день сентября теперь уже как полных десять лет назад...

— Ты посмотри, как вымахала, — отступая вбок, давая Кириллу возможность положить цветы на могилу, я задрала голову, восхищенно рассматривая возвышающуюся надо мной

березу, покрытую яркой, желтой листвой. — А ведь думали, не приживется.

— Тогда в это время уже холодно было, — отозвался мужчина, вырывая пробившуюся сквозь мраморные плиты травинки.

— Это-то да, — согласилась, оглядывая буйство красок вокруг. За дорогой мрачные темные ели перемешались с красной и желтой листвой берез и тополей, кустарники между нестройными рядами могил тоже щебуршали яркой и совсем еще не опавшей листвой на теплом осеннем ветру. Солнышко хорошо припекало, сверкая с абсолютно безоблачного неба...

Я едва не вздрогнула, словно наяву увидев промозглый серый день десятилетней давности. Непрерывно морозящий ледяной дождь, иссиня-черные тучи, грязные листья, плавающие в лужах, голые деревья и месиво из грязи и глины на дороге. Тонкое пальтишко не спасало от холода, однако я все так же продолжала сидеть здесь, на свежем холме кладбищенской земли, заставленной дешевыми венками, даже не пытаюсь вытирать стекающие по лицу слезы, пока Кирилл, неловко управляясь одной рукой, сажал в углу ограды тонкий березовый росток. Как тонкий прутик оказался валяющимся в проходе, кто его сюда принес и где хотел посадить — никто так и не вспомнил. Тогда мы не думали, что дерево приживется, уж слишком рано наступили холода.

Но сейчас же крепкое высокое дерево приветливо колыхало свое кроной, роняя редкие листочки на сухую, прогретую землю.

— А вы ведь даже не были с ней знакомы, — сунув руки в карманы, зачем-то заметила я, рассматривая овальный портрет на светлом мраморе, пытаюсь запомнить каждую черточку родного лица, зная наверняка, что ни скоро сюда вернусь. Так как раньше, больно уже не было. И все-таки... мне ее не хватало. — А ты все равно каждый год сюда приезжаешь.

— Рыж, она воспитала тебя такой, какая ты есть, — вставший позади меня Кирилл обнял меня за плечи, пристраивая подбородок на моей макушке. — Мне этого достаточно. Где был бы я сейчас, если бы не ты?

— А я? — прислоняясь спиной к его груди, коротко хмыкнула я.

Громов не ответил. Да и зачем? Мы прекрасно понимали, что не появившись тогда в жизни друг друга, все могло бы повернуться совсем иначе...

Мне было четырнадцать, когда мама попала в больницу. Ей становилось все хуже и хуже, пока, наконец, терпеть не осталось никаких сил. Врачи выдвинули неутешительный диагноз — рак последней стадии и прямо сказали, что жить ей оставалось неделя, максимум две. Не желая портить себе статистику, они хотели выписать ее домой, но... Согласие на это мог подписать только совершеннолетний родственник, а вместо него по безликим серым коридорам ошивалась похожая на приведение, раздавленная свалившемся на нее горем девочка-подросток. И тогда кто-то из «добрых» медиков стукнул об этом в школу.

Когда меня вызвала на ковер директриса, я уже думала, что дальше хуже быть не может. Но, как известно, беда не приходит одна, и мне кратко и равнодушно освятили со всех сторон мое дальнейшее обозримое будущее: если по истечению месяца не появится кто-то из родных, я попаду в детский дом.

Со злости я пообещала, что в установленный срок придет мой дядя... Который на самом деле если когда-то и был, то седьмая вода на киселе и он давно уже куковал немывтым отшельником в далеком Сибирском лесу. Неуравновешенного родственника угораздило связаться с сектой любителей природы, так что мнимый родственник давно и надежно свалил в ее лоно, оставив дома все вещи, деньги и документы.

Хотя не, вру — презренный металл он передал братьям «по духу», а о себе оставил лишь смутные воспоминания.

Как бы то ни было, но в тот момент жизнь была мне в тягость, если не сказать хуже. Я сидела на крыше своего дома, на самом краю, глядя вниз, на спешащих по своим делам людей и думала: а почему бы и нет, собственно?..

От тяжелых размышлений и нескончаемых слез меня отвлек тогда надсадный, хриплый кашель. В дальнем углу стояло подобие домика из ДСП, выстроенного местными парнями, и именно в нем я обнаружила тогда Кирилла... Бледного, больного пневмонией, со сломанной рукой, избитого местными гопниками, фактически умирающего.

Я видела его раньше. Молодой неопрятный и вечно хмурый парень, появившийся в нашем дворе вначале лета, трудился разнорабочим в нашем местном павильоне сутки напролет, вторые сутки он мелькал в супермаркете, таская тяжеленные коробки, а третьи отсыпался здесь, на крыше или в детском домике на площадке.

Как мне тогда пришла в голову идея притащить домой самого настоящего бомжа, я до сих пор понять не могу. Я его отмыла, вылечила, поставила на ноги, обеспечила жильем и едой, но при одном условии — он должен был сходить в школу с документами моего дяди, представиться моим родственником и отбить у директрисы всякое желание совать свой нос в мою дальнейшую жизнь.

Кирилл выполнил условия сделки... и остался.

Это потом я узнала его историю. Придя с армии и женившись по залету на девушке, которая вроде как его ждала и дождалась, Кир, носивший тогда другое имя, семейной жизнью наслаждался недолго. Работа простым охранником приносила стабильный, хоть и маленький доход, но взбалмошную супругу такое положение вещей не устраивало. Психанув, парень ушел служить по контракту, а по возвращению через пару лет обнаружил, что у него теперь нет ни квартиры, ни жены, ни ребенка. Баба-дура каким-то образом продала имущество, сдала дочь в детский дом и счастливо кутила на стороне. Как ее не придушил Кирилл, я не знаю. Он же нашел ее тогда, поговорил... А проснувшись поутру в чужой квартире обнаружил вдобавок ко всему кражу последних вещей и всех документов. И отсутствие жены, естественно.

Последнюю он не нашел, друзья помочь отказались, родни у парня не было... Вот так и оказался двадцати четырехлетний парень на улице. Чтобы снять временное жилье, нужны были деньги, а чтобы их заработать, нужны были документы. А их просто так не восстановить, нужно было хотя бы свидетельство о рождении, которого, естественно, тоже не было.

Короче, лето Кир еще продержался. А вот с наступлением холодов возникли проблемы. Болезнь не давала работать, местная гопота заметно подгадила, накинувшись толпой, и парень уже сдался окончательно, но тут на горизонте замаячила тощая девчонка с веснушками и красными от слез глазами, но полная какой-то мрачной решимости.

Заставила я его тогда встать лишь одной фразой, но после долгих, упорных, и напрасных уговоров. И звучала она как «а ты жить хочешь?».

Он согласился. Десять дней мы жили, как чужие. Он отсыпался, отъедался, медленно, но верно шел на поправку, но оставался все таким же хмурым и неразговорчивым. А я... я разрывалась между школой, подработкой и больницей, где в крохотной палате медленно, но верно угасала моя мама.

Конец всему наступил через десять дней. Меня выдернули с уроков, отвели к

директрисе, и уже там сообщили шокирующую новость. Я ждала ее, подготавливала себя, боролась с негативными мыслями, пыталась успокоиться... И все равно оказалась не готова.

Домой я тогда ввалилась далеко за полночь, грязная, пьяная, находившаяся на грани истерики. Помню, как упала прямо в прихожей и, не включая свет, хохотала сквозь слезы, то и дело прикладываясь к бутылке дешевого отвратительного портвейна. Никогда не встречающий меня Кирилл тогда первый раз вышел из выделенной ему комнаты. Бледный, уставший, в старой, но чистой футболке и серых спортивных штанах, с загипсованной рукой, он молча смотрел на меня. А потом...

Просто подошел, сел на корточки и обнял. И я, сопротивляясь по началу, тщетно пытаюсь его оттолкнуть, вскоре уже судорожно рыдала у него на плече, высказывая всю ту боль, что накопилась. Вот так вот глупо и недалевидно, в объятиях незнакомого мне человека, ставшего безумно родным за непозволительно короткое время.

Наверное, именно тогда мы с Кириллом поняли, что поодиночке нам не выжить. И что за свою жизнь надо бороться — если хотя бы ни ради себя, то ради друг друга.

Как я уже говорила, через месяц Кир сходил в мою школу, и больше вопросов о звонке в органы опеки не возникало. Совсем скоро парень оправился, поднял свои армейские связи, активно взялся за дело, через пару лет открыл свой бизнес и в итоге стал тем, кем был сейчас. Одним из сильнейших мира сего, с нерушимой репутацией, идущей далеко впереди него. Имя моего дяди, Кирилла Громова, он так и не сменил. Вова Олейников, худой нескладный парень, здорово побитый жизнью, умер там, в шалаше на крыше многоэтажки, много лет тому назад. А я же...

Я так и не поняла, что же мною двигало, когда я решила привести в дом абсолютно незнакомого мне человека: глупый поступок убитого горем подростка, которому уже нечего терять; или же последняя попытка отчаянной девушки, желающей во чтобы то ни стало выбраться из той трясины, в которую она угодила не по своей вине.

Так или иначе, о своем поступке я не жалела. Никогда.

— Идем? — негромко позвал меня Кирилл, вырывая из воспоминаний. Впрочем, готова поспорить на что угодно, он сам сейчас вспоминал наше общее с ним прошлое.

— Угу, — отозвалась я и, бросив прощальный взгляд на мамину фотографию, вышла следом за Громовым.

Пока, мам. Я буду по тебе очень скучать. И приеду еще раз. Обещаю!

Добравшись до внедорожника, на котором только и можно было пробраться в эту часть кладбища, я привалилась спиной к теплому, нагретому солнцем металлу и закурила, щуря глаза на безоблачное небо. Настроение, с утра упавшее на нет, медленно, но верно начинало подниматься.

— Ки-и-ир, — негромко позвала, косясь на курившего рядом мужчину.

— Что, Рыж? — откликнулся мой личный бомжик, которого бы я под страхом смерти не стала бы так величать в присутствии свидетелей. Об этой стороне его насыщенной на события жизни не знала ни единая живая душа. И не узнает — вредить самому дорогому для меня мужчине я не стану сама и не позволю это сделать никому другому. А кто попытается возразить, того я тихо закопаю и так же тихо отпраздную... И мне ничего за это не будет!

— Татуировку хочу, — негромко вздохнула я, выдав на одобрение народа свою давнюю мечту.

«Народ» одобрил, невозмутимо пожав плечами:

— Хочешь? Поехали, сделаем.

Я со счастливым визгом повисла на шее улыбающегося Громова. Все-таки как хорошо, что он приехал!

Для начала мы заехали перекусить. Желудок жалобно урчал на радость посмеивающемуся Киру и к стыду медленно краснеющей меня. Но как оказалось, Громов и сам был не прочь подкрепиться, так что, едва мы въехали в город, мужчина припарковался... у первой попавшейся приличной столовой. Естественно, вид шикарного «Линкольна» ввел прохожих в ступор, а присутствие его не менее шикарного водителя в небольшом, но уютном помещении и вовсе показал эффект разорвавшейся бомбы!

Но, собственно, как сие могло остановить Кирилла, с аппетитом уплетающего огромную тарелку борща и обычные такие пельмени?

Я только хихикала, воздерживаясь от комментариев, уплетая заказанный салат и куриный бульон. Соскучился, бедный, по нормальной русской еде!

А вот тату-салон уже оказался куда более солидным, дорогим и имеющим хорошую репутацию. Кирилл переговорил с управляющим, мастер поговорил со мной и я, полистав каталог, взяла время на подумать. И, чтобы эти несколько часов не попадали зря, мой добрый «дядюшка» потащил меня... по магазинам!

Вот чесслово, проще было угнать у Кира его любимый внедорожник, чем переубедить его не покупать мне очередной теплый свитер на осень! Три ха-ха. Громов оказался непробиваем и лишь невозмутимо улыбался, молча разворачивая и вталкивая меня в примерочную торгового центра. А продавцы же, кося на него восхищенным взглядом, покорно волокли детали нового гардероба.

Через три часа вконец обалдевшая я, укомплектованная по самую маковку теплыми вещами, рухнула на лавочку на улице в курилке и обзывала Кирилла последними словами. Думаете, это его впечатлило? Да счаз!

Чувствовавший себя неудобно от того, что во время болезни обо мне заботился другой, мужчина сделал все, чтобы загладить свою вину. Ну или хотя бы направил все силы на то, чтобы подобное больше не повторилось.

И ведь он даже открыто это признал, зараза такая! Как будто я не понимала, что с его работой вообще чудо, что он хотя бы на день ко мне вырвался. Пожалуй, именно за это я и любила Кирилла больше всего — он никогда не навязывал свою заботу, но всегда появлялся именно тогда, когда я в нем действительно нуждалась.

Осознание, какую именно я хочу тату, пришло как-то само собой. И уже спустя какой-то час над моей левой лопаткой расцвела надпись, выполненная красивым, витым шрифтом.

До супермаркета мы добрались, когда на улице уже стемнело. Лопатка и плечо болели, но на мое настроение это никак не повлияло. После покаянной речи о том, что в моем холодильнике мышь достигла уже стадии трупного окоченения, когда все мышцы расслабляются и «клиент» дозрел до пышных похорон, Кир меня обругал последними словами, но увидев виноватую моську, сжалился. Быстренько сметя более или менее подходящие продукты в корзину, мой невыносимый временами почти что родственник ухитрился прочитать мне шикарную нотацию о вреде перекусов и их влиянии на организм в целом. Пришлось покаянно кивать, развесив уши, на протяжении всей дороги до моего дома, куда мы ввалились, обвешанные пакетами с ног до головы. Вот уж в чем, в чем, а в заботе о собственном теле Громов был неумолим и не шел на компромиссы.

Я начинала смутно подозревать, что, начиная с завтрашнего дня мой холодильник каким-то чудным образом обретет свойства если не скатерти-самобранки, то хотя бы

банальной нескончаемости...

И вот фиг же поймешь, радоваться данному факту, али наоборот?

— Рыж, ты улыбаешься, — отвлек меня от раздумий мужчина, невозмутимо крутящийся у плиты. Ну как, крутящийся... все чинно, со знанием дела, без какой либо ругани, суеты или бестолковых движений. Все спокойно, четко, размеренно. Рукава черной рубашки закатаны, волосы в короткий хвост стянуты, на губах улыбка мягкая...

— Да вот думаю, взять и влюбиться в тебя, что ли? — пригубив любимое фруктовое вино и бокала на тонкой ножке, насмешливо протянула я, сидящая на высоком стуле за барной стойкой.

— Ты уже как-то пробовала, — вытерев руки о полотенце, Кирилл оперся спиной о кухонный гарнитур и сложил руки на мускулистой груди, иронично вскинув брови. — На выпускном, помнишь?

— Не напоминаа-а-ай! — с чувством провыла я, чувствуя, как пылают уши при воспоминании об этом... об этом!

Да-да, водился за мной такой грешок. Моя подвыпившая в честь окончания школы рыжая светлость, и познавшая впервые на свое шкуре все сомнительные прелести первого сексуального опыта и, как следует, горького разочарования, приползла домой глубокой ночью. И тут, вспомнила, что, все мужики в общем-то, может козлы и сволочи, но у меня-то есть собственный единственный и неповторимый, который уж точно лучше всех остальных! Ну и вломилась нифига не соображающая я в спальню задремавшего Кира, который ждал моего возвращения, но в последний момент не выдержал и все-таки заснул. Проснулся, увидел меня в одном легкомысленном пеньюарчике, рассеяно провел рукой по волосам, обдумывая недвусмысленность намека... и выставил меня за дверь. Еще и заперся.

А поутру помирающую от похмелья и стыда меня жала долгая, поучительная лекция о вреде алкоголя на неокрепший женский организм и разгульного образа жизни, как его следствие.

В итоге я проревелась, но все рассказала. Кир перепугался, но чаем меня отпоил.

Больше мы к теме высоких «чуйств» и романтических отношений не возвращались. Да и не хотелось, если честно. Кирилла я любила до безумия, но исключительно теплой, родственной любовью.

— Стыдно? — насмешливо поинтересовался Громов, принимаясь за нарезку овощей на салат.

— Издеваешься? — прыснула я, соскакивая со стула и нагло уворовывая из-под его руки маленькую помидорку черри. — Да я думала наутро, что скончаюсь больше от стыда, чем от похмелья! Злюка. Зачем напомнил?

— Сама начала, — со смешком парировал мужчина, не отвлекаясь от готовки, пока я громила шкафчик в поисках посуды. — Рыж, а что, с женихами вообще туго?

— Шутки шутим, да? — откликнулась я, уронив на ногу блюдо, по случайности не разбив его. — Кто меня вообще выдержать сможет?!

— Исаев, Полонский, Алехин, — спокойно перечислил Кир, глядя одним глазом, как я, прыгая на одной ноге, пытаюсь накрыть на стол. И, помолчав немного, задумчиво так добавил. — Харлей?

Я от такого предположения тарелку повторно уронила. На ногу!

— Ну и пакость ты, Громов! — прочувственно выдала, прыгая на одной ноге. Надо мной посмеялись, но посуду отобрали во избежание дальнейшего членовредительства. Правда,

чьего именно, еще разобраться надо!

— Хотя да, погорячился, — кивнул Кир, возвращаясь к овощам. И невозмутимо так. — Харлея не выдержишь уже ты.

Я помидоркой подавилась! Какие ж они все... добрые, блин!

— Кир, а что за вообще внезапная мания мне чью-нибудь тушку сосватать? — насторожено спросила, глядя, как мужчина ловко сервирует стол. — Ты ж вроде как моему будущему возможному... хотя скорее в принципе невозможному! Жениху обещал устроить райскую жизнь и хороший такой тест на выживание. Типа если выживет, то ему уже никакая я страшна не буду!

— Ты сама — один сплошной тест на выживание для нервной системы всех и каждого, — беззлобно усмехнулся Громов, водружая перед голодной мной огромную миску салата. — А если серьезно, Рыж... Мне хотелось бы, чтобы за тобой кто-нибудь присматривал, пока я в отъезде. Парней оставить не могу, сама знаешь.

— Ну да, ну да, — скептически покивала головой моя мнительность. А то я не знаю, что кто-то из людей Громова за мной все равно, да присматривает! — Кир, я не хочу связывать себя отношениями только из-за желания успокоить твою въедливую паранойю. Не обижайся.

— Не обижаюсь, — хмыкнул Кирилл, распахивая духовку. В нос сразу ударил обалденный запах вкусной, горячей еды и я мигом простила родственнику все его прегрешения, вольные и невольные.

— Тем более, с кем мне тут обнимашки устраивать на романтической основе? — пританцовывала я с тарелкой, ожидая, пока мужчина придирчиво изучает дело своих, явно раздумывая, накормить меня сыроватыми продуктами, али все-таки смилостивиться и дать блюду подрумяниться еще? — Исаев, конечно, целуется неплохо, прости за подробности, но мы с ним поубиваем друг друга в первый же день возможных отношений. Мишку я люблю, но исключительно как вечно сонного соседкушу. Олег мне нравится... но чёт не то. А с Полонским у нас френдзона. Усё, шеф, как говорится, без вариантов!

— Но Богдан тебе нравится? — уточнил Кир, раскладывая еду по тарелкам.

— Френдзона! — напомнило мое вусмерть голодное величество. — Полная и безоговорочная! Кстати, странно, что ты заговорил о нем. Признавайся, родственник любимый: почему ты единственный, кто не уговаривает меня держаться от него подальше?

— Все просто Рыж, — выставив передо мной вожделенное кушанье, Громов пристроился по ту сторону барной стойки. — Если попрошу именно я, ты скорее всего мне не откажешь. А Полонский пока единственный, кто действительно присматривает за тобой. И даже не отпаивается после этого валерьянкой.

— То есть тебе он нравится, но чет тебя в нем все равно коробит? — скептически вскинула я брови, берясь за вилку и водя носом по воздуху, чувству, как рефлекс собаки Павлова проявляет себя по всей своей красе.

— У всех свои недостатки, — пожал плечами Кирилл и кивнул на тарелку, насмешливо комментируя. — Ешь, а то остынет.

— О, лазанья! — вылупилась я на содержимое тарелки, как на восьмое чудо света. Поковыряла. Попробовала. Проглотила и блаженно зажмурилась. — Вку-у-усно!

Кирилл не ответил. Посмотрел на меня. Потом на мою тарелку. На свою. Снова перевел взгляд на меня... И расхохотался!

Сообразив, чего, собственно, мой обожаемый родственник, гоготать вдруг изволит, я

сама чуть от смеха со стула не навернулась. Сие блюдо для нас было... хм, ну, если скажу незабываемым, то это будет наглое и беспардонное вранье.

Это было в выпускном классе. Кир, умеющий в общем-то готовить, но традиционно по-мужски, то есть просто и сытно, решил как-то меня побаловать в честь окончания пробных экзаменов. Ну, значит, прихожу я со школы, дома стол накрыт, Кирилл скалится во все тридцать два зуба, сия, как новенький пятак... Удивилась, не без этого. Ну лан. Сели, значиццо, мы ужинать.... И вот тут-то оказалось, что до готовки незнакомых экзотических блюд мужчине не стоило допускать от слова вообще. Но не говорить же ему об этом? Сижу, значит, давлюсь и пытаюсь нахваливать. Кир сидит рядом, умильно наблюдает, а потом решает попробовать сам... Минут десять мы сидели оба с перекошенными от «счастья» лицами, вкушали, значит, яства неземного наслаждения. Реально, кстати, неземного — я понятия не имею, что этот гений кулинарного искусства туда напихал, напрочь угробив нехитрое, в общем-то, блюдо!

Потом переглянулись... не выдержали, выплюнули невкусную каку и расхохотались. Наверное, именно с тех пор мы и решили говорить друг другу только правду. Отсмеявшись, я призналась, что его лазанья — гадость редкостная. В свою очередь Кир, смущенно потирая нос, признался, что постирал мою белую блузку со своими джинсами... И раз пошла такая пьянка, я покаялась, что завалила ко всем чертям пробный экзамен по русскому языку.

Правда-правдой, а уши мне тогда все-таки надрали.

После сытного обеда, по закону Архимеда, чтобы жиром не заплыть, надо срочно... Ну, вы поняли. Прикончив добрую половину обалденно вкусной лазаньи, мы с Кириллом дружно пыхтели на балконе, пританцовывая от холода, честно поделив одно пальто на двоих. Его пальто, конечно же — мое бы ему даже на одну руку не налезло. Естественно, замерзли, как мои любимые суслики на работе без дозы любимого нефильтрованного, и наперегонки поскакали на кухню отогреваться. И вот тут надо же было Киру зацепиться по дороге за самый крайний аквариум!

Вспомнил, блин, родня любимая, старый добрый фильм!

— Рыбка-рыбка-рыбка, — ласково приговаривал мужчина, постукивая пальцем по толстому стеклу, где за отдельной перегородкой плавала отожравшаяся на казенных харчах полосатая зубатка. — Рыбка-рыбка-рыбка! Рыж... ты не пугайся, ладно? Но по-моему, она только что сдохла...

— Чего? — я едва не опрокинула на себе только что сваренный кофе. Аккуратно пристроив чашку на краю стола, рысью метнулась в коридор и уже там застонала вслух, глядя на колыхающуюся кверху брюхом килограммовую полосатую тушку. — Че-е-ерт... Кир, ты зачем по аквариуму стучал?! Все, мне конец. Хозяйка меня теперь убьет!

— Ань, рыбы от этого недохнут, — заметил мужчина, поглядывая то на меня, то на невинно убиенную животинку. — Ты когда ее кормила последний раз?

— Ну, это, — почесала в затылке мигом смутившаяся я. Подумала. Попыталась вспомнить... Не вспомнила. Покаялась и изобразила полный вселенской муки вздох.

— Замоталась и забыла, — резюмировал Кир. И усмехнулся, накидывая пальто. — Ладно уж, не горюй. Купим другую, делов-то.

— В десять вечера? — покосилась я на настенные часы. — Где ж мы такую сейчас найдем?

Не, по итогу мы рыбину эту все-таки нашли. Пока я одевалась, Кирилл кому-то позвонил, потом ему перезвонили, потом мы поехали к черту на кулички, но домой все-таки

вернулись с желанной добычей. Труп организовали пышные похороны в унитазе, купленного живчика определили на новое место жительства, отступили, оглядывая дело рук своих и остались вполне довольны провернутой аферой. Разницы почти не наблюдалось.

И все бы хорошо, вот только...

— И что мне теперь с этой прелестью делать? — вздохнула я, сидя на полу и обнимая коленки, обтянутые теплыми пижамными штанишками. Напротив меня, забавно попискивая, ползала по корягам, осваивая новое для нее пространство, купленная нами японская белка-летяга. Огромную, в мой рост клетку, устанавливал Кир, пока я отогревалась в душе, облитая холодной водой из аквариума, куда чуть не бултыхнулась при заселении нового жилья. — Хозяйка меня точно убьет!

— Да ладно тебе, — фыркнул сидящий рядом на корточках Кирилл, просовывая кончики пальцев в клетку. — Она забавная. Как ты.

— Не, — фыркнула я, рассматривая мимимишного зверька, размером чуть больше моей ладошки, с длинным пушистым хвостиком, палевой мягкой шерсткой, крохотными круглыми ушками и черными глазками-бусинками. — Я пакость вредная, ехидная, но симпатичная. А тут ж прямо кава-а-ай! Спасибо, Кир.

— Не за что, — мягко улыбнулся мужчина.

Еще б не улыбаться! Да он битый час наблюдал за мной, как за маленьким ребенком, пока я в зоомагазине прыгала вокруг клетки с этой прелестью, вопя на все голоса «хочу-хочу-хочу» или «вай, какая прелесть, дайте две!». Вот ей богу, я тогда не мозгом думала, увы. А Громов, всегда балующий мою нифига не скромную персону, ради моего шального настроения мог же и весь зоомагазин скупить со всеми его обитателями!

— Чтобы я еще раз с тобой, да по таким местам пошла, — зевнув, покосилась я на родственника. — Да ни-ни!

Громко запищав, сахарный опоссум, ну тот, который белка, шустро пополз вверх по клетке.

— Будешь Ни-ни, — тут же окрестила момонгу моя зевающая светлость.

— У-у-у, Рыж, — насмешливо откликнулся Кир, поднимаясь, — Давай-ка в кроватку. Ты сейчас себе челюсть вывихнешь.

— Угу, — покорно согласилась, чувствуя, что организм, итак выдавший запас невиданной бодрости, связанный с приездом моего любимого мужчины, дал слабину, и очухиваться уже не собирался. Так что я покорно переползла с пола на кровать, уткнулась в подушку и сладко зевнула.

Над моими сонными маневрами посмеялись, но одеялом заботливо укрыли, под спинку подоткнули, по голове погладили и в лоб поцеловали:

— Люблю тебя, Рыж.

— А я тебя — больше, — тихо отозвалась засыпающая я.

— Пойди, найди тот ножичек, пойди, найди тот ножечек, — бормотала я себе под нос песню из старого мультфильма, шлепая новыми ботиночками по светлому кафелю, придерживая лямки рюкзака и активно вертя головой по сторонам. — Поди, найди... тьфу ты! Да этого тренера вместе с его бассейном фиг найдешь!

Достроили спортзал, говорите, да...

Фигушки! На его месте отгрохали целый спортивный комплекс! В здоровой такой дуре со стеклянным потолком располагались два пятидесятиметровых бассейна, огромный спортзал, а на втором этаже еще и тренажерку с мини-фитнесс центром разместили! Про небольшое такое помещение с татами, боксерским рингом, а так же отдельным танцевальным классом я вообще молчу! Ну и раздевалки, душевые, еще раз раздевалки, раздевалки и раздевалки...

И где мне здесь отыскать одного единственного тренера по плаванию, мне никто не скажет, не? Надоело уже совать свой любопытный нос с веснушками во все двери подряд, вот чесслово!

Томознув возле колонны с зеркалом во весь рост, моя светлость не удержалась и немножко покрутилась, приглаживая взлохмаченные волосы. Новые коричневые замшевые ботиночки на тонком меху, теплая нежно-бирюзовая флиски с капюшоном и черные в обликку джинсики с тонким начесом шли мне изумительно! А главное, как грели-то хорошо! Особенно на фоне того, как вчера испортилась погода, и я продрогла на временном рабочем месте. Так что прикид, купленный мне заботливым Кириллом, из разряда «ну и нафиг оно мне надо?» мгновенно перешел в почетный ранг «а где там мои любимые тряпочки?».

Эх, хороша, чертовка!

Селфи я-таки делать не стала, чай не барышня гламурная, и, сунув телефон в карман джинс, пошлепала в сторону раздавшегося где-то неподалеку свистка, мурлыкая уже порядком надоевшую песенку.

Проблема поиска тренера по плаванию вставала особо остро. Краснова свою часть договора не выполнила, а у нас уже завтра стоял по расписанию первый урок. Ничего криминального, кстати, староста старост не учудила, на попятную не пошла и даже не просто подзабыла. Все го-о-о-ораздо проще! Плаванье теперь хоть и входило в курс физической подготовки, да только зачет по нему ставили уже два преподавателя. Собственно, наш незыблемый бывший ОМОновец, нежно Егором Дмитриевичем зовущийся а вдобавок к нему...

— Ну офигеть, какой тритон! — тихо присвистнула впечатленная по самое небалуйся я, рассматривая в очередную приоткрытую дверь тщательно разыскиваемого тренера и физрука в одном единственном, неповторимом и прекрасно-мужественном лице. Да фиг бы с ним, с лицом, там такое тело под красными шортами и белой футболкой скрывалось...

А можно я обо всем забуду и побуду вашей русалочкой? Согласна даже голос взяткой какой-нибудь ведьме с нашего потока сунуть и покорно рыбкой помолчать!

— Ну раз это все, — тем временем мягким баритоном произнес царь морей и водоемов, оглядывая раскинувшееся перед ним трибуны. — Не смею более вас задерживать. Если... Так, а это что еще за очаровательное создание? Девушка, вы проходите, не стесняйтесь, всё равно уже все давно переделались!

— Тьфу ты, я как всегда не вовремя! — тяжело вздохнула и сплюнула разоблаченная я, выходя в огромное, ярко освещенное помещение с бассейном. — Что, прям все? А вы, случаем, сами искупаться не желаете? Ну так... чуть-чуть, хотя бы?

— Солнцева, я так понимаю? — склонил голову к плечу златоволосый Аполлон, разглядывая мое небрежное разгильдяйство почти что в кедах. — Ну, примерно такой мне вас и описывали.

— Вранье, поклеп и наговор! — отозвалась я, аккуратно обходя лужи вдоль бортика бассейна, дабы не поскользнуться и не навернуться в пугающую прозрачную бездну, невкусно пахнущую хлоркой. — Ну, если только вам не сказали, что я единственная, неповторимая, замечательная во всех смыслах...

— Рыжее чудище! — радостно закончили откуда-то сверху.

Народ поржал, эхо весело отскакивало от стен, покрытых кафелем, а Аполлон даже улыбнулся!

Я насупилась, остановившись в двух шагах от тренера, оглядывая сидящих на трибуне студийцев, пытаюсь отгадать, кому ж так вдруг жить надоело-то! А обнаружив радостно улыбающегося Липницкого, чуть не застонала вслух.

Ну почему, ну вот почему меня угораздило заявиться в бассейн именно тогда, когда там заканчивал свои занятия четвертый курс? Не первый, не второй, ни, на худой конец, пятый. А именно четвертый, да еще и та группа, где сидит в полном составе моя вся любимая «святая троица»?!

Оспади... ну за что ты меня так не любишь, а?

Я ведь этих гавриков два дня уж как не видывала. Позавчера, когда меня забрал Кирилл, мои друзья-приятели даже смсками закидать меня не изволили. Ну то-то и понятно, от шока отходили, значит. А утром меня разбудил звонок телефона, через который виноватый голос моего любимого шефа таки слезно умолял выйти на работу на другую мойку. В день. Администратора у него, видите ли с приступом аппендицита в больницу увезли. Ну ладно, чего уж там, бывает.

Согласилась. Горестно повздыхала в рубашку Кирилла, отказалась от предложения меня подвезти и укатила на рабочий фронт на собственной бибике, парнями Кира ночью к моему дому доставленной. Предварительно попрощавшись с мужчиной еще раз так пять — отпускать его категорически не хотелось.

— Ну ладно, чудище, — хмыкнул тренер, сунув руки в карманы ярко-красных шорт. — Пойдем уж, поговорим.

И увел меня в свой кабинет, что в дальнем конце бассейна находился. Я украдкой вздохнула с облегчением, аккуратно шагая по прорезиненному вокруг бассейна полу. Поскользнуться-то не поскользнусь, а вот зацепиться ботинками за рубчик и ухнуть носом в воду — это да, это я могу!

— Ну, и что ты от меня хотела? — устроившись за своим столом в небольшом светлом кабинете с кучей медалей, сертификатов и наград на полочках, поинтересовался физрук умопомрачительной внешности, обалденной наружности, сразу мной обожаемый и авансом лелеемый. — Егор сказал, что у тебя какая-то просьба ко мне.

— Ну, как бы — смущенно почесала я нос. — Такая имеется. В общем... Евгений Евгеньевич, а освободите меня от занятий... месяца так на два!

— Чего? — прибалдел от моей наглости Аполлон Бельведерский и царь морской в одном сплошном хорошеньком лице, и ехидно так поинтересовался. — А больше ничего не

надо, а?

— Надо. Вас! — не удержавшись, брякнула моя невинность, наивно хлопая глазами.

И тут Тритон всея бассейна, как говорится, офигел...

В общем, за дверь меня все-таки не выставили. К счастью.

Евгеньевич, не смотря на ситуацию, меня на хутор не послал, по голове ничем не настучал, и даже просто и незатейливо не выгнал. Не, мужик оказался крут по всем статьям! Мало ого, что выглядел как древнегреческий бог, чувством юмора обделен не был, он-таки оказался еще и весьма сообразительным! Короче, мне сразу приказали «выкладывать начистоту, что и как, а уже потом решим подумать».

Выложила. Подумали. Согласился!

Даже помочь обещал!

Из кабинета я вывалилась, радостно пританцовывая румбу. Это же... Он же... ну прям вах! Вот не был бы преподом, влюбилась бы нафиг! Упаси его оспади боже, конечно, от такой, да как я... Спорю на капоте любимой машинки, седые волосы Евгеньевичу ни разу не пойдут!

Мне, кстати, тоже.

Хотя на самом деле, как будут смотреться белесые волоски на моей шкурке почти редкого окраса, мне предстояло вот-вот убедиться на собственном горьком опыте. Ибо возле бассейна на дорожке меня ожидал никто иной, как нехристь моя чудная, нехристь моя любимая и глупо ревнующая. И сейчас, кажется, собирающаяся активно объяснять и доказывать, как же на самом деле я была не права!

— Ну, здравствуй, оторва моя рыжая, — спрятав руки в карманы спортивных штанов, почти весело пропел парень при моем приближении. — Что-то давно тебя не было видно.

— И тебе не кашлять, — напряженно отозвалась я, почесав бровь и остановившись в паре шагов от парня. Исаев выглядел уж каким-то слишком подозрительно... счастливым. Что меня априори не могло не нервировать! — Да я как бы это... на работе была... И вообще, только не говори, что ты меня потерял!

— Ань, я заезжал на мойку, — качнув головой, насмешливо отозвался Демьян, делая шаг вперед. — Тебя там не было. Думаю, мы оба знаем, где ты провела эти два дня. И ночи.

Ага. В любимой теплой постельке, в окружении подушек, одеяла и ползающей по моей голове Ни-ни! Но ему-то, собственно, какое нафиг дело?!

— Даже если так, — прищурила я глаза, стараясь говорить негромко, ибо на трибунах все еще оставалось с десятков никому ненужных свидетелей. — Тебе-то что, Исаев?

Неожиданно парень шагнул вперед и банальным таким рывком прижал меня к своему телу — я даже пискнуть не успела. Только глазки так раз, и почти повыпадали от удивления!

— Скажи-ка, Солнцева, — наклоняясь к моему лицу, усмехнулся вдруг нечестивец, — А когда ты собиралась мне рассказать, что встречаешься с Громовым? До того, как мы переспим или после?

— Нехристь, — почти прошипела я, обалдевшая от такого вопроса, точнее от его содержания! — А с какого такого бодуна мы вдруг с тобой должны переспать, а?

— Ань, я ведь тебе нравлюсь, — улыбнулся Исаев, коснувшись пальцами моего подбородка. — Глупо отрицать.

— Да какого, собственно, огородного овоща ты взял, что ты мне... — попыталась было послать наглого шатена моя оскорбленная до глубины натура. Однако мне этого сделать не дали, заткнув единственным надежным способом, сгубив на корню речь, пропитанную

ехидством, сарказмом и приличным количеством яда. То есть физическим!

Короче, меня просто поцеловали, просунув одну руку под рюкзак, прижимая к сильному спортивному телу, а второй удерживая за подбородок.

Кто-то где-то наверху присвистнул, а я как-то внезапно поняла, что нечестивец-то в чем-то может быть и прав....

Нет, с разбега да в койку я к нему прыгать не собиралась, пускай свой распутившийся буйным цветом тестостерон упакует в баночку вместе с гормонами до лучших времен. И все-таки... чего ж он так хорошо целуется-то?!

Наваждение, растекшееся по всему телу, вместе с остатками мозгов и самообладания, померкло минуты через две. Ну, так, на вскидку. С трудом разлепив ушедшие в нирвану глазки, я пошевелила безвольно обвисшими лапками... и едва не взвизгнула, сообразив, в каком положении оказалась!

— Исаев, только не вздумай меня отпускать! — резко взбледнув, нервно пискнула, цепляясь за белоснежную футболку парня, удерживающего меня над водой. Этот... армагеддец человеческого происхождения, пока моя светлость в состоянии эйфории прибывать изволила, увлек меня на самый край бассейна, да еще и прогнуться слегка над ним заставил так, что теперь под моей спиной распростерлась прозрачная ледяная и наверняка глубокая водная гладь! С этой стороны бассейна старшие курсы практиковали прыжки в воду, так что глубина именно здесь была метров шесть, если не больше...

И вот тут я уже испугалась по-настоящему!

А кто-то всего лишь иронично выгнул бровь, с насмешкой смотря на меня сверху вниз, не обращая внимания на далекие окрики:

— А это от тебя зависит. Скажи-ка мне, оторвая моя ненаглядная... А кто лучше: я или Громов?

— Да ты, ты, — ругнулась я, чувствуя, как натурально трясутся от страха колени. — Доволен? А теперь поставь меня обратно!

— Дем, не вздумай! — раздался предупреждающий крик Игоря, но...

Усмехнувшись, Исаев разжал удерживающие меня руки.

Удара об воду я почти не почувствовала. Вмиг намокшая одежда и обувь просто потянула меня ко дну...

Сунув руки в карманы, довольный своей маленькой мстостью Исаев ухмыльнулся, глядя как по воде расходятся круги после падения рыжей.

Он ведь почти простил ей ее маленькое предательство с Громовым. В конце концов, девушку можно было понять... Такие мужчины, как Кирилл на дороге не валяются, и удержаться плохо разбирающейся в подобных людях Солнцевой оказалось сложно.

Однако не стоило так откровенно врать только ради того, чтобы он ее отпустил.

Ничего. Короткий заплыв в прохладной воде еще никому не помешал и...

И Исаев не понял, какого собственно, хрена, мимо него промчался Полонский. Молча. А после и вовсе спрыгнул в бассейн прямо в одежде и шлепанцах.

И, увы, осознание пришло только вместе с хорошим ударом кулака в челюсть в исполнении Игоря Липницкого:

— Придурок, она плавать не умеет!!

Демьян сплюнул кровь с разбитой губы. Ни сразу, далеко не сразу до него дошел смысл сказанного Игорем. Подобное просто не укладывалось в голове, звенящей после сильного удара: как девушка в ее возрасте не могла уметь плавать. Как?!

Не веря своим глазам, Исаев, находясь в состоянии какого-то ступора смотрел, как Игорь помог вытащить из бассейна бессознательную Солнцева. Подтянувшись, Полонский выбрался сам, а Липницкий в этот момент, аккуратно положив девушку на прорезиненную дорожку, судорожно искал пульс на ее шее.

Демьян смотрел и не верил. Да не могла она утонуть... не могла!

Это же университетская оторва и невообразимая ехидна, ей сам черт не страшен, не то, что обычная вода!

Однако видение Богдана, делающего искусственное дыхание бессознательной девушке, твердило на всех языках об обратном. Исаев ее только что чуть не убил... причем собственноручно!

Анька пришла в себя после первых двух вдохов. Выплюнув воду, девушка судорожно кашляла, поворачиваясь на бок. И, наверное, только тогда до Исаева дошел весь смысл произошедшего. Господи, какой он идиот...

Нет, он хуже!

Богдан, по чьим серебристым волосам стекали крупные капли, одарил его одним единственным взглядом. И Демьян понял — будет мстить. Медленно и со вкусом. И вот теперь уже по-настоящему.

Он ведь что-то испытывал к Солнцевой. И что-то гораздо более сильное, чем казалось на первый взгляд.

— Ань, жива? — обеспокоенно спросил Игорь, помогая девушке сесть. — В порядке?

Та рукой махнула, тяжело и хрипло дыша. А Полонский, ни говоря ни слова, вдруг резко притянул ее к себе и прижался лбом к ее виску, прикрыв глаза...

В лицо Исаева прилетело полотенце.

— Кровь вытри, герой-любовник, — саркастично прокомментировал свои действия появившийся в последний момент Евгений Евгеньевич. И уже гораздо громче крикнул. — Игорь, порядок?

Липницкий только отмахнулся.

— Ну, идем, поговорим, что ли, — задумчиво протянул мужчина, смотря на растерянного Исаева. — Я даже постараюсь тебя крыть не матом.

Демьян на это никак не отреагировал. Он сейчас мысленно материл себя такими словами, которые ни тренеру, ни Солнцеву, не всей банде Харлея даже и не снились.

— Ань, в порядке? — обеспокоенный Игорь пощелкал пальцами пред моим лицом, постепенно возвращая к реальности. — Голова не кружится?

— Да нет, — отрицательно мотнула головой, смахивая с лица стекающую воду, — Вроде нормально...

Но находиться в мокрой одежде и обуви — удовольствие еще то. Особенно в обуви.

Чувствуя, как все еще саднит легкие и дерет горло, я протянула руку и стянула новый ботиночек с левой ноги. Медленно вылила из него приличное количество воды и грустно протянула:

— Кир расстроится.

И вот тут-то, кажется, кого-то начало отпускать...

Первым расхохотался Богдан, растянувшись прямо на дорожке, прикрывая глаза тыльной стороной ладони. Я шмыгнула носом, вяло улыбаясь, а Игорь, усевшись на корточки, иронично протянул:

— Я с нее хренею. Она только что, блин, чуть не утонула, но ботинок ей жалко больше всего...

— Он новый, — я снова шмыгнула и вылила воду уже из второй обуви. — Вчера только Кирилл купил, чтобы я больше не болела. А сейчас домой вот так поеду и опять чихать начну...

У Игорька, кажется, глаза на лоб полезли. Абсолютно мокрый Богдан, в синей безрукавке, липнувшей к телу, резко сел, рассматривая меня. А я... мне вдруг так грустно-грустно стало.

— Отходняк, — наконец-то догадался Липицкий.

Я еще раз шмыгнула носом... и уже откровенно разревелась. Ни говоря ни слова, Богдан снова притянул меня к себе, и в дальнейшем я ревела уже прижавшись щекой к его груди. Один черт оба мокрые.

В себя пришла далеко не скоро и то лишь только тогда, когда почувствовала, что меня трясет то ли от холода, то ли от пережитого.

Сказать по чесноку, так в своей жизни я еще ни разу не пугалась!

— Так, ну все, сопли прекращаем, — преувеличено бодро скомандовал Игорек, вздергивая меня на ноги. Всучив мне огромное белое полотенце с эмблемой универа и теплую толстовку со своего эльфийского плеча, парень протянул руку Богдану, помогая тому подняться с мокрого пола, и, сунув ему такое же полотенце, подтолкнул меня в сторону одной из дверей, виднеющихся в углу. — Марш в раздевалку, выжмись, вытрись и переоденься. Не знаю, что у вас там на самом деле, но расстраивать Громова твоим насморком я тоже не хочу. Шагом марш!

И я поплелась, уныло вытирая лицо рукавом. Хоть кто-то в этом мире уважает право на личную жизнь...

В женской раздевалке я быстренько разделась и насухо обтерлась полотенцем, осторожно промакивая свежую и теперь отчаянно щиплющуюся тату. Отжала мокрую одежду, неприятно пахнущую хлоркой, волосы и с отвращением и большим трудом влезла в мокрые джинсы, понимая, что на уроки плавания, обещанные мне добрым тренером, я теперь ни ногой. Хватит, набулкалась на всю оставшуюся жизнь!

Когда над твоей головой смыкается толща ледяной воды, а ты совсем, ну совсем не умеешь плавать и даже не знаешь, как это делается — это еще пол беды. А вот когда мокрая одежда тянет тебя ко дну, при судорожном вдохе в легкие забивается вода, не давая дышать, в глазах появляются красные точки и сознание начинает уходить, ты понимаешь, что шансов выкарабкаться, в общем-то, не осталось уже никаких.

Это страшно. Это кошмарно. Это... жутко.

Спасибо, млять, любимая нехристь, я благодаря тебе культурно выразаться начала!

Собрала влажные волосы в пучок, напялила толстовку Липницкого прям на голое тело и затолкала мокрую одежду в не менее мокрый рюкзак. Моя домашняя работа... весь вчерашний день на нее угрохала!

Шмыгнув носом, подошла к висящему на стене меж стройного ряда металлических

кабинок зеркалу во весь рост и криво улыбнулась. Одна хорошая новость, товарищи! Водостойкая тушь оправдала свое название. У кого б теперь еще помаду скомуниздить, чтобы посиневшие губы замаскировать? Видок у меня — ну краше в гроб кладут!

Грустно шлепая обновленными со всех сторон ботинками, вернулась к бассейну, где и обнаружила парней. Подошла, держась подальше от бортика и, вздохнув, уткнулась носом в грудь выжатого, вытертого, полуобнаженного с накинутыми на плечи полотенцем Богдана.

— Спасибо, — тихо поблагодарила, обнимая его за талию. Хотелось крепко-крепко, да сил уже не оставалось.

— Не за что, — так же тихо ответил парень, после секундного раздумья пристроив свою ладонь у меня на макушке.

— Так, ладно, двигаем, — видя, что мы никуда не собираемся, поторопил нас Игорек и, дождавшись, пока я отлеплюсь от Полонского, поволок меня на выход, подхватив под локоток, предусмотрительно держа подальше от края бассейна.

Естественно, не успели мы выйти на улицу, как я замерзла вмиг!

— Гадство, — постучала зубами моя светлость, дорожа на парковке вместе с единственной березкой. Брелок сигнализации промок насквозь и, естественно, открывать родимого малыша не собирался.

— Ань, садись, — Богдан, накинувший куртку на голое тело, распахнул дверь своего кроссовера. — Давай-давай, а то сейчас оба примерзнем.

— Уверен? — пискнула я, но на шагок к его машине придвинулась. У него-то ключи, телефон и прочие мелочи в рюкзаке находились, стоя на «берегу», пока он сам мою захлебывавшуюся тушку вылавливал.

— Салон кожаный, — хмыкнул Полонский. Долго меня уговаривать не пришлось!

— Дан, отвезешь ее домой? — хмуро спросил Игорь, глядя куда-то обратно, в сторону универа. — А то есть у меня тут еще... пара дел.

— Биту из багажника не доставай, — усмехнулся Богдан, усаживаясь за руль. — Здесь камеры кругом.

— Я помню, — еще хмурнее отозвался Липницкий.

Я только плечами пожала, весело постукивая зубами и засовывая озябшие ладони поглубже в карманы. Игорь не дурак. Хочет разборок с собственным другом — останавливать не буду. Огрести по роже Исаев вполне заслужил, а до смертоубийства Эльфенок вряд ли опустится.

Во всяком случае, я на это надеюсь!

Ехать домой было весело! Попу припекал подогрев сидений, печка горячим воздухом обдувала лицо, зубы отбивали дробь, а сидящий рядом Богдан старался сильно не смеяться. Долетели мы на удивление быстро, сработал даже чип-ключ для шлагбаума, так что доставили меня в родные пенаты, закатившись прямо на подземную парковку.

— Спасибо, — еще раз поблагодарила я парня, приглаживая высохшие и вставшие дыбом волоски. Полонский кстати, уже не смеялся, а просто как-то серьезно и задумчиво смотрел на меня, положив руки на руль. И я вдруг озаботилась. — А ты как сам-то домой поедешь?

— Да так же, — пожал плечами Богдан и указал головой на дверь. — Иди, пока не заболела. Я позвоню вечером.

— На тапочек? Телефон-то ку-ку... И думаешь, если заболеешь, то придет мой черед работать нянькой? — вкинула я брови и фыркнула, нашаривая дверную ручку. — Э, нет, мил

человек. Вы, мне, конечно, бескрайне дороги, но у меня работа, учеба и куча живности, требующая, как ни странно, жрать и часто. Так что давай, ноги в руки и пошли. Отмоешься, согреешься, просохнешь и уже тогда поедешь.

— Ань, — насмешливо попытался возразить Богдан, но я его некулюторно перебила, выпрыгивая из машины:

— Давай-давай! Не могу ж я отказать своему спасителю в такой малости, не заставляй меня чувствовать себя виноватой. Терпеть не могу, когда мои косточки совесть обсасывает своими выбитыми зубками. Шнеле, шнеле, ай лю-лю!

— Ну, раз так, — рассмеялся Богдан и машину все-таки заглушил.

Таки ура, товарищи! Ни одно доброе дело сегодня не останется безнаказанным!

Едва попав в квартиру, в горячий душ я отправила его первым, сославшись на то, что нужно отыскать ему подходящую одежду. Богдан зубами поскрипел, но согласился. Стараясь особо не дрожать, быстренько разделась, влезла в теплый махровый халат, вооружилась табуреткой и полезла на антресоли. Где-то, помнится, оставались тут шмотки от предыдущего владельца... Розовую свободную футболку со стразами Полонский, конечно, вряд ли оценит, но вот белые спортивные штаны должны подойти.

Поскреблась в дверь, просунула штанишки, крикнула, чтобы шмотки в стиралку закинул, и поскакала на кухню ставить чайник. Не успела даже рыбок покормить, как из ванной вышел Богдан в тех самых штанах, чуть ему длинноватых, вытирая мокрые волосы полотенцем. Я проворно заняла его место.

Купалась... долго. Пока согрелась, пока шевелюру помыла, пока сама отмылась — полчаса прошло точно. А еще я никак не мола избавиться от преследовавшего меня запаха хлорки. Он был везде: на коже, на волосах, на руках... после пятого намыливания я понимала, что меня уже конкретно глючит, но избавиться от наваждения не могла. И только когда попавшее-таки на татуировку мыло стало щипать, я наконец-то решила завязать с помывочными процедурами. Отжала волосы, потянулась за вещами и замерла, осознавая одну простую истину.

У меня ведь лапки короткие, чтобы обработать мазью надпись.

Ну, японский магнитофон...

Пришлось кутаться в огромное полотенце и топать на поклон к моему вечному спасителю. Вот ей-богу, Богдан у меня просто фея-крестная из сказки, не иначе!

Прихватив заживляющую мазь, моя невесть от чего смущенная полуобнаженная натура вышла из ванной... и замерла с совершенно не эстетично отвисшей челюстью.

В прихожей, возле крайнего аквариума с памятной рыбкой стоял Полонский. С практически сухими волосами. Без полотенца. В одних штанах.

Я чуть не сглотнула, пальцами вцепившись в фиговенькое подобие собственной древнеримской тоги. Извиняюсь, конечно, сердечно, но где ж он раньше свою фигуру прятал-то?!

Подтянутый и, как я уже говорила, жилистый. Плечи... ням, по-другому и не скажешь. Отчетливо виднеющиеся сквозь загорелую кожу мышцы, сильные руки и кубики, кубики, кубики. Все красиво, все заметно и все в меру. Прямо как я люблю!

У меня как-то незаметно перехватило дыхание. Я даже сразу не сообразила, что стою и тупо пялюсь на своего друга, вдруг оказавшегося таким... сногшибательным.

И совсем не заметила еще парочку любопытных вещиц. Но ровно до тех пор, пока сам Богдан не усмехнулся, поднимая в руке одну из них, и не спросил так вкрадчиво:

— Значит, говоришь, твое знание корейского ограничено лишь просмотром дорам?

Я машинально перевела взгляд на его пальцы, между которыми была зажата книга, которую я вчера читала. Перед сном. И, поленившись, оставила ее на тумбочке. И написан этот весьма любопытный роман был на чистейшем корейском языке!

Упс...

Глава 3

— Ну как бы это, собственно, — почесала нос моя смущенная светлость, пойманная на месте преступления.

Отрицать теперь было бы глупо. Оправдываться — еще глупее. Рассказать правду? Вообще невыполнимо! Но признаться, кажется, все-таки придется... Вздохнув, я переступила с ноги на ногу, подняла голову... И расхохотавшись, едва не сползла по стенке!

— Что? — немного растерялся озадаченный моим поведением Полонский.

Конечно, он тут обличительную речь заготовил, к совести моей воззвать собрался, отчитать за вранье попытался... А я ржу, как конь на конопляном поле!

Прыснув, я расхохоталась снова и, отлепившись от стенки, подошла. Жестом попросила блондина нагнуться и, придерживая полотенце на груди, сняла с волос Богдана сопротивляющегося и возмущенно попискивающего сахарного опоссума.

— О, как, — выдал Полонский, разглядывая брыкающегося в моей руке зверька. Мельком оглядев мой в меру скромный имидж, парень иронично вскинул брови. — Новый жилец?

— И не только он, — фыркнула я и смущенно улыбнулась, поворачиваясь спиной и потрясая тубиком с мазью, локтем прижимая полотенце к груди. — Поможешь?

— Угу, — как-то обреченно отозвался Богдан.

Достав из холодильника половинку банана, я пристроила момонгу на столе и, пока живность с аппетитом принялась за угощение, уселась на табуретку, перекинув влажные волосы на грудь. Богдан пристроился сзади (как пошло звучит-то, прости осспади!) и я чуть не вздрогнула, когда его пальцы коснулись моего плеча.

Та-а-ак... А вот это уже любопытно! Гормоны-гормоны-гормончики... Шалить изволим, да баловаться?

Хотя, в такой ситуации, да в таком виде, да после всего, что произошло... Да еще теперь его пальцы так аккуратно скользят по коже, втирая мазь в свежую тату...

Мне не нужно насиловать Богдана. Мне не нужно насиловать Богдана. Не нужно, я говорю!!

— «Dum Spiro Spero», — легко и спокойно прочитал Богдан, не прекращая обработку моего «боевого ранения». Вот завидую я его спокойствию, как он умудряется, а? — Что это значит?

— Пока живу — надеюсь, — перевела я, стараясь понять: а собственно, факт, что я парня как бы не возбуждаю, меня сейчас радует или же совсем наоборот?

Эх, прав был Кир — кушать надо явно больше! Мужчины же они такие, не собаки, на кости не бросаются...

— А это? — вручив мне закрытый тубик, парень устроился на стуле напротив, кивком указывая на зверушку, с упоением догрызающую свой обед. Судя по его улыбке, животинка ему нравилась гораздо больше, чем я!

Эх... пореветь с горя в ванной, что ли?

— А это наглядное пособие о том, что не нужно стоять умильную рожицу в зоомагазине в присутствии Громова! — фыркнула я, аккуратно слезая с табуретки, придерживая собирающееся капитулировать полотенце.

Куда намылилась, тряпка поганая?! Ни видишь, френдзона у нас тут!

Быстренько переодевшись в теплые пижамные штанишки и кремовую футболку, кое-как державшуюся на одном плече, а со второго небрежно сваливающуюся, что было мне только на руку (лишний раз бедную татушечку тревожить не будет) я закинула мокрый рюкзак и шмотки в стиралку прямо к вещам Полонского. Запустила режим стирки и сушки, на батарее пристроила тетрадки и вернулась на кухню, на ходу вытрясая воду из брелка сигнализации и телефона.

В их реанимации я, если честно, очень так сомневалась, но на всякий случай оба разобрала по запчастям и в банку с рисом запихала.

— Есть хочешь? — поинтересовалась у Богдана, который с лицом мага экспериментатора наблюдал, как моя новая зверушка карабкается по его обнаженным рукам, соскальзывает, но упорно пытается забраться вверх. — Поцарапает же.

— А что она вообще от меня хочет?

Прыснув, я пересадила несчастную момонгу на почти сухую шевелюру блондина. Зверушка перемещению в пространстве обрадовалась, а вот Полонский — не особо!

— Ни-ни любит сидеть на волосах, — пояснила я, методично разграбивая содержимое холодильника. — Она за два часа научилась открывать защелку на клетке, приходится комнату теперь закрывать, чтобы она мне цветы в кружавчико не пожевала. Знаешь, как прикольно утром ее из головы вытаскивать? У-у-у... Кстати, ты ей, похоже, понравился.

— Я рад, — подперев щеку кулаком, с «восторгом» отозвался Богдан, пока моя животинка, радостно попискивая, устраивала у него на голове какое-то подобие гнезда.

Я злорадно похихикала, не без этого. Ну а чего, не одной же мне страдать! Я за эту, как ее... Добро и справедливость, во!

Выставив на стол останки вчерашнего с салата из ветчины, сыра и ананасов, и чудом оставшуюся лазанью, забралась на табуретку и радостно потерла лапки, ляпнув традиционную фразу японцев:

— Итгадакимас! — на меня в ответ так посмотрели... Я поспешила откреститься. — Не-не, никакого японского!

Еще один недоверчивый взгляд в ответ. Пришлось поспешно каяться:

— Только английский со словарем и чуть-чуть корейский. Ну, ладно, не чуть-чуть. Ну, ладно, далеко совсем не чуть-чуть, и не надо тут во мне дырку взглядом делать! Ешь давай.

Богдан хмыкнул, но комментировать не стал. С трудом снял со своих волос категорично протестующую Ни-ни, наложил себе в тарелку салата и, устроив опоссума на коленях, поделился с ним кусочком ананаса. Белка взятку одобрила.

— Обжора, — прокомментировала я сие действие. — Куда в нее столько лезет? Дан, ты тоже ешь, пока не остыло. Кир, конечно, не шеф-повар дорого ресторана, но готовит вкусно.

Блондин попробовал. Удивился. Распробовал. И спокойненько так заметил:

— Повезло тебе с родственником.

Я аж салатом подавилась!

— Кхе-кхе, — с трудом откашлялась и, запив соком, осторожно спросила, глядя на мистера невозмутимость всея универа. — А-а-а... откуда ты знаешь?

— Да брось, Ань, — равнодушно пожал плечами Полонский, спокойно принимаясь за еду. — Громов не из тех людей, кто стал бы афишировать на публику отношения со случайной любовницей. И уж тем более не разрешил бы своей официальной девушке пахать на нескольких работах и сидеть на коленях сомнительных личностей вроде меня или Харлея. Значит, ты либо его сестра, либо племянница. Подозреваю второе, ибо вчерашнего букета

роз я у тебя так и не увидел. Зато обнаружил весьма забавного питомца... Ань, такие подарки девушкам не дарят. К тому же, твоя одежда... Своим дамам Громов преподнес бы платья и украшения, а не стал бы беспокоиться, что они могут замерзнуть в холода.

— Да что ты говоришь, — ошарашено протянула я, глядя на эту... сомнительную личность номер один! — И куда же, по-твоему, исчез сей веник расчудесный?

— Вспоминая твоё настроение в понедельник, — усмехнулся Богдан. — И некоторые факты твоей биографии, тщательно подтертой Громовым... Осмелюсь предположить, что вы ездили на могилу твоей матери.

— В точку, кэп, — сухо отозвалась моя шокированная и чуточку раздавленная свалившейся на голову информации светлость. Хотя уже скорее темнота! Настроение теперь... темнее некуда.

— Один вопрос, — отложив вилку, Полонский выставил локти на стол и, переплетя пальцы, пристроил на них подбородок, смотря на растерянную меня. — Почему ты сразу не сказала?

— Богдан, не проси меня рассказывать, — мотнула я головой, невольно отводя взгляд и сжимая руки в кулаки. — Я все равно не смогу при всем своем желании. Не имею права...

— Ань, — неожиданно насмешливо перебил меня Богдан. — Я сейчас имел ввиду поездку на кладбище. Разве я когда-нибудь просил тебя рассказать абсолютно все о себе?

И тут, как говорится, пришла моя очередь тихо офигеть.

Вот же... засранчик белобрысый. Гадость светловолосая! Пакость эльфи... А нет, пardon, это уже не из той оперы.

Ах вот, значит, как, да?

Я сузила глаза, глядя, как Полонский кормит сидящую у него на коленях Ни-ни, даже не пытаясь скрыть многозначительную и веселую улыбку. Издеваться, значит, надо мной удумал, да?

Ну-ну... Как там было в том мультике-то? Я испоо-о-орчу вам праздник!

— А я уже говорила, что я тебя люблю? — подавшись вперед, с умилением спросила вся такая невинная я, хлопая не накрашенными ресничками.

О-о-о... Оказывается и воздухом можно красиво подавиться!

— И, — с трудом откашлявшись, недоверчиво посмотрел на меня Богдан. — За ж что мне такая... честь?

— Ты хотел сказать «сомнительно счастье»? — иронично вздернула я бровки, пристраивая руки под подбородком вместе с зажатой в них столовым прибором. — Договаривай, мой милый друг, раз уж заикнулся!

— Ни в одном глазу, — насмешливо, но непреклонно пошел блондин на попятную. — И все-таки? За что?

— За все, — теперь настал мой черед пожимать плечами. — Ты меня спас. Ты заботишься обо мне. Ты меня понимаешь. Ни о чем не спрашиваешь. И... не лезешь в личную жизнь. Чёрт!

Вилка была со звоном отшвырнута на стол.

Запустив ладони в волосы, я взлохматила их, невольно морщась. Как бы я не старалась отрешиться и отвлечься, поступок Исаева никак не желал идти из головы. И, если парню, отчаянно ревнующему, не умеющему себя вести с понравившейся девушкой, избалованному и нифига не соображающему от злости я еще могла найти оправдание с большой такой, хреновой натяжкой... То голубая бездна, смыкающаяся над головой и отчетливой запах

хлорки, забивающий нос вместе с водой, слишком четко стояли перед глазами.

— Ань, — неожиданно позвал меня Богдан. — А пойдём, погуляем?

Я чуть со стула не навернулась!

Какими зигзагами у него вообще логика бегаёт, а?!

— Чегось? — вылупилась я на него, как новая зубатка, которой я на полном серьёзе по дороге домой грозила «попробуй только сдохнуть, я в духовке тебя зажарю и с вином употреблю!».

Полонский, посмеиваясь, кивком головы указал на окно. А за ним, как оказалось, всюду светило яркое теплое солнышко, распугавшее своим шальным позитивом хмурые осенние тучки...

Хм, а почему бы нет, собственно?

— Так пойдёшь? — не удержавшись, прыснула я, указывая пальцем на его полуобнаженную натуру с радостно ворочающимся опоссумом на лохматой шевелюре. Эдакий пушистенький, мягонький, полосатенький завершающий образ штрих... Гламурненько! Пора подаваться в законодатели моды. Не, ну а чо? Будет писк сезона в прямом и переносном смысле! И гринпис порадует. Экономия на материале, опять же...

— А телефон мне на что? — иронично спроси Полонский.

Да уж, действительно, чего это я?

Короче, собрались мы гулять. Богдан кому-то позвонил, а через сорок минут, не успели мы докушать, периодически давясь смехом, разрабатывая новые модные направления, раздался ответный звонок. Напялив шлепанцы, дружище пошел забирать у своего водителя привезенную им одежду.

Вернулся скоро, правда не один...

Нудистов в одних штанах на моих жилых квадратных метрах как-то сразу прибавилось. Или умножилось?

— Мих, а ты откуда? — вылупилась моя светлость на отчаянно зевающего полууголого соседушку.

Мну, собственно, не понял — это у меня гормоны на почве нервных потрясений активизировались аль ребята все, как один, по осени в качалку ломанулись? Чего они тут, блин, такие все красивые и голые шастают?

— Игорь звонил, — душевно зевнул мой жених с приставкой «типа» и по-хозяйски так завладел безраздельным вниманием моей кофемашины почтенного возраста. — Половину из его слов не понял. Сказал проверить, как ты, потому что у кого-то все время занято. Что опять натворили?

— Гулять собрались! — переглянувшись, радостно выдали мы с Богданом. Честно-честно так.

— Конспираторы, — усевшись на стул вместе с кружкой, сладко зевнул Алехин и пристроил голову на сложенных руках. — Я с вами...

Мы переглянулись. Пожали плечами. А почему и нет? Третий, как говорится, не лишний, третий — запасной.

Ладушки. Теперь осталось только разбудить этого вялого гризли в период сладкой спячки!

Ну не прыгать же вокруг него, как Маша из мультика?

Невкусный кофе отправился в раковину, кофемашина принялась за капучино, я занялась поисками останков грушевого сиропа. Нашла. Набодяжила. Подсунула кружку с ароматным

напитком под самый нос соседа и, поманив за собой Богдана, отошла, наблюдая за занятым зрелищем. Жаль, только камеры под рукой не оказалось!

Михась вроде как сначала сладко спал. Но вот нос его дернулся. Едва заметно так! Потом отчетливее. Потом вообще зашевелился, поморщился, косматая голова поднялась... И парень, не открывая глаз, присосался к кружке.

Мы от хохота чуть не полегли!

Махнув рукой на это сонное безобразие, я пошла собираться и вот уже через полчаса предстала перед парнями во всей своей убойной красоте. Джинсики теплые, черные, в обличку. Кеды-ботиночки, они же марантами зовущиеся, новые и белые. Свитерок-туника до середины бедра и с рукавами, прикрывающими костяшки пальцев тоже беленький, мягонький. Короче, красотень со всех сторон!

— Ну, Мих! — застонала разочарованная я, ожидающая совсем иной реакции.

Ибо мой соседка, не смотря на выпитый напиток, все равно спатеньки улечься изволил! Прямо за столом!

Нудную песенку с прыжками вокруг него и с завываниями на тему: «поиграй со мноо-о-ю, поиграй со мно-о-ою» я все-таки исполнила.

Жестокий и коварный способ, проняло даже вечно невозмутимого Богдана!

Обреченно застав, Алехин ласково попросил заткнуть рыжее неугомонное чудище в лице меня любимой, и уныло потопал переодеваться.

Встретились уже на парковке, где мое нетерпеливое высочество активно подпрыгивало с сигаретой в зубах, ожидая явление любимого директора, если и не заснувшего в процессе одевания, то по чистой случайности!

Не заснул, явился. Морда сонная, волосы кое-как прилизаны, на ногах камуфляж и берцы, наверху футболка с волками и теплая черная куртка с белой опушкой. В ладони ключи, на шее дорогой хороший фотоаппарат, а во взгляде вопрос, заданный самым разнесчастным тоном: «И на кой хрен я вообще сюда приперся?».

То-то, Лександрыч! Надо сначала думать, а потом делать! А лучше вовсе сначала проснуться, потом подумать, а потом уже сделать.

Но все мы если и умны, то исключительно задним числом. А то и задним местом!

Короче, почикали мы на досуге и сговорились ехать на набережную. Моего малыша решили позже забрать, дабы я не отставала от парней в процессе поездки. Попыталась обидится... не дали, сволочи. Молча поржали, загрузили в серебристую «Ауди» и понеслась, как говорится, душа в рай, а печень в отключку.

Не, мы не пили. И даже не пробовали. Более того, даже не заикались! И без алкоголя как-то вдруг нашлось и впечатление, и настроение, и приключения на пятую точку.

Началось все с того, что возле парковке на набережной мой взгляд зацепился за новый магазинчик автоаксессуаров, а взгляд Михи за кофейню. Постояли, поспорили. Плюнули и разошлись в разные стороны. Но! Моя-таки взяла, потому как Богдан увязался за мной, справедливо опасаясь, что я скуплю половину ассортимента, дабы побаловать моего единственного, неповторимого, незабываемого, шикарного во всех смыслах мужчину... одиноко стоявшему сейчас на парковке университета. Да-да, речь шла о моем автомобиле, а вы о чем подумали?

Короче, Богдан о своем маршруте не пожалел ни капельки! Наоборот, он даже вполне активно поучаствовал в заселении маленькой, но приятной и милой свинки, которую решила подложить коварная я своему гадкому соседке.

Михась, по возвращению их кофейни, впал в состояние некой прострации, разглядывая наклейку во все заднее стекло своего «Хаммера», медленно и задумчиво потягивая кофе через трубочку из высокого картонного стакана. Я, подхихикивая, честно пряталась за спиной Богдана, блондин, в свою очередь, героически скрывал меня за своим надежным телом, пытаясь сохранить серьезное выражение лица. А получалось сие с большим трудом...

Ибо на Лексадрыча с большой высоты смотрел... енот. Симпатичной такой, рисованной внешности, откровенно бандитской наружности, с трубочкой в зубах и стаканчиком в лапах. И сбоку приметная надпись: «I'm Enot. You are not»!

Ну не смогла удержаться моя светлость... от слов никак и совершенно!

В конце концов, Мих, одарив меня укоризненным взглядом, махнул рукой... но наклейку оставил.

И тем самым дал мне полный и безоговорочный карт-бланш на развлечения моей буйной по всем направлениям натуры. Что было дальше — слов нет одни эмоции. Соседушка сам-то по большей части фотографированием природы и нас красивых и неповторимых занимался, а мы же с Богданом... Чудили. Много и со вкусом! Дальнейшие наши приключения на городской набережной можно было смело заносить в анналы истории с красочной припиской «как делать не надо!».

Короче, один сплошной ай-я-яй, караул и вай-вай-вай, но с обязательным подведением итогов после каждого нашего злключения.

Перво-наперво решили мы покататься на роликах. Да осень, да холодно, да, прохожие пальцами у висков покрутили. Но кого это остановило? Покатались. Врезались все втроем и друг в друга. Богдан порвал штаны на коленке, я отбила копчик, а Мишка чуть не разбил фотоаппарат.

Итог: перекурили, подумали, полюбовались на перекошенные моськи на экране, нежно погладили чудом уцелевший фотоаппарат, решили больше так не делать и пошли сдавать взятые на прокат коньки обратно.

Потом стукнуло нам в голову, значит, уточек покормить. Оббежали весь ближайший район, отыскиали магазин, загрузились хлебушком по самые маковки и пошли сеять добро и еду в массы. Половину честно скормили прожорливой стае. Затем я едва не бултыхнулась в воду, Богдан перепугался, отодвинул меня подальше и остатки угощения докармливал уже сам. Насупилась. Достала из кармана кожаной куртки заныканную булочку и принялась тормозить вялого гусака, дремлющего с самого края. Птичка, спрятавшая голову под крыло, просыпаться даже ради халявной кормежки не собиралась, но моя настойчивость была неумолима! Короче, птичку, до боли напоминающего моего соседушку, занимающегося в этот момент фотоохотой, я все-таки разбудила.

Итог: громко повизгивая, по набережной удирали от разъяренного гусака мы оба. Алехин, посмеивающийся в стороне, ехидно прокомментировал сие действие, отдельно отметив, что мой характер только гусю по нутру и пришелся, и вообще, какая я нехорошая, способна довести до белого каления даже бедную птичку... Короче, следующим драпал уже Мих.

Набегались. Упали толпой на лавочку, решили оставить страшную мсю на потом, и вывесить белые трусея в знак примирения и перекура. Лександрыч обиделся и трусея не дал. Обменявшись ехидными взглядами, мы с Богданом принялись обсуждать владельца клуба... на корейском языке. Хихикали. Михаил дулся, но ничего не понимал. Сердито пыхтел сигаретой и делал вид, что ничего не слышит и нас тут вообще как бы и не

существует.

Договорились. Подбежала стайка девушек и на ломанном английском попросила с ними сфотографироваться. Мы обалдели, Александрович, знающий английский в совершенстве, радостно поржал. Ладно, сфотографировались. Девчата на всем том же корявом языке восхитились, какие мы милые, какая мы хорошая парочка, как чудно смотримся и какая редкость вообще встретить в Сибири настоящих корейцев. «Настоящие корейцы» офигели. И, переглянувшись, в ответ на вопрос, как нас зовут и откуда мы родом, выдали одновременно чистое и исконно-русское: «Чё?».

На нас обиделись. Сильно! Гоняли между елок снятыми перчатками. Я хохотала, Лександрыч ржал, Богдан пытался спрятаться. За спину. Мою!

Итог? А в итоге помирились. Ошибки признали, руки пожали и мирно разошлись. Ну почти: на прощание одна из девушек, смущенно улыбаясь, попросила номерок.

Мой. Вот тут ругалась уже я под дикий хохот остальных!

Ладушки. Похихикали, как говорится, и дальше отправились.

Проголодались. Решили заткнуть ворчащего в животе червячка в ближайшей летней кафешке, не закрытой лишь каким-то чудом. Прорезиненный тент, натянутый куполом, доверия не внушал, а вот умопомрачительный запах шашлыков — очень даже! Короче, помялись, переглянулись, решились. Когда зашли внутри и устроились за грязным пластиковым столиком, поняли, что зря. Из посетителей в углу дремал только пьяный байкер бородатый, трогательно пристроивший круглое пузико на коленках, а владелец сия ресторана со звездочкой Мишлен, акромья как «шашлик гост хочэт, да?» ничего внятного сказать не мог. Хотели свалить, но желудки хором напомнили, что «шашлик»-то нам как раз нам и нужен, а столик с грязью, так уж и быть, никто нас есть не заставляет. Задумались. А пока шел бурный мыслительный процесс, проснулся пьяный байкер. Огляделся, потянулся и, шмякнув по коленке, заказал себе «рыжую вон ту». И пива.

Основное блюдо пошло в категорический отказ, но пива принесли. Мих поржал. Сказал, что мол, судьба. В отместку заказала ему кофе три в одном, аж два стакана. Замолк. А невытая фигня, жажнув мутного напитка, утерла бороденку и пошла, значится, заказ свой исполнять.

Пришел, стоит такой, качается, пузико на край стола пристроил, глазки поросячьи сузил, руки в боки упер — соблазняет, мать его! Не соблазнилась. Пожалела, что рядом нет бутылки с вискарем, послала так.

Чувак не оценил. Сказал, что дерзких любит, но стервь манерам надо поучить. Ага, поучил — вмешался Миха. Послал... туда, куда мужчинке по возрасту ходить не стоит. Пузан поржал, сказал, мол, так и быть, брат меньший остается, рыжухе можно раздеваться, а вот третий вон отседова пошел.

Третий в лице Полонского не оценил. Подумал. Посмотрел на принесенный шашлычок. На мясистую лапу байкера, что тот на плечико мое положить изволил... и так ласково предупредил, что дальше лезть не стоит. Что он голодный, злой, да и вообще, устал немного. Я даже поддакнула и лапку этого Делона со своего тела сбросила. А он обиделся, прикиньте? Хвать, меня, значит, за волосы невымытыми руками... Ну тут Богдан и выдал. Не, он даже не ругался! Но шампур в лапищу байкера, что на столике лежала, вошел на удивление легко. А вой стоя-я-я-ял...

Итог: драпали мы дружно. Поесть, конечно, не поели, зато согрелись чудно!

Набегались. Но пешим шагом топать стали километра через два.

К тому времени стемнело и моя требующая сатисфакции алчная душонка захотела, значит, на колесо обозрения забраться и округу, да во мраке осмотреть. Надувшийся Лександрыч позиции свои сдавать не собирался, а потому, стоило засесть в открытую кабинку, мне тут же выдали мороженку, рядом с Богданом усадили и бурный романтик на камеру изобразить велели!

Ну, сию, азартно жую на холоде клубничный рожок, в несознанку ушла, под дуру романтишную косить не собираюсь. Фигушки. На самый верх поднялись, глаза вбок кошу — блондин так медленно-медленно наклоняется, губами щеки моей касается, языком капельку джема слизывает... Вздрогнув, колесо напрочь останавливается!

С перепугу подпрыгиваю и щедро обмазываю мороженным весь нос Богдана. Тот ржет, притворно сокрушаясь, что вся романтика насмарку. Сердито шлепнула его по голове пачкой влажных салфеток, и полезла смотреть, что же там внизу такое приключилось. Посмотрела. А еще оценила, испугалась, завизжала и запрыгнула на колени к Полонскому с его немойтой моськой. В шею вцепилась, зубами клацнула, к груди прижалась — сию, значит, трясусь... Тот оттерся, посмеялся, трусихой обозвал, скинул меня на сидение и полез смотреть сам...

Итог: до конца поездки тряслись мы оба. В обнимку. На полу!

А Миха ржал... ну кто бы сомневался!

Спустились, замерзли, решили перебраться поближе к народу, да найти чего-нибудь согревающего и желательного без градуса. Не нашли — застряли нафиг на центральной улице города. Михась, значит, неоновые вывески на камеру снимает, девчонкам проходим подмигивает, а мне вдруг скучно стало так... Узрела памятник Сергеевичу, который Пушкин Александр, полезла, значит, фоткаться. Залезла. Пристроилась на пузе на цилиндре на буйных кудряшках поэта, болтая ногами в воздухе, Михей послушно щелкун. Слезать стала — холодные ладошки с гадкими, непослушными пальцами с бронзовой статуи соскользнули. Навернулась. Богдан поймал. Переглянулись. Хором вздохнули и решили помянуть безвременно почивший, разбитый об брусчатку мобильник Полонского в ближайшей кофейне.

Итог: Лександрыч признал, что с нами весело, но на самом деле мы придурки еще те. И сознавшись, что еще одна кружка кофейку у него булькать будет на уровне ушей, отчалил до хаты. Досыпать.

Кофейню мы все-таки нашли. Заказали фруктовый глинтвейн, посетовали на соседку, пропускающего такую вкуснятину, решили заесть горечь разлуки чизкейком. Не поделили вкусняшку, обиделись, почти передрались... Мирились сладким пудингом. Официантка строила глазки Богдану, я в отместку — бармену.

Итог: тихо хихикая, смотрели, как ругаются бармен с официанткой, на проверку оказавшиеся невестой с женихом. Смущенно ойкнули, сыпанули чаевых, забацали селфи, и тактично удалились.

Зашли в первый попавшийся салон связи, попали перед самым закрытием, довели до заикания продавщиц, но по мобилке себе выбрали. Дружище мой героя строил, оплатить мой смартфон пытался, по макушке светловолосой получил и успокоился. Надулся. Мирились креативно: на моих ключах повис бордовый мишка с шипами на пузе, а на мобилке Богдана его темнейшество Дарт Вейдер, формата очень-очень мини.

— А почему он? — недоуменно спросил Богдан, тыкая в игрушку пальцем и смотря как ручки-ножки-голова трясутся отдельно от своего несчастного владельца.

— Переходи на сторону зла, — тихо хрюкнула я. — Там есть печеньки!

Полонский опять ничего не понял, но с умным видом покивал. На том и порешили.

Уже поздним вечером, почти что ночью, лежа в теплой, уютной постельке, зная, что лично доставленная мною машина стоит на парковке, и слыша, как в волосах устраивается на ночлег моя Ни-ни, я осознала очередных две вещи.

Первая: я ни разу не вспомнила о произошедшем за последние несколько часов. Более того, теперь события в бассейне казались до ужаса смешными, смазанными и вообще неправдоподобными.

И второе... Я внезапно пожалела, что с Богданом у меня исключительно френдзона.

Очень пожалела.

И, что самое обидное, я даже не знала, почему вдруг на самом деле стала об этом жалеть. Ну не из-за того же, что он меня спас, на личное пространство не претендовал, некую мою тайну узнал, еще и дух мой бунтарский поднял!

Или же все-таки именно из-за этого?

Как знать.

— Вай-вай-вай, какие люди, — язвительно отозвался сидящий на багажнике своей машины Липницкий, едва Демьян вышел из припаркованного авто. — Блатным всегда солнце светит?

— Очень смешно, — хмыкнул Исаев, с хлопком закрывая дверь. Прислонившись к ней спиной, он щелкнул брелком сигнализации и, не выдержав ироничный и любопытствующий взгляд Полонского, раздраженно сдернул с носа солнцезащитные очки, которые были на нем, не смотря на пасмурное небо. — Ладно, доволен?

Богдан удивленно присвистнул. А красиво Липницкий нечестивца отделал, что ни говори...

— Сам виноват, — спокойно пожал плечами Игорь, ни капли не стыдившийся своего поступка.

— Это я уже понял, — махнул рукой Демьян, потянувшись рукой к карману в поисках сигарет. И ругнулся сквозь зубы, сморщившись от боли.

— Дем, я тебе только по лицу съездил, — недоуменно выгнул брови Игорек, глядя как шатен приложил руку к животу сбоку, там, где ориентировочно находилась печень.

— Ты — да, — мрачно усмехнулся Исаев, все-таки закуривая.

Липницкий недоуменно посмотрел на Полонского. Тот нахмурился, отрицательно качнул головой.

И тогда до Игоря дошло:

— Громов!

Исаев кисло улыбнулся. Именно. Глупо было бы считать, что такой человек, как Кирилл Громов, оставит подобное происшествие без ответа. И еще глупее было бы предполагать, что он о нем вообще ничего не узнает!

И все-таки, когда в тот вечер, после случая в бассейне, внизу раздался какой-то шум, Демьян невольно насторожился. Отец давно уже должен был приехать в аэропорт, а кроме самого Исаева-младшего, да нескольких человек прислуги, в их небольшом особняке за чертой города никого быть было не должно. Недоумевая, что могло произойти, Демьян покинул свою комнату, вышел в коридор и остановился возле самой лестницы, откровенно охреневая над ситуацией.

Вся его охрана в количестве семи человек лежала в большом холле, неэтично уткнувшись лицами в пол, прижимаемая сверху людьми в камуфляже и черных масках, без каких либо привычных опознавательных знаков.

Ни ФСБ, ни ОМОН, ни даже СОБР к данному инциденту не имели никакого отношения.

Истинный зачинщик веселого маски-шоу появился пару секунд спустя, со спокойным и равнодушным лицом перешагнув через начальника охраны, валяющегося у самого порога.

— Доброй ночи, Кирилл Станиславович, — меланхолично поздоровался стоящий на втором этаже Исаев.

В том, что он крупно попал, он понял еще до того как мужчина, подняв голову, просто молча усмехнулся.

Сунув руки в карманы домашних спортивных штанов, Демьян спустился по лестнице. Он не сомневался, по чью именно душу явился Громов, как и не лелеял надежды уйти от ответственности. Да и бежать сейчас было бы откровенно глупо и совершенно по-детски.

Хватит, наребьчился уже.

За свои поступки Исаев привык отвечать.

Надо отдать должное мужчине, он не стал размениваться на долгие разговоры и чтение моралей. Нет, у него был свой, совершенно иной подход!

Стоило только Демьяну поравняться с Громовым, как парень согнулся от удара под дых. А пока судорожно хватал ртом воздух, Кирилл ухватил его за плечо, наклонился, надавливая пальцами под ключицу, и спокойно произнес:

— Значит так. Я не будет объяснять, где и в чем конкретно ты был не прав. Мальчик ты не глупый, наверняка, уже сам все прекрасно осознал. Ты лучше других знаешь, что второй раз я не предупреждаю... И если ты хоть раз еще обидишь ее словом или делом, я просто оторву тебе голову, не взирая на твои деньги, статус, регалии и то, что я работаю на твоего отца. Это понятно?

— Вполне, — хрипло отозвался Исаев, чувствуя, как от боли перед глазами прыгают разноцветные пятна.

— Чудно, — откликнулся Громов и стальная хватка, фактически выламывающая ключицу, исчезла. Демьян с трудом сдержался, чтобы не отшатнуться, когда мужчина, невозмутимо похлопав его по плечу, направился обратно к распахнутой входной двери.

— А, и еще, Дем, — остановившись, Громов бросил через плечо. — Пора бы уже повзрослеть. Рыж слюнявых мальчиков не любит. Соверши уже, наконец, хоть один мужской поступок.

— Например? — криво усмехнулся Исаев, зажимая горевшее огнем плечо.

— Начни хотя бы с извинений, — улыбнулся мужчина и, сунув руки в карман дорогого коричневого пальто, шагнул за порог. А спустя две минуты спокойно и беззвучно отступили его люди. Даже дверь за собой тактично прикрыли.

О том, что произошло, напоминала лишь охрана, стонущая на полу, да адская боль в ключице и районе печени.

— Где она? — отстраняясь от воспоминаний, дернул Исаев здоровым плечом, глядев парковку. Знакомая черная «Тайота» стояла на привычном месте, значит, рыжая была в универе. Однако бегать по всему студенческому городку в поисках девушки не было ни желания, ни возможности — он просто не знал, в какой именно группе она учится. А значит, расписание занятий в данном конкретном случае ему бы никак не помогло.

— Ему Громов последние мозги отбил, что ли? — посмотрев на озадаченного Полонского, ошеломленно произнес Игорек и нахмурился. — Дем, не надоело, нет? Опять мстить собрался?

— Игорь, просто скажи, где Солнцева, — мрачно процедил Исаев, вынужденный упрашивать сокурсников о подобных вещах. Вчера он не был в универе — сначала отходил от визита Громова, а потом был вынужден оправдываться перед отцом, которому позвонила перепуганная домработница с криками, что его сына тут убивают. Исаев-старший, конечно, заподозрил связь в случившемся с внезапной просьбой начальника охраны отложить полет, но кажется, Демьяну при личной встрече удалось переубедить его в обратном. Но время было упущено.

— А зачем тебе она? — холодно поинтересовался Богдан, раскуривая привычную ароматизированную сигарету.

— Извиниться хочу, — поморщившись, признался Демьян.

Липницкий с Полонским закашлялись одновременно!

— Смотри-ка, а Громов-то, оказывается, чудеса творить умеет! — уважительно протянул Игорек, доставая из кармана телефон. Однако набирать номер не торопился, просто прокрутил смартфон в пальцах. — Или горбатого все-таки только могила исправит, и ты нам сейчас красиво лапшу на уши вешать пытаешься?

— Игорь, хватит, — шатен устало провел пальцами по волосам. — Я не собираюсь ей мстить. Я накосячил, я это осознал, и я просто хочу извиниться. Не веришь — твои проблемы.

— Вот даже как, — задумчиво постучал пальцами по подбородку Липницкий и, усмехнувшись, поинтересовался у якобы равнодушного Полонского. — Ну что, дадим последний шанс?

— Если только разговор будет проходить подальше от бассейна, — насмешливо откликнулся Богдан, туша окурок подошвой ботинка.

Исаев скрипнул зубами, но промолчал. Полонский знал, куда бить, да только Демьяну на этот раз крыть было нечем.

— Лёль? Привет, моя, — тем временем Игорек-таки взялся за телефонный звонок, как и всегда невольно расплываясь в улыбке, стоило только услышать голос его девушки. — А вы где? Нет, солнышко, я не пил. И даже не похмелялся! Я знаю, что ты в универе и помню, что мы сегодня уже виделись. Я спрашиваю, в каком именно ты корпусе?.. Ага, понял. А чудище рядом? Угу. Ну, ждите гостя с извинениями... Да-да, того самого! Не, не кирпич на голову, кое-кто покруче... Ага, я знал, что ты догадаешься. Ладно, жду после занятий.

— Эконом. фак, второй этаж, двести первая аудитория, рыжая в плохом настроении, — крутанув мобильник, усмехнулся Липницкий и спрыгнул с машины. — Рискнешь?

— Если успеешь, — насмешливо добавил Полонский, мельком взглянув на спортивные часы на запястье. Одновременно со стороны корпуса, занимаемого экономистами, раздался звонок, возвещающий о начале второго занятия.

Круто развернувшись на пятках, Исаев направился в туда, не обращая внимания на посмеивающихся друзей. У них пара должны была начаться совершенно в другой стороне. Однако Демьян, в отличие от Игоря и Богдана, сегодня снова собирался прогулять.

К его счастью, на втором этаже все еще было шумно — преподаватель задержался, и нужная ему группа как раз только заходила в кабинет. Увидев парня, Алена невольно нахмурилась, но махнула рукой в сторону окна, возле которого, подпирая стенку, стояла его хмурая рыжая беда.

Не глядя на него, девушка оттолкнулась и хотела последовать в кабинет за остальными, но Исаев остановил ее, уперев вытянутую руку в стену, просто-напросто перегородив дорогу.

— Нехристь, чего тебе надо? — вздохнув, Солнцева подняла голову, и устало попросила. — Исчезни, а? Хотя бы на сегодня.

— Ань, я... — начал вдруг Демьян, но осекся, рассмотрев лицо девушки.

Он лично своими глазами видел, как ее откачал Полонский, но, не смотря на то, что события в бассейне произошли аж позавчера, выглядела сейчас рыжая как самый настоящий утопленник! Землисто-бледная кожа, слишком яркие веснушки, черные круги под глазами, посиневшие губы и осунувшееся лицо. Нет, она и раньше после суток на мойке красотой не блистала, но чтобы до такой степени...

Исаев отбитой печенью чувал — что-то произошло.

— Высказался? — хмыкнула Аня, поправляя лямки рюкзака. Отпихнув ладонями его руку, она сделал шаг в сторону кабинета. — Содержательно. А теперь дай пройти!

— Да подожди ты! — сбросив оцепенение, Исаев вернул Солнцева в изначальное положение, но на сей раз уперся ладонями в стену уже по обе стороны лица, но не как акт агрессии со своей стороны. Он просто понимал, что иначе девушка уйдет и слушать его не станет. Он даже шагнул вперед, оставляя меньше места для маневра, правда случайно наступил Ане на ногу...

И он не никак не ожидал, что Солнцева вдруг вскрикнет, ее лицо исказит гримаса боли, из глаз ее хлынут самые настоящие слезы, и она просто сползет по стенке на пол!

Какого... хрена? Сейчас-то он что натворить умудрился?!

— А-а-ань, — с толикой паники протянул Исаев, смотря как сидящая на полу Солнцева роняет слезы, закусив губу, ногтями царапая по полу. При этом девушка заметно дрожала, но говорить она, кажется, ничего не собиралась. Впрочем, о том, что кое-кто сейчас пытается не зареветь в голос от боли, а не внезапно растрогавшись его поступком, Демьян вполне догадался и сам!

Быстро прокрутил в голове последние события, машинально перевел взгляд на ноги девушки... и выругался вслух.

На легких не по погоде, тонких белых кедах быстро расплывалось кроваво-красное пятно!

— Бл*ть! — коротко, но емко высказался Исаев и, опустившись на одно колено, принялся аккуратно расшнуровывать обувь. Солнцева попыталась было отдернуть ногу, но парень, рыкнув, придержал ее за лодыжку. — Сиди и не дергайся!

Та замерла. Вытянув шнурок, Демьян как можно осторожнее снял обувь с правой ноги, стянул окровавленный, некогда белый носок... и почувствовал, как его потрянуло. На пальцах девушки не было кожи. Вот просто не было! Не пострадал, вроде, только мизинец, но в остальном казалось, будто кожу вместе с мясом просто сходу срезали чем-то острым!

На всякий случай Исаев разул и вторую ногу, и она, к счастью, оказалась невредимой.

— У меня только два вопроса, — сжав зубы, медленно процедил парень, тщетно пытаясь взять себя в руки. Он чувствовал, как его трясет от ярости. Вот так вот неожиданно, но конкретно трясет!

— Как и на хрена? — вытирая слезы тыльной стороной ладони, шмыгнув носом, попыталась хихикнуть рыжая. Исаев юмор не оценил.

— Нет, бл*! — рявкнул Демьян и, поднявшись, со злости зашвырнул испорченную обувь вместе с носками в ближайшую мусорку. — Кто и какого хрена ты до сих пор не в больнице?!

— Производственная травма, — хмыкнула в ответ Солнцева и снова шмыгнула носом. — Потому и не в больнице.

У Исаева просто слов не нашлось. Во же... оторва рыжая! Чудище глупое! Девчонка ненормальная! Ду...

А вот тут пришлось мысленно заткнуться, потому как зайти в своих фантазиях парень мог очень далеко и крайне нецензурно. И не факт, что сдержался бы и не высказал все это вслух!

Чертыхнувшись, парень наклонился и, просунув одну руку под лямки рюкзака, вторую под коленки и, не обращая внимания на возмущенный писк, поднял Солнцева на руки. Девушка таким положением вещей вряд ли осталась довольная, да только на сей раз ее уж точно никто не спрашивал! Но и промолчать, естественно, оказалось выше ее сил.

— В бассейн понес? — ехидно поинтересовалась его постоянная ходячая головная боль, складывая руку на груди. Точнее уже не совсем ходячая, но исправно наживающая себе неприятности на энное место!

— Замолчи, — сжав зубы, резко откликнулся Демьян, спускаясь по ступенькам. — Сейчас я как никогда близок, чтобы тебя натурально придушить. И поверь, на этот раз меня оправдают абсолютно все твои друзья, в том числе и Громов!

Рыжая покорно умолкла. И даже обняла его за шею.

Вот... не была бы ситуация такой патовой, Исаев бы даже порадовался!

А пока, все, что ему оставалось, это донести Солнцеву до своей машины и отвезти в больницу, отчаянно пытаясь по дороге не прибить ее за самоуправство, безалаберность и наплевательское отношение к собственному здоровью! И в этот раз он даже не опасался ее родственника, уже тонко намекнувшего, что он сделает с парнем, если с ее головы упадет хотя бы волос.

Сказать по правде, о предупреждении Кирилла он сейчас вспоминал меньше всего. Его куда более заботило состояние бледной Ани, сидящей на заднем сидении, вытянув босые ноги.

— Когда? — немного остыв, спросил парень, остановившись на запрещающем сигнале светофора и посмотрев в зеркало заднего вида.

— Ночью, — вздохнув, призналась-таки Солнцева, доставая из кармана сигареты и опуская стекло. — Решила коврик постирать. Резиновых сапог подходящего размера для моих лапок не нашлось, напялила шлепанцы. А в процессе, как говорится, писец подкрался незаметно. В прямом смысле. Ну и... постирала, как видишь.

— И что же за писец такой слишком умный? — усмехнулся парень тоном, не предвещающим ничего хорошего. И рыжая это поняла. Наверняка, потому и предпочла тактично обойти острую тему:

— Да просто поздний клиент. Заехал в бокс позади меня и посигналил. Ну, я и подпрыгнула от неожиданности, а отбойник по ноге.

— Я даже где-то верю, — насмешливо протянул в ответ Исаев.

А для себя отметил найти этого умника и объяснить, в чем конкретно тот был не прав.

О том, что еще не так давно он сам совершил куда худшую... оплошность, парень старался не думать. В конце концов, для того, чтобы извлечь урок из собственных ошибок, мозгов у него всегда хватало.

Припарковавшись у хорошей частной клиники, Демьян, не слушая возражений Солнцевой, отнес ее на руках в помещение, где и сдал ее под опеку знакомому врачу, с которым успел связаться по дороге, коротко обрисовав ситуацию. Осмотрев рану хмурой девушки, молодой мужчина присвистнул, позвал медсестру с коляской и отправил вечную катастрофу на рентген, а Исаева попросил подождать в коридоре.

Вышел из кабинета минут через сорок, вытирая руки одноразовым полотенцем и чему-то усмехаясь.

— Ну, забирай свою звезду, — качая головой, улыбнулся врач, который, к слову, выглядел ровесником Демьяна, но был на десять лет старше. — Жить будет, и, судя по характеру, скорое всего недолго, но весело.

— Ругалась? — догадался парень, поднимаясь с удобной мягкой скамеечки. — Надеюсь, хоть не матом?

— Оу, что ты! — хохотнул врач. — Вполне культурно и местами даже забавно.

Медсестра, конечно, шокировалась, но мой аспирант остался в восторге. Даже номерок ее спросил. Лично мне особо приглянулась фраза про священный градусник и пресвятую целительную клизму. Где ты ее откопал?

— Клизму? — иронично вскинул брови Исаев.

— И ее тоже! — расхохотался медик. И насмешливо поинтересовался, — Это, как я понимаю, заразно?

— Более чем, — хмыкнул Демьян, суну руки в карманы брюк. — И с лечением не поможешь даже ты. Спасибо, Глеб, вырчил. Сколько я тебе должен?

— Сочтемся, — махнул рукой врач по имени Глеб и, вытащив из нагрудного кармана белоснежного халата рецепт, протянул его парню. — Возьми рецепт. Я там все расписал, как, когда и чем обрабатывать. Кости и суставы не задеты, рана хоть неприятная, но неглубокая, а кожа — дело наживное. Недельку похромает, через две уже бегать будет.

— Наивный ты, Глеб, — хмыкнул Исаев, машинально покосившись на закрытую дверь кабинета. — Она уже завтра на работу поскачет.

— А вот это бы я искренне не советовал, — мигмом нахмурился медик, проведя ладонью по короткому ежику темных волос. — У нее общее истощение организма видно невооруженным глазом. Так что пару дней хорошего отдыха, полноценный сон и никакой нагрузки на ногу. И алкоголя. А потом пускай ковыляет потихоньку, но без энтузиазма.

— Боюсь для этого мне понадобится пристегнуть ее к батарее, — саркастично отозвался Демьян, понимая, что на сей раз даже не лукавит. Ибо его ненаглядную оторву сможет остановить только ударная доза успокоительного вместе со снотворным. И то не факт, что она во сне что-нибудь не отчебучит!

— Наручники дать? — почти серьезно поинтересовался Глеб, но в его зеленых глазах плясали чертики.

— Обойдусь, — хмыкнул парень, протягивая руку. — Спасибо еще раз.

Обращаясь, — ответил рукопожатием мужчина и удалился, заложив ручку за ухо и насвистывая что-то веселое себе под нос.

Помассировав переносицу, Исаев толкнул дверь в процедурную, где на кушетке заканчивали перевязку рыжей неприятности, пребывающей в самом дурном расположении духа. Она зорко бдила за действиями медсестры, скрестив руки под грудью, но хоть перестала выглядеть как оживший труп.

Уже хоть что-то.

— Жить буду? — хмуро спросила заметившая его появление Солнцева, не отрывая взгляда от явно обиженной на что-то медсестры, которая явно торопилась закончить такое неблагодарное дело, как обработку раны не в меру ехидного создания. Нет, Аня хамила редко... и исключительно в тех случаях, когда ее умудрялись откровенно довести!

Исаев даже не сомневался, что за то время, пока он был в коридоре, маленькая нахалка снова умудрилась во что-то вляпаться.

Нет, она уже не оторва. Она просто какая-то одна сплошная беда!

— Недолго, но весело, — усмехнулся Исаев и, дождавшись пока отойдет поджимающая губы медсестра вместе со своей тележкой, подошел ближе, протягивая ей листок с рецептом. — Держи. Здесь описано, как, чем и сколько обрабатывать.

— Спасибо, — хмуро проговорила Аня и спросила, поднимая голову. — Сколько я тебе должна?

— Пять тысяч баксов и виллу на Канарах, — не удержался Демьян от ехидства. Но

заметив недовольный взгляд, добавил уже куда спокойнее, попутно поднимая девушку на руки. — Рыж, успокойся. Никто никому ничего не должен.

— Ага, а там по коридору розовые единороги бегают! — ядовито отозвалась эта... ехидна, привычно складывая руки на груди. — Не смешно, Исаев. Халявы не существует.

Парень решил промолчать. Ну так, ради разнообразия!

Пикироваться сейчас, а тем более выяснять отношения при свидетелях ему не хотелось абсолютно. Но Солнцева была мрачнее грозовой тучи и явно ждала от него ответа. И потому, как только они оказались на парковке, Демьян поставил ногу на подожку своего авто и, усадив на нее рыжую, прояснил ситуацию, доставая ключи:

— Ань, угомонись. В свое время я помог Глебу с открытием клиники, теперь он иногда выручает меня. Помощь тебе ничего не стоила ни мне, ни ему. Еще вопросы есть?

— А... — открыла было рот Солнцева, но Исаев ее перебил, поднося к открытой двери автомобиля:

— Вот и чудненько!

И просто сгрузив ее на заднее сидение, захлопнул дверь.

Иногда по-другому с этим выносимым созданием разговаривать просто не стоило!

Девушка дулась всю дорогу до ее дома. Прекрасно помня ее красочный рассказ о получении жилья в «Росах», а так же памятуя, где проживал бывший одноклассник, Демьян довез Аню прямо до дома, благо ключи у той оказались в кармане тонкой меховой жилетки. И только сейчас парень сообразил, что девушка все это время находилась босиком, а октябрь погодой пока не слишком радовал.

Однако лезть и проверять, насколько заledenели ее ступни, Исаев проверять не стал, а просто припарковался фактически у самого подъезда. Подъем на пятый этаж особой проблемой не стал, и уже через пять минут Аня соскользнула с его рук на порог квартиры... и замерла, стоя на одной ноге.

Демьян удивленно вскинул брови — вроде на чай он напрашиваться не собирался. Да и стоило ли ожидать подобного от рыжей? Нет, чашку-то она, может и предложит, но исключительно об его голову. А если чай, то с цианидом... Ну или что там у нее еще в запасе окажется?

— Ты... — смущенно протянула Солнцева. Но не успел Исаев удивиться, как она сердито одернула жилетку и замолчала.

— Спасибо? — подсказал Демьян, пытаясь сдержать смех. Уж слишком забавно выглядела оторва всея универа, пытающаяся выдать слова благодарности в адрес ненавистного нечестивца.

— Типа того, — вздохнула Аня. И даже улыбнулась. Смущенно!

— Не за что, — как можно невозмутимее отозвался парень и, пожав плечами, развернулся к лестнице, бросив напоследок через плечо. — Постарайся отдохнуть.

— Угу, — шокировано протянула рыжая, которая, по вей видимости, ожидала от него чего-то больше. Но лишь оказавшись на улице, Демьян закурил и усмехнулся, разглядывая небольшой аккуратный дом, в котором всего две квартиры занимали целый этаж. Всего десять жилых помещений, зато каких...

Аня зря думала, что он прямо сейчас полезет к ней с извинениями. Или попытается выменять свою помощь на ее прощение за случай в бассейне. Или сделает еще что-нибудь, что она там себе успела напридумать.

Как будто он просто так помочь не может.

Если он нехристь, то не человек, что ли?

Возвращаясь домой, проезжая мимо торгового центра, Исаев неожиданно кое о чем вспомнил и поспешил перестроиться в другой ряд. Минуты не прошло, как он уже оказался на парковке, а спустя какой-то час снова у дома Солнцевой. На сей раз с ключами вышел промах, и машину пришлось оставить у шлагбаума на въезде в жилой комплекс. Впрочем, данный факт парня не особо расстроил, да и узнавшая его консьержка охотно пропустила в подъезд.

Снова поднявшись на пятый этаж, шатен уверенно нажал кнопку дверного звонка, не давая себе времени передумать. Послышалась приятная мелодия, затем звук почему-то тяжелых шагов, щелкнул открываемый замок...

И дверь ему открыло приведение.

— Какая... прелесть, — не сразу подобрав подходящее слово, ухмыльнулся парень, оглядывая своего друга, лицо и черная майка которого были перепачкана в чем-то белом, до жути похожим на обычную муку.

— Смешно, да? — одарил его убийственным взглядом Игорек, а из нутра квартиры послышалось громкое и веселое:

— Липницкий, если ты все-таки заказал пиццу, то скажи курьеру, что доставленное сейчас он будет лично лопать вместе с коробкой!

— Как хорошо, что мне не нужно подрабатывать, — иронично заметил Исаев.

— Можно я ее придушу? — в ответ с надеждой поинтересовался Игорь. Но посторонился, пропуская друга внутрь, и закрыл за ним дверь.

— Искренне не советую, у Громова тяжелая рука, — то ли шутя, то ли серьезно отозвался Демьян, пристраивая бумажный пакет на обувной тумбочке. Скинув туфли, он прошел по длинному коридору, отделенному от основной комнаты одним сплошным длинным аквариумом, и оказался на небольшой уютной и современной кухне, где обычный обеденный стол заменяла барная стойка из вишневого дерева. За ним, по ту сторону стойки, на высоком стуле гордо восседала рыжая краса в забавной пижаме мятного цвета с медвежатами, болтая перебинтованной ногой в воздухе. И похоже, девушка, не смотря на бледное лицо, пребывала в самом прекрасном расположении духа!

По крайней мере, при виде Исаева ее даже не перекосило.

Какой прогресс, однако!

— Привет спасителям! — весело проговорила Солнцева, отсалютовав ему черной дымчатой кружкой. И не успел парень удивиться, как она добавила уже в своем привычном ехидном тоне. — Никак передумал, и баксы решил-таки забрать?

— Только вместе с виллой, — в тон ей отозвался Демьян, замирая на пороге, сунув руки в карман брюк и улыбаясь. И с такой стратегией поведения он на этот раз не прогадал!

— Заче-е-ет! — с толикой восхищения протянула рыжая, и уже спокойно кивнула на свободный стул с его стороны. — Ну, падай, коль пришел. Цирк давно смотрел?

— В прошлом году в Монако, — пожал плечами Исаев.

Солнцева поперхнулась соком:

— Ну да, нашла, у кого поинтересоваться... И фиг с ним, впрочем. Такого, как здесь, ты все равно никогда не увидишь! Эльфенок, душа моя, ты где там потерялся?

— Это несносное... Это невыносимое... Это гадкое рыжее чудище пытается учить нас готовить! — в дверях нарисовался уже относительно чистый Липницкий, отряхивая от капель воды растянутую черную майку.

— Нас? — выгнул брови Исаев, оглядывая чистую кухню. Точнее местами чистой. Очень местами! Видно было, что совсем недавно ее как следует засыпали мукой, а убирали последствия явно на скорую руку. Ну или очень неумело.

— Нас, — послышался тяжелый вздох, и под руку Игоря нырнула Аленка, сжимающая в руке совок и веник. Пристроив нехитрый инвентарь за холодильником в углу, девушка кивнула. — Привет еще раз.

— Ну что, продолжим, братцы-кролики? — не скрывая удовлетворения, потерла ладошки рыжая беда, с энтузиазмом сумасшедшего ученого оглядывая своих подопечных. Ну или подопытных, тут уж кому как повезет.

Впрочем, те ее радости не разделяли, вне зависимости от присвоенного им звания.

— Нет, мну не понял, — наигранно грозно посмотрела на них Солнцева. — Вы ко мне в гости завалились? Завалились. Есть захотели? Захотели. Эльфенок пиццу попросил? Попросил. Вот теперь готовьте! Я, конечно, гостеприимный хозяин... Но сегодня я этот, как его... Инвалид и у меня ножка болит, во!

— Так не проще заказать? — спросил Демьян, на миг забыв о том, что девушка обещала сделать с курьером. Благо, на его оплошность рыжая внимания не обратила.

— Я ей тоже самое сказала, — улыбнулась Лёля, опираясь спиной на грудь Игорька. Парень в ответ обнял ее и аккуратно пристроил подбородок на ее макушке.

— Э, нет, товарищи, — фыркнула Солнцева. — Кое-кто у нас по домашней еде фанатеет, а тебе, Лёль, этого троглодита всю жизнь еще кормить. Ну или сколько там времени пройдет, прежде чем он скончается от обжорства, а ты от вечной возни на кухне? Так что... жалобы есть? Жалоб больше нет. Отлично!

Однако жалобы нашлись и пришли они совершенно с неожиданной стороны. Через стенку, не смотря на хорошую звукоизоляцию, вдруг раздался грохот, звон посуды и приглушенный голос, явно нецензурно ругающийся.

Солнцева удивленно моргнула, прислушиваясь. Сползя со стула, она на одной ноге допрыгала до подоконника, распахнула окно, высунулась в него и весело и громко поинтересовалась:

— Мих, ты там как?

В ответ послышался еще больший грохот, шум, очередной звон чего-то разбиваемого и отборный трехэтажный мат.

— Ладно, зададим вопрос по-другому, — почесала нос Аня и снова высунулась в окно. — Мих, если ты там случайно помер, мне звонить Харлею, или поминки своими силами обстряпаем?

Ответ пришел в виде трели телефонного звонка. Хихикнув, рыжая подняла рубку:

— Да, Михась! Ты опять шкаф с посудой уронил? А-а-а, он сам? Вот так вот взял и сам упал? Не-не, я верю, что ты! Раз месяц он у тебя падает, но я все равно верю в случайность произошедшего. Не-а. Нет. Нет, говорю, придется тебе самому убирать Эверест из осколков, я нынче не транспортабельна. Ага, на работе. Да нет, ерунда, жить буду, но сегодня на работу не жди. А я откуда знаю, кто тебе поможет бардак ликвидировать? Ну позвони Арине, она всегда не против лишней работенки. Ага, той самой. Она добро даст, я уверена. Всё, давай, до связи!

— Чудо в перьях, — отбросив трубку, беззлобно фыркнула Солнцева и перевела взгляд на ожидающую ее публику. — И чего стоим, собственно, стоим, кого ждем? Пицца сама по себе не приготовится и в духовку не запрыгнет! Игорь, прошу вас-таки закинуть

ингредиенты для теста в хлебопечку в установленном нами ранее порядке. И если ты еще раз попробуешь просто перевернуть пакт вверх дном и все это добро ухнет во все стороны, я сама тебя в эту маленькую машинку засуну. Да-да, будешь у нас большим эльфийским пирожком... Лёль, давай список. Работаем!

Что-то, а командовать университетская оторва действительно умела. И получаса не прошло, хлебопечка исправно месила тесто, Алена с Игорем пошли до магазина, а Исаев с Солнцевой остались одни.

— Покурим? — вытащив из кармана сигареты, внес предложения парень, заметив, что молчание стало затягиваться.

— А почему бы и нет? — пожала плечами девушка, снова аккуратно соскальзывая с табуретки. Мысленно усмехнувшись, Демьян подошел и легко поднял ее на руки. И на этот раз Солнцева даже не пискнула!

— Поработаешь навигатором? — насмешливо поинтересовался Исаев, останавливаясь в коридоре, не зная, куда именно ему нужно идти.

— Вообще-то у меня топографический кретинизм, — неожиданно хихикнула Анька. — То бишь заблужусь в трех соснах и с картой.

— Тогда будем импровизировать, — невозмутимо пожал плечами Исаев и направился в сторону виднеющейся на той стороне комнаты двери. Не ошибся — за ней обнаружилась спальня с огромным балконом.

Уже на нем Солнцева слезла с его рук и, сунув ноги в теплые тапочки в виде когтистых лап, закурила, ёжась от холода. Мельком оглядев просторный двор с детской площадкой и небольшим сквером, шатен стащил с плеч жилетку на синтепоне и накинул ее на плечи мерзнувшей рыжей.

Просто так, без задней мысли.

Его ум и сознание сейчас будоражили совсем иные вещи: тишина, замкнутое пространство, они с оторвочкой одни...

Кажется, поговорить им все-таки удастся.

Почесав нос, моя покалеченная чутка светлость смотрела на самую сюрреалистическую картинку из всех возможных в этом бренном мире.

То есть на мою «любимую» нехристь, на моем же балконе курящую.

Вот кто б мне сказал об этом месяц назад — вот долго бы в истерике билась, правда! А тут нет. Стою. Курю. Думаю.

Молчание затягивалось. Сигарета тоже, а стоять на одной ноге откровенно надоело. Я шагнула назад, желая сесть на табуретку... И чуть не навернулась нафиг, запнувшись обо что-то большое, твердое и в белый полиэтилен закутанное.

— Это что за хрень? — округлила глаза, припоминая, что еще позавчера вечером, после шатаний по городу, подобного добра, да еще и в количестве четырех одинаковых штук у меня на балконе отродясь не водилось! Откуда вдруг столь странный подарочек?

Пожав плечами, Исаев оставил сигарету в зубах и, присев рядышком, распутал белый пакет рядом со мной. Под ним вдруг оказалось колесо... Зимнее. Шипованное. С чернокрасным литьем. Моего размера!

— Хорошая резина, — прочитав надпись на ободке, отметил парень, щелкнув пальцем по колесу. — Переобуваться собралась?

— Угу, — отозвалась я и хотела в сердцах топнуть ногой. Но в последний момент передумала и ограничилась только сердитым пыхтением. — Ну, Кир, ну зараза... Я же сказала, что сама куплю!

— Такое? — иронично вскинул брови Исаев. — Рыж, не хочу тебя расстраивать, но на эту резину не хватит твой полугодовой зарплаты на мойке, даже если прибавить заработок в клубе. И это не считая литья. Так что родственника стоит поблагодарить за заботу. На этом ты точно не разобьешься в гололед.

Я аж дымом подавилась!

Они издеваются надо мной, что ли?

— Птичка на хвосте принесла? — скептически поинтересовалась, глядя на парня сверху вниз. — Или глюки в голову ударили? Помнится кто-то недавно меня там в греховной связи попрекал... Неужели вон те симпатичные желтые пятнышки с уклоном в синеву на твоём лице заставили тебя передумать? А у Эльфенка-то тяжелая рука, оказывается...

— Ань, — насмешливо заметил парень, поднимаясь. Ну, так, типа между прочим! — Громов привык бить так, чтобы следов не оставалось.

Я аж глазки выпучила от удивления. Когда ж это бомжик мой любимый успел до мозгов нехристи достучаться? Не, меня не удивляет сам факт, в конце концов, Кирилл действительно моих обидчиков не прощал никогда. И я даже не спрашиваю, откуда он все это узнал, это и ежу понятно.

Но мне сейчас реально интересно, а когда ж он успел-то, если должен был улететь как раз позавчера?

— Сдал, значит? — мрачно спросила, складывая лапки на груди. И тут меня опять шокировали, со смешком затушившая окурков в жестяной банке, что гордо тащила на себе нелегкое звание моей пепельницы:

— Нет.

— Пардонте? — мои брови уверенно полезли к волосам. — По-моему, я туплю слегка

от недосыпа. Не объяснишь?

— Несложно догадаться, — пожал плечами стоящий напротив меня Исаев. И усмехнулся. — Кирилл был немногословен, но и я не идиот. Будь он твоим любовником, меня бы куда жестче и вполне открыто попросили держаться подальше от его девушки. А не намекали, как лучше наладить с тобой отношения.

Мои брови в волосы все-таки убежали.

Как там говорили раньше-то в рекламе? Шок — это по-нашему, да? Вот как нельзя лучше сейчас подходит для описания моих чувств и эмоций!

И пока я пребывала в этом самом «шоколадном» состоянии, у меня забрали останки сигареты, затушили, осторожно обняли за талию и на полном серьезе произнесли:

— Ань, прости?

Вау... Недолго Сталин сомневался!

— За допрос с пристрастиями в клубе, обвинения во блуде или попытку меня утопить? — на всякий случай настороженно уточнила, особо не веря в серьезность происходящего.

— За все и сразу, — хмыкнул шатен и осторожно коснулся пальцами моего подбородка, слегка приблизив свое лицо к моему. Ух... красивый, черт. А синие глазки серьезные-серьезные такие. Ну и как тут не простить? Явно же в первый раз в жизни извиняться перед кем-то пришлось. — А за последнее в особенности.

И, значит, поцеловал. Осторожно-осторожно так. Не прижимая к себе, не сокращая расстояние между нашими телами, но со вкусом, типа приятная добавка к извинениям.

Стою. Жду, что дальше будет. Не отвечаю!

Не, целуется он вся так же потрясно, даже когда пробивает почву так сказать. Но мы-то люди гордые, горьким опытом наученные! Благими намерениями помним, куда дорожка убегает, а посему на слово просто так не верим. Особенно всяким нечестивцам.

Демьян поцелуйчики прекратил. Стоит, значит, большим пальцем мою щеку поглаживает, в глаза мои смотрит — ответа ждет.

Ну я и ответила... Как умела, собственно!

Улыбнулась. Скользнула ладонями вверх по крепкой груди под черной водолазкой, обняла за шею, притянула к себе, заставляя наклониться, и на ухо шепнула:

— Ладно. На первый раз прощаю...

И коленкой в живот так ра-а-аз! Ну, что б больше неповадно было!

По болезненному стону поняла, что перестаралась. Очень! Хотя вроде и была-то несильно...

— Печень, да? — сочувственно спросила, присаживаясь на корточки рядом с согнувшимся Исаевым. На меня в ответ посмотрели так... ласково, явно втайне мечтая придушить. — Ну да, ну да, Кирилла любимый прием. Все никак не освою.

— Да неужели? — ядовито поинтересовался Демьян, с трудом выпрямляясь. — А, по моему, выходит шикарно!

— Извиняться не буду, — хмыкнула я, засовывая руки в карманы пижамных штанишек. — Заслужил.

— Да понимаю, — вздохнул Исаев и, поморщившись, оперся локтями на перила, взглядываясь в ярко освещенную уже нифига не греющим солнышком детскую площадку во дворе. Помолчал. А потом на полном серьезе предложил. — Давай я тебя плавать научу?

Я аж чуть глаза на пол не уронила от такого предложения!

— С ума сошел? — натурально покрутила пальцем у виска, глядя на спокойного парня. — Да я теперь к воде ни на шаг не приближусь! Спасибо, хватило, набулькалась. Лучше буду сдавать зачет отмывая бассейн, чем купаться в оном!

— Будем отмывать вместе, — замерев в пол оборота, опираясь одной рукой на перила, усмехнулся Демьян. — Евгеньевич обещал, что я не сдам ему зачет, пока не исправлюсь и хотя бы не научу тебя плавать.

— Воу, воу, воу, полегче! — мгновенно возмутилась моя светлость, шокированная условием тритона морского с внешностью Аполлона Бельведерского. — Давить на совесть только не надо!

— Ань, я не давлю, — иронично выгнул брови Исаев. — Нет, так нет. Заставлять не буду.

— Попробовал бы еще, — ворчливо отозвалась, закуривая новую сигарету (прогресс — третью за пол дня!). Постояла. Подумала. Поняла, что активно начинаю замерзать... и чертыхнулась. — Ладно. Я обещаю подумать. Но о большем даже не проси!

— И не собирался даже, — покачал головой шатен. И я вдруг поняла — а ведь не врет же!

Ух... а хорошо, видать, ему Кир все-таки по печени настучал-то, раз он так свое отношение поменял. Аль у нехристи в голове все-таки в голове зачатки мозга-то имелись, и он допер до истины раньше, чем кулак моего родственника до его внутреннего органа? Вот прямо до жути интересно...

— И опять мой малыш одиноко кукует в универе, — негромко вздохнула, глядя, как во двор заезжает машина, чем-то похожая на мою, только новее лет так на двадцать. — Надо Лександрыча попросить, чтобы перегнал сюда.

— Зачем? — тут же отозвался Исаев. — Мы с Игорем можем перегнать.

— Э, не, мил человек! — фыркнула я. — Липницкий любитель погонять, а у меня стоит нифиговый двигатель. Но коробка автомат, так что... Нафиг-нафиг! И вообще, свою машинку я в чьи попало руки не дам! Не обижайся.

- Не обижаюсь, — вполне в духе Кира хмыкнул Демьян и как-то слишком... равнодушно спросил. — Но Полонскому же доверила?

Я аж примолкла на секунду. Так-так-так... умнее с некоторых пор стали, да? Уже столь открыто не ревнуем и не бесимся?

— Ну, во-первых, он моего разрешения не спрашивал, — ответила, решив в кой-то веки не дразнить родненькую нехристь — только какое-то вялое подобие мира начало устаканиваться! — Просто спер ключи, как я подозреваю. А во-вторых, он мой друг и я ему доверяю.

— А не стоило бы, — меланхолично влез парень. — Он не тот, как ты о нем привыкла думать.

— Он вытащил меня из бассейна, в котором я чуть не утонула благодаря тебе, — скептически произнесла, вскидывая брови. — Так кому из вас мне все-таки стоит доверять?

— Туше, — невесело признал Демьян, снова рассматривая пустующую пока площадку.

Тю-ю-ю... Не горюй, нечестивец, кажется я знаю, какую с тебя снискать компенсацию!

— Есть другие способы загладить свою вину, — шагнув вперед, ласково произнесла, придерживая жилетку одной рукой, а вторую положила на его плечо.

— И какие же? — откликнулся Исаев, но весьма неохотно и с долей скепсиса, явно чувствуя будущий подвох. А зря. Я особой гадости сейчас не замышляла!

— А полей мои цветочки! — радостно и вдохновенно выдала я.

Демьяна конечно же перекосило.

Йес! А вот нечего было маленьких обижать!

Короче, когда полчаса спустя вернулись Алёнка и Игорь, снабженные ключами, а потому открывшие входную дверь без звонка, они были чутка... ну шокированы, что ли?

Хотя вру. Нагло и безбожно!

Я едва удерживалась от того, чтобы сию картину не сфотографировать! Еще бы, такое каждый день не увидишь!

Пижамная монстрятина, в лице меня любимой, на огромном диване в центре комнаты валяющаяся. Высокая стремянка, установленная у стены, звезда университета на ней... невозмутимо поливающая из ярко красной лейки подвешенные в горшках растения.

По-моему, от происходящего в глубоком состоянии обалдения остались даже издавшие виды бедные рыбки в аквариуме!

«Громче» всех возмущалась вечно голодная зубатка, но кто, собственно, ее мнением вообще интересовался? Она два часа назад положенную рыбешку схмячила, так что ее паёк на сегодня был исчерпан.

— А-а-ань, — ошарашено потянул Игорек, переводя взгляд от меня к своему другу. — Это что?

— Ты про что именно? — решила уточнить, лежа на животе и побалтывая ногами в воздухе. — Внизу стремянка, сверху цветочки. Есть еще пол и потолок, но мне кажется, ты сейчас не о них.

— Я о том, что посередине! — сгрузив не пакет, а пакетище с логотипом местного супермаркета на пол, отозвался Эльфенок и, прислонившись к стенке, ткнул пальцем в сторону шатена, спокойно поливающего мои растения.

— Демьян Александрович Исаев, — тихо прыснула я. — Неужто не знакомы?

Парень завис. На его руке появились женские ладошки, и в зал протиснулась Аленка. Посмотрела на мою довольную рожицу, на нехристь, явно пытающегося отобрать у своего вечного конкурента звание первой невозмутимости универа, и догадалась:

— Сатисфакция?

— Компенсация морального вреда, — уточнил улыбающийся парень, с достоинством спускаясь по стремянке. Вот как будто всю жизнь садовником подрабатывал, ей-богу! — От физического она отказалась.

— Даже боюсь спросить, что ты ей такого предложил, — иронично выгнул брови Игорек.

— Пошляк неприличный, — фыркнула я, принимая сидячее положение. — У нас тут перемирие, понимаешь ли, а он нам всю малину портит!

— Именно, — насмешливо подтвердил Исаев, и спокойно так загрузил стремянку на плечо. Утащил ее в дальний угол, вернулся, подхватил пустую лейку и направился в ванную. Остановился около скептически настроенного друга и вдруг откровенно наябедничал. — От нового телефона она отказалась.

— А я-то уж подумал, — разочарованно фыркнул Липницкий и снова подхватил пакет. — Я б удивился, если она согласилась!

Дальше эти двое ворчали уже на кухне. На моей кухне!

Да-да, на моей кухне бубнят два самых ярых представителя золотой молодежи, обсуждая такую нехорошую меня, разбирая купленные продукты для пиццы, которую сейчас

они все вместе будут стряпать под моим чутким и придирчивым руководством...

Что и где умудрилось откровенно сдохнуть? Надо рыбешек в аквариуме пересчитать на всякий случай, что ли...

— Может попросить Игоря тебя отнести? — предложила Аленка, глядя, как я поднимаюсь с дивана, стараясь не наступать на одну ногу. Вторая, признаться честно, слегка побаливала, но уже не так сильно, как раньше. Таки респект целительскому таланту того врача и слава Исаеву, отдавшему меня в его умелые лапки! Хоть какая-то польза от парня есть...

Если признаваться до конца, отправляя его поливать цветы, моя кровожадность, требующая мщениа, по большей части хотела поставить наследника крупной корпорации в неловкое положение, а потом подленько над ним подло и славно похихикать. Ан нет, такой облом.

Вот умеет же он вывернуться из любой ситуации, а? Я тоже так хочу!

— Да нет, нормально, — аккуратно поковыляла я в сторону спальни. — Пойдем, дам чего-нибудь переодеться. А то сейчас устряпаешься в хлам.

— Так может лучше не надо? — тоскливо спросила Лёлька, но покорно пошла следом.

— Ален, тебе еще с Эльфенком жить, — фыркнула я, подбираясь к шкафу. — Так что я хоть ехидничаю чутка, но не вру. Игорь любит домашнюю стряпню... И согласиись, будет странно, если женаты будете вы, а кушать он будет у меня! А ты еще будешь мне звонить и интересоваться, «а не голодал ли сегодня мой муженек»? Так что ничего не знаю, иди и учись! И... опа-па. Ну, здравствуй, радость моя, я тебя с утра обыскалась. Бесстыдница! Ты опять да?

На меня виновато взирали черные глазки вечной пропажи по имени Ни-ни, устроившейся в моем шкафу на полке, где лежали аккуратно сложенные вещи Богдана. Узкие голубые джинсы, синяя безрукавка с кольцами по краю выреза и... симпатичные черные труселя.

И хотя лежали боксеры в самом низу, даже не видя их, но зная о наличии среди моего гардероба, я чувствовала себя неким маньяком-фетешистом!

Хотя в этом звании момонга пока уверенно лидировала и позиции сдавать не собиралась — и часа не проходило, чтобы она не отпирала клетку и не удирала спать в вещи Полонского! И чем они ей так глянулись? Ладно бы запах остался, я б еще поняла... Так нет же, шмотки парня-то оказались здесь сразу после стирки! Мы же тогда город громить утопали, про работающую стиральную машинку сразу и не вспомнили.

И ведь зараза хвостатая лежащую рядом толстовку Липницкого просто игнорировала, хотя та потеплее и помягче будет.

— Что у тебя там? — заинтересовалась Лёля. И пока она не успела заглянуть в шкаф, я торопливо сунула ей в руки отчаянно возражающего против наглой дислокации сахарного опоссума.

Визг стоял... аж стены дрогнули!

Естественно на сей звук мигом прискакали мои временные «домочадцы»... мокрые. Почему-то! И вкусно пахнувшие рассолом огуречным.

Та-а-ак... как говорится, ура, товарищи! Пополним скудную коллекцию мужского чистого тряпья!

— Что случилось? — чуть ли ни хором выдали перепугавшиеся парни, глядя то на жмурившуюся Лёльку, то на прыгающую на одной ноге меня, пытающуюся достать из-под

верхней части пижамки забившуюся туда вусмерть перепуганную летягу.

— Я даже боюсь предположить, что тут произошло, — многозначительно кося на мои телодвижения, насмешливо протянул Исаев.

Вот же извращенец, а!

— Смешно, да? — кровожадно протянула я, вытаскивая-таки возмущенно пищащую момонгу. И, недолго думая, снова сунула ее под нос Алёнки.

Пронзительный визг повторился на бис!

— Так понятно? — мило уточнила, созерцая бледную подругу и вмиг оглохших парней, прижимая к груди сжавшуюся в моих ладошках Ни-ни. — Лёль, чего сразу-то не сказала, что грызунов боишься?

— Я же не знала, что у тебя они есть! — смущенно призналась девушка, виновато глядя на своего молодого человека, многозначительно прочищающего уши.

— Ну, это недавнее приобретение, — покаялась, поглаживая дрожащую зверушку. И обратилась к своим «ароматным» друзьям. — И раз с этим благополучно разобрались... У вас-то что там приключилось?

— А разве что-то случилось? — попробовал уйти в глухую несознанку нагло улыбающийся Демьян. Даже с Игорьком переглянулся, мол, подтверди! Тот подтвердил, а я скептически заметила:

— Ага, а легкий флер исходящего от вас аромата, не иначе как «Шанель номер пять», на кой-то черт купленная Эльфенком в подземном переходе! Рассказывайте уже, орлы!

Пернатые братья предпочли тактично промолчать, невозмутимо рассматривая один — потолок, второй — свою девушку.

Ну-ну... Гусь же у нас птичка гордая, пока не пнешь, не полетит!

— Я так понимаю, на кухню мне заходить не стоит? — обреченно вздохнула, понимая, что моему милому сердцу помещению пришлось уже несладко. И неизвестно еще, что ему стоит пережить в ближайшем обозримом будущем!

Эх... закрыть их всех по доброте душевной на балконе, что ли?

Не, я все понимаю, их появлению на моих жилых квадратных метрах отчасти виновата я сама. Когда Лёлька позвонила с вопросом, куда меня дел Исаев, отмазаться толком не получилось. И поэтому я почти даже не удивилась, когда в ответ на просьбу скинуть мне скан лекций по электронке, подруга явилась сама, да еще и с Игорем...

Пришлось каяться, ибо безвинно пострадавшую конечность прятать было некуда. Благо хоть Богдан, которого прямо с занятий зачем-то срочно забрал его отец, о произошедшем не узнал. Пока не узнал. Уж в его талантах-то я не сомневалась!

Но теперь, глядя на то, как моя милая кухонька постепенно превращается в руины, я жалела о внезапном благородном порыве. Вот какой черт меня дернул за язык? Я, конечно, подозревала, что золотая молодежь домашними хлопотами не балована и к одинокой жизни вряд ли приспособлена, но что б настолько?

Через час пузырек с перекисью водорода активно подходил к концу, почти весь запас лейкопластырей поселился на длинных пальцах Липницкого, смущенно краснеющая Лёля выковыривала из тарелки с сыром собственный натертый туда маникюр, а Исаев, перепачканный по самые уши, азартно шлепал пятой порцией теста по металлической форме. Первые три канули в Лету, четвертый собирался совершить акт торжественного самосожжения в духовке.

А я... я методично билась головой о барную стойку рядом с Ни-ни, активно уплетающей

второе манго подряд.

Момонгу на нервной почве на жор пробило, не иначе.

В конце концов, когда за окном уже начинало смеркаться, первая корявенькая пицца, благословясь и помолясь, была отправлена в духовку. Вторая, уже не выглядящая как шедевр криворуких мастеров и даже без начинки в виде кое чьих ногтей (подозреваю, что к этому времени Аленка не наловчилась обращаться с теркой, а расходного материала уже попросту не оставалось), покаянно ждала своего часа. Побитая в процессе приготовления посуда отправилась в мусорку, грязная — в посудомойку, но шкафчики в засохшем теста отчистке не поддавались. Пока, во всяком случае.

Чует моя мнительность, заставь я эту команду оттирать последствия их бурной деятельности на ниве кулинарного искусства, эти гарные хлопцы все бы отчистили... в том числе и лаковый слой. Вместе со скрывающимся под ним вишневым деревом!

Адская кухня отдыхает... вот Гордона Рамзи на них не хватает, честное пионерское!

И естественно, кто бы сомневался, что все неприятности оказались только милым и приятным началом того, что последовало дальше.

Каюсь, моя слегка притомившаяся светлость в один момент подзабыла, что Игорек у нас мальчик хоть мнительный и отстороженный, но порой абсолютно безголовый. Но даже памятуя о его легкой непригодности к суровой житейской обстановке, я никак не ожидала, что этот светловолосый длинноухий кадр на обычную просьбу проверить, как там в духовке поживает их общее творение, радостно подскочит и, распахнув дверцу, сунет голову вовнутрь!

Естественно, вырвавшийся горячий воздух чью-то любопытную моську малость отогрел. Липницкий взвыл, Аленка взвизгнула, опоссум подавился фруктом, я чуть не навернулась с табуретки, а Исаев, геройски метнувшись на выручку другу, обнаженным пузом зацепил острие лично оставленного на краешке стола ножа.

Павильон со съемками кулинарного шоу плавно переместился на место создания «Интернов».

Лёлик, стена и попискивая, сидя на стуле, прикладывала к жалобной моське пострадавшего Эльфенка пакет со льдом. Игорь корчился, но стоически сносил все ласковые в его адрес оскорбления. Материться Аленка не умела, факт. А вот я на выражения не скупилась, притянув к себе нехристь с его щенячьими глазками, зажав его бедра между своих ног и щедро поливая пострадавший пресс остатками старых духов. За не именем перекиси, вылитой на макушку Игорька, когда тот, отпрыгнув от духовки, саданулся об угол шкафчика с посудой и чуть не проломил. Причем и голову, и шкаф!

Исаев держался, пытаюсь не выть, выходило мужественно, но хреновато.

Глядя на их героические мучения, Ни-ни, единственная уцелевшая среди нашей оси травматизма, судорожно давилась последним бананом.

Апофеозом «дома пыток и садизма» стал спокойный, милый голосок, вопросивший со всей степенью такта и заботы со стороны входной двери:

— Анечка, добрый вечер, прости, что отвлекаю. А Мишенька, надеюсь, в курсе твоих необычных предпочтений?

И тут-то мы и поняли, что на самом деле значит фраза «писец подкрался незаметно»...

Я посмотрела на нахмурившегося передо мной Исаева. На дернувшийся затылок Лёльки по ту сторону «стола». На бровки Игоря, собранные в кучку. Представила, как со стороны смотрятся наши с подругой тела на табуретках и обнаженные фигуры перед нами

(свежевыстиранные майка и водолазка которых покорно сушились на батарее в ванной)... мысленно себя похоронила и, торопливо погребая под ладошкой возмущенную Ни-ни, натянула «радостную» лыбу:

— И вам добрый вечер, Надежда Станиславовна...

Двадцать минут спустя организовалась картина маслом.

Я с виноватым видом попиваю чай, скромно каюсь перед невозмутимой старушкой в дорогом розовом брючном костюме. Та сидит, губы темно-малиновым цветом на помажены и скупно улыбаются, на морщинистых лапках французский маникюр поблескивает, дорогой фарфор аккуратно поглаживая, на каштановых кудряшках шляпка в тон страусинным пером возмущенно помахивает...

Лёля, старательно намывающая посуду в углу, тихо приканчивает последнее целое блюдо.

Стараясь не удивляться тому факту, что посуда вся вроде должна была находиться в специальной помывочной машинке, я мило улыбнулась будущей возможной родственнице:

— Вы не волнуйтесь, надежда Станиславовна, это просто недоразумение. С этими молодыми людьми, как я знаю, вы уже знакомы, а с Алёной мы учимся вместе. Как видите, я немного травмировалась на работе, а они приехали меня навестить. Вот и решили заботливо меня накормить, пока Мишутка на учебе занят. К сожалению, повара из них не ахти... Травмируются на каждом шагу. Но я их учу по мере своих скромных сил и возможностей. Вы уж простите, что так неловко получилось.

- Да я все понимаю, Анечка, — мягко улыбнулась властная бабуля, к слову, даже откусившая из вежливости крохотный кусочек от пиццы, жирной внутри благодаря Игорю, вбухавшему туда пол пачки майонеза, и сгоревшую снизу благодаря его же внезапному желанию подкоптить собственную мордяху. Но, к слову, на этом гастрономический энтузиазм старушки закончился, и она взялась за телефон. — Алло, Миша? Да, это я. Да, я у тебя. Нет, не дома, но ту милую девушку, убирающую жуткий беспорядок на твоей кухне я уже заметила. Я у Анечки и у нее кошмар не лучше. Да, жду, и надеюсь, Мишенька, что ты свою позицию мне так же объяснишь. Отчетливо!

«Мишенька» явился минут через пятнадцать, в спортивных синих штанах, черной обтягивающей футболке, с мокрыми зализанными волосами и с диким желанием убивать.

Что тут же прокомментировала его родственница спокойно-убийственным тоном, аккуратно пристраивая чашечку с зеленым чаем на блюдечке:

— Мишель, являться к невесте в гости в спортивной форме полнейший моветон. Тем более босым.

Стоящие возле окна Исаев с Липницким взглянули на собственные джинсы, отсутствие носков и торопливо пальчики поджали.

— Бабуль, — старательно сдерживая эмоции, вкрадчивым милым голоском осведомился мой типа женишок у моей типа бабули. — А ты разве не должна быть во Франции?

— Ох, оставь, там такая скука, — воспитанно отмахнулась старушка, — Зиночка там осталась шляпки покупать, а на меня такая мигрень навалилась, что только дома и прошла. Вот я и решила вас проведать. И не зря, оказывается! Мишель... пускай это некрасиво при Анечке и ее друзьях, но я все же требую немедленного ответа! Что за странная девица у тебя сейчас в гостях?

Липницикий хрюкнул, но тут же принялся внимательно рассматривать висящие на

окошке гардины с легкой тюлью. Аленка тихо кокнула в раковине очередную чашку, Исаев едва сдержался от смешка, но одобрительно мне подмигнул, Ни-ни в кармане окончательно затихла, а я поспешила выручать активно бледнеющего «Мишеля»:

— Надежда Станиславовна, это не то, что вы подумали. У Мишеньки снова свалился шкаф с посудой, видимо, кирпич попался в стене бракованный. Сами знаете, как вашего внука опасно к острым предметам подпускать — порежется сразу! А я сама помочь не могу, хожу с трудом. Ну, мы и наняли Аришу в помощь, с почасовой оплатой, разумеется. Не волнуйтесь, девочка она тихая, скромная, у меня в подчинении работает, и язык за зубами держать умеет. Как видите, ничего криминального тут нет...

Ага, нет. Кроме ленивого Лександрыча, которому влом перевесить несчастный шкаф, брякающийся у него со стенки уже двадцатый раз подряд! Вот говорили же, повесь в другое место, но нет! Он чопики в старые дырки вобьет, как попало шурупы присобачит, новой посудой затарится и сидит себе довольный. А через недели три-четыре снова «бум, ай» и громкий жесткий мат. Вот говорила сколько раз, ну лень тебе, ну позови Харлея, тот, конечно, поржет, но на совесть все организует.

Фигушки, ребяташки...

Вот ей-богу, я скоро сама к соседушке с перфоратором явлюсь, и пускай потом дрожа отсиживается в ванной!

— Ну, раз так, — судя по поджатым губкам, нам если и поверили, то слабо.

И я б сказала очень даже слабо... А если говорить начистоту, но нифига нам не поверили на самом деле-то!

Однако выдали последний шанс. Да такой, что, мягко говоря, окосели все и сразу! Включая мирно дремлющую в моем кармане летягу.

А полчаса спустя...

— И как выкручиваться будем? — тоскливо спросила моя унылая ни разу ни светлость, подпирая щеку кулаком, скрестив ноги по-турецки, сидя на любимом диване в зале.

— А неплохо получилось, — игнорируя мою печальку, одобрительно прокомментировал Исаев, жуя второй вариант приготовленной общими трудами пиццы.

Первый после пробы отправился в далекий полет прямо с балкона... и увы, его не стали кушать даже редкие бродячие собаки — колбасу с верхушки вяленько содрали и дальше мирно разбрелись. Пару шавок помельче через сотенку шагов стошнило, но кого это могло смутить?

— Я чувствую себя шеф-поваром, — довольно заметил Игорек, аппетитно уплетающий калорийную еду собственного производства, расположившись на другом конце огромного дивана. На широкой спинке сверху лежали узкие доски-поставки, на которых стояла всякая мелочевка в виде часов, картинок, мелких фигурок и прочего, сейчас одиноко кукующего кучей на полу, а их место прочно заняли тарелки с на удивление вкусно пахнувшей выпечкой, а так же чудом уцелевшие стаканы. С пивом!

Когда эти жулики умудрились его приволочь, ума не приложу, но четыре баллона английского эля я сначала в упор не заметила! Но сам факт, приятный напиток со вкусом цитрусовых и имбирного печенья сейчас потягивала даже обнимающего Игорька Аленка.

Свисая с потолка, мерцал огромный экран, показывал последнюю часть «Ледникового периода», народ наслаждался «хлебом и зрелищами», и лишь только мы с Михой, сидящие по центру огромного снежно-белого ложа, обтянутого натуральной кожей, тоскливо вздыхали, глядя друг на дружку.

Нам, в отличие от остальных, совсем не улыбалось всей оравой переться в следующие выходные на ужин к его бабуле для более подробного знакомства. Причем шустрая старушка, не давая ни слова выставить в ответ, обязала нас присутствовать в особняке Алёхиных исключительно по парам!

И в главной роли мы с Михасем.

Эх... Опять придется мне прилюдно лобызать соседа в щечку.

— Анна Сергеевна, — неожиданно послышался тихий скромный вздох с самого краешка дивана. — Я все понимаю... Но я-то почему здесь?

— Смирись, Ариш, — мрачно посоветовала я, синхронно покосившись с соседкой на ни в чем неповинную официантку. — Отныне и навсегда ты попала под замес безжалостной машины этики и морали, гордо носящей имя Надежды Станиславовны! Не хочу тебя пугать, но нам тут ясно обрисовали перспективу всех дальнейших нравственных пыток, которым нас подвергнут, если ты не появишься на приеме, да еще и с кавалером. Замуж за Миху хочешь?

— За него? — испуганно округлила и без того огромные глаза Ариша. И, поймав ошеломленный взгляд своего шефа, торопливо поправилась. — Я не в том смысле! Просто...

— Да мы поняли, — отмахнулась я и, подумав, сцапала со спинки еду и протянула девушке тарелку с пиццей и стакан с пивом. — Не рефлексуй. Просто расслабься, ладно? Мы тут в неформальной обстановке все свои. Я эту вечно спящую заразу, которого вы все так боитесь, могу и грязным кухонным полотенцем по квартире погонять. Вообще, мы милые, обычные... хотя весьма, весьма местами. Он, кстати, меня тоже отбуцкать пыльной тряпкой может...

— Да что мне, жить надоело? — невозмутимо откликнулся байкер и, сообразив, что терять уже нечего, сцапав тарелку с едой, растянулся поперек дивана, удобно устроив затылок на коленях обалдевшей Арины. Вздрогнув, девушка едва не пролила эль, но в последний момент сумела взять себя в руки.

Однако, по ее испуганному взгляду было понятно, что иммунитета к подобным событиям у нее нет, а потому мне пришлось банально импровизировать, дабы не спровоцировать у пугливой официантки самый настоящий инфаркт.

Проще говоря, сграбастав стакан, я весьма своевольно приземлилась своей тыквой на заклеенное остатками лейкопластыря пузо обалдевшей от такого расклада нехристи. Благо хоть Исаев мозгами-таки не был обделен и даже мило улыбнулся.

Арина, наверняка мысленно вздохнув, пригубила алкоголь... и в конце концов расслабилась. А вот мне теперь пришлось совсем несладко.

Во-первых, Исаев ни разу не Богдан, тот поудобней будет. А тут пресс жесткими кубами, лейкопластырь мешает, духами воняет... И сам факт, на ком, я собственно лежу, никакого релакса не давал!

Однако полчасика спустя, когда играть на публику откровенно надоело, я плюнула, хлебнула эля и поднялась. И тут-то у кого-то совесть и разыгралась...

— Врач запретил тебе пить, — нагло отобрав стакан, невозмутимо заявил Исаев. Я аж чуть в плече не запугалась!

Спокойно укрыла его рельефное пострадавшее пузико свернутым флисом, отобрала обратно стакан... и медленно и показательно опустошила, глядя в сузившиеся глаза парня, слабо мерцающие в полумраке — Игорек додумался-таки вырубить свет.

— Перемирие перемирием, солнце мое, — тихо усмехнулась я, отковыривая от спинки диванную подушку, которую в следствии подпихнула под спину благодарно улыбнувшейся

Арише. Сидя смотреть мультик, транслирующийся почти над головой, ей было явно неудобно. — Но вот границы переходить не надо!

Исаев выгнул одну бровь... но руки в знак капитуляции поднял.

Довольно усмехнувшись, я вдруг подумала-подумала, плюнула и обратно на чье-то пузо улеглась. А что? Удобно, тепло и уже совсем цветочками не пахнет. Да и надо ж как-то на его заботливость ответить.

Еще б он не в такой собственнической и наглой форме ее проявлял, цены бы ему не было.

Только Демьян постоянно забывал, что никакого права так со мною обращаться он просто не имел. Он не Миха, и даже не Богдан.

Он пока на самых дальних позициях. Но уверенно шлепает вперед, что ни говори. Глядишь, так и догонит... кого-нибудь. Когда-нибудь...

— Анна Сергеевна, а что мне теперь делать? — полчаса спустя тихо спросила Арина, рассеяно поглаживая по волосам уснувшего напрочь Лександрыча, обнявшего ноги официантки и мило улыбающегося во сне.

А Сергеевна не ответила — он сама к тому времени уже тихо спала, обнимая своего недавнего врага поперек живота, как большого плюшевого мишку.

Проснулась я глубокой ночью и в полной темноте. Не сразу сообразила, что спокойно лежу уже в своей кровати, под одеялом, а на груди попискивает спящая Ни-ни.

Зевнула и, обдумывая, кто ж меня сюда притащил, хотя вариантов-то было немного, встала, открыла клетку и устроила зверька на своем законном месте в гамаке. Дверцу запирающую не стала, один черт все равно откроет, создание несносное.

Зевая, приглаживая стоящие дыбом волосы, источающие насыщенный аромат собственных духов, прихрамывая, вышла в зал... И обалдела.

Тишина, темнота, только мертвые с косами ходят.

В смысле, темнота, тишина и полный порядок. Щелкнула выключателем — действительно, никого дома нет, подушки на чистом диване аккуратно разложены, полочка вытерта, мелочевка расставлена. Доковыляла до кухни... И еще больше обалдела. Да у меня такого порядка сроду никогда не было!

Почесав в затылке, решила выписать Арине — премию, а Лександрычу — люлей. За излишний энтузиазм! Бедную девочку итак не пойми во что втянули, а он ее еще и на уборку подрядил.

Ну явно же не Липницкий с Исаевым тут тряпками махали!

На холодильнике обнаружилась записка:

«Рыж, не ворчи, я Арине помогал».

Фыркнув, стянула желтую бумажку. И вот все-то мой любимый соседка знает!

Но спасибо и на этом.

Отчаянно зевая, убедилась, что лишних шмоток в ванной не осталось, добралась до коридора, проверила запертую снаружи дверь (у Мишки были запасные ключи и от квартиры, и от машины), собралась было идти дальше досыпать, но внезапно наткнулась взглядом на бумажный пакет с ручками, одиноко притулившийся на тумбе с обувью.

Постояла, подумала... но полезла проверять, кто же там чего забыл на радость маньяку-

фетешисту в лице меня любимой.

Внутри пакета обнаружилась коробка и маленькая открытка. Хмыкнула, открыла глянцевою бумажку с медвежатами и узрела короткую надпись, выведенную знакомым крупным почерком. На английском языке. И гласила она всего лишь:

«Sorry».

А вот это уже становится интересно!

В квадратной коробке обнаружались новые белые кеды с ярко-синей шнуровкой, с коротким белым мехом и со знаменитым значком и лейблом. Уважительно присвистнула, ибо стоила обувь не меньше «тапочек» для моей машины, купленных заботливым Кириллом. Однако, компенсация нанесенный ущерб по стоимости явно переплюнула!

Ну, а с размером Исаев как-то угадал.

— Значит, принц отыскал-таки свою золушку, и вернул ей обе туфельки, — задумчиво протянула я вслух, укладывая кеды обратно в коробку. И усмехнулась. — А про носки забыл.

— Ам. Ам. Ам! — тоскливо и жалобно просили над ухом, разрушая своей монотонностью мой спокойный сладкий сон. — Ам!

Машинально вздохнув и поежившись от холода, ни фига не проснувшись я подняла одеяло и вяло позвала:

— Ну, иди сюда, горе луковое.

— Ань-ня-я-! — радостно пискнули рядом, по кровати пробежался, судя по ощущениям, огромный таракашка, и на мое плечо хлопнулась тяжелая такая голова. — Ня-я-я-я...

— Спи, няшка моя, — сонно вздохнула, утыкаясь носом в мягкие волосы, приятно пахнущие карамельками. Закутала озябшее детское тело в одеяло, притянула к себе и собиралась поспать еще часов так несколько... И тут до меня как до утки на двадцать пятые сутки, наконец, дошло.

Какое нафиг детское тело в моей кровати?!

— Стасик, ты опять? — распахнув глаза, со стоном поинтересовалась, глядя на умильную, перепачканную шоколадом рожицу трехлетнего пацаненка. Тот выглянул из-под одеяла, похлопал пушистыми ресничками, блеснул голубыми глазами и улыбнулся, являя очаровательные ямочки на пухлых щечках.

Блин... один сплошной кавай во всем своем великолепии! Ну и как на это чудо злиться?

— А-а-ам, — многозначительно протянул ребетеночек, ткнувшись носиком в мою щеку. — А-а-ам!

— Да кто б сомневался, — фыркнула я и вздохнула, откидывая одеяло. — Ладно уж, пошли, покормлю!

Киндеренок радостно подпрыгнул и, запутавшись в простыне, чуть не рухнул на пол. Поймала эти пятнадцать килограмм чистого счастья и непосредственности, посадила обратно на кровать и пошла на балкон, напялив тапочки и «курительную» кофту, обитающую исключительно на батарее.

Закурив, утопала в дальний конец длиннющего балкона, опустила голову... и подавила тяжкий вздох. Ну, да, так оно и есть.

Дело в том, что в нашем доме на балконах установлены лестницы, ведущие с первого на второй этаж, со второго на третий, ну и так далее. До пятого. Естественно, проходы между этажами закрыты люками, да только запирать их не рекомендуется правилами пожарной безопасности. Да и выполнены они из тонкого легкого материала, чтобы их можно было легко сломать в случае пожара и быстро спуститься вниз.

Вот такая вот система. И знал бы кто, что через этот самый люк ко мне уже как полгода шастает «любовник» — милейший Стасик, сын соседки снизу. Смешливый трехлетний карапуз хоть и отставал чуток в развитии, как считали его предки, на самом деле был довольно сообразительным. Так что он легко просек фишку с люками и оказывался в моей квартире чаще, чем падал со стенки Мишкин бедный шкаф.

Весной и летом у меня балкон был почти всегда открыт, а когда похолодало, Лена обещала что-нибудь придумать, чтобы поутру я не обнаруживала радостно скачущего по мне мальчишку. Видать, придумала, потому как детеныша я у себя уже как месяцок не наблюдала. Но именно сегодня ночью кто-то из моих курильщиков дверь на балкон прижал, но ручку повернуть забыл...

Не, Стасик бы не замерз, даже если б было заперто — в секло бы долбился с упорством, пока меня не разбудил. На крайний случай обратно бы забрался, лестница там не особо крутая.

И все-таки, оторвать бы Ленке голову за такое попустительство!

Все собираюсь это сделать, да никак не соберусь.

— А штаны где? — поинтересовалась, оглядывая радостно прыгающее на моей кровати соседское голопопое чадо.

— Попу! — виновато покаялся мальчонка, одергивая длинную зеленую футболку со Спанч Бобом на груди.

Вздыхнув, протянула руки. Мелкий подбежал, радостно запрыгнул и заливисто хохоча ждал, пока я, перевернув его вверх ногами, придирчиво оглядываю его нижнюю заднюю часть туловища. Там сюрпризов, слава богу, никаких не оказалось.

Напялив на пацаненка специально припасенные для подобных случаев шортики, доковыляла до двери, открыла ее — маленький ураган пронесся мимо так, что пятки засверкали!

Ха, а однако нога уже не так сильно и побаливает... У меня. Стасика априори никогда и ничего не беспокоит.

-

Ну, что Стасян? — уже на кухне спросила я у забравшегося на высокий стул ребенка. — Что кушать будем?

— Питтю! — требовательно выдало это чудо, болтая ножками в воздухе.

— Вот не знала бы, кто твой настоящий предок, подумала бы, что Липницей учудил, — хмыкнула я, открывая холодильник. Окинула нутро взглядом, отыскала внушительный кусок пиццы в контейнере, заботливо оставленный мне на утро, и полезла в морозилку. — Не, дружок. Такой удар майонезом по печени твой юный организм мне ни разу не простит. Солянку будешь?

— Сю-ю-ю-юп! — радостно запрыгал мелкий, колошматя ладошками по столу. — Со сиськами!

— С сосисками, сосисками, — расхохоталась я. — М-да... Мужики, как говорят, со временем взрослеют, но тяга к женской груди у них до гробовой доски неисчерпаема. Подождешь немножко?

— Дя, — важно кивнул мой гость и пальцем указал на лежащий на полке телефон. — Шишарики!

— Ну, смешарики, так смешарики, — покорно согласилась я и, залив куриное филе холодной водой, поставила на включенную плиту и отдала ребенку требуемое.

Быстренько обжарила без масла те самые «сиськи» и ветчину, вытащила из холодильника два огурца... из кружки. Почесала в затылке, вспомнила, что над банкой вчера кое-кто безбожно надругался, расколотив ее об край стола, когда Аленка Витаса изобразить изволила, пожалала плечами и потушила сиротинушек в пупырышечку вместе с томатной пастой. Вытащила курочку, закинула все в слабый бульон...

— Ко-ко! — подсказали мне, отрываясь на секунду от созерцания мультиков в ю-тубе.

— Она самая, — подтвердила я, нарезаю птичку на мелкие куски, мысленно поражаясь, насколько поколение нынче продвинуто. Три года ребенку, а он в моем телефоне шарит

больше, чем я сама! Разблокировать аппарат, залезть в инет, найти на видеохостинге нужный мультик — ну пять секунд делов, и это максимум!

Вот чему бы хорошему детки учились. Я в его годы сидела в песочнице и била лопаткой нахального мальчишку, пытающегося у меня ведро отобрать! Хотя... чему б хорошему я тоже научилась. Все по-прежнему осталось, только лопаточку бутылка коньяка успешно заменила.

— Ну, что бандит, — нацедив тарелочку слабосоленого супчика, дабы он остыл, подседа я к занятому, деловому по самые уши киндеру. — Мама-то чем занята, пока ты тут завтракать изволишь?

— Мама бай! — доверительно сообщили мне. — Стасик бай неа!

— Это я заметила! — прыснула я, потрепав довольного мальчишку по волосам, и принялась дуть на суп, перемешивая его, чтоб быстрее остыл. Подумала было позвонить Ленке, потом отмахнулась от этой идеи. Ну проснется, ну не найдет ребенка, ну перепугается до жути... Может хоть это ее отучит спать, пока ее мелочь по соседям бегают!

А то взяла привычку: усадит ребенка с планшетом за столик, насыплет ему сухой завтрак, и пока дитячко чавкает, на диванчик приляжет и вырубится нафиг.

А Стасик, как только еда закончится, пойдет громить квартиру. Не, там, конечно, все в ажуре и безопасно по максимуму: заглушки в розетках, ножи под замком, бытовая химия под потолком и все в таком же духе. Но все равно, дети есть дети. А этот покермон, как бы на его отсталость не наговаривали, жулик еще тот. Подставить табуретку и спереть из верхнего шкафика конфеты для него уже как год дело ну просто пустяковое!

Заспанная брюнетка в домашнем полосатом костюме появилась на моей кухне минут пятнадцать спустя, когда мы со Стасиком азартно приканчивали по второй порции нехитрого обеда. Точнее, для него уже обеда, а моей проснувшейся светлости завтрака пока еще.

— Опять, да? — тоскливо вздохнула молодая женщина, глядя на свое перемазанное чадо, счастливое, ну прям до безобразия.

— Мам, пивет! — улыбаясь во все свои восемнадцать зубов, жизнерадостно помахал ей ладошкой Стасик, которому было ну никак не стыдно за свое поведение, побег и прочее. Эх, молодые годы чудесные... и работать не надо, и совесть не гложит!

— У-у-у, мать, — присвистнула я, глядя на эту красотку неземную. — Кун-фу панда отдыхает. Кто спал с твоим лицом и помял его?

— Сама-то лучше? — скептически отозвалась Лена, усаживаясь на свободный стул. Потерла заплавленные глаза, взглянула на меня и удивилась. — Смотри-ка, действительно лучше. Неужели в кой-то веки выпалась?

— Мне этот отсып встанет в пару рефератов, — хмыкнула я, вытирая салфеткой чумазую моську сопротивляющегося киндера. — Учеба еще не завалила, но лавина уже на низком старте. А ты чего?

— Статья, — коротко ответила мрачная, не выпавшая соседка.

Я понимающе вздохнула. Ну, почти понимающе. У данной особы муж богатый, на спонсирование прихотей супруги и единственного сына никогда не скупящийся. Но!

Тараканы, тараканы, тараканчики. Куда ж без них-то? На дом, хозяйство и отпрыска зарплату мужа Лена тратит, и глазом не моргнув. А вот на мелочевку для себя любимой, предпочитает зарабатывать трудом своим праведным. Нет, похвальное стремление, я сие мадагаскарское насекомое даже где-то одобряю.

Ну, хотя бы потому что Ленок, сидя в декрете, не только копеечку калымит, но и не дает своим мозгам разжижиться переводом всяких там статей, трудов и даже книг. Она, как переводчик со стажем, аж на шести языках балакает, муженька с самой Канады выписала и к русским просторам приучила...

Еще б трудилась на благо родины не по ночам, не в ущерб себе и своему ребенку!

— На каком? — поинтересовалась, невозмутимо отбирая у расшалившегося киндеренка ложку, которой он азартно шлепал по остаткам бульона в тарелке. Стасик насупился. Посмотрел на маму, на меня, схватился за пиалу и начал активно прихлебывать. Мы честно похихикали, а довольное произведенным впечатлением дитя принялось активно швыркать жижу дальше.

— Корейский, — вздохнула соседка, у которой были нелады именно с этим языком. Его она закончила учить аккурат перед беременностью, а за время ее все полученные знания, как и воды, во время родов утекли. Ленок всеми силами пыталась наверстать упущенное, но..

Пока не получалось.

— Значит так, — мигом сориентировалась коварная я. — Тащи сюда статью и вещи Стасика с игрушками. А я, как говорится, и с деткой посижу, и за тестом пригляжу. А ты иди, поспи, а то выглядишь, как кладбищенский упырь не первой свежести.

— Как ты после работы, — хмыкнула соседка, зевая, но поднимаясь с табуретки. — Оплата как всегда?

— Нифига, — ухмыльнулась ни разу не бескорыстная я. Не секрет, что со Стасом я сидела частенько, и что Лена исправно пихала мне за это денежку, как бы я не отказывалась. В итоге пришлось хотя бы сократить сумму до минимума, хотя, если честно, с этой мелкой душкой я всегда возилась чисто из эстетического удовольствия. — Теперь у нас материальный бартер. Я тебе статью, и пару часов отдыха от этого...

— Меня! — важно вклинилась в наш разговор греющая уши мелочь.

— Тебя, тебя, — чмокнула я ребетенка в чумазый нос, который, по-моему, чистым не бывал по определению. И обратилась к внимательно слушающей девушке. — А ты, в свою очередь, пообещаешь, что наконец-то отдашь ребенка в садик!

— Ань, — вздохнула брюнетка, проводя рукой по растрепанной косе. — Я же говорила, он отстаёт в развитии и ему нужно домашнее обучение...

— Лен, ему нужно общение со сверстниками и адекватная мама, не пропадающая часами за ноутбуком, — хмыкнула я, а Стасямба серьезно покивал. — Попробовать тебе кто мешает? Через месяца два-три будет результат — оставишь, нет — забереешь домой.

— Ладно, — подумав, всё-таки сдалась нерадивая мамулька и насмешливо поинтересовалась. — А ты-то откуда все это знаешь?

— Пф! — фыркнула я, забирая у мелкого тарелку и выдавая взамен половинку свежего манго. — У меня на работе почти у всех коллег дети есть. Они как разговоры долгими дождливыми вечерами заведут, так хоть диссертацию о воспитании киндеров пиши, материалов на три штуки хватит точно. Клиенты, опять же, на эту тему любят перед друг другом хвастануть, у кого дитя чему уже успело научиться. Врут, по большей части, конечно, безбожно, но сам факт.

— Понятно, — почесала нос Лена, чмокнула сына в макушку, и ушла.

— Мама, пока-пока! — гордо помахал ей вслед пацаненок.

— Ну, что Стасище, — обернулась я к мелкому вредителю, уляпанному по уши фруктом, строящему хитрющую моську. — Отмываться и спать?

— Бай, неа! — возмутилось самое маленькое поколение соседской четы Саркаевых.

— Ну, нет, так нет, — невозмутимо отозвалась я и, сграбастав подмышку хохочущее чудо, кровожадно смеясь, утащила его в ванную.

А еще час спустя, когда накупавшийся мелкий сладко дрых в моей кровати с собственным плюшевым медведем в обнимку, я убрала последствия водных процедур, по масштабу разрушения и затопления напоминающие мини-цунами, и уселась на кухне со статьей и черновиком, в дверь неожиданно позвонили.

Недоумеая, кто это еще на мою голову свалился, я открыла дверь и...

— Ну здравствуйте, мордастье, а чё харю удивленную давим? Малыш, сегодня снова пятница и сегодня я снова тут!

Вот ты ж гребаный грендландский носорог, а про этот милый кадр я уже совсем забыла...

— Неаполь, не поверишь, я тебя банально запамятовала! — фыркнула я, привычно лоя длинное зеленое пальто, прилетевшее мне в моську.

Неаполь, по паспорту Аполлинария Андреевна Сизова, радостно оскалилась острыми сточенными зубками:

— Да кто ж тебя так по голове шарахнул, родная? Что б рожу мою и не вспомнить, надо залпом пару бочек заглотить!

Кстати, не врет. Этот набор суповых костей под два метра росту, на тонких длинных ножках, с коротким ежиком бирюзовых волос и выбритой паутинкой на виске — один раз увидишь, хрен когда вообще забудешь! Нос длинный, брови тонкие домиком, глаза зеленющие с вертикальным зрачком, одно ухо в колечках, во втором туннель, на шее ошейник с шипами, на тонких запястьях браслеты с бубенчиками. Прикид — атас: майка три шва пять разрезов, непомерно широкие джинсы, отчаянно цепляющиеся за костлявые бедра и тяжелые ботинки военного образца.

А уж как выражается эта бронебойная мадам... портовый грузчик отдыхает!

— Замоталась, — развела я руками, включая свет. — Месяцок вышел — не бей лежачего.

— Да чё, бывает, — хмыкнула Неаполь, наклоняясь, чтобы расстегнуть обувь. Но напоролась взглядом на мои перебинтованные пальцы и присвистнула. — Вот тут ща мну искренне не понял. Кисунь, ты чё, решила педикюр сделать, меня не дожидаясь? И если да, то на хрен-то бензопилой?

— Круче бери, — ухмыльнулась я, в душе ликуя, что наконец-то сумела поставить в ступор данный колоритный персонаж. — Отбойником на мойке!

— Сильна, — уважительно кивнула неформалка и, подхватив объемную сумку-чемодан, кивнула. — Ну, пошмякали на кухню, царапки твои в божий вид мастрячить будем. Заодно и языками цепанемся!

Я нервно хрюкнула, но в указанную сторону поковыляла, ни капли не испугавшись страшной фразы. Это по первости, услышав такое, меня надо было с люстры принудительно снимать. Уже потом дрожащей мне торопливо рассказали, что так престранная деваха предлагает всего лишь поговорить, обсудить последние новости — проще говоря, банально языками почесать. Но тогда-то пошлый мозг совсем не в ту сторону ушел!

Кстати, болтовней мы с ней и занимались стабильно каждый месяц определенного числа, да и слава богу — на большее меня бы просто не хватило!

И да, совсем забыла уточнить. Сия нетривиальная особа всего лишь скромный мастер

маникюра...

Да, странная. Да, местами жуткая и очень непонятная. Но, во-первых, выезжает на дом, во-вторых, недорого берет, а в-третьих, она действительно свое дело знает. А что до внешности... да наплевать, ей-богу!

Забросив в духовку мясо с овощами, а в мультиварку кашу, мы бурно взялись за дело.

Для разминки и нужного настроения мне подщипали вечно торчащие в разные стороны бровки. Потом их же покрасили на пару с ресничками... и принялись за маникюр.

Если честно, у меня никогда не хватало времени, чтобы толком за собой ухаживать. В подростковом возрасте я как-то на сей счет особо не заморачивалась, а потом все-таки пришлось. И хотя я всю жизнь носила почетное звание раздолбая всея Руси, должность обязывала быть аккуратным, милым раздолбаем. С людьми работаю как бэ...

Вот и озаботилась я вопросом данным, вопросом нудным, трудоемким. А так как со временем всегда беда, надо было организовать все так, чтоб разом все процедуры сделала, да на месяц позабыла.

Для начала, поведясь на рекламу, покрасила я брови... хной. Уж как мне распинался мастер, что будет такая красота! Готовая красота, блин, неземная, выводила меня на истерику в течение следующих трех дней. Уж как ржали надо мной коллеги-суслики, так и вовсе вспомнить страшно. На все заверения, что чернота уйдет через денек-другой, отражение в зеркале твердило об обратном. Четвертый день я ходила как Гоги с местного рынка, народ уже всерьез шугался...

И вот тогда я встретила Неаполь. Ну, как встретила? Я сидела возле мойки, грустила и думала, кого бы пойти, найти, убить. И тут раздался чей-то офигевший г хриплый голос:

— Лапуть, тебя кто так разукрасил?

Я тогда вполне хотела разреветься, но увидев девушку во всей ее незабвенной красоте, как-то сразу растерялась. А с перепугу еще и всю историю выложила. В красках. «Деввица» почесала бритый затылок, хмыкнула, выплюнула тонкую сигарку в мундштуке и скомандовала «ща!». Вернулась через пять минут уже с любимым чемоданом.

Короче, через полчаса я удивленно тыкала пальцем в аккуратные бровки и темные реснички на своей преобразившейся мордашке и восторженно пускала слюни на довольную мадам. На радостях отмыла ее старенький поддержанный мустанг так, что давилась от экстаза уже пучившая глазки неформалка. Это было в те бурные времена я еще мойщиком работала, с маячившим впереди хорошим повышением...

С тех пор мы друг у друга постоянные клиентки.

Вот и сейчас мне подпиливали отросшие ногти, заново покрывали их гелем, делали классический французский маникюр... Заодно красочно описывая, как прошла последняя ролевка. Под концовку процедуры и рассказа я уже лежала под столом, на нем под лампой оставались только мои сводящие судорогой ручки.

— Не, ты прикинь, чё! — возмущенно вещала Неаполь, покрывая мои ногти закрепителем. — Эти хорьки прилизанные, решили, значит, свои причиндалы в наши палатки сунуть, мага у соперников по ночи спереть. Херня, что у орков маги — бабы, а значит, нифига ни разу не гламурные! Млятушки, экзотики остроухим захотелось, не иначе! Не, ну я врублюсь, что под плащом все время тусила и фейс они мой не видали. Но ради какой тригонометрии и графика «хэ» было меня мотать в одеяло, пердолить через лес, что б у ручеечка после размотать? Ну не извращенцы, не?

— Ну-у-у, — чувствуя, как сводит скулы от смеха, икая, с трудом протянула я, послушно

вытаскивая ладонь из лампы. — Вдруг хотели убедиться, что ту магичку сперли?

— Да убедились, касатики! — клыкасто-зубасто улыбнулась Полинка. Я снова поползла под стол, а та насмешливо продолжила, заканчивая работу. — Стоят, значит, луки свои спрятали, лохмы распушили, груди от кольчуги оголили... Выматываюсь, значит, меня из этой тряпочки... И я тут говорю: «Привет вам, извращуги! Здесь прелюбодействовать будем, аль на опушку отойдем?».

— Бежали долго? — нервно хрюкнула я, представляя всю картину в красках и подробностях.

— Да ты ржешь, кисянь? — недоуменно вскинула Неаполь свою тонкую бровь. — Да там хоббиты пол ночи под елкой гоготали, уговаривая брякнувшуюся в ручей эльфятину покинуть хоть под утро свой насест!

Вот на этом моменте моя фантазия не выдержала и я окончательно ушла под стол.

Это ж какие должны быть впечатлительные ролевики, чтобы увидев «заложницу», сначала навернуться в ручей, потом залезть на ёлку и отказываться слезть, даже не взирая на глумливых коротышек? Хотя... увидь я ночью в лесу вместо милой магички такую особу, я б не только на дерево залезла, я б там весь лес переломала!

— Ну все, звездюля, ты вся в ажуре, — проворно собирая инструменты, довольно выдала Неаполь, когда я, отсмеявшись, разглядывала получившиеся аккуратные ноготки. — С пердюкой ждем, лечи пока конечность.

— Само собой, — фыркнула я, протягивая руку за кошельком. Отсчитала нужную сумму, положила ее в раскрытый чехол с пилками и с наслаждением потянулась. Все-таки день прошел не зря, что ни говори...

— А-ань-н-ня, — раздалось вдруг сзади сонное и тихое. — Ня-я-янь?

— О, мелкий! — выгнула брови домиком Неаполь, застегивающая свой любимый чемодан и громко выдала, не скрывая восторга. — И ты здесь, Стасямба?

— Бабайка-а-а-а! — радостно завопил киндеренок, компактным вихрем врываясь на кухню.

Не удержавшись, я прыснула. Устами младенца, как говорится, глаголит истина!

И пока счастливо повизгивающему покемону громко слюнявили голое пузо, посмеиваясь, проверила, как там поживает наш нехитрый ужин.

Как-то само собой получалось, что в каждый приезд Неаполь соседский киндер тусовался у меня. К слову, даже увидев ее впервые, пацан не испугался. Задумчиво посмотрел, потрогал острые зубы, подергал колечки в ухе, аккуратно провел ладошкой по коротким волосам... и взвизгнув от восторга, впервые окрестил нефорку бабайкой. А та, не смотря на весь свой жуткий вид, маленьких детей любила прям до опупения.

Говорят же, что дети видят больше, чем взрослые. Они не обременены лишними знаниями, моральной стороной вопроса, им нет нужды слушать чужое мнение и они свободны от предрассудков. Они каким-то парадоксальным образом чувствуют, что идущий рядом мрачный человек на самом деле очень добрый, а тот, что улыбается и игрушку тянет — на самом деле гадость та еще.

Детишек фальшью не проймешь.

Через полчаса в квартире царил визг, писк и полнейший бедлам, а я, помыв посуду, принялась-таки за перевод обещанной статьи. Периодически меня отвлекал грохот, рычание, гоготание, завывания, хлопанье дверьми, но за обстановку я была спокойна. Эти двое хоть и любят побуяннить, но до открытого вредительства пока еще не доходило.

Мне оставалась еще половина довольно сложного текста, когда издали послышалось «ну Стаська, дай бабайка перекурит», хлопнула балконная дверь, а следом за ней раздалась мелодия звонка.

— Открыто! — машинально крикнула, грызя карандаш и пытаюсь отыскать в голове подходящее слово. Процесс стопорился, грифель горчил, а тут еще и невозмутимый голос так легко поинтересовался:

— Не занята?

Я аж подпрыгнула.

— А-а-а-а, — выдала я, чувствуя, как медленно и невесть от чего пытаюсь покраснеть. — Привет...

Сидит напротив. Спокойный такой. Улыбка легкая, взгляд насмешливый, локти на стол выставил, пальцы переплел, подбородок на них пристроил. Красивый, да...

Но что ж я от стыда-то вдруг краснею?!

— Ты уже знаешь да? — попыталась улыбнуться, но улыбка Богдана стала еще мягче и значительно шире. Я чуть не взвыла. — У-у-у, предатели!

— Ну почему же? — иронично выгнул брови Полонский. — Я встретил Алехина на парковке универа, когда он забирал твою машину. Он не настучал, он просто объяснил. А после телефонного звонка так вдохновенно матерился...

— Еще б не материться! — почесала я нос. — Учтитывая, во что мы все ввязались, когда его бабуля застучала у него дома Арину, а у меня всех остальных и...

— Почему ты не сказала сразу? — перебил меня Богдан. И он уже не улыбался.

А я... я крутила в руках карандаш, потупив взор и впервые за свою жизнь не знала, что ответить. И мне реально было стыдно! Вот так вот странно, непривычно и, как раньше бы казалось, просто невозможно!

— Понятно, — поднявшись из-за стола, парень обошел вокруг и, опустившись на одно колено, уверенно потянул меня за ногу. Пристроил мою лапку на своей ноге, аккуратно размотал итак разболтавшийся бинт и, внимательно оглядев рану, сочившуюся крохотными капельками крови по краю коросты, сжал зубы так, что они едва не скрипнули.

— Прости, — вздохнула я, испытывая невесть откуда взявшееся желание дотронуться до его мягких серебристо-пепельных волос. Пришлось снова мучить бедную канцелярию. — Я не хотела тебя беспокоить. Ты итак постоянно со мной возишься. Как будто у тебя других дел нет и вообще...

— Ань, — пристроив мою ногу на подставке, Полонский вздохнул, вставая и, приблизившись ко мне практически вплотную, обхватил мое лицо ладонями, внимательно глядясь в мои глаза, слегка поглаживая щеки пальцами. — Я твой друг и я за тебя волнуюсь. Всегда. Даже если ты пытаешься делать вид, что все в полном порядке. Давай договоримся на будущее: что бы ни случилось, в любое время дня и ночи, ты позвонишь мне. И я приеду. Ладно?

— Ладно, — чуть-чуть кивнула я, опять пытаюсь спрятать глазки.

— Надеюсь, — с очередным вздохом отозвался Богдан и на мгновение по-братски коснулся губами моего лба.

Внутри что-то екнуло.

Ну, блин... ну как так-то?! Вчера сплю на пузе врага, сегодня чую, что мне нравится мой друг...

Да ешки-матрешки, кого пойти и нафиг изнасиловать, чтобы угомонились эти чертовы

гормоны? Сейчас не март, а я же не кот!

— Ань-ня? — послышалось вдруг из-под столешницы, и любопытный детский голосок поинтересовался так серьезно. — Этя плинц?

— Скорее фея-крестная, — прыснула я, подаваясь вперед, чтобы разглядеть застывшего по ту сторону барной стойки неслышно подкравшегося Стасика. Темная бровь Богдана при виде киндера медленно поползла вверх...

Мелкий подумал. Прикусил указательный палец. Посмотрел на меня, на Полонского, снова на меня... И уверенно так выдал:

— Ня моя плинцесса!

Мой мимиметр ушел в отрыв от всей шкалы прибора измерений. Оспади, ну какая ж милота, да в эти вот три года! Что ж дальше-то с ним будет, а? Я ж скончаюсь в адских муках от этой жуткой невинной непосредственности!

— А если я все-таки принц? — улыбнулся вдруг Богдан. Я с интересом покосилась на него, на непривычно-серьезного задумывавшегося пацаненка, хмурившего хорошенькое личико... И тут раздался знакомый громкий вопль:

— Стасян, ты куда заныкался опять? Ба-а-а, какой аппетитный мужичонка... Мои валенки вот прям сейчас в восторге!

Я подавилась кашлем. Ну, Неаполь как всегда, не могла не промолчать!

— А, это, значит, сам Кощей Бессмертный? — иронично спросил как всегда невозмутимый Богдан, окидывая взглядом с головы до ног всплывшую на кухню мою товарку.

— В точку, чувак! — шелкнув длинными пальцами, жизнерадостно подтвердила девушка и, отыскав взглядом прячущегося, но хихикающего покемона, радостно зарычала, подкрадываясь. — А где там мой добрый молодец? Конь на обед, седок на ужин... Поймаю, поймаю, поймаю!

Взвизгнув, Стасик стрелой умчался в зал, а мастер маникюра радостно поскакала за ним, подмигнув мне напоследок.

Чувствуя, что смеяться уже нет никаких сил, я уткнулась лбом в стол:

— Всю сказку испоганили, ироды...

— Зато ребенку весело, — пожал плечами улыбающийся Богдан. — Его мать?

— Нет, моя знакомая. — ответила, соскальзывая со стула, услышав далекий дверной звонок. — А киндер соседский, присматриваю иногда.

Вот честно, распахивая входную дверь, я думала, что дальше и хуже быть не может в принципе. Угу, вот вам и очередные нифигашечки!

— Стась! — громко крикнула, приваливаясь к стенке, глядя на застывшего на пороге шатена. Белые кроссовки, белые теплые спортивные штаны, серая водолазка, белая жилетка... Меня пробило на «хи-хи». — Ты там принца заказывал? Так вот он, кажется, прибыл!

Брови Исаева полезли вверх, а в прихожую выползли все мои гости. Полонский, усмехаясь, привалился плечом к стене, привычно складывая руки на груди, обтянутой мягким черным полувером... в тон к черным классическим брюкам. Н-да, контраст у этих двоих как всегда незабываем!

— И ты здесь? — вернул усмешку Демьян, сунув руки в карманы, а позади меня раздалось восхищенное:

— И снова вау, какой мужчинка! Тестостеронометр зашкалил по всем своим статьям.

От количества самцов мое либидо находится в божественном экстазе!

Чьи-то лицо резко вытянулось. Ярко освещенная фигура Неаполь, застывшей возле аквариума, явно вызывала у кого-то ассоциации с родимой смертушкой, когда-то вступившей в неравный брак с родными марсианами. А тут еще мимо меня протиснулся кто-то шустрый с голым пузом, раскрашенным фломастерами, оглядел звезду всея универа с ног до головы и скептически спросил:

— Ты точно плинц?

Не знаю, как остальные, а я едва не закатилась!

— Допустим, — усмехнулся Демьян, насмешливо разглядывая мелкого и иногда бросая взгляды на меня. С намеком, видимо. А я с напряжением ожидала, что же Стасик выдаст дальше... и была ничуть не разочарована!

— Не плинц, — покачал головой ребенок и задумчиво прищурился. — На коника похоз...

Вот в этот раз от хохота скончались все!

— Пожалуй, я потом зайду, — хмыкнул Исаев, пытаюсь сделать вид, что слова какого-то чада беззубого его ну вот ни капли не задели. Ну-ну, а то мы тут все ничего не поняли!

Подхватив Стаську, Неаполь утащила его купаться, Богдан, пожав плечами, посмеиваясь, вернулся на кухню, я пока осталась тут.

Что конкретно это было, никто, разумеется, не понял. Но всем было весело уж точно!

Пожав плечами, я закрыла дверь за удалившимся шатеном и, не выдержав, уткнулась лбом в стенку, тихо постанывая.

— Это дурдом, — кое-как придя в себя, покачала я головой. И, вспомнив вчерашний день и вечер, уверенно поправилась. — Не. Дурдом-2, судя по всему!

И пошла на работу собираться.

«И гладкий шелк твоих волос. Касаться плеч твоих могучих, сильна та грудь, рубашкой скрыта. Могучий пресс, а то, что ниже...»

Собственно, на этом месте моя бурная фантазия безбожно спасовала и, что там было ниже, я дочитывать уже не стала. Вот честное нечистое, как бы вдохновенно не описывали содержимое шпанов моего собственного, единственного и неповторимого начальства в лице Ильи Алексеевича Добрынина, читать об этом лично мне не хотелось от слова совершенно! И без того, глядя на этот псевдо поэтический шедевр, мой бедный глаз уже вполне натурально дергался.

Не, тайные поклонницы, это, конечно, хорошо. Даже льстить должно... Харлею! А мне впору начинать гордиться за драгоценного во всех смыслах шефа — вон как красиво рыжего пинекантропа-то описали, и ведь почти не промахнулись! И оригинальное послание, что тут ни говори.

Но, на кой сей «шедевр»-то было присылать на почтовый ящик клуба, да еще с пометкой «срочно», я вот в упор не поняла!

М-да. Иногда вот так посмотришь вокруг и думаешь, а с каких пор в психических лечебницах день открытых дверей устроили? Да еще во всех и сразу?

Не удержавшись, мое неумное любопытство все-таки дочитало до конца нетривиальное любовное послание тала-а-а-антливого анонима к брутальной Харлеюшке. Не поняла. Прочла еще раз.

Открыла рот. Похлопала ресницами... И зашлась в гомерическом хохоте, уткнувшись в родимый стол лобешником.

Мама дорогая... какие ж скрытые таланты хранит в себе рыжебородый хариус, оказывается-то!

— И что там случилось такого, что тебя от смеха выворачивает наизнанку? — поинтересовался с диванчика напротив спокойный, мирный голос. Не выдержав, я расхохоталась уже вслух, да так, что ни сразу попала мышкой по кнопке «печатать». Стоящий на углу столешницы принтер радостно схомячил лист бумаги.

— Я думала, ты спишь, — негромко хрюкнула, хватаясь за сигареты, глядя, как Богдан встает с дивана. Сцедив зевок в кулак, парень включил стоящую на угловой барной стойке кофеварку и, подойдя, присел на край моего стола:

— Поспишь тут. Ну, показывай, что тебя настолько рассмешило.

Я, молча давясь смехом, протянула ему лист, нахально очерненный буквами и честно выплюнутый придирчивой оргтехникой. Зевнув еще раз и взъерошив пепельные волосы, Полонский вчитался в краткий текст...

И поднял на меня вытянувшееся от удивления лицо. Таки ура, ребятки, вакансия «всея невозмутимость» вновь становится открытой, занимай скорей, кто там ее хотел!

Нет, серьезно, таких круглых глаз я у него еще не имела счастья лицезреть! А уж когда он медленно переспросил, у него так красноречиво голос дрогнул...

— Великий одноглазый... змей?

— Он самый, единственный и неповторимый! — прыснув, я ткнулась моськой в раскрытый ноутбук. — Нет, ну с кем приходится работать...

— Фриков в современной жизни всегда хватало, — усмехнулся Полонский и,

разжившись кружкой кофе, вернулся на край моего стола. — Но тебя к ним просто тянет!

— Скорее уж их ко мне, — фыркнула я, все-таки закуривая. Стряхнула пепел, поправила наушник в левом ушке, оглянулась на стеклянную перегородку, за которой сверкали неоновые вспышки над танцполом, и поинтересовалась у сонного парня. — Богдан, а ты чего домой не едешь? Тебе ж спички в глаза вставлять можно. Или веки скотчем клеить.

— А ты домой как завтра добираться будешь? — иронично вскинул брови парень, приближая к губам кружку с крепким черным кофе.

Я задумчиво потерла нос. Ну да, меня ж на смену в клуб он сам доставил. Лично! И мало того, что лапку мою обработал, перебинтовал, до своей машины доволоч (уже всю целую меня, а не только одну ногу), не смотря на все мои сопротивления... И тут остался бдить. Мотивируя, чтоб я опять никуда от всей души не вляпалась.

Но, собственно, а куда я влезть-то в «Максимусе» умудрюсь?

Я вон даже кеды скинула, сижу, пальчиками коврик ковыряю. На обходе клуба Олежка сегодня летает, парни его тоже при параде, гневливое начальство в бильярдной отдыхает, а я веселым, бодрым козликком скакать по приюту «веселья и мохито» отнюдь не собираюсь.

Не без мозгов же. Нет, я, конечно, могу и погеройствовать, благо нога успешно подживает и уже не болит. Но на кой провиденье гневить?

Но вот не слушают меня и всё тут. Не верят благородному порыву!

И вот не знаю даже, обидеться на такое недоверие, аль наоборот, влюбиться по самую макушку...

— А соседка мне на кой? — фыркнув, затушила окурок и отодвину пепельницу подальше, — Разберу завалы клубной почты, посмотрю заявки, составлю грандиозные планы на месяцок-другой, сайт в порядок приведу. Обещаю вести себя тихо-тихо, как мышка под веником! И даже поспать перед второй работой.

— Меня терзают смутные сомнения... — насмешливо протянул Богдан, глядя на меня поверх чашки. — Тем более о мойке речи не было.

— Не обсуждается, — вот тут я активно пошла на попятную. — Торжественно клянусь сидеть на попе ровно, по боксу не бегать, за работягами с ножовкой не гоняться. Но на работу я всё равно пойду!

— Как будто я не знаю, — невозмутимо улыбнулся Полонский.

У меня аж весь запал как-то сразу пропал. Ну вот не пакость ли он, а?

— Какой ты, однако, понимающий, — невольно насупилась моя обиженная светлость, откидываясь на спинку офисного кресла. — Творите, что хотите, но только под моим внимательным и жутким руководством?

— Почему сразу жутким? — насмешливо откликнулся парень. — А, ну да, ну да. Сижу, кое-кому трудиться не даю и нагло совестью работаю?

— Ясновидящий, — восхищенно протянула я, округляя глаза. — И как ты догадался?

— Ань, я просто хорошо тебя знаю, — улыбаясь, заметил Богдан, покачивая в руке кружку и глядя на напиток. — На работу ты пойдешь всегда и в любом состоянии. Или я не прав?

— Так точно, шеф! — приложила я два пальца к виску, отдавая честь. Гм, хорошо хоть не девичью! И еще раз поинтересовалась. — А может все-таки до дому, а? А то заснешь где-нибудь здесь в процессе пристального бдения.

— Нет, спасибо, — как-то странно усмехнулся Полонский, не глядя на меня.

И тут-то попа почуяла подвох...

— Что-то случилось, да? — осторожно спросила, давя в зародыше желание встать и устроиться с ним рядом на столе. Ну, так, присесть, болтая ножками, за ручку взять, да вдохновеньем поделиться... Идея, в целом, не плоха, но кажется вдруг мне, что ничего из этого не выйдет.

Двойное тьфу на почтового поэта. Я ж теперь пару дней изъясняться буду в рифму или ломаной поэзией! Ладно, хоть не басней и на том спасибо.

Богдан усмехнулся. Зло как-то. И снова не глядя на меня, но по моей спине полк активно марширующих мурашек торопливо проскакал.

— Я, конечно, понимаю, что сейчас большую глупость ляпну, — неуверенно произнесла, забираясь с ногами на кресло, подтягивая коленки к груди. И на выдохе тихо закончила. — Но, может, я могу как-то помочь?

Рука Полонского замерла, не донеся чашку до губ. А взгляд стал какой-то странный. Но на пару секунд так, не больше. Поставив емкость обратно на блюдце, парень мягко улыбнулся:

— А ты уже мне помогаешь.

Я почесала нос. Подумала... и как-то сразу догадалась.

— А, так ты тут не мой покой обеспечиваешь, а невозмутимо от кого-то прятаться изволишь!

— Как догадалась? — удивленно, но со смешком спросил Полонский. — Неужели...

— А ты думаешь, сколько раз у меня Липницкий на мойке отсиживался, прячась от занудных предков с их вечными деловыми предложениями? — иронично выгнула я брови и насмешливо закончила. — Так что, увы, мой друг, но на этой странненькой стезе ты далеко уже не первый.

Тьфу... тьфу, тьфу, тьфу! Да что за поэтический настрой? Вот ей-богу, пойду сейчас и банально промою язык с мылом. А что? Вдруг поможет? Вот Кир-то порадует, когда узнает... Он давно собирался это сделать!

— И ты даже не злишься, — заметил Богдан, допивая свой почти остывший кофе.

Я фыркнула:

— Тю-ю-ю... Да было бы с чего!

И не соврала, кстати. А вот дружочек-то мой нагло привирает... Не, возможно, попытка укрыться в кабинете администратора элитного клуба и не лишена некоторого смысла. Да только чует моя не совсем убитая алкоголем печень, что есть у него более приятные местечки для сохранности своей таинственной натуры.

Да тут прям на лицо забота обо мне любимой, а уж потом попытка схорониться!

Желание промыть язык, постучаться головой об стену и присесть на краешек стола стало прям неудержимым.

— Анна Сергеевна, к вам посетитель, — послышался вдруг в наушнике голос Максима, несущего свою опасную службу внизу на фейсконтроле. Я посмотрела на наручные часы и малость удивилась. Половина девятого. Кого в такое время могло попутным ветром занести, да еще и в мои скромные владения?

Машинально покосилась на Богдана... Так-так, а на самом ли деле ему действительно удалось от кого-то спрятаться?

— И кто же там? — схватив рацию, поинтересовалась я, смотря на парня, убирающего кружку обратно на стойку. И знаете, а он как-то вдруг странно подобрался... Почти незаметно. Но я-то это отчетливо видела!

— Вам... — тут в наушнике послышался уж очень подозрительный смешок. — Вы не бойтесь, но вам, я думаю, понравится!

Так, а вот теперь я действительно боюсь!

— Ну, проводи, коль не шутишь, — откликнулась в приемник. Вздохнув, спустила ноги со стола, придвинулась и стала наводить подобие порядка. И даже не заметила, как подошел Богдан.

— Ань, — я чуть не подпрыгнула, когда его ладонь накрыла мою. Вскинула голову и с толикой нервозности посмотрела на парня снизу вверх. И знаете, а он ведь улыбался!

— Не беспокойся, ладно? — негромко попросил Полонский и, дождавшись кивка, ушел обратно на диван. Устроился на нем в углу, вольготно складывая ногу на ногу... и улыбался ведь зараза! Почти незаметно, совсем чуть-чуть и только лишь краешком губ, но улыбался же, наблюдая за моими движениями.

Ну ежики-морожики, ну не мог же он так сходу понять, что волновалась я сейчас совсем не за себя? Не мог!

Хотя... Богдан-то и не мог? Мы точно об одном и том же парне говорим? Уж в ком, в ком, а в его талантах сомневаться мне еще не приходилось!

Эх. Беда, беда, грустинушка. И за что мне это все?

— Добрый вечер, — раздался вдруг глубокий, грудной голос с таким легким придыханием, и в мой кабинет уверенно вливается он...

Крейсер «Варяг» и броненосец «Потемкин» в одном таком большом флаконе. Рост ниже среднего, мягкие короткие светлые кудряшки во все стороны, на недовольной рожице умелый макияж, а в ушках серьги с брюликами. Длинные, тяжелые, а от того выглядящие слишком уж кичливо. Но главное, главное-то отнюдь не в этом!

Мадам бальзаковского возраста, по паспорту ну что-то где-то в районе сорока, имела глупость обтянуть свои мощные телеса дорогим костюмчиком фирмовым. А фирма, как известно, стоит денег и не малых!

Да только чувство вкуса-то увы, ни за какие монетки отродясь не продавалось. Ну, а про существование обычного стилиста кто-то явно решил не вспоминать. А зря.

Костюмчик дамочке не шел от слова абсолютно. Насыщенный бордовый цвет полнил ее еще больше (если это вообще было возможно), а что уж делала крупная горизонтальная полоска с и без того приземистой фигурой...

Богдан, сидящий на диване, изобразил фейспалм. Но тут же улыбнулся, когда тетушка повернулась к нему и смерила его полным призрения взглядом. Брови парня слегка выгнулись, а я, имеющая сомнительную честь лицезреть, так сказать, вид сзади, едва не закатилась.

Вот теперь-то я точно знаю, как на самом деле выглядят люди «на лабутенах, нах, и в восхитительных штанах»!

Это реально... полный нах!!

— Добрый вечер, я могу вам чем-то помочь? — с трудом сдерживая смех, невозмутимо и вежливо поинтересовалась я, отвлекая крупногабаритную даму от сверления взглядом невозмутимого Богдана. И тут я даже не его защищала, скорее уж наоборот! Не тот опыт, положение и влияние у моей гостьи, чтобы тягаться с Полонским даже взглядами.

Была, к сожалению, среди элиты относительно небольшая группа тех, кто только-только вошел в их блистательные во всех смыслах ряды. Не важно, каким образом они разбогатели: наследство на голову свалилось, бизнес вдруг в гору попер, женились удачно... Но факт

оставался фактом. Такие люди сразу принимались швырять деньгами направо и налево, презрительно воротили нос от всего средненького, гоняли на самых лютых авто и купали в магазинах все самое дорогое. И, как апофеоз размякшего от внезапного богатства мозга — только брендовые шмотки и обувь, только фирменные часы, и только большие брюлики! И плевать, что всё это может выглядеть не айс — всё самое дорогое некрасиво смотреться априори не может!

Ну-ну. В который раз имею сомнительную честь убедиться в обратном!

Ну, возьмем в пример того же Богдана. Вроде обычные, хорошо сидящие брюки, черный пуловер. Туфли, ремень, часы, вот, в общем-то, и весь внешний вид. Однако... На стоимость трех последних, ну так, на вскидку, можно заново переделать весь мой кабинет, включая технику и мебель. А так ведь с виду и не скажешь!

— Я хотела бы заказать праздник для своей дочери, — оторвавшись, наконец-то от созерцания Полонского, мадам изволила обратиться ко мне и, оценив совсем не брендовую белую рубашечку с приталенной жилеткой, пренебрежительно скорчила лицо.

А, ну да, ну да. Куда ж нам, сирым и убогим. Прямо сейчас забьюсь в самый дальний угол и буду долго, громко плакать! Вот уж Верещагин у своих камер удивиться...

Хотя, чуёт моя мнительность, они там уже наверняка всей оравой расселись, попкорном запаслись и предвкушают чудное зрелище. Надо с них деньги за просмотр брать начать. А что? Привыкли, знаешь ли, за мой счет все время веселиться!

— Присаживайтесь, — вежливо указала на кресло по ту сторону стола. Меня снова окатили тонной презрения, но царственно присели. Офисная мебель жалобно скрипнула, но честно выдержала, а я, стараясь не смотреть на выразительную моську Полонского, привычно предложила. — Чай, кофе, шампанского?

— Абрау Дюрсо, два бокала, — величественно махнула толстенькой дланью гостя. Мелькнули в неяром свете массивные золотые перстенёчки, и крейсер требовательно позвал. — Киса, сядь сюды!

Привставая из-за стола, я машинально повернулась в сторону двери... и тут же рухнула обратно.

Мама, роди меня обратно, я залезу аккуратно! А вот таких чудес в моей порядком насыщенной жизни еще просто не бывало!

Я машинально перевела взгляд на Полонского. У того явственно дергалась левая выгнутая бровка, а наружу рвался смех. Поймав мой взгляд, парень беззвучно прыснул и, поднявшись, направился в сторону угловой стойки, решив, видать, шампусик за меня разлить.

— Моя дочь, — гордо представила мадам подростка, беспардонно плюхнувшись на второе кресло. — Ираида Полевская!

Ну хоть не Майя Плесецкая, и слава валенкам святым! Хотя с таким имечком неудивительно, что девчонке уже и жизнь не мила, а с такой маман так и подавно. Серьезно, другого объяснения такому внешнему виду и душевному призванию я так сходу найти не смогла при всей моей большой фантазии!

Итак, передо мной предстало маленькое тощее нечто. Куцый хвостик чернящих волос на затылке, половина фейса завешана черно-розовой челкой, периодически сдуваемой с лица. В бровях по шипику, в носу колечко, глазищи черным жирно намалеваны. Во рту перекатывается жвачка размером с шарик для пинг-понга, не иначе, на тонкой шее шипастый ошейничек.

Тщедушное тельце обтянула черная кофта с длинными рукавами, поверх ярко-розовая футболочка натянута, на которой виднеется жуткий черепок из стразиков. Широкий ремень весь в клепках, мешковатые штанишки короткие, из-под них полосатые гетры виднеются, а уж какого цвета, итак, думаю, понятно. На лапках кеды черные (а вот тут реальное ха-ха, а у меня такие же дома в коробочке валяются, только иной совсем окраски!) шнурки, конечно же розовые.

На лице подростка скука отчаянная, во взгляде желание умереть узнаваемое, сидит, значит, одну ногу на кресло поставила, коленку острую к груди прижала, вторую конечность вытянула, бровь выгнула, жвачкой громко чпокает.

Оспади, прости меня, грешную... Когда ж все ошибки по пьяни тобой сотворенные, да вымереть наконец-то изволят?

Мне ж для эпично-бредовой, итак не скучной жизни только девочки-эмочки как раз недоставало!

— Здара-а-асте! — криво улыбнувшись, выдало это чудо, громко лопнув пузырь кислотно-розовой жвачки.

— Умница, — радостно оскалилась мадам.

А Ленка еще на Стасика жаловаться пробовала... Вот где уж развитие остановилось напрочь так, что все логопеды мира, увы, уже бессильны!

— Вынуждена спросить, — остановив Богдана до того, как он поставил бокал с игристым напитком перед эмочкой, вклинилась я. — Девушке исполнилось восемнадцать?

— А чо? — вытянулось лицо моей юной клиентки.

А ничо! Напьешься тут с горя, а мне потом штрафы ненасытному государству выплачивай!

— По закону мы не имеем права продавать алкоголь несовершеннолетним, — сообщила заученную фразу по одобрительный, но насмешливый взгляд Полонского. Смешно ему, да? Посмотрела бы я, как он на моем месте выкручивался!

— Ираидочке на следующей неделе исполняется девятнадцать, — сморщила мясистый носик мадама в лабутенах. — Уж вы-то должны об этом знать!

Ага, бегу и тапочки теряю. Нет, я все понимаю, среди моих знакомых чудоковатых предостаточно, да и у самой в голове тараканы с бубном отплясывают. Но чего ж в друг я должна каждую богатенькую эмочку в лицо-то знать, да датой ее рождения интересоваться?

— Непременно запишу, что б больше не возникало недоразумений, — серьезно кивнула. Мадам расслабилась, вольготно в кресле разлеглась, бокальчик свой приватизировала... А я настойчиво напомнила. — И всё-таки, представьте документы.

Богдан с шампусиком на всякий случай отступил. А я глазками так хлоп-хлоп невинно!

Гостья от гнева даже побледнела! Руки затряслись, кулаки сжались, пятна красные на щеках выступили, бриллианты в ушах возмущенно закачались... А я спокойно развела руками:

— Закон есть закон.

Мамзель скривилась, но, не найдя, что возразить, в дорожную сумочку полезла.

— Подавитесь, крысы канцелярские, — передо мной на стол небрежно шлепнулся российский паспорт в замусоленной обложке. Откинувшись на жалобно скрипнувшую спинку, гостья выдавила презрительную усмешку. — Теперь довольна?

Угу. Ну прям экстаз! Сейчас от восторга скочевряжусь в адских муках, придется всей толпой соскребывать и в баночку сливать.

— Благодарю, — растянула губы в оскале, незаметно наступая на ногу стоящего возле стола Богдана. Судя по его лицу, мадам-то эта своим недалеким хамством у него уже в районе печени осела, и парень сдерживался явно из последних своих сил.

Но помнилось мне, что у блондина терпение отнюдь не безгранично...

Клиентка клуба, конечно, отнюдь не пьяный байкер, да и шампуров у меня в кабинете отродясь не водилось. Однако, чуется моя мнительность, скоро огребет кое-кто словесно так, что мало не покажется!

Не, мне правда лестно. Всегда мечтала, что кто-то будет смело защищать мою девичью честь. Да только я сама как бы хамство хамство на дух не перевариваю, а потому не стоит Полонскому сейчас ломать мне тщательно продуманную ранее игру!

Он-то навряд ли знал, что подобные особы в моем кабинете появляются далеко не в первый раз. И ни в последний. А схема «слива» подобных капризулек у нас с Михасем отработана уже давным-давно. Правда, конкретно вот таких к нам еще не заносило, но все бывает в первый раз.

Так что, как говорит обычно наш ведущий Илюшенька: «Берем коньяк и будем импровизировать!».

Поймав мой взгляд, Богдан поморщился, но усмехнулся, бокал поставил и к диванчику вернулся. Уселся, значит, ногу на ногу закинул, локоть на мягкий кожаный подлокотник выставил, щеку кулаком подпер и ждет сидит.

Эх, вот и как лапочку такую можно разочаровать?

— Итак, Маргарита Васильевна, — сцепив руки в замок, вежливо осведомилась я, убедившись, что деточка ее давно уже выросла из пеленок, да только вылезли из них все никак не соизволит.

И это я не утрирую. Говорят, что самые продвинутые эмо носят в кармашке обычную пустышку и иногда ее вкусно причмокивают! Такие типа мега-кульные типы в своей тусовке, цари и боги субкультуры.

Правда я думала, что такие персонажи давно вымерли, как вид... Но кто ж мое мнения спрашивал по данному-то поводу?

— Просто Марго, — величественно перебили меня.

Ага. Я в восхищении. Мы в восхищении. Королева в восхищении! Но коленочку лобзать не буду, даже не надейтесь.

— Марго, — серьезно кивнула я и замолкла, когда рассадник розового цвета в соседнем кресле, хлебнул шампанского и снова громко чпокнул жвачкой. Сцепив зубы, снова натянула на лицо проф. улыбку и спросила. — Вы говорили что-то о празднике для вашей дочери.

— О, да, — ожила мадам. — Мне сказали, что ваш клуб лучший в городе. А для своей доченьки я хочу устроить грандиозный день рождения! Правда, Кисик?

— Ну а чо нет-то? — чавкнула неземная красотень, заламывая свои дырявые брови.

Да действительно...

— Именно, — подтвердила счастливая до безобразия маман. — И вечеринка будет, как вы поняли, в любимом стиле моей дочери! Здорово же, правда?

О да. Я в восторге. Богдан вон на диване вообще от восторга окосел. В каком экстазе бьется сейчас охрана клуба, я воистину боюсь предположить!

— Да, мы устраиваем тематические вечеринки, — размыто ответила я и аккуратно так поинтересовалась. — Но вы уверены, что стилистика субкультуры эмо будет не слишком...

— Э, мы не субкультура! — тут же взвилась девочка-эмочка, выпрямляясь в кресле. И

гневно уставилась на даму, некультурно тыкая в меня пальцами с облезлым черным лаком. — Мам, чо она?

И «чо» опять я? Чего опять сделать-то успела такая нехорошая вся я?

— Как вы смее! — мигом накрутилась родительница, пока я не успела и слова выставить в ответ. — Вы даже элементарных вещей не знаете, а еще администратор элитного клуба! Субкультура это совсем другое! А Идачка и ее друзья они просто другие, не как все!

— Субкультура — термин в социологии, антропологии и культурологии, обозначающий часть культуры общества, отличающейся своим поведением от преобладающего большинства людей. А так же жизненной позицией, музыкальными предпочтениями и стилем одежды, которым они самовыражаются, — не обращая внимания на праведный гнев «Титаника» меланхолично поведала я честно выученную лекцию по психологии. Точнее ее часть, но и этого хватило.

На меня так посмотрели в ответ... И ведь даже не нашли, что возразить! Эх, все-таки мозги — это страшная сила. А вкупе со знаниями они способны уgomонить даже представителя субкультуры эмо, который, к слову, вроде как совсем не субкультура!

— Как бы то ни было, — гордо вскинула мадам свой тройной подбородок. — Попрошу вас сей... термин больше при моей дочери не употреблять!

— Конечно-конечно, — кивнула я, пряча улыбку и напонила. — Но вернемся к организации вечеринки. Вот здесь представлены расценки на стандартное оформление и заказы, в скобках на нестандартные. Однако цена может меняться, если...

— Ма, чо она? — чпокнув жвачкой, вылупился на меня мелкий фрик, по сравнению с которым милейшая Неаполь просто нервно докуривает в сторонке наш самый огромный кальян.

Оспади... И «чо» я опять успела сделать? Вот слова не сказала, а уже где-то накосячить умудрилась!

Ай-я-яй, Анна Сергеевна, ну как же вам не стыдно!

— Вы думаете, меня волнуют ваши цены? — презрительно осведомилась Маргарита с видом оскорбленной невинности. — Какое хамство!

Оу. Действительно, «чо» это я. Как я, да админ клуба, да смею клиентам, да говорить о расценках! Всё. Нет прощения мне!

— Это моя работа, — не обращая внимания на праведный гнев, мирно ответила моя вежливая до зубовного скрежета светлость. И, не удержавшись, потянула сигарету из пачки, хотя обычно не смолила при клиентах. Да только тут не удержалась. — Не возражаете?

Мне великодушно разрешили, величественно махнув рукой. А девочка-эмочка так и вовсе, привстав, взяла без спроса мои же сигареты, плюхнулась обратно, прилепила жвачку на подлокотник, сунула сигаретку в зубы и принялась шарить по своим карманам.

Богдан, сидящий на диване, усмехнулся, спокойно тоже закурил... а зажигалку спрятал. У-у-у, мстительный какой!

Но в чем-то мой дружище прав... Такую борзоте не просто наказывать надо — душить в зародыше! Это ж что надо делать, что б воспитать такую хамку? А я еще, помнится, Исаева хамлом обозвала — да я вас умоляю, он по сравнению с этой черно-розовой нахалкой просто невинный, милый, няшный Стасик!

— Давайте так, — выпустив струйку дыма в сторону, я предложила привычный вариант. — Вы описываете мне свои пожелания, я составляю смету, согласовываю с

руководством и, если сумма вас устроит, тогда уже заключаем договор. Что скажете?

— Меня сумма не колышет, ну да ладно, — лениво отозвалась мадам и, добив шампанское, сложила руки на объемном животе и принялась вещать.

И, убиться тапком, дверью, носорогом — чем угодно! Если я выполню все ее капризы, уж точно настанет день «Х», придет время «Ч» и наступит полная «Ж»...

— Для начала задрапируйте стены черным, украсьте черепами, создайте полумрак. Девочки это любят.

Ага. Спецом сгоняю с Олежкой в анатомический музей и вдохновенно перекрашу черепа, развесим их по залу и будем вдохновенно созерцать... А потом повиснем рядышком, когда сию картину увидит наш ни разу не миленький Харлей!

— Никаких обычных столов, девочки любят сидеть у стенок. Накидайте розовых подушечек и валиков, поставьте столы, как на востоке...

Угу. Запакуйте в паранджу, дайте в зубы Коран, отдайте в гарем, забейте камнями...

— Никаких обычных приборов и посуды. Только металл и серебро!

Ладушки, как скажете. А еще святая вода, осиновыя колья, чеснок, да охрану в костюмах Ван Хельсинга...

— Музыку подберите соответствующую! И ведущий. Ведущий не должен быть громким и радостным!

Окей... Лично разрисую нашего Илюшу под ходячую печальку-Арлекина. Пускай стоит на мрачной сцене, весь в розовых гетрах и рюшах, ведет концерт, а так же пьет и плачет. Да-да, лично бутылку ради такого дела выдам бедному парняге! С его-то вечным позитивом, да негатив с себя давить...

— Меню... меню мы обсудим отдельно. Хотелось бы для начала взглянуть, что вы там вообще умудритесь приготовить!

Опа-па, вот это новость. А разве эмочки вообще едят, с их-то непременным желаньем сдохнуть?

Если только подать мышьяк в шоколаде, стрихнин в карамели, цианид в мармеладках... А что, как вариант?

— Танцовщицы... никаких вульгарных юбок! Только шортики, топики, розовые галстуки и перья в волосах. И да, всех их переокрасить в черный!

Окей, пойду куплю гудрон по оптово-розничной цене...

— Торт... Мась, нам нужен торт? Трехъярусный?

— Со стриптизером! — важно подтвердила эмо-кид и добавила, громко чпокнув любимой жвачкой. — А чо бы нет?

Да так, всего лишь наше очередное невинное «ничо». Придется запечь нашего кумира с его рельефным телом прямо в торте, но разве желание клиента вдруг стало не закон? А что? Как по-другому угодить девчатам, порадовать их впечатлительный мирок, несправедливость мира подчеркнуть, да уточнить про бренность бытия? Страданье — наше всё! И должен же хоть кто-то стать образчиком кошмаров жестокой нашей современной жизни...

— Официанты... официантов оденьте в костюмы мишек Тедди!

Склоняюсь перед вашей волей... попутно звоня в зоопарк для договора аренды пары бурых мишек...

И одинокой панды. Для комплекта!

— Что же еще... ах да, по алкоголю. Шампанское, мартини, кровавую мери, коктейли и никакого, не вздумайте, вы слышите? Никакого девочкам виски!

Да как посмею возразить? Лишь самогон, первач да запрещенный «ягуар». Последний просто обязательно! Надеюсь, я всё сейчас успела записать?

— Кажется, я всё сказала. Масюсь?

— Да все нормально, ма! — перекатила жвачку по рту девица и снова громко чпокнула.

И тут меня, наконец-то, изволило перекосить! Даже рука, исправно бегающая по клавиатуре, дрогнула, выведя совсем уж что-то... нецензурное. Про Богдана, сидящего в углу дивана, я вообще молчу — бедный парень, не закаленный общением с такими индивидами, еще в начале их вдохновенной речи ушел в один сплошной фейспалм!

— Ну что ж... — постукивая свежее отпечатанными листами, довольно улыбнулась я и отложила стопку шедевральной во всех смыслах нетлётки. Да-да, я свои комментарии, не произносимые вслух, тоже решила внести в новейший «документ». На память, для потомков! — Раз больше предложений нет... Марго, простите, но я вынуждена вам отказать.

Оу, боже мой, какие лица...

А какое восхищение и удовлетворение на моське Полонского... Пожалуй, только ради него стоило терпеть весь этот невыносимый дикий бред!

— То есть как? — округлил глаза крейсер «Аврора», подаваясь вперед всеми своими мощными габаритами. — Таким, как я, не отказывают!

— Администрация клуба имеет право отказать клиенту в обслуживании без объяснения причин, — мило похлопала глазками моя коварная светлость, сохраняя абсолютно вежливое выражение лица. — Ничего не могу поделать.

— Да вы, да вы... — мадам на мгновение заело. — Да вы не можете этого сделать!

— Ну почему же? — удивленно вскинула я брови, молча перехватывая из-под протянутой дрожащей лапки шокированной эмочки собственную пачку сигарет. — Ваши условия не являются невыполнимыми для такого клуба, как «Максимус». Однако ваши пожелания противоречат здравому рассудку, всем доводам зрелого разума, чувству логики и банальному здравому смыслу. Я уже не говорю о нашем персонале, поставщиках, поварах и остальных, вынужденных терпеть весь этот каламбур с его возможными криминальными последствиями.

— Чего? — наконец-то внятно выдала Идочка, чьи брови, побывавшие под обычным канцелярским дыроколом, медленно скрывались в волосах.

Коль вздернешься в сортире, официанты в дебильных плюшевых костюмах будут несказанно «рады» снимать твое хладное тело с истоптанного твоими кедами толчка, вот чего!

Подумала. Ручкой внесла поправки в уже напечатанное... и снова мило улыбнулась.

Вежливость же наша визитная карточка, ну!

— Мы вам отказываем, — опять механически повторила, с трудом удерживаясь от банального смешка. — К моем огромному... сожалению.

— Да вы, вы... Как вы смеете? — мигом побагровела мадам. — Я заплачу за это огромные деньги!

— У нас много других заказов на дни рождения, корпоративны и даже юбилеи.

— Я устрою вам жесткий анти-пиар!!

— Всегда пожалуйста. Клуб «Максимус» работает успешно больше пяти лет и стойко выдерживает все нападки своих конкурентов и недоброжелателей.

— Хорошо... а если я устрою вашему клубу лучшую рекламу и напишу хвалебную рецензию?

— Наш клуб не нуждается в ваших услугах.

— Но как же моя доченька... она же этого заслуживает!

— Как и многие другие привилегированные гости, уже имеющие клубную карту и подтвержденный статус vip-клиента.

— Рыжая дешевая хабалка... Да ты знаешь, кто мой муж?!

— А вы знаете, кто директор этого клуба?

— Понятия не имею! — заявила вдруг мадам и грохнула не кулаком, а кулачищем по столу. — Зови его немедленно!

И тут-то я открыто и радостно улыбнулась. Не знаю почему, но Богдан натурально закатился, откидываясь на невысокую спинку и зажимая рот ладонью, но мне стало вдруг искренне весело.

Да наконец-то! Я так долго этого ждала! Но на всякий случай уточнила:

— Маргарита, вы уверены...

— Зови!!! — приказным тоном взвыла Иерихонская труба в бордовом кашемировом костюме.

Да ла-а-ан, у меня уже рука сама к рации тянулась!

— Олег, позови, пригласи, пожалуйста, Михаила Александровича в мой кабинет. Да-да, его желает видеть клиентка. Спасибо.

И едва удержалась, чтобы не откинуться на кресло и не закурить. Если раньше в моей уютной обители царило подобие ада на земле, то сейчас наступит самый настоящий Апокалипсис!

Вскоре резко запахнулась стеклянная дверь, впуская громкие басы из зала, и более громкий и недовольный голос кратко, но емко и выразительно так поинтересовался:

— Ну?

— Шеф, вас видеть тут изволят... — тихо выдавила я, отчаянно стараясь не смеяться.

И, правда, было бы с чего!

Стоит мое начальство гневное, глазищами зелеными сверкает. На бедрах джинсы линялые, на ногах берцы любимые, на бедре цепь якорная, на сжатых крепких кулаках перчатки кожаные с пальцами обрезанными. На лохматых золотистых волосах неизменная бандана с черепушками, а на футболке черной и свободной лохматый человечек в гетрах черно-розовых и в кедах нарисован, да надпись такая яркая и очень заметная:

«Емо must die!».

Ну вот как в такого не влюбиться?

— Мне вас порекомендовали... — мигом оценив опасную и в чем-то даже смертоубийственную обстановку, невнятно выдала Марго. — Как лучший клуб...

— Заранее сочувствую! — отрезал Михась. — А сейчас коротко, внятно и, желательно, по существу. От меня-то что вам надо?!

— Э-э-э... — не сразу нашлась королева Марго. Но, переглянувшись с резко взбледневшей доченькой, как-то даже уверенно выдала. — Ваш администратор меня оскорбил!

— Да ну? — безмерно удивился соседка и ехидно поинтересовался, не глядя на меня. — Значит, долго и упорно выпрашивали!

— Но она мне отказала!

— Мне от расстройства пойти и утопиться? — мрачно поинтересовался Лександрыч, уже успевший оценить и вжавшуюся в кресло эмочку, и всю ситуацию в целом. — Ко мне

лично какие вопросы?

— Но не могли бы вы повлиять... — как-то уж совсем невнятно проблеяла Маргарита Васильевна, явно ожидающая прихода знатного мачо, на крайний случай мальчика-мажора, но уж точно никак не упрямого, злого и вечно не выпавшегося байкера. — На вашего работника?

— На кой хрен египетский? — злобно поинтересовался Алёхин и отрезал. — Сказала «нет», значит «нет»!

— Но мой муж...

— Мне сказать, куда я его сейчас пошлю? — выгнул брови Мишутка и, покопавшись в карманах, гневно пыхнул сигареткой.

— Но моя доченька расстроится, если ее день рождения будут проводить не у вас...

— И я покончу жизнь самоубийством! — вдруг вздернула острый подбородок до сих пор молчавшая Идочка, и гордо сунула... ту самую пустышку в рот! Да еще и руки на груди сложила.

Лександрыча не проняло.

— Олег! — повернувшись в сторону двери, резко, но вполне так невозмутимо крикнул Алехин. — Будь добр, выкинь ее уже с балкона! Кому на голову свалится, налей за мой счет и предоставь скидку. А если промахнется, размазанное тело оставь для антуража, все равно скоро Хэллоуин отмечать!

— Не надо! — взвизгнула Марго. Схватив доченьку, она сделала пару шагов на выход...

— Как скажете, шеф, — в дверях моего кабинета незаметно нарисовался Олег Верещагин. Оскорбленная в лучших традициях эмочка пыталась было сделать самый несчастный, полубморочный вид, но завидев Олежика как-то сразу передумала и даже резко побледнела. — А что, собственно, случилось?

— Да тут жить кому-то надоело, — прыснула я, закуривая полюбившуюся тонкую сигарету с ментолом. — От слова очень. Поможешь?

— Да я с радостью! — довольно оскалился Олег. Стоящая рядом с ним эмочка смерила его высокий рост, оценила широту плеч, заценила крепкую попу в любимой синей камуфляжке, «гриндерсы» на ногах тяжелые, бандану на голове со знаком анархии... И побледнела еще больше, узрев крупную надпись на черной широкой футболке.

«Хочешь сдохнуть? Спроси меня, как!».

И надо ли говорить, что через пять минут в моем кабинете стало тихо так, что слышался стук упавшего на тонкий хрусталь пепла?

— Я уж думал, ты их никогда не пошлешь, — наконец-то отсмеявшись, на край моего стола присел Богдан. — Нет, я видел многих людей в своей жизни... Но что б таких?

— И я о том же, — раздался вдруг спокойный голос. — Нет, Рыж, соглашаясь на должность администратора, я конечно, подозревала, что будет весело... Но что б настолько?

— Эльзик! — расплылась я в улыбке, узрев стоящую возле родимого околodверного фикуса знакомую стройную фигуру. — Ты все-таки пришла!

— А были варианты? — иронично поинтересовалась девушка с длинными, красиво уложенными русыми волосами пепельного оттенка. — Кто-то просто не оставил мне выбора. Не знаешь, кто это мог быть?

— Могу, умею, практикую! — довольно отозвалась нифига не скромная я, рассматривая вполне такую симпатичную подругу. Чуть выше среднего ростом, глаза серо-голубые, лицо овальное, с немного заострённым подбородком. Нос прямой, с лёгкой горбинкой. Фигура

стройная, в чём-то даже хрупкая. Юбка-карандаш чуть ниже колена, приталенный жилет, тёмно-синяя блузка с длинным рукавом и пиджак. Цвет костюма серый, ближе к стальному, туфли-лодочки в тон...

Вся такая великолепная, строгая и нежная, моя любимая королева снежная!

— Не сомневалась, — хмыкнула девушка, вполне оправданно имеющая кодовую кличку «Эльза» или просто «Фроз». Короче, временами отмороженная напрочь! — Кстати, кто это был?

— Ты про бандану, джинсы и футболку? — фыркнула я, не обращая внимания на взгляды, которыми обменялись Фроз и Полонский. — Лександрыч собственной персоной. То есть, пардон, Алехин Михаил Александрович, твое непосредственное начальство номер раз... С номером два когда познакомиться хочешь?

— Да хоть сейчас, — невозмутимо и даже равнодушно парировала ледяная по всем фронтам знакомая мне личность.

И вместе с этим раздался громкий зов по средствам связи:

— Олег, Сергеевна, в третью биллиардную, срочно!

— Вот, кажется, прям сейчас и познакомитесь, — отозвалась я, торопливо натягивая кеды. Грешно ведь упускать шанс представить нового админа лично начальству и лично тогда, когда оно меня видеть изволит!

И пускай нижние девяносто снова чувствует неприятности... когда нас с Эльзой это смутить вообще могло? Будет у нового админа «Максимуса» так сказать, проверка боем! Ну и ее умение реагировать в экстренных, стрессовых ситуациях вышестоящее руководство тоже оценит.

Начальство «номер два» по нашему прибытию как раз азартно доламывало кий о спину своего очередного богатого клиента.

Обведя привычным взглядом разруху в комнате, мигом оценив напряженную обстановку, застыв в дверях... я мило поинтересовалась:

— Илья Алексеевич, надеюсь, все в порядке?

— Вполне, зайчуля! — привычно и радостно отозвался рыжебород и, ухватив светловолосого парня за шкуру одной рукой и за ремень штанов другой, азартно протащил его на пузе по длинному столу, сметая его головой все бутылки с напитками и тарелки с едой!

Три полураздетые девицы взвизгнули, пять его дружков надсадно крякнули, но предпочли предусмотрительно вжаться в обтянутый кремовой кожей диван. Хмурый Михей, явно пропустивший все веселье, пинанув бильярдный стол, досадливо поморщил губы... и тут решила подать голос жертва Харлеевского произвола:

— Да я на вас за то в суд подам!

— Имеете полное право, — неожиданно вмешалась Эльза, глядя на приземлившегося у ее ног некогда красивого парнишку. — На лицо сто пятнадцатая статья УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», статья сто шестнадцатая «Истязание», статья сто девятнадцатая «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» а так же полностью глава «Преступления против свободы, чести и достоинства личности».

— Да! — гордо выдал парень, сидя на пороге и утирая кровавую юшку под носом, с ненавистью глядя на прибывающего в яростном гневе Харлея. — И эта девушка будет моим адвокатом!

— Однако, — невозмутимо так продолжила Фроз, оглядев обстановку разбитой

бильярдной, побитого «мачо», пугливо жмушюся к стенке официантку с разорванной блузкой, растрепанными волосами и алым пятном на скуле, грозящим вот-вот перерасти в нехилый синяк. — Есть другая сторона вопроса.

— Чего? — недоуменно выдал непонятливый клиент, а злой как стадо чертиков Михась, оставшийся сегодня без Арины, отпросившийся на подготовку к зачету, а следовательно, без живительного напитка, просто, но вдохновенно матюгнулся. А Фроз равнодушно продолжила:

— Статья сто тридцать вторая: «Насильственные действия сексуального характера». Статья сто тридцать третья: «Понуждение к действиям сексуального характера». Статья сто тридцать пятая: «Развратные действия». Статья двести тринадцатая: «Хулиганство». И все признаки сто пятнадцатой статьи: «Умышленное причинение легкого вреда здоровью». И, конечно же, сто тридцать первая статья: «Изнасилование»... Не полностью. Но попытка все же имела место быть...

— Администрация клуба «Максимус» предлагает разрешить конфликт мирным путем, — тут уже вклинилась я после Эльзы, но таким же убийственно-холодным тоном. — Вы должны немедленно сдать свою карту vip-клиента. Вы, как и список ваших гостей, отныне являетесь персоной нон-гранта в нашем клубе. К тому же, вам необходимо в кратчайшие сроки принести свои глубочайшие извинения пострадавшей девушке, а так же в трехдневный срок перечислить на ее счет сумму, указанную нашим юристом. Он свяжется с вами в ближайшее время. Наши требования вам ясны?

— Вполне, — задавленно отозвался потрепанный мужчинка, с заметным трудом соскребаясь с гладкого чистого пола.

— В таком случае, будьте любезны проследовать на выход, — любезно улыбнулась Фроз, красивым жестом отступая от двери.

И парень-то ушел, сам, нов сопровождении охраны, да только...

— И... кто это? — равнодушно поинтересовался Лександрыч, закуривая сигарету и раздраженно шмякая кончиками пальцев по столу.

— Изабелла Александровна Араньева, — представила я подругу, едва сдержавшись, чтоб банально не раскланяться. — Ваш новый администратор, прошу любить и жаловать!

— Эльза, — спокойно усмехнувшись, оглядывая всех присутствующих, добавил мой любимый жуткий мороз во плоти.

Харлей посмотрел на нее... Переглянулся с Михасем. Вспомнил физически приголубленного собственной рукой и морально уничтоженного нашими с Эльзой точными фразами, охреневшего в конец и недаленовидного гостя. Почесал жесткую рыжую щетинку на подбородке и, хлопнув ближайший к нему стакан вискаря, довольно усмехнулся:

— Я думаю, сработаемся!

Да, кто бы, собственно, уж в этом сомневался-то...

— Выглядишь довольной, как слон, — заметила Ира, просматривая ведомость. — Хотя поработали вы... да уж. Десять машин за сутки всего.

— А ты сумму глянь, — фыркнула моя действительно довольная светлость, пристроившаяся на диване в админке на любимой мойке и старательно обмазывающая активно подживающую лапку странным клеем с приставкой «медицинский».

— Оу, — оглядев указанные циферки, уважительно присвистнула моя сменщица. — Тогда понятно. А с ногой что?

— А, так, лопухнулась, — махнула я рукой, с трудом сдерживая смех. Помнится, позавчера ночью в клубе конкретнее всего на эту тему выразилась Эльзик, молча оглядев перебинтованную конечность: «Нога, отбойник... суслики?».

Почти угадала, но, не смотря на небольшую ошибку, пообещала наведаться на прежнее место работы. По старой памяти, так сказать, чтобы привычно держать на сей раз ни в чем неповинных рабочих сусликов в тонусе. Моя бригада, услышав переданный им привет, крестилась и плевалась еще долго...

А уж вдохновенно как трудились!

Вчерашний день на погоду выдался не айс, как говорится. Стояла холодина, с неба сыпался колючий дождь с мокрым снегом, так что на дорогах стояла дикая грязюка. Естественно, желающих помыть свое железного коня почти не оказалось, но скучать рабочникам-таки не пришлось. Нам загнали аж целых три химчистки, так что время мы провели с огромной пользой. И зарплатой!

И хотя я пока особо не нуждалась — Кир, зараза такая, кроме покупки зимней резины оставил еще нифига не скромную пачечку купюр, не смотря на все мои возражения, именно лично заработанная денюжка приятно радовала глаз лучше всякой другой. Что поделать, я давно привыкла самостоятельно обеспечивать свою тушку с ее разнообразными запросами, причем еще с подросткового возраста, и сидеть на чужой шее мне противело. Даже если это была надежная, сильная, горячо любимая шея самого Кирилла Громова!

— Автомат заправили, за интернет заплатила, — задумчиво и привычно перечислила я, натягивая на ногу носок. — На пульт охраны отзвонилась. С тебя химию заказать. Там пока не критично, но лучше заранее.

— Навскидку помнишь, что надо? — поинтересовалась Иришка, хватаясь за бумагу и ручку. — Лень идти в подсобку.

— Лень двигатель прогресса и причина появления целлюлита, — ворчливо отозвалась, но, натянув кроссовок, накинула рюкзак и подошла к столу. — Ладно уж, порадую твои ленивые булочки. Пиши: две пены, стеклоочиститель, канистру чистилки для химии. Вафельные полотенца извели все, тут тебе на сегодня осталось фиг да маленько. Остальное, в принципе, все терпит... О! Бумажные заказы. И побольше!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты их цену вдела? — скептически поинтересовалась блондинка. — Шеф за них голову снимет!

— Отсылай ко мне, не привыкать, — хмыкнула я, не став уточнять, что перед гневающимся боссом автомойки гораздо легче оправдаться, чем перед руководством клуба, помирающим без кофе. — Ир, они того реально стоят, так что заказывай. Аристарховичу,

если что, сама объясню. Так, ну вроде все... Пойдем, покурим на дорожку?

— Если расскажешь, почему довольная такая, — поставила условие девица. Я хмыкнула, выходя в открытый бокс.

Чего тут рассказывать-то? Выспалась я. Вот просто тупо выспалась. Как немного нужно иногда для счастья, да?

К слову, позавчера мне пришлось нарушить обещание, данное Богдану, и таки весело скакать по клубу, показывая Эльзе ее новые владения. Что поделать, вводить ее в курс дело надо было как-то! Потом пока перезнакомила, все объяснила, документы показала, историю с Лександрыча с его привычками в красках описала... Полонский успел прилично так вздремнуть.

А утром меня сунули в машину, на мойку доставили, да на учебу укатали. И, что удивительно, но в течение дня и ночи, никто ко мне даже не пожаловал! Вот ей-богу, подобный факт теперь казался натуральным затишьем перед бурей. Однако вчера мне он совсем не помешал в тишине и спокойствии состряпать кучу рефератов и контрольных, что я давненько задолжала любимым своим преподавателям.

Остаток вечера хихикала с парнями в соседнем боксе. Ну, в том, где в машинах масла заменяли. А как только десять стукнуло, мы с сусликами дружно прибрались и завалились баиньки.

И ведь даже поругаться не изволили. Ни разу!

Эх, чуёт моя мнительность, что «это ж-ж-ж» совсем уже неспроста! Намедни довелось серьезно похихикать, и как бы теперь насмешливо поплакать не пришлось...

И вот знаете — как в воду глядела!

Лицо Иришки вдруг вытянулось, глазки заблестели... Плечики так раз и распрямились! Вот прям до жути интересно, кого ж наша блондиночка там за моей спиной увидела такого, что аж феромоны вокруг заплясали?

— Опа-па, какие люди! — присвистнула, поворачиваясь и оглядывая нежданного от слова совсем визитера. Который, кстати, не поздоровался и даже не дал мне договорить! — Ай! Поставь меня на место! Поставь, говорю, пещерный человек, я не твоя пещерная женщина!

Ага. Взял и послушался. Аж восемь раз!!

Не, на этом плече я уже вниз головой висела и каталась, а потому точно знала, что уронить-то он мою важную персону просто не посмеет. Однако такой оригинальный способ передвижения в пространстве меня определенно как-то не устраивал!

Допер, не уронил. И слава богу! Открыл машину, почти вежливо пристроил на сидение, захлопнул дверь, и все это проделал молча! Нет, я что-то определенно в этой жизни перестала понимать...

— Ну и какого, собственно фига ты... — начала было вдохновенную матерную речь, однако договорить хотя бы даже до середины мне не дали. На шею ладонь положили, в кресло вжали, одну руку в дверцу уперли, что б даже не вздумала сбежать... И традиционно заткнули поцелуем.

Да таким напористым. Уверенно, порывисто, почти что даже грубо — ну прям настоящий древний человек! От нескрываемых чувств в этом поцелуе я чуть на коврик не стекла.

Голова закружиться изволила, ручки-ножки затряслись, сердечко заколотилось в груди, а после безнадежно шмякнулось на пятки. Вот люди, учитесь, вот это африканская страсть!

Причем такая, о которой сами суровые негры даже не догадываются.

От меня наконец-то оторвались. С трудом вернув ушедшие в разные стороны глаза, я машинально облизнула припухшие губы, посмотрела в эти внимательные синие глаза вблизи своей мордашки... И поняла.

— Исаев, ты... ревнуешь?

Парень усмехнулся. Но и отрицать не стал!

— Да ну нафиг... — шокировано протянула я, а меня, не дав продолжить, в ответ опять поцеловали.

Трепетно. И нежно. И даже чуточку торопливо. Но так... сладко, что ли?

— И соскучился, — второй раз констатировала я. Ну обалдеть, какие новости сегодня, да еще и с утра пораньше!

— Ты как всегда догадлива, — наконец-то заговорил этот... целовальщик фигов! Но тему развивать не стал. Спокойно уселся обратно за руль, завел машину и хмыкнул, глядя, как я достаю из кармана куртки сигареты дрожащей рукой. — Домой?

— Ну, я так понимаю, такси ты мне вызвать не дашь? — иронично выгнула я брови, опуская боковое стекло.

— Хватит и того, что тебя возят и таскают на руках другие знакомые сомнительные личности, — усмехнулся Демьян, вырвав на дорогу.

— Обалдеть, — присвистнула я. — Кто бы мог подумать: меня на полном серьезе ревнует университетская звезда! Исаев, только никому не говори, а то меня твой фан-клуб налысо побреет.

— Не посмеют, — насмешливо отозвался парень, не отвлекаясь от мокрой дороги с островками подтаявшего снега.

— Я тебе напомню о нашем разговоре, когда что-нибудь случится, — закурив, пообещала я, с тоской понимая, что шатен мне банально не верит. Ох уж эта самоуверенность некоторых... какого бы размера сковородку выбрать, чтобы вбить в его голову хоть одну разумную мысль?

Например, о том, что нельзя мне с нехристью встречаться.

При первой ссоре поубиваем друг друга — это раз. Уходящие мозги в nirvanу при поцелуях, ну совсем для встреч не повод — это два. Ну разве только побаловать свой отвыкший от мужского тела организм... Так Исаев же потом и вовсе не отстанет! Это, кстати, уже три.

Ну и четыре, его влюбленные фанатки меня реально под кустиком прибьют и там же прикопают. Нет, я не боюсь. И плевать даже на всякие там сплетни, слухи и бурное обсуждение моего нравственно падения. То бишь коварную и наглую измену самому (о ужас!) Громову.

Кир, кстати, оценит и даже посмеется.

Но я не горю желанием отбиваться от женской половины нашего студенческого городка, включая первокурсниц, старшекурсниц, старост, некоторых преподавателей и даже персонала! Нафиг, нафиг мне такое счастье!

— О чем задумалась? — насмешливо поинтересовался предмет моего интереса, укутанный сегодня в дорогое черное пальто. Не в мою ли честь такое преображение? Если так, то в пору начинать собой гордиться!

— О тебе мой дорогой, — изобразила томный взгляд и влюбленный вздох, выставляя локоть на подлокотник, подпирая щеку кулаком и хлопая ресницами. — Все мои мысли

принадлежат тебе!

— Язва, — с ноткой обиды отозвался Исаев.

— Нехристь, — не осталась я в долгу.

— Оторва!

Ха! Не удивил!

— Ну точно нечестивец....

— Ничья, — усмехнувшись, вынес вердикт Демьян, спокойно заруливая в мой район. —

До дома донести, калека?

Тьфу ты. А вот это уже чуток обидно! Вот не умеет кто-то вовремя остановиться... И что мне с ним, с таким глупым, прикажете делать? Пожалеть и в лобик чмокнуть, аль из жалости добить?

— Эх, Исаев, умеешь же ты всю малину испоганить, — вздохнула я, отстегивая ремень. Честно, на минуточку мне даже грустно как-то стало. Вот всем, казалось бы, хорош поганец. И фигура, и фактура, и даже мозг имеется! Но ведет себя иногда как третьеклассник, бьющий понравившуюся девочку по голове портфелем. — Ладно, спасибо что подвез. Увидимся в универе.

— Ань, ты что, обиделась? — удивленно посмотрел на меня парень. Я только усмехнулась, выбираясь наружу и, махнув ручкой, захлопнула дверь кроссовера.

И даже успела проشمыгнуть в подъезд до того, как кое-кто успел до него дойти. А ведь собирался, кстати!

Усмехнувшись, невозмутимо дошла по лестнице до пятого этажа, почти что даже не хромя. Открыла дверь, зашла домой, включила свет в прихожей... и, бросив ключи на полку, прислонилась к стеночке.

Как-то вдруг Исаева в моей жизни стало слишком многовато. И не могу сказать, что это выбивало меня из привычной колеи или порядком раздражало, но от его активного внимания я порой начинала просто уставать. Да только он, кажется, сдаваться-то не собирался!

Даже интересно, чего вчера-то не явился, раз так скучал? Хотя оно-то как раз и понятно. Разозлился на звание коника, на присутствие Богдана, решил, значит, что его неземная красота без моего рыжего внимания вполне прекрасно обойдется.

Не обошлась! Не выдержал, бедняга, аж в семь утра примчался, сторя от ревности. Страсти, ну и чем там еще его голова была забита?

В кармане пиликнул телефон. Вздохнув, полезла за мобилкой, ожидая пришедших бурных извинений от некрасиво брошенного на улице шатена. Но телефон, что странно, вещал нечто совсем другое:

«Прости, не смогу забрать тебя с работы. Есть кое-какие проблемы. С меня желание».

Так мы, вроде и не договаривались, что ты меня забереешь... Но блин, приятно!

Отправила ответ с кровожадным смайликом, потирающим ручки и, отложив телефон, скинула кроссовки. Наткнулась взглядом на брелок и, взяв в ладони бордового мишку, задумчиво погладила круглые ушки. Потрогала шипы на пузе и, усмехнувшись, с силой надавила на черный мелкий нос:

— И не смотри на меня так! Я вредная, гадкая, противная и нехорошая пакость! Мне нравится твой хозяин, но он мне друг, а это поважнее будет. А с Исаевым я встречаться не буду потому что... да просто потому что!

Плюшевая игрушка не нашла, что возразить на столь весомый довод.

А я же, пристроив ключи на вешалке, попелась принимать душ и собираться на учебу, искренне недоумеваю, как умудрилась вляпаться в банальный любовный треугольник.

Вот не было бы счастья, да несчастье помогло! И теперь бегай от поцелуев одного, да тайно мечтай о них же с другим! Вот казалось бы, чего голову ломать? С Богданом ничего не выйдет, ломать френдзону неохота. С Исаевым встречаться... ну, коль говорить начистоту, чуток он был мне симпатичен. Попробовать, конечно, можно было бы, но что-то все равно во мне категорично протестовало против такого поворота событий.

А ведь мне еще и с третьим предстоит большую и чистую любовь изображать на публику!

Н-да уж. Если вляпываться, так по крупному, по-другому, кажется, у меня совсем не получается.

— Чего пялимся? — посмотрела на зубатку, обиженно хлопающую плавниками. — Мне тебе за рыбкой заахать не дали, так что жди теперь обеда! Домой поеду, заскачу в зоомагазин, так уж и быть...

Кстати, об обратной поездке из универа... по-хорошему надо бы еще кое-что сделать!

Пришлось возвращаться за мобилкой и, раздеваясь, слушать мерные, длинные гудки. Трубку взяли раз на третий:

— Аллоу, Михась, ты дома? И не спишь? Ба-а-а, какая прелесть. А слушай, ты мне нужен. Да-да, как всегда корысти ради! И я тебя люблю, моя дорогая. Ну, так что, устроим бартер? Твоя грубая мужская сила в обмен на кофе, приготовленный моими нежными лапками...

И пять минуток не прошло, как на пороге нарисовался заспанный Михей! И, опрокинув любимый напиток, покорно перетаскал в мою машину зимнюю резину, пока я в ванной отмокать изволила. И даже не стыдилась такой наглой эксплуатации своего горячо любимого соседушки. А что? Самой колеса мне не в жисть не поднять, тем более с литьем! А Лександрычу это ничего не стоит, тем более я ему такого администратора нашла...

Да с нее даже Харлей от восторга попискивал! Но предусмотрительно держался подальше — это мне начальство по секрету сообщило, перед тем как на учебу отвалить.

Так что мы с ним в полном расчете, ну и оба сидим в одной огромной луже: прием-то у его бабули на следующей неделе Мишутке так и не удалось отменить. Бесстрашная старушка на сей раз была весьма категорична!

Постепенно все мысли активно перекинулись на штурм плана в голове о том, как нам бы похитрее повернуть сомнительную аферу всеобщего знакомства. По умолчанию внешний вид Арины я на себя взяла, у Аленки свой парикмахер имеется, а где Исаев будет себе даму сердца с селезенкой подыскивать, меня как-то не особо волновало. Но оставался еще один немаловажный такой даже не вопрос, а целый вопросище!

Арише-то кого в роли кавалера втюхать?

Я так задумалась над подбором вариантов, что успела покормить соскучившуюся до громкого писка Ни-ни, полить цветы, одеться, собраться на учебу и даже добраться до туда на любимом малыше. В кой-то веки своим ходом, а то я с этими извозчиками скоро забуду, где тормоз, где газ, и на кой ляд вообще поворотники нужны! Кстати, о назначении последних, кажется, не знает пол страны, активно едущих по разбитым дорогам, и только я, по-моему, всерьез озадачилась этим вопросом, когда сдавала на права.

Да-да, все никак у людей, я помню. Но это мои головные таракашки, и прошу маленьких моих не обижать!

Привычно припарковавшись между машинами Исаева и Игорька, я вышла и, потянувшись, схватила рюкзак с пассажирского места. Закинула на спину, щелкнула сигналкой... и оказалась прижата к вишневому боку соседнего кроссовера.

— И долго бегать будешь? — иронично выгнул бровь нависший надо мною Демьян.

Вот чижики-пупыжики, чего он ко мне снова привязался-то?!

— Исаев, — тяжело-тяжело вздохнула я. — Ну чего тебе надобно, старче? Вон, смотри, перемена, студентики толпами ходят. Поймай любого и пытай себе на здоровье!

— Нет уж, — усмехнулся парень, наклоняясь к моему лицу. — Допрос с пристрастием я предпочитаю проводить исключительно на неких рыжих особах, вымораживающих меня своим непонятным поведением.

— Сейчас от гордости лопну, — честно пообещала, машинально потихоньку сползая вниз между его рук, впечатанных в машину. — Так мы договорились? Я пойду, а жертву произвола найдешь где-нибудь еще, на стороне...

— Нет, — меня ухватили за плечи и вздернули на ноги. — Я хотел поговорить именно с тобой!

Да быть того не может! И как я сразу до этого не додумалась-то! Я ж совсем не поняла, какого ляда ты за своей машиной прятался, а парковочное место рядышком оказалось ну совершенно случайно свободным. Ну вот так вот, внезапно!

Жаль правда, что это только сейчас до моей дурной головушки дошло. Но вслух фиг я в этом признаюсь!

— Заранее сочувствую, — серьезно покивала моя вредность. — Могу посоветовать составить претензию в письменном виде, в трех экземплярах и отослать на почту клуба. Как будет время, обязательно прочту! А сейчас я жутко извиняюсь, но я уже опаздываю. И так первую лекцию умудрилась пропустить. Сейчас пока моя калека до корпуса доковыляет, три года пройдет, не меньше. А там, глядишь, уже до пенсии недалеко...

В ответ по машине так с силой кулаком треснули — я аж присела!

Согласна, с сарказмом перебор, не спорю. Но не могла я его не подколоть, ей-богу! Правда, когда нечестивец вдруг усмехнулся, я поняла, что на сей раз мне стоило откровенно промолчать.

— Значит, говоришь, опаздываешь? — нехорошо так улыбнулся Демьян. — Позволь исправить это досадное упущение!

И поднял меня на руки!

Да ёп, да ты ж, да что ж... Поставь меня обратно!!

— Исаев, посади, где росло! — испуганно пискнула я, пытаюсь отбрыкаться. Не вышло — меня в ответ тряхнули, что б не возмущалась, и преспокойно понесли дальше. Пришлось срочно менять тактику. — Ну Демьян, родненький, ну отпусти... Тебе же хуже будет!

— Мне? — иронично переспросила университетская звезда, спокойно вышагивая по парковке. — Вряд ли.

— Хорошо, не тебе, — зашипела я, узрев десятки недоуменных взглядов куривших на улке студюзов. — Мне, доволен? На нас весь универ пялится!

— Раньше тебя это не смущало, — насмешливо откликнулся Исаев, у которого на лице было написано все, что он думает о мнении окружающих.

— Раньше ты влюбленного принца не изображал! — уже открыто огрызнулась я и снова заныла. — Ну Дем, ну солнышко, меня ж твой фанклуб сожрет после этого!

— Покажешь, кто посмеет — оторву голову, — равнодушно пожал плечами парень,

легко взбираясь по ступенькам крыльца моего корпуса.

— А, то есть мне потом еще ходить и во всех твоих баб пальцем тыкать? — ни разу не вежливо удивилась я. И зря. В ответ на сию фразу Исаев дверь открывал уже с пинка! — Какие мы нежные...

— Да нет никаких баб, Ань! — едва не взвился Демьян, входя в многолюдный холл. И рыкнул, доведенный уже до отчаянья. — Плевать я хотел на остальных студенток, мне интересна только ты! Со своей дурной башкой, ехидным языком и совершенно невыносимым характером!

— Абзац, — цокнув языком, прокомментировала я, прикрывая лицо ладошками. И поинтересовалась в наступившей тишине. — А на хрена орать-то было?

— Могу повторить еще раз, — невозмутимо произнес Исаев, рассматривая золотую молодежь, одним большим памятником застывшую после такого оригинального признания. — Тебе и каждому в отдельности! Вопросы есть?

Ага, сейчас народ пошел, и жаловаться начал в порядке строгой очередности.

Да они ж дышать лишний раз в его сторону боялись!

— Свободны! — резко скомандовала университетская звезда, утаскивая меня к лестничному пролету. Народ во все стороны хлынул, честное слово!

— Позор на мою седую голову, — стонала я. — Какой кошмар... Все, подамся в монастырь. А лучше на Аляску!

— Успокойся уже, а? — устало вздохнул Демьян и, поднявшись на второй этаж, пристроил меня на дальнем подоконнике, неподалеку от двери. Спасибо хоть в аудиторию заносить не стал, о его сольном выступлении итак через пару часов будет знать каждая собака студенческого городка.

Причем конкретно те собаки, что на каблуках и женского пола!

— Ты сейчас понимаешь, во что меня втянул? — вздохнув, свесила я ноги с подоконника. Не спрыгнула — по обе стоны от коленок чьи-то ладони опять пристроились, давая понять, что никак мне снова не смыться. — Исаев, если меня по твоей вине убьют, я воскресну, убью ту дуру, а потом убью тебя, учти!

— Перестань, ладно? — взявшись за мой подбородок, парень прижал к губам палец, не давая возразить. — Ничего не будет. К тому же, когда университетская оторва боялась какой-то кучки девиц с их погаными языками?

— Да ни в сплетнях дело! — едва не взвыла я, не выдержав тугодумия некоторых особо одаренных. — Они ж...

— Ань, все нормально будет, — перебил меня Исаев и... с поцелуйчиком полез. Вздохнула. Ответила. И ножкой дернула. Случайно так! — Нет, второй раз подобный номер не пройдет, чудище мой рыжее.

— Эт с каких помидоров вдруг твое?! — выпучила я глаза, глядя на вовремя отскочившего парня. — Я своего согласия не давала!

— А ты это теперь всему универу докажи, — нагло ухмыльнулся этот кот мартовский, отходя назад. Предусмотрительный, засранец!!

— Исаев, беги, — тихо прорычала я, соскальзывая с подоконника. — И быстро!

Вот же... козел винторогий. Выхухоль дальневосточная. Гиббон мадагаскарский! Броненосец американский, попугай британский и ехидна среднеазиатская! Да ты, да ты, ты... Ты Ирида Полевская с ее пустышкой, вот ты кто!!

Кстати, драпал гад черноморский быстрее, чем эмочка от Верещагина.

— Убью! — тихо прошипела, от души пиная батарею. Попала. Взыла от боли, скорчилась, присела на корточки, громко шмыгая носом.

Теперь из-за этого гадкого исконно русского суслика опять придется ногу перебинтовывать!

Сволочь. Вот истинная сволочь во всем своем Антихристском обличье!

Услышав завывающий звонок, вздохнула и, снова прихрамывая, поперлась в кабинет. При всем моем желании, сильно сомневаюсь, что убийство местного идола станет веской причиной для пропуска такого полезного предмета, как психология личности. Может, хоть что интересного узнаю о причинах неадекватного поведения некоторых особей мужского пола!

Хотя кое-кому диагноз «идиотизм» можно и без психолога поставить.

Преподаватель, кстати, списала мою нервозность на якобы неподготовленность к ее предмету и вызвала меня к доске первой. Это она зря, конечно. Я честно выдала зазубренный материал под ее довольное кивание, затем явила вывод, в котором щедро прошлась по влиянию субкультур на неокрепшую психику молодежи и, как следствие, неадекватное поведение... А потом меня попросили привести пример.

Вот тут-то я оторвалась! К концу пары на полу от хохота лежали все, включая тех, кто меня люто ненавидел. Но больше всех ухахатывалась Аленка, которой я перед началом опроса ухитрилась подсунуть распечаточку разговора с эмо-кид и ее оригинальной маман. Преподу надо сказать спасибо — от проблем насущных я реально отвлеклась. И, когда прозвенел звонок, даже как-то сразу не вспомнила, что было перед семинаром и чем сейчас грозило появление на публике меня любимой.

— Что у нас там дальше? — поинтересовалась, сунув руки в карманы широких теплых джинс, небрежно спрыгивая по ступенькам, стараясь не наступать на одну ногу. Настроение как-то незаметно поднималось, а потому на косые взгляды студиозиков я не обращала никакого внимания.

Есть какие-то вопросы? Идите к нечестивцу, он вам все популярно объяснит! Возможно, даже, цензурно, чего уж я сделать точно не смогу.

— Социология, — ответила Аленка, спускающаяся позади меня.

— Блеск! — спрыгнула я с последней ступеньки. — Обсудим насущную проблему влияния социального статуса на неокрепшую психику, формирующую вседозволенность и, как следствие, скудность мышления и искаженное восприятие мира!

— А-а-ань, я уже смеяться не могу-у-у-у! — снова закатилась Лелька, хватаясь за перила, что б с каблучков не навернуться.

— А я, думаешь, могу? — фыркнула я. — Это еще вживую тебя там не было! А мне каково было, а?

— Даже спрашивать боюсь, — фыркнула блондинка. — Ты на перекур?

— Агась, — кивнула я, но взглянув в окно, чуть было не передумала. — А ты, так понимаю, компанию не составишь. Лан, пойду помокну.

И, махнув рукой, выбежала на улицу. Колючий холодный дождик со снежком не радовал, а потому я, застегнув молнию толстовки на коротком меху, быстро перекурила прямо на крыльце среди таких же мерзнущих сокурсников. Пряча зябнущие лапки в карманы, затушила новым кедам окурков... и, вспомнив, что распечатанный реферат по социологии остался в машине, глухо застонала.

Ничего не попишешь, пришлось вжать голову в плечи и быстро топтать на парковку.

Аккуратно добежала до машины, пиликнула сигналкой, забралась с прохладное нутро, и уже тогда стряхнула воду с лица. Глянула в зеркало, убедилась, что тушь по-прежнему сдаваться не собирается, машинально перевела взгляд ниже, на капот машины... И замерла.

А через десять минут, убедившись, что мне не показалось, я уже влетала в корпус юристов, где должна была находиться нужная мне безрогая скотина.

Убью. Вот просто и незатейливо, но навсегда его убью!!

— Исаев! — распахнув дверь, рявкнула на весь кабинет. Сидящий на ближайшей к выходу парте Зараев вздрогнул, испуганно округлив глаза, что за ним ранее никогда не наблюдалась.

— Солнцева, вы с ума сошли? — возрился на меня преподаватель по уголовному праву. — Покиньте мой класс немедленно!

— Да вы не волнуйтесь, Игнат Владимирович, — пропела я, отыскав свою жертву, и направилась к ней, засучивая рукава. — Я ненадолго. Сейчас наглядно покажу, как выглядит сто одиннадцатая статья, и можете сразу продолжить ваш урок!

— Нанесение тяжких телесных? — выгнул брови привлекательный мужчина за преподавательским столом. — Что ж, пожалуй, это будет даже любопытно... Продолжайте.

— Благодарю, — радостно оскалилась я и, остановившись перед последней партией среднего ряда, с силой треснула ладонями по столу. — Исаев, какого хрена, мать твою?!

— Оу, я, пожалуй, пойду, — тихо присвистнул сидящий тут же Игорек и, прихватив тетрадь с учебником, торопливо пересел к Полонскому на последнюю парту через проход.

— А что случилось? — спокойно так полюбопытствовала нехристь, складывая руки на груди.

Что не так? Что, млять, не так? Да он серьезно?! Я ж сейчас его вздерну на собственном белом галстуке, а уже потом переспрошу, что, собственно, не так!!

— Я тебя предупреждала, — негромко и зло начала я, наклоняясь вперед. — Я тебе, бл... блин, говорила, что б ты держался от меня подальше? Но нет, мы же самые умные, самые дерзкие, самые уверенные! Корона череп не надавливает?!

— Ань, ты о чем? — нахмурившись, попытался перебить меня Исаев. Ага, да счаз! Ты еще с поцелуями опять полезь — в окошко нахрен выкину!

— Я о чем? — притворно-удивленно вскинула я брови. — А я о том, дорогая моя скотина, о чем ты совершенно изволил подзабыть. Я не ты, не твой отец, не твои друзья и даже не подружки. Для вас в порядке вещей разбрасываться деньгами и имуществом, для меня нет. Поиграл в героя? Молодец, а я теперь расплачивайся!! Значит так, мой горячий псевдо мексиканский мачо: еще раз кто-то из твоих баб посмеет тронуть мою машину хоть пальцем, узнаю кто, найду и просто вдарю фейсом об первый попавшийся забор. Сначала их, потом — тебя! И ради всего святого, подойдешь еще хоть раз ко мне ближе, чем на километр, спасти тебя от верной смерти уже не сможет никакой УК который, мать его, РФ!!

И в довершение слов пнула парту так, что она влетела краем в чье-то поцарапанное брюхо.

— Это было... эпично, — в повисшей тишине негромко протянул преподаватель, смотря то на кашляющую нехристь, то на злую до бешенства меня.

— Обращайтесь, если что, — насмешливо откликнулась и, одернув рукава, просто и спокойно вышла.

И только в коридоре перешла на быстрый бег, чувствуя, как злые слезы жгут глаза.

Я слышала, как открылась входная дверь. Вздохнула, понимая, что никто лишней просто так на огонек забежать не может, но на всякий случай под кровать вторую бутылку ногой затолкнула. Первую так и оставила рядышком — а смысл скрываться, если у меня итак глаза в кучу и спиртной дух на всю комнату?

Да, пью. Да, одна и дома. И нет, мне нифигащечки не стыдно!

На то есть весома́я причина, так и скажу Лександрычу, если это его лапти до меня дошкандыбали. Ну или хозяйка квартиры явиться изволила — больше-то ключей ни у кого нет. Разве что у Кира, да только он абонент не абонент, я уже проверяла.

Больше меня навестить без спроса, слава богу, не кому.

Однако странный визитер вел себя на удивление прилично. Ничем не хлопал, не гремел, зашел в комнату и аккуратно прикрыл за собой дверь. Даже свет включать не стал! А просто встал напротив, замер на секунду, звякнул ключами в руке... и уселся прямо на пол у стенки рядом со мной.

— Все так плохо? — тихо поинтересовался Богдан.

Ну да. На такое из всех моих знакомых на такое был способен только он. Остальные бы такие вопли устроили с угрозами членовредительства, ударами кулаков об стену и попытках потискать в качестве утешения мою безрадостную тушку, что я бы ругалась матом уже минут через пятнадцать.

А всего этого именно сейчас не хотелось от слова никак.

— Угу, — ответила и снова приложилась к бутылке с прохладным мартини. Он успел остыть на улице, пока ждала окончание процедуры по восстановлению лакового покрытия капота моего малыша. — Как попал в квартиру?

— Мишка ключи одолжил, — не стал оправдываться парень, звякнув знакомой связкой. — Я знал, что ты не откроешь.

— А ты звонил? — удивилась я.

— А стоило?

Логично... И ведь не поспоришь! Я б действительно не открыла, если бы кто-нибудь пришел. Как и не брала трубку до сих пор безостановочно пиликающего мобильного.

Не ответив, я снова потянулась к бутылке.

— Восстановить капот можно? — аккуратно спросил Полонский, не претендуя на мой, в общем-то, не самый любимый алкоголь. Я криво усмехнулась:

— Можно. Полировка помогла, но на солнце все равно будет заметно — царапины слишком глубокие и на всю капотину. Надо красить.

— Проблема в деньгах? — просто и в лоб задал вопрос парень, без лишних намеков и хождений кругами. Не в тему, конечно, но обожаю в нем эту черту, странно и органично сочетающуюся с его небывалой тактичностью.

— Нет, — хмыкнула я. — Не в них.

— А в чем? — осторожно уточнил Богдан.

Я сжала зубы, чтобы не расплакаться. Хлебнула из горла, скривилась, выпила еще... и все-таки не выдержала:

— А в том, что не надо трогать мои вещи. Нет, я и раньше слышала, что я «тварь рыжая», но почему нельзя было подойти и в лицо это сказать? Ну по морде съездить в

крайнем случае?! Вот ей-богу, в таком случае я бы даже не обиделась! Но машина-то моя причем? Нахрена ее-то портить?! Я на нее пахала, как проклятая, каждую копейку откладывала... И черт бы с ним с деньгами, здоровьем и временем. Просто это мой малыш, понимаешь? Моя машина! Моя!! И...

И меня просто притянули к груди, уткнув носом в надежное плечо.

Не выдержав, я позорно разревелась.

— Моя машина, — жалобно всхлипнула, чувствуя, как под щекой быстро намокает свитер Богдана. — Моя!

А он просто молча гладил меня по голове. Вот так просто, сидя почти в полной темноте, ничего не спрашивая и не обещая. Просто давая понять, что он рядом и никуда не уйдет, пока я не приду в себя. И это была лучшая поддержка из всех возможных.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я начала успокаиваться. Сама от себя такого не ожидала, честно. Я бы многое могла выдержать: оскорбление, угрозы, даже рукоприкладство... Но вредительство моего малыша стало ударом ниже пояса.

Почти полноценная истерика медленно, но верно сошла на нет. Но до того, как мне стало неловко, Богдан осторожно так произнес:

— Ань, я, конечно, могу и ошибаться... Но кажется, мое ухо сейчас нагло обжевывают.

Не выдержав, я хрюкнула.

Отстранившись от парня, вытерла слезы ладошкой и, нашарив в темноте пульт, пощелкала кнопкой. Висевший над головой шар, заменяющий люстру, послушно загорелся и закрутился, разукрашивая комнату синими и зелеными пятнами, лениво ползущими по кругу. Стало уже не так темно, но еще и не ярко — самое оно.

На плече Богдана, воровато оглядываясь, замерла стоящая на задних лапках Ни-ни.

— Она у меня в капюшоне сидела, — шмыгнула я носом, вытирая щеки рукавом толстовки за неимением платка. — Паразитка.

— Да мне не жалко, — улыбнулся парень, поглаживая белку, застигнутую на месте преступления. И вдруг невозмутимо так спросил, не заостряя особого внимания. — А почему тебе так дорога именно эта машина?

Хорошо хоть не сказал, что «это всего лишь машина». Другие бы так и сделали. Но это же Богдан. Всегда тактичный и всегда понимающий. И именно поэтому я и ответила, снова сделав приличный глоток мартини и тяжело вздохнув:

— Мне ее Кир подарил. Я же в двенадцати лет начала подрабатывать. Половину денег отдавала маме, половину откладывала на свою мечту. Все девчонки в моем возрасте на туфли и косметику копили, а я... Ну как обычно. А после смерти мамы оказалось, что она ни копейки из моих денег не потратила. Так что к пятнадцати годам уже накопилась приличная сумма, но когда Кириллу понадобилась помощь, я ее отдала. И ни пожалела ни разу. А в честь окончания школы, Кир, он... отдал долг, о котором я уже забыла. И тогда мы поехали и взяли мою ласточку.

— Почему именно ее? — спокойный, ровный, даже какой-то задумчивый тон. — Громов мог себе позволить и новую.

— Мог, — пожалала плечами, стягивая толстовку с плеч. Закинула ее на спинку кровати и снова прислонилась к стенке, согнув колени и устраивая на них руки. И усмехнулась. — Я настояла. Когда увидела ее в первый раз, просто влюбилась. И меня даже не становило ее слегка уставшее состояние. Кир не возражал. Мы делали ее вместе, понимаешь? Я зарабатывала на запчасти, Кирилл периодически добавлял недостающую сумму, а потом где-

то в сервисе, где-то сами, но потихоньку мы привели ее в божеский вид. Подвеску, коробку, салон, кузов... Даже двигатель меняли! Мне всегда грело душу то, что это моя собственная машина. Не подаренная богатыми родителями игрушка, а настоящее надежное авто. На мои деньги купленное, моими руками сделанное. А теперь какая-то сука своими кривыми лапами взяла и...

И я замолчала, не став договаривать. Описать все то, что я чувствовала на данный момент, было просто невозможно. По крайней мере, цензурными словами!

Не уверена, что Богдан поймет. Но мне моя машина была реально дорога до безумия.

После моего восемнадцатилетия Кирилл появлялся в моей жизни достаточно редко. Чаще, конечно, чем сейчас, но все-таки. И каждый раз в эти дни мы с ним пропадали в гараже, доводя до ума моего малыша. Смеялись, шутили, делились новостями, рассказывали друг другу все, что произошло за время, пока не виделись. Попутно роняя детали друг другу на ноги, перекидываясь инструментами и вымазываясь с ног до головы машинной смазкой и маслом. Возвращались домой всегда поздно, грязные, пропахшие потом и бензином, уставшие, но счастливые...

— Она для тебя больше, чем машина, — негромко подвел итог Богдан.

— Именно, — усмехнулась и, сделав глоток, с трудом поднялась на ногу. — Пойдем, покурим?

Полонский встал и, положив протестующую момонгу в ее клетку, вышел вслед за мной на балкон, не став, видимо из солидарности, надевать теплые тапки. Кофту я не надела принципиально — в голове прилично шумело и мне стоило хоть чуток проветриться.

Позориться перед Богданом еще больше, заливая его пьяными слезами и перегружая потоком информации на тему, какой Исаев козел на самом деле, мне хотелось меньше всего.

Осенний вечерний холод мигом выдул всю дурь из головы, и замерзнуть я успела даже быстрее, чем протрезвела! Да, чет с легким нудизмом моя подвыпившая светлость явно перестаралась...

— Иди сюда, — не выдержав моих метаний, Полонский притянул меня к себе. Покорно прильнула к теплему мужскому телу, обняла за талию одной рукой, выдохнула дым и уткнулась носом в свитер, приятно пахнущий мускусным одеколоном, крепким табаком и пряной вишней. Но дрожать не перестала, хоть и стало заметно теплее.

На мгновение мелькнула шальная мысль поцеловать блондина, чтобы раз и навсегда положить конец всем своим метаниям. Но, вздохнув, просто крепче прижалась к Богдану, чувствуя, как он обнимает меня в ответ, поглаживая покрывшуюся мурашками руку.

Еще одного разочарования я не перенесу.

Хватит с меня на сегодня потрясений. Если маньяком окажется не он, это даже будет не просто печалька, а самый настоящий пипец. А если я все-таки признаю в нем того самого любителя острых ощущений... я ж буду шугаться друга, как чумного, не зная, что теперь от него ожидать. А мне оно надо?

Пусть лучше все остается так, как есть.

— Ай! — невольно хихикнула, почувствовав сильную вибрацию в районе живота. — Щекотно!

— Это Липницкий, — вытащив мобильник из кармана, пояснил Богдан и принял вызов, притягивая меня обратно. — Да, Игорь?

Я украдкой вдохнула, снова пряча замерзающий нос в теплой одежке друга. Ни на минуту не сомневалась, что Эльфенок там с ума сходит от беспокойства. Уж он-то знает, как

я отношусь к своему малышу! Сам сколько раз запчастями снабжал за натуральную оплату, радуя тем самым и меня, и свой желудок.

— Он внизу, хочет подняться, — через пару секунд спросил Богдан. Я подумала и, поморщившись, кивнула. От его присутствия уже точно хуже не будет.

Вернувшись в теплую комнату, Полонский пошел встречать Игоря, а я, воспользовавшись моментом, сменила джинсы на спортивные бриджи. И снова уселась к стенке, обхватив ненавистную бутылку.

После прихода Богдана стало заметно легче на душе, что ни говори. Однако настроение все еще оставалось таким... поганеньким-поганеньким.

На плечо, жалобно попискивая, забрался сахарный опоссум, снова открывший клетку.

— Решила и мое ухо пожевать? — беззлобно хмыкнула, поглаживая мелкую зверушку. Мне виновато ткнулись носом в шею. Я вздохнула. — Ладно, уж, жуй, ушей-то мне не жалко...

— Ань, ты как? — в комнату вошел Игорек, даже не снявший крутку. Спешил, видать на мою зареванную моську поллюбоваться.

— Как видишь, — вяло откликнулась, помахав тарой с алкоголем. — Хуже, чем ожидалось, но лучше, чем могло быть. По крайней мере, все до сих пор живы.

— У, как все запущено, — стянув верхнюю одежду и оставшись в белой футболке и джинсах, протянул Липницкий, усаживаясь на кровать наискосок от меня.

— До этого было хуже, — сдавая меня с потрохами, усмехнулся Богдан, снова усаживаясь на пол между мной и клеткой Ни-ни.

— Полировку делала? — хмурясь, мигом перешел Эльфенок к сути вопроса. Я кивнула. — Не помогло?

— Не особо, — поморщилась, вспоминая то разочарование, что испытала, увидев результат часового труда знакомых мастеров по полировке. Те только руками развели, сказав, что больше сделать ничего не могут. — Надо шпатлевать и красить. Кто-то сил явно не пожалел. Узнать бы кто...

— Узнаем, — переглянувшись с Полонским, пообещал Игорек. — Так что с покраской?

— Эльфенок, машина практически моя ровесница, — устало напомнила я. — Такую краску давным-давно не выпускают.

— А если попробовать подобрать? — парень, отлично разбирающийся в таких делах, мгновенно схватывал все налету. — Что в сервисе сказали?

— Что они постараются, но ничего не обещают, — шмыгнула я носом. — И что наверняка капот будет отличаться и сильно. Проще перекрасить всю машину другим оттенком...

— Ну, бл*ть, — взъерошил светлые длинный волосы Игорь, который обычно никогда не матерился. Вот такие пироги, ребятушки: от некоторых событий даже высокородные эльфы изволят окосеть. Что поделать, к моему малышу парень всегда был неравнодушен.

— А ты думал я тут просто так сижу, пью и ною? — снова хлопнула я носом. — Мне так новые ботинки жалко не было, когда один придурок меня в бассейне чуть не утопил.

— Ань, я сам его скоро там утоплю, веришь, нет? — поморщившись, отозвался Липницкий, пристраивая руки на невысокой спинке кровати. А затем вдруг бодро скомандовал. — Значит так, мне нужна фотография твоей машины крупным планом, желательно при ярком свете. Комп и интернет.

— Комп в углу, интернет внутри, фотографии там же, — вяло махнула я и

поинтересовалась без особого энтузиазма. — А зачем?

— Ну должен же среди наших салонов и сервисов найтись хоть один рукастый мастер, — хмыкнув, пояснил Игорек, поднимаясь с кровати и, наклонившись, легонько сжал мое плечо. — Не волнуйся, отреставрируем мы твоего малыша. И... о, крыса!

— Сам такое слово, — насупилась я, забирая момонгу, обнюхивающую руку гадкого Эльфенка. Прижав животинку к груди, ласково погладила ее, печально вздыхая. — Вот так Ни-ни. Вечно нас с тобой все обижают...

— Этому столику больше не наливать, — смирившись с моим состоянием, махнул рукой парень, усаживаясь за компьютерный стол. И, бросив взгляд на Богдана, который рассматривал меня каким-то слишком задумчивым взглядом, спросил. — Присмотришь за ней, пока я разбираюсь?

Я только носом хлопнула.

Вздыхнув, Богдан молча притянул меня к своему плечу.

Время тянулось, как жвачка. Шарик на потолке крутился, разноцветные пятна ползали по стенам, полу, потолку, парням и по моей спивающейся особе. Летяга копошилась в волосах, творя что-то на подобии гнезда, а Полонский просто молча сидел, согнув одну ногу в колене и положив на нее запястье.

А я вяло пялилась в пространство, не особо веря в успех попыток Липницкого, который все это время не отрывался от монитора, активно брякая по клавиатуре. Иногда, правда, прерывался, выходил на балкон, курил, возвращался и снова упорно лез в интернет.

В конце концов, я поняла, что на сегодня с меня хватит и... заставив Полонского вытянуть ноги, сползла на пол, пристраивая голову на его бедре.

— Ты не возражаешь, если я тут чуть-чуть поваляюсь? — тихо спросила, обнимая себя за плечи. Почему-то мне казалось, что он откажется, отправит на кровать, но...

— Не против, — послышался тихий голос, а спустя пару секунд на макушку знакомым жестом легла тяжелая ладонь.

Вздыхнув, я подтянула коленки к груди, чувствуя, как в декольте майки устраивается на ночлег мой выгнанный из волос опоссум. Едва не мурлыкнула, когда меня погладили по голове... И вырубилась нафиг.

Да-да! Университетские рыжие оторвы тоже иногда в депрессии пребывать изволят...

— Йес! — спустя некоторое время воскликнул довольный собой Липницкий. — Я же сказал, что всё-таки найду! Ань, танцуй...

— Игорь, не ори, — негромко перебил его Богдан. Игорек мгновенно повернулся, опустил взгляд вниз... и вздохнул, поднимаясь с глубокого офисного кресла:

— Укатали сивку крутые горки. Давно спит?

— Минут пять, не больше, — хмыкнул Полонский, пальцами перебирая мягкие пряди волос мирно сопевшей ходячей неприятности. — Поможешь?

— Само собой, — отозвался парень и, с трудом присев в узком проходе между стеной и спинкой кровати, легко поднял Солнцева на руки. Перенес на кровать, положил... Девушка мгновенно повернулась на бок, прижимая коленки к груди. Из-под ее майки, протестующее пискнув, выбралась потревоженная и явно недовольная белка-летяга. Игорь руками развел. — Ну уж прости, я тебя не видел! Ко мне пойдешь?

Однако своенравный питомец, явно перенявший характер хозяйки, недовольно обнюхав протянутую руку, в два скачка и один длинный прыжок оказался висящим на груди у вставшего на ноги Богдана.

— Кофе? — задумчиво предложил Полонский, машинально поглаживая дергающую хвостом момонгу.

— Не помешал бы, — размял Игорек затекшую от долгого сидения шею и, прихватив с пола бутылку, первым направился на кухню. Где, включив свет, первым делом вылил в раковину оставшийся алкоголь. И пояснил, заметив удивленный взгляд вошедшего следом сокурсника. — Это чудище всегда берет мартини, когда хочет выпить. Не знаю почему, но один стакан и все, наш монстрик потерян для общества. Так что оставлять ей больше полбутылки просто опасно для чьей-нибудь жизни.

— Запомню, — отозвался Богдан и, пересадив на плечо летягу, включил кофе-машину и достал из шкафчика кружки. Усевшийся за стол Липницкий машинально отметил, что его товарищ по одному рыжему несчастью уж слишком уверенно ориентируется в незнакомом, казалось бы, пространстве, но поинтересоваться столь любопытным феноменом просто не успел. В кармане снова запрыгал смартфон.

Поморщившись, Игорь все-таки принял звонок от абонента, которого игнорировал весь день и вечер:

— Исаев, ты мне, конечно, друг, но ты меня бесишь!

Полонский, как раз насыпающий в маленькую миску найденный на подоконнике корм для грызунов, усмехнулся, легко узнав знакомые интонации.

И признал их, кстати, не он один, потому как Игорь раздраженно признался:

— Да, у Аньки. Нет, она не в порядке. Расстроена? Ну, как тебе сказать, дружище... Она не съехидничала ни разу. Нет, и даже не клялась тебя убить... Черт, Дем, ты издеваешься?! Да она только реветь закончила, когда я к ней приехал! Чего-чего... Что слышал. Да, настолько сильно расстроилась. Млять, Дем, да надо слепым быть, чтобы не заметить, как она обожает свою машину! Ага. Попробуй при ней сказать, что это всего лишь машина, и я второй раз съезжу тебе по роже. Нет, Исаев, я не шучу!

И раздраженно бросил трубку на стол. Даже не взглянув на чашки с дымящимся напитком, Игорек стянул резинку с собственных волос и запустил в них пальцы:

— Ну вот каким, каким идиотом надо быть, а? Знал же, чем все могло закончиться, но нет, явил высокие, млять, чувства на публику. Альфа-самец херов!

Полонский предпочел не озвучивать все, что он думал по этому поводу. Он просто молча пил привычный черный кофе, погружившись в собственные мысли. И это, как ни странно, не укрылось от Липницкого.

— Однако, ты как-то странно спокоен, — пригубив напиток, задумчиво протянул Игорек, глядя на вечно невозмутимого одноклассника.

— А я должен кричать и биться в истерике? — иронично выгнул брови Богдан, но его рука на столе едва заметно дрогнула.

До Липницкого очевидная истина дошла почти мгновенно, и он удивленно присвистнул:

— Чей-то хваленый самоконтроль, кажется, в кой-то веки трещит по всем швам. И думается мне, что если Демьян покажется кому-то на глаза, мы воочию лицезреем сто одиннадцатую статью УК, который РФ. И одним пинком парты ты явно не ограничишься.

Не сумев сдержаться, Полонский хмыкнул:

— В точку. И поэтому держи его от меня подальше.

— Да ни в жисть, как говорит рыжее чудище! — расплылся в многозначительной улыбке Игорек, довольно постукивая кончиками пальцев по горячей кружке. — Я лучше отойду в сторонку и посмотрю, что будет. К тому же, от меня Дем по морде уже получал, теперь твоя очередь.

— Я, пожалуй, пропущу, — одними губами улыбнулся Полонский и почесал между ушками снова забравшуюся к нему на плечо момонгу.

— Ну да, ну да, — недовольно скривился Липницкий. — Мордобой не наш метод. Но зная тебя... Занимаю место в первом ряду и заранее аплодирую стоя. Исаев, помнится, за бассейн до сих пор не расплатился. Ему подставу, что ты устроил с договорами на недвижимость, еще пару месяцев разгрести.

— Считаю это аперитивом, — сделав хороший глоток кофе, усмехнулся Полонский так, словно речь шла вовсе не об афере, в результате которой корпорация Исаевых, а именно те филиалы, за которые нес ответственность единственный наследник, лишилась прибыльных контрактов и вынуждена была выплачивать огромные неустойки.

— Воу, — цокнул языком впечатленный Липницкий. — Даже боюсь спросить, что у тебя заготовлено в качестве основной мести.

— Ничего, — равнодушно пожал плечами Богдан, спокойно снимая с волос запрыгнувшую туда зверюгу. Придерживая ее одной рукой, встал, открыл холодильник и, разыскав половинку авокадо, пристроил его на столе вместе с вечно голодным опоссумом. На опешившего Игоря он никакого внимания не обращал.

— А? — недоуменно выдал парень, переводя взгляд с кажущегося меланхоличным Полонского, на торопливо уплетающую фрукт летягу. — То есть как? Или ты задумал что-то грандиозное или... я ничего не понимаю!

— Игорь, я ничего не буду делать, — отодвинув опустевшую чашку, Богдан выставил на стойку локти и, переплетя пальцы, положил на них подбородок. — Исаев сам роет себе могилу. Каждым своим промахом он отталкивает Аню от себя, тем самым приближая ее ко мне. И именно осознание этого факта для него хуже всего.

— А я-то думал, что ваш спортивный интерес к Солнцевой уже перерос в нечто другое, — задумчиво и хмуро протянул Липницкий. — Выходит, я ошибся?

Полонский промолчал, пожимая плечами

Его ответ можно было расценивать двояко. Как «да» и как «нет», и куча других вариантов с многочисленными оговорками и поправками.

Игорь невольно задумался. Сопоставил известные ему факты, вспомнил все, что он видел и слышал, мысленно прикинул перспективы на будущее... И вынужден был признать:

— Я тебя не понимаю.

— А тебе и не нужно меня понимать, — как-то невесело усмехнулся Богдан. — Главное, чтобы она поняла, когда это будет нужно.

И вот после этих слов Липницкий уже окончательно перестал понимать что-либо вообще...

Я больше не буду пить. Я больше не буду пить... Черт возьми, я реально больше никогда не буду пить!

— Ну хоть ты понимаешь, как мне плохо? — жалобно спросила, глядя на сидящий на моей груди собственный похмельный кошмар с пушистым хвостиком. Ни-ни, разбудившая меня десять минут назад своим жалобным писком прямо в ухо, сейчас невозмутимо продолжила умыть свою умильную мородочку. Ага, как будто она тут ну вот совсем ни при делах!

Гадство. Надо мной издевается собственная белка!

Ладно, хоть живая, настоящая и сегодня, а не традиционная, галлюциногенная и вчера!

— Да, мать, ну ты выдала, — ссадив нахалку на подушку, с трудом села на кровати, потирая слипающиеся глаза.

Выдала? Ха! Выдаю я каждый раз Харлеюшке при его закидонах, а тут я, что называется, просто и красиво оторвалась по полной!

Весь четвертый курс на уши поставила, препода шокировала, парней в сервисе перепугала, работу в клубе прогуляла, а потом вообще наклюкалась и на полу вздремнула. Да еще и реветь, как барышня кисейная додумалась!

За последнее было обиднее всего.

Нет, за своего малыша я до сих пор остро переживала и готова была придушить одного отдельно взятого индивида с его самомнением в причинном месте, но...

Думать надо головой, а не тем, на чем сидим. А потому руки в ноги, ноги в зубы, зубы на полку и марш приводить себя в порядок!

Коль верить будильнику, до начала учебы время еще есть, так что можно прошерстить инет на заданную тему. Авось где красочка-то мне нужная, важная, да необходимая и всплыть изволит... Надежда, конечно, слабая. Ну не сидеть же сопли на кулак мотать, в самом-то деле!

Отчаянно зевая и морщась от собственного перегара, выползла в зал... И не сразу поняла, что там за невнятный шум на моей родимой кухне. Переглянулась с голодной зубаткой, вырулила в коридор, шлепая босыми ногами... И обалдела.

Это что за нашествие аборигенов в моих жилых квадратных метрах?!

— Я, конечно, дико извиняюсь, — негромко кашлянула, привлекая к себе внимание двух полуголых папуасов, мирно переругивающихся у плиты. — А вас каким попутным ветром сюда занесло, товарищи нудисты?

— О, Рыж, доброе утро! — приветливо отозвался соседущка, одетый в одни белые пижамные штанишки.

— Завтракать будешь? — не менее радостно улыбнулся Липницкий в одних джинсах, поворачиваясь ко мне вместе со сковородкой, которую сжимал в руке.

— Не факт, — ухмыльнулась моя светлость, проследив взглядом шмякнувшуюся на пол яишенку.

— Да блин! — застонал в ответ Эльфенок, а Миха, вытащив одну руку из кармана, звонко шлепнул его ладошкой по лбу:

— Говорил же, аккуратней! Рыж, они все у тебя такие рукопопики?

— А ты это не заметил, когда с Ариной мою кухню оттирал? — насмешливо

поинтересовалась, аккуратно обходя по кругу Игорька, сердито схватившего тряпку с батареи. — Припомни тот арт-хаус и абстракционизм на шкафах, плите и потолке... Малевич и Ван Гог от зависти удавятся! Про пол я скромно промолчу.

— Да не было ничего на потолке! — ворчливо отозвался Игорь, быстро убирая последствия своего недальновидно поведения. И надо признать, у него так ловко ручки двигались, а остатки возможного завтрака метко так в мусорное ведро улетели, что нашептывала моя параноя о необходимости пополнить съестные запасы.

Явно же тут второй сезон Адской кухни пару часов назад открылся, не позднее! Хотя, ежели вспомнить их кулинарные, с позволения сказать, шедевры, боюсь их не даже не возьмут на шоу «Мастер-шеф» с пометкой «дети»...

— Конечно-конечно, — фыркнула я, сжимая в трясущихся с похмелья лапках кружку с кофе, которую успела отобрать у аппарата, пока кое-кто горничную изобразить пытался. Нет, как профи, конечно, Игорь не прокатит, но если джинсы снять, фартучек надеть, то очень даже может...

Надо Аленке идею подарить, пусть запатентует!

О, кстати об одежке.

— Мишенька, солнышко, — протянула моя светлость тонким милым голоском. «Мишенька», сияя голым торсом, занятый нарезкой бутербродов, настороженно покосился на меня, сжимая в руке тесак неприличного вида. Я невольно прыснула — ну вот и как его после этого на бабки разводить?

— И чего тебе от меня надо? — поинтересовался женишок, выразительно стукнув «ножичком» по разделочной доске. Отрубленная «голова» копченой колбаски подпрыгнула и быстренько свалилась на пол, что б тут же закатиться под стул.

Моя трусливость в любимой рыжей шкурке была почти впечатлена.

— Мне бы это, — смущенно почесала нос, пока Игорь, ворча, полез вылавливать беглянку. — Ну это... денюжку!

— На кой? — еще больше удивилось мое клубное начальство, зажевывая новость уже нарезанным сырком. Я вздохнула.

Нет, продуктов мне не жалко. И нет, соседка меня не раздражает, у нас такие завтраки как-то входили в привычный жизненный уклад. Не, меня даже не особо волнует наличие Липницкого в моей квартире, и даже подозрительный плеск в ванной!

Мне больше интересно, покормят меня сегодня или нет?

— Не мне, — фыркнула я, алчно косясь на тарелочку с колбаской. — Арине!

— Чего?! — подпрыгнул Михась, роняя на пол булку хлеба. На сей раз Игорек не выдержал и кухню огласил веселый подзатыльник.

— Того, — хихикнула, пряча улыбку за кружкой, глядя как «домашний» рокер, гроза клуба и буйных эмочек неловко потирает пострадавший затылок. — До приема неделя осталась, помнишь? Аришу надо как бэ приодеть... Твоя суровая бабуля ей же все нервы изведет, разглядывая под лупой все стежки на платье. И не дай бог хоть один изъян найдется!

— Об этом я не подумал, — потер нос соседка. — Твои предложения?

— Мих, тут даже я уже допер, — хмыкнул Игорь, усаживаясь напротив с кружкой чая. — Гони девушкам бабло и отпусти по магазинам!

Да здравствует умная мысль, озвученная устами нашего Эльфенка! И позор на Михину последнюю бандану.

— Вот, слушай, что бывший одноклассник говорит! — назидательно ткнула я в его сторону пальцем. — Раз девушку втянули в этот бедлам с фальшивыми парочками, как минимум, будет нечестно повесить на нее еще и подготовку к сему сомнительному мероприятию. Так что я беру на себя заботы по ее внешнему виду, а ты, мой дорогой жених с приставкой «типа», выступаешь спонсором!

— Да ради бога, — откликнулся Михей, аккуратно складировав нарезанный хлеб на тарелку. — Скажи только, когда, чтобы я успел денег снять. Или тебе карточку выдать?

— Да мне, в принципе, хоть так, хоть так, — задумалась я. — А вот со временем беда. Мне тут еще инет лопатить в поисках того, кто сможет подобрать краску для капота.

— Ты ей еще не сказал? — удивленно повернулся к Игорю Лександрыч.

— Когда? — не менее удивленно отозвался Игорек. — Она ж вчера под стенкой прикорнула еще до того, как я все узнал! Кому там было докладывать? Ее зверюге?

— Вот так номер, чтоб я помер, — мотнула я головой, глупо хлопая глазами. — Это чего вы такого умудрились повернуть, о чем я до сих пор не в курсе, но даже моя белка уже прекрасно осведомлена?

— Да я решил сменить свой «Хаммер» на твою машину, — миленько так улыбнулся сосед. Я чуть под стол не навернулась!

— Шутки шутим, да? — обиженно протянула, с укоризной разглядывая довольное начальство «номер раз».

— Ань, я вчера через пять минут после того, как ты заснула, нашел мастера, который обещал все сделать в лучшем виде, — не выдержав, расхохотался Липницкий. — Ты же завтра на сутки? Утром загонишь, на следующее заберешь...

Не дожидаясь конца фразы, я с визгом повисла на Эльфенке!

Все охватившие меня эмоции можно было описать одним кратким, громким словом: «Аа-а-а-а-а!!!».

— Ты ж мой прелесть, — тискала я довольно гогочущего приятеля. — Ты ж моя лапочка, ты ж моя умница! Ты ж моя кисонька, ты ж моя зайнька...

— Надо Харлею альтернативу предложить, — задумчиво протянул Алёхин в ответ на последний хвалебный эпитет.

Мы с Липницким обниматься тут же перестали. А Лександрыч... тот поржал, явнс находясь сегодня в ударе. Не, он по утрам, конечно, грубоват местами... Не удивительно, что его могу временами переносить только я! И все-таки.

Вот же пакость соседская! Финтиплюшка байкерская! Ну, ничего, я, как говорится, еще испорчу вам праздник...

Радостно пританцовывая, я вернулась на свое место. Настроение после такой новости скакнуло... ну прямо до небес! Вот честно, даже похмелье отступило! И вся такая радостная я, нетерпеливо подпрыгивая на стуле, предвкушающее потирала лапки, глядя на выставленную перед нами еду и довольно мурлыкая вслух:

— Сейчас меня покормят, сейчас я буду кушать!

— Кстати, всегда было интересно, на каком успокоительном сидит медведь из этого мультика? — соорудив бутерброд, клубное начальство уселось на разделочный стол между чайником и микроволновкой, за неимением свободных сидячих мест. И задумчиво так протянул, многозначительно поглядывая в мою сторону. — А то на некоторых рыжих Машенек иногда никаких нервов не хватает.

У меня от возмущения даже бутерброд из пальцев выпал!

Игорь прыснул, но мужественно кусок свой проглотил. Вот же ж братья-акробатя... Смешно вам, да?

— Ну что ж еще делать бедной Машеньке, коль Мишенька всегда в кроватке? — невозмутимо отозвалось мое ехидство, заново сооружая распавшийся бутерброд. — Только прыгать рядышком и радостно просить: «Поиграй со мною...».

— Не надо!!! — моментально взвыл сосед, люто ненавидящий, когда я нудила эти строчки у него над ухом. И недовольно буркнул. — Садистка.

Ха! Вот так-то. А то все маленьких обидеть норовят!

Согласно покивав, я поудобнее перехватила нехитрый завтрак, открыла рот... Вместе с этим открылась дверь в ванную, и мой бутерброд опять шмякнулся на стол.

Вау, какая прелесть... А можно вот этого и мне? Ну, хоть совсем немножечко? Ну, хоть чуть-чуть и на маленько?

Босые ноги, полотенце, знакомый пресс, шикарные плечи, шея с витой серебряной цепочкой, родимая, почти любимая мордьяшка...

Вытирая мокрые серебристо-пепельные волосы маленьким полотенцем, на кухню заходил Богдан.

— Количество аборигенов увеличивается прямо пропорционально уменьшению на них количества одежды, — брякнула порядком ошарашенная я.

— Уже проснулась? — с убойной невозмутимостью поинтересовался этот... этот... индивид!

Я разве что сквозь зубы не шипела. У меня тут, понимаешь, гормоны буйствуют на фоне благодарности и нежных «чуйств», а он спокоен, как Титаник перед айсбергом!

Правда тот, помнится, нифига не хорошо закончил...

— С вами поспишь тут, — проворчала, снова собирая несчастный бутерброд трясущимися лапками. И дрожали они уже ни разу не с похмелья! — Не, ребят, я все понимаю. Вам тут уютно и не жарко, пачкаться лишний раз в процессе готовки не будете опять же... Но коль меня за это выгонят из родимой хаты, жить я пойду к кому-нибудь из вас!

— А разве кто-то против? — переглянувшись, выдали все трое. А я снова лишилась бутерброда!

Да что ж такое... дадут мне эти садюги сегодня покушать или нет?!

Поесть мне дали. И даже помыться, одеться, собраться. Их великодушие порой не знает границ, да. Как набросится, как душит, душит... а зачем — в упор само не знает!

А через полчаса мы шумным тройничком, потеряв по дороге Алехина на его монстре, ввалились в универ. Машину я свою оставила на парковке между тачками Игоря и Богдана. Знаковый вишневый кроссовер, слава всем богам, сегодня отсутствовал.

Разглядев стоящую в курилке Лёлю, явно поджидающую нас, Липницкий усвистел вперед. Воспользовавшись моментом, сияющая я уцепила под локоток Богдана.

— Ну, я это, — пояснила, глядя на его насмешливый, но удивленный взгляд. — Спасибо тебе.

— Да не за что, — зажав мою голову подмышкой, парень снисходительно пошлепал меня ладошкой по голове. Вот... вот... Вот почему он такой, а?

А как же моя неловкость от извинений? Напряженный момент? Комканное, неправильное признание, неудачные попытки подобрать слова?

Не, ну я так не играю!

— Не порти прическу, изверг, — фыркнула я, выбираясь из осторожной хватки. И, щурясь от солнца, искрившегося на быстро тающем снегу, открыто улыбнулась. — Ты местами точно фея-крестная. Всегда оказываешься рядом, когда нужен.

— Я слышал, тебе скоро на бал, — усмехнулся парень, доставая из кармана знакомые вкусно пахнущие сигареты. — Туфельки еще нужны, раз уж карету скоро Игорь в порядок приведет?

— Количество фей на один квадратный метр, видимо, зависит от количества полуголых туземцев на моей родимой кухне! — расхохоталась я. — Но за предложение спасибо. А на бал пойду в любимых кедах — их-то точно не потеряю!

Уточнять факт, что эти кеды вместо туфелек мне итак уже презентовал принц, ну тот самый, который козел египетский, я благоразумно не стала. Вместо этого подпрыгнула, благодарно чмокнула блондина в щеку (хотя, коль говорить начистоту, хотелось ну другое совершенно!) и ускакала к обнимающимся друзьям.

И уже в курилке, оттеснив Липницкого, радостно повисла на Аленке, громко заявив:

— А я парня твоего люблю, ты в курсе?

Эльфенок от такого беспредела чуть не подавился сигаретой. Подошедший Богдан невозмутимо похлопал друга по спине, а понимающая Лёлька улыбнулась:

— Если как друга, то мне не жалко.

— Рыжая, а ты не охренела?! — послышалось вдруг сзади. — Тебе Исаева и Громова мало было?!

— О, Личаева, — повернулась я и узрела одноклассницу в компании ее товарок. Девчата сверлили меня ненавистным взглядом, да только моему позитиву сегодня на всякие нападки было откровенно наплевать. — И тебе не кашлять. Слушай, а проигрывать надо уметь. Как и завидовать — молча!

— Кому завидовать? — на меня вылили привычную тонну пренебрежения с презрением во взгляде. — Тебе?

— Аха, — покивала моя вредность. — Гарем у мну, не видишь?

— Да ты...

— Да я? — иронично вскинула я брови.

— Угомонись, чудовище, — насмешливо отозвался Игорек, хватая меня за капюшон и спокойно утаскивая подальше. — Не надоело? Не подливай масла в огонь. Они итак тебя на британский флаг порвать готовы.

— Согласна, — почесала я нос и сунула сигарету в зубы. А то чего все уже покурили, а я еще нет? — Да только, Эльфенок, они ж меня все равно доставать весь день будут. Сегодня, завтра и всегда. А молчать в ответ я не умею, уж извини.

— Она права, — посмотрел на Игоря Богдан. — Пока Исаев сам не прекратит все слухи, от Аньки не отстанут.

— А если его убить, может, оно как-то самой пройдет? — с надеждой посмотрела я на парней. Алёнка только глаза закатила.

Попрощалась с Игорком и, не слушая возражений, утащила меня на занятия. За капюшон любимой черной куртки. Вот же... два сапога пара! Что б я еще раз, да сводничеством занималась? Да никогда!

Лекции прошли... ну весело. Меня доставали сокурсники, я машинально огрызалась, хохотала с Лелькой, но честно отвечала на все вопросы преподом. А гоняли меня знатно! И мне прям даже интересно стало, по какой именно причине: из-за пропусков, моего ехидства,

слухов о связи с нечестивцем али же просто из-за вселенской несправедливости и очередных магнитных бурь?

Но, что ни говори, испытания двумя парами я выдержала с блеском. Была после них только одна беда-беда-печалька.

— Кушать хочется, — тоскливо вздохнула я.

— Так пойдем, Игорь ждет нас в кафетерии, — легко согласилась Аленка, отрываясь от мобильника. Спрятав его в лаковую сумочку, девушка расправила ворот симпатичного пуховичка и поправила белый беретик на бровках. Мое раздолбайство завистливо одернуло потертые вельветовые джинсы на коленках...

И почему я не могу быть такой милой и нежной? Эх, не судьба, видать! Ну ладно.

— Да я с радостью! — покивала, цепляя лямки рюкзака, пока подруга заканчивала вертеться в холле перед зеркалом. — Давай только до машины доползем, я кошелек забыла.

Аленка согласилась. На улице я радостно скакала через лужи, а блондинка аккуратно их обходила по дуге, боясь запачкать белые сапожки. Попутно травясь родным никотином, добрались до парковки...

При виде кучи студиязов возникло дежавю.

Та-а-ак... Ну и какой Сусанин и кого на сей раз привел к нам потаенными тропками? Надеюсь, что это не ко мне, ибо еще одно какое-нибудь знакомое лицо, и весь универ меня дружно закопает прямо тут, в асфальте!

— Лель, я боюсь туда идти, — честно призналась, туша окурок кедам.

— Пойдем, — нахмурилась Аленка и, взяв меня за руку, уверенно потянула меня сквозь толпу на стоянке. Вот честное нечистое, лучше б она этого не делала!

Не, я догадывалась, что Кир в машинах шарит... Но когда ж он умудрился из моей машинки, подручными средствами, да Оптимуса Прайма на скорую руку соорудить? Да еще с явной тягой к ненавистному гламуру?

По-моему, у моей «Тойоты» трансформеры никогда в родне не примелькались! Не, а как еще все эти изменения объяснить?

Хищная морда с «ангельскими глазками», хром на литых дисках, короткий кузов, черный лак — на месте моего любимого авто стоял изумительный образчик производства знаменитых немецких мастеров... Украшенный широкой алой лентой и крупным бантиком на крыше!

— Я больше не пью, — машинально повторила утреннюю фразу, на автомате подходя поближе, не обращая внимания на громкие шепотки за спиной и нервно дергающийся глаз Алёнки. Протянула руку, вытащила из-под ленты на капоте маленькую папочку под автодокументы. Изучила. Прочла вложенную небольшую открытку со знакомым крупным почерком... и парковку огласил дикий, гневный вопль. — ИСАЕВ!!!

В столовую, полную народа, я влетала с невыносимым желанием убивать.

— Исаев! — ну и конечно же, на мой зов обернулись все, кто угодно, только не сам великий гений оригинальных извинений...

— Солнцева, я так понимаю, вторая часть Марлезонского балета? — раздался веселый голос со стороны преподавательского стола. — Какая на этот раз статья?

— Сто пятая, Игнат Владимирович, — отозвалась я, выщедив взглядом знакомую фигуру, походя между столиков, попутно засучивая рукава. — Сто пятая. На этот раз без вариантов!

И только мимолетные слова Аленки о том, что кое-кто извиняется, как может,

заставили меня шлепнуть бумажник на чью-то тарелку с отбивной, а не макнуть в суп Липницкого чью-то дурную головенку.

— Где. Моя. Машина? — уперев руки в стол возле спокойного Исаева, с трудом цедя слова, спросила я, чувствуя, как спину колют сотни глаз.

Видимо, чуя остатками инстинкта самосохранения, что он снова накосячил, шатнет отставил чашку с кофе. И, сложив руки на груди, с громким скрипом отодвинулся вместе со стулом. В столовой мгновенно повисла тишина...

Народ-таки жаждал хлеба и зрелищ. И если первым они итак располагали, то второе я сейчас им быстренько организую!

— На парковке, — спокойно отозвался Демьян, смотря на меня снизу вверх и явно не чувствуя себя ущемленным. И его даже не волновало, что в этот момент в двери кафетерия протиснулась толпа любопытных студентов, следовавших следом за мной с улицы.

Я скрипнула зубами, сжимая край стола, и вежливо уточнила:

— Та «БМВ» которая с бантиком? Оставь себе, спасибо!

— Чего? — округлил глаза Игорек, переглядываясь с не менее удивленным Полонским. И нахмурившись, негромко протянул. — Дем, ты что опять натворил?

— Этот... нечестивец, — с трудом подобрав наименее ругательное слово, усмехнулась я. — Решил загладить свою вину, презентовав подарок. Маленький такой. Забавный!

— А что не так? — насмешливо выгнул брови этот... недалекий богатого разлива. — Если не нравится модель, я поменяю.

— Верни мою машину, идиот! — не выдержала я, честно собиравшаяся ранее матом не ругаться и стулья в неприятных дядей не швырять. — Мою! Старую. Не из салона!

— Зачем? — искренне удивился Исаев и решил на всякий случай пояснить свою позицию. — По моей вине пострадала твоя машина. Я купил тебе новую. Что тебе опять не нравится?

Да ты мне не нравишься, убогий!! Нет, я все понимаю, он действительно извиняется, как может и умеет... Но почему ж ты осспади, его при рождении мозгами-то не наградил?!

— Верни мою машину, — глубоко вздохнув и с трудом взяв себя в руки, чтобы реально не изобразить сто пятую статью, причем которая с пометкой «часть вторая», почти спокойно попросила я.

А Исаев улыбнулся! И хмыкнув, коротко отрезал:

— Нет.

Твою ж дивизию, ну что за баран упертый-то? Весы ненастроенные, козерог недорезанный, скорпион не ужаленный, водолей недолитый, телец недобитый! Да каким стрельцом его надо по деве ударить, что б до этого нечесаного льва наконец-то дошла простая рыба истина, понятная даже последним ракам-близнецам?!

Уф-ф-ф-ф... дайте мне, пожалуйста, терпения, понимания, внутренней гармонии и пару миллионов долларов. Не для себя прошу последнее, на нужды насущные — работа киллера, как говорят, сейчас дорого оплачивается!

Не, можно, конечно, и Кира попросить, по знакомству оно всяко подешевле выйдет.

О, кстати, а почему бы и нет? Раз по-хорошему кто-то отказывается понимать, значит, будем по-плохому!

Пока никто не успел ничего добавить к вышесказанному, я легонько шлепнула ладонями по столу, оттолкнулась, обошла Исаева и, положив руки на его широкие плечи, обтянутые тонкой полосатой кофтой, наклонилась к самому его уху. И тихо шепнула:

— На машине стоит система спутникового слежения. Не заставляй меня, пожалуйста, звонить Кириллу, чтобы выяснить, где ты ее припарковал.

Таки ура! Верной дорогой пошли мы, товарищи!

Достав из кармана джинс ключи от моей машины, Исаев бросил их на стол и, поморщившись, со скучающим видом признал:

— На парковке для охраны.

— А вот за это спасибо, — улыбнулась я и, подхватив ключи от родимой бибики, с гордостью ретировалась. Как ни странно, народ в проходе расступился молча, и лишь кто-то решил вякнуть:

— Лишением секса пригрозила?

В столовой кто-то громко треснул по столу!

— Там, тебе, по-моему, сейчас в подробностях ответят, кто, кого и когда на самом деле поймет, — негромко бросила через плечо, распознав старосту со старшего курса. И, сделав ручкой, удалилась.

В том, что Исаев расслышал ее слова, я ни капли не сомневалась — ну не головой же он решил об стол побиться, раскаиваясь в собственном поступке?

Специальная парковка находилась у дороги, за пределами студенческого городка. По негласным правилам, в сопровождении охраны студенты в универ не допускались, так что суровые мужчинки в «Гелендвагенах» обычно дожидались своих подопечных в специально отведенном месте. И до него мне, увы, пешком было еще пилить или пилить.

Но не успела я проделать и половину пути, как позади сначала раздался знакомый рев, а затем рядом тормознула белая лапушка Липницкого.

Мне отказываться дважды не пришлось, и я иглом шмыгнула на заднее сидение. Переднее пассажирское оказалось занято Богданом.

— А Алёнка где? — поинтересовалась удивленно, скидывая капюшон и растирая замерзшие лапки.

— Осталась разговаривать с этим... пеньком с глазами! — отозвался явно недовольный Игорь, резко трогаясь с места так, что машина прошлифовала на мокрой дороге. — Она единственная из нас, кто не попытается его убить.

— Лёльку надо канонизировать при жизни, — фыркнула я, суя мордашку между передними сидениями. — Мне б ее терпение и добродетель! Игорек, цени — тебе достался ангел!

— А Исаеву чёрт? — с любопытством поинтересовался Богдан. Моя светлость удивилась:

— А я-то откуда знаю, с кем он решит связать свою дальнейшую жизнь? Как узнаете, маякните, отправлю ей открытку с соболезнованиями!

Полонский расхохотался. Я прыснула, а Эльфенок спросил:

— Кстати, а что ты ему такого сказала, что он ключи сразу отдал?

— О-о-о, — с наслаждением протянула я и призналась. — Я пригрозила ему самым лучшим, самым сильным, самым смелым и шикарным мужчиной в моей жизни!

— Неужели Стасиком? — насмешливо вклинился Богдан. Одновременно с этим Липницкий привычно влетел боком на парковку... Машина встала, почудился запах паленой резины и Игорь повернулся ко мне, брякнувшейся на заднее сидение, помирающей от смеха:

— Я про кого-то не знаю?

— Я вас при случае обязательно познакомлю! — хихикнув, пообещала я и выползла их

машины.

Мой малыш сверкал на солнце посреди стоянки и казался быстрой акулой среди огромных неповоротливых китов. Быстро оббежав джипы, не обращая внимания на удивленные взгляды местных качающих туда-сюда мордovorотов, я прильнула к любимой машинке:

— Маленький мой, солнышко мое! Обижали тебя нехорошие дяди, да? Укради, гады такие? Дверкой хлопали, на сидение падали и руль некрасиво дергали, да? У-у-у, бедненький ты мой! Ничего, мы тебя сегодня переобуем, утром помоем, покрасим, и будешь ты у меня самый красивый!

— Слушай, это надо было заснять, — не удержавшись о колкости, предложил Липницкий, глядя, как я с умильной моськой глажу найденную машинку по зеркалам, капоту и крыше. — И показать Дему. Может хоть тогда до него дойдет?

— Игорьь, боюсь, чтобы до Исаева хоть что-то дошло, его надо будет этой машиной переехать! — саркастично отозвался Богдан. Я только отмахнулась, устраиваясь на пузе прямо на капоте, улыбаясь, как сумасшедший, увидевший солнышко впервые после долгих лет заточения в психушке.

Покачав головой, Полонский усмехнулся, доставая-таки телефон. Я послушно полностью заползла на капотину, прикрывая виднеющиеся царапины, выставила локти, пристроила подбородок на ладошках, коленки согнула, болтая кедами в воздухе. Улыбаться даже не пришлось, там счастье на лице было написано крупными буквами слева направо, сверху вниз и даже по диагонали!

Кстати, получился классный кадр...

— А-а-а-ань, — неожиданно хитро протянул Игорек.

— А? — оторвалась я от экрана телефона Богдана, на котором придиричиво рассматривала фотку. — Где-то я уже слышала эти заманчивые нотки... Эльфенок, что хочу?

— Может, погоняем? — предложит приятель, широко и плутовски улыбаясь. — Пока гололеда нет?

— Или пока Алёнки? — уточнила и без того догадываясь, каким будет ответ. Подумала-подумала... — А, чёрт с ним! Как, куда и ставки?

— По городу, без объездных, до ЦУМа, — предложил Липницкий. — Если первый я, с тебя как обычно. Если ты... покраска за мой счет!

— Что б ты поддался? — сложила я лапки на груди. — Не проканает товарищ партизан, окопы нынче заняты!

— Варианты?

— Желание, — чуток подумав, предложила я, невинно хлопая глазами. Эльфенок задумался, подозрительно косясь на меня, невозмутимо попыхивающую сигареткой... и дал добро.

— Окей. Богдан, ты с нами?

— А разве я могу это пропустить? — иронично выгнул брови Полонский. Мы с Липницким радостно переглянулись... и побежали по машинам.

Как ни странно, но внезапный пассажир устроился в моем авто.

— А не боишься? — ехидно поинтересовалась, глядя на блондина, и пару раз на педальку активно понажимала. Малыш довольно порычал.

— А должен? — тем же тоном откликнулся Богдан и заметил. — У Игоря механка.

— И что? — пакостливо потеряла я ручки. — А у меня двигатель мощнее... Но это

маленькая тайна. Не сдашь?

— Смотри, что мне за это будет, — насмешливо ухмыльнулся парень. Ха! Не удивил!

— Пристегнись лучше, шантажист, — фыркнула я, аккуратно вырুলывая с парковки. Ну, во всяком случае, аккуратно только пока, ровно до тех пор, пока не выйдем на главную дорогу.

А уж там посмотрим, что я успела не забыть из курса Громова по экстремальному вождению.

— Конь на обед, седок на ужин... Поймаю, поймаю, поймаю! — раздался привычный вопль и мимо пробежала Неаполь крупными скачками. Мой юный принц, в кой-то веки одетый в футболку и джинсовый комбез, верхом на палке с плюшевой лошадиной головой, выскочил из-под барной стойки и, гикая, радостно помчался в зал. Жуткого вида неформалка тут же умотала следом.

— Ничего не меняется, — цокнула я языком и вернулась к любимой книжке, — Принцы бегают, Кощей Бессмертный скачет, кони... — за стенкой, в подтверждение моим словам раздался грохот и многоголосный натуральный гогот. — Куражатся по полной. И только золушка одна невесела... Ариш, чего грустим?

Девушка, сидящая на стуле по другую сторону стойки, невесело вздохнула. И спросила, указывая взглядом на вымазанные в краске волосы:

— Анна, а вы... То есть ты уверена, что это действительно надо?

— Надо-надо, — отозвалась спокойно вместо меня Эльза, переворачивая жарящуюся на плите картошку в огромной такой сковородке. — Поверь, в некоторых ситуациях с этим рыжим чудищем будет лучше согласиться. А единственное, в чем не уверена конкретно я, так это в обоснованности моего присутствия в этой... веселой, праздной атмосфере.

— Проще говоря, ваш ледяной администратор сама до сих пор не понимает, как я развела ее на пижамную вечеринку, — прыснув, уточнила я.

— Туше, коллега, — прохладно констатировала Фроз, ловким движением потрясая сковородку. Масло зашкварчало вновь.

За стенкой снова что-то грохнуло.

— Они там что, последнюю пижаму поделить не могут? — удивилась я, уже подумывая, в стенку постучаться, аль самой сходить к соседке проверить, что и как.

Благо видок-то для визита самый подходящий: на волосах коричневая маска под теплым банным полотенцем, на моське глина зеленоватого оттенка, на лапках мягкие перчаточки... А на ногах «растопырки» для пальцев. И так выглядела, кстати, не только я одна!

Содрав с носа кусочек огурца, мой любимый Эльзик задумчиво куснула дольку и произнесла:

— Илья Алексеевич, да в милой пижамке с медвежатами... Пожалуй, даже я бы на такое посмотрела.

— А еще Верещагин в тапках-зайках, Игорёчек в неглиже, Алехин в кокетливой ночнушке, — я тотчас принялась вдохновенно перечислять всех присутствующих в соседней квартире. — Харлей в пижамке, Исаев в боди, Полонский в стрингах...

Фантазий ушла в отрыв!

— Короче, куда не плюнь, везде голые аппетитные телёса! — подытожила заскочившая на кухню Неаполь. Привередливо осмотрела голову Арины, колупнула подсыхающую маску на моем лице, оценила останки огурцов на чьей-то моське и, погрозив пальцев, довольно подытожила. — Ажур, девчат! Еще чуток подкисните и будете потом ваще атас!

— Вот этого я как раз и боюсь, — хмыкнула Эльза, выключая плиту. Прислонившись спиной к кухонному гарнитуру, она сложила руки в перчатках на груди и добавила. — По итогу хотелось бы узнать в отражении хоть какое-то подобие себя.

— Да не очкуй, лапунь, фирма веников не вяжет! — бодро отозвалась неформалка и,

глянув на огромные стимпанковские часы на запястье, отправилась в зал, мимоходом грохнув по двери ванной. — Блондюня, выплываем! Синюшнее мясо на вкус ну прямо фу!

В ответ послышался звук льющейся воды, доказывающий, что отмокаемая там Аленка все-таки не утонула, не смотря на количество всевозможных масок, скрабов, бальзамов и прочего, внезапно свалившегося на ее светлую во всех смыслах голову.

Не, Лёля и раньше заботой над собой не пренебрегала... Да только ей почти никакие средства для ухода не подходили, слишком уж восприимчива кожа. Однако! Как этот факт мог остановить Неаполь? У той на все найдется свое «фе» и альтернатива. Не пашет химия? Так на замену ей пойдет натур продукт!

Моя Ни-ни чуть от зависти не задушилась, когда на маску Лели ушли последние ее бананы.

— И все-таки, может мне лучше завтра не идти? — тихо уточнила Ариша.

Я вздохнула:

— Ну, вообще-то, Арин, это твое личное право. Однако лучше мы тебе лоск наведем перед бабулей Михася представим, так непрозрачно ей намекнем, что ты «наша» и мы тебя в обиду не дадим. Чем она потом втихомолку будет тебя всюду доставать! А она, поверь, это может...

— Тебя застали в его квартире без обоснованных причин, — добавила Эльза, как всегда прекрасно осведомленная о делах насущных. — Чтобы вы не говорили, оправдания уже не засчитаются. Пожалуй, я не солгу, если скажу, что завтрашний прием попытка сделать хорошую мину при плохой игре...

— Мороз ты мой, ну хоть ты не нагнетай! — фыркнула я, отчасти согласная с отмороженной подругой. — Хотя да, ты в чем-то права. Чувствую себя слепым котенком, которого закинули в ведро. Карабкаешься тут, карабкаешься, а выхода-то по сути нет... Ладненько! Чего как не живые? У нас пижамник или как? Может, вдарим по винишку?

— Истина, как говорят, в вине, — усмехнулась Эльза, что могло в данной ситуации сойти за знак согласия.

Вздрогнули!

И понеслась душа по кочкам...

Через два часа кухне стояло такое громкое хихиканье, что перебивало даже слоновий ржач за стенкой! Ну вот повело нас чуточку. Зевающего Стасика сдали счастливым родителям, смыли с себя все лечебные маски и решили расслабиться, что б потом не напрягаться. Завтра день предстоял сложный, что ни говори.

Время пролетело незаметно и с ужасающей скоростью. Моя нога полностью зажила, как и татуировка. Мой дорогой малыш стараниями мастера был приведен в полный порядок. Красочку-то подобрали четко, но все равно решили облить машину круговую, дабы обновить. И в результате она теперь сияла... Ну совсем как я в день зарплаты!

Свою работу в клубе Лександрыча я честно выполнила и спокойно передала бразды правления суровой холодной личности, сейчас невозмутимо потягивающей красное вино из высокого бокала. Вот уж кто завтра точно не посрамит наш дружный женский коллектив! Я даже заранее завидую Михеевой бабуле... Обломает острые зубки нафиг об нашу нежную королеву снежную.

А, кстати, как, собственно, Эльзик-то затесалась в нашу ни разу ни скромную компанию по подготовке к столь масштабному мероприятию. После обмозгования и еобходимых покупок, чтобы не мотаться туда-сюда, мы решили обосноваться сегодня у меня, и завтра

собираться тут же. Неаполь, услышав, чего я от нее хочу, прискакала моментально! Правда, на кой таким же макаром собрались все парни у Алехина, я так и не поняла...

Ах, да, к прошедшей теме. Собственно, Эльза завтра туда тоже идет на прием и... та-та-та-а-а! Внимание — с Харлеем.

Когда наш любимый питекантроп ворвался к нам в кабинет, возмущенно хлопая глазищами, да потрясая красивой матовой бумажкой, мы как-то сразу не поняли, в чем суть. Но как оказалось в процессе активного приведения рыжего босса в адекватный вид по средствам родного пятизвездочного, хитрющая старушка решила, так сказать, пойти ва-банк! И пригласила близкого коллегу своего внучка на «праздник».

И конечно же в присутствии дамы!

Ну и кого можно было подрядить на эту роль? Вовремя заткнуть Харлеюшку, дабы он лишнего чего не сообщил, способна далеко не каждая! И тем более не каждая при виде этого самца мезозойской эры не будет восторженно истекать слюнями вожделения. Не будем уточнять, как мы их уговорили... Главное, сам факт!

В компанию Аришке, по общему согласию, был выделен Олег. Он, в случае чего, девушку поддержит, поможет, подскажет, объяснит. Он не Харлей, того она боится. А надо, что б Аришке кто-нибудь активно помогал в процессе... На крайний случай мы с Михасем выступим тяжелой артиллерией и отвлечем вниманье на себя.

Ну вот такие наполеоновские планы по укрощению бодренькой бабульки.

— Так, мой ирокез сейчас не понял, чьи вафли занесло на наш дивичник? — изумленно вставила Неаполь, заслышав дверной звонок. И уверенно решилась на проверку боем. Через пару секунд из коридора донеслось восторженно-ехидное. — Ну, здравствуй, здравствуй, сексуальный коник!

Мы выпали в осадок!

Отсмеявшись, я пошла разбираться, чего ж нечистого занесло к нам, да с территории врага.

Мы Демьяном, кстати... ну, вроде помирились. Да-да, моя мнительность ухитрилась его простить по всем статьям!

Да и как не извинить такую обаяшку после того, как оно нарисовалось у меня на мойке, да в сопровождении охраны? Я уж грешным делом подумала, что меня будут нагло похищать... Ан нет. Для общества Исаев настолько еще потерян не был. Как оказалось, его людишки в черном всего лишь навсего приволокли ко мне девиц... тех самых.

Я уж промолчу о том, что в одной из них я признала Личаеву! А во второй — ее подружку. Как оказалось, именно они-то машину мне и повредили. Одна охрану у камер отвлекала, вторая гадости корябала.

Сказать, что я была в шоке, было нечего сказать. А ведь они потом еще и извинились! Ну, понятно, с чьей подачи. И помимо слов сквозь зубы, девицы эти из универа благополучно вылетели, напоследок переведя мне на счет кругленькую сумму, с лихвой покрывшую стоимость покраски.

Приятно, что ни говори.

И не знаю, то ли Лёлькины слова на Демьяна так повлияли, то ли он своим мозгом до истины допер... Но больше мы с ним не ругались. Посидели, поболтали так... по-человечески. Я даже без ехидства тыкнула, в чем конкретно нехристь был не прав!

И, кто бы мог подумать, но шатена словно подменили. Ей-богу, с таким аккуратизмом, но настойчивостью, за мной еще ни разу не ухаживали! А главное, ненавязчиво так...

И только моя вредность на свиданки и объятья все равно не соглашалась. Исаев хоть и думал, что заткнул весь универ, да только мне все равно периодически перепадало.

Его фан клуб с некоторых пор стал куда умнее. И последний раз меня уже зажали в туалете после старостата, где камер не было в помине. Досталось мне тогда... ну, прилично.

Однако Исаев ни о чем не знал. По сути, ухаживать за кем-то было в его праве, собственнические замашки он честно прекратил. А я же открыто говорила, что взаимности он может от меня не ждать.

Хотя и нравился мне это чертяка. Местами. Он вполне даже ничего... ну, когда ведет себя, как человек.

— И что за вылазка во вражий стан, а? — гневливо спросила я шатена, вырывая в коридор. — А ну брысь обратно в свой лагерь, диверсант!

— Конечно-конечно, наш рыжий генерал, — усмехнулся Исаев и беспардонно сгрузил мне на руки огромную картонную коробку. Такую... ароматную! — У нас тут раздача сух. пайка.

— О, как, крикнула я и подозрительно поинтересовалась. — Чья идея?

— Харлей пиццу заказал, не смотря на все вопли подвыпившего Липницкого о его кулинарных предпочтениях, — усмехнулся шатен, приваливаясь к стенке. Неаполь смерила нас взглядом, вздохнула и, отобрав коробку, с радостным воплем упрыгала на кухню. Демьян иронично выгнул брови. — Я смотрю, у вас дурдом не лучше.

— Не спрашивай, — махнула моя светлость лапкой. — У меня такое ощущение, что сегодня мы традиционно гуляем по отдельности, а завтра с Михой уныло будем кольцами меняться!

— Алехин полчаса назад тоже самое сказал, — хмыкнул Исаев. — И предложил совместить, чтобы не накаркать.

— Ага, значит, всё-таки, подкуп и разведка данных! — тот час подпрыгнула я и крикнула на кухню. — Девчата, пленных брать?

— Рыж, моя подвыпитая холодность уже вполне созрела для стриптиза! — послышался радостный ответ.

Я повернулась обратно к Демьяну. Тот, естественно, насторожился.

— Беги, — широко и предвкушающее улыбнулась я.

Исаева как черти сперли!

Посмеиваясь, я вернулась к подружайкам. Где на общем совете было решено перебраться всей оравой в зал — сидячих мест на кухне отчаянно не хватало. Собрав нехилые пожитки, мы заняли диван, убавив музыку, чтобы та несильно била по ушам. И через полчаса нашу хмельную компанию уже совсем не волновало, чем там занимались наши лютые враги, подозрительно притихшие на время за соседней стенкой...

И, как оказалось зря.

Когда из коридора вдруг выпрыгнули террористы в одних штанах и масках, мы просто дружно офигели! Уж не знаю, где они надыбали маски из фильма «Крик» и одинаковые черные балахонистые футболки, но теперь их другу от друга отличить было нельзя в принципе!

Но еще большим шоком стало то, что эти... как бы их назвать, чтоб не обидно, под громкий вой решили нас похить!

Вот уж воистину, причина всех маразмов: мужики и алкоголь!

Но было весело, не спорю. Нет, мы сначала просто глазками хлопали, глядя, как совсем

так незаметно крадутся эти партизаны. Особенно прикольно стало, когда особо крупный их глава встал напротив заинтересованной Неаполь.

— Воу, какой брутал, какая страсть, какие мышцы... — выдала подруга, созерцая такой знакомый мускулистый торс, единственный не одетый из всех. И показательно развела ручки. — Бери меня, скорей, я вся покорна вашей власти!

Загоготав, «вожак» закинул неформалку на плечо и под громкий хохот потащил ее из моей родимой хаты.

— Эй, положи на место! — попыталась возмутилась я, отвлекаясь всего на секунду... И тут меня и сперли!

Вот так вот просто, молча, под шумок! А дальше начался дурдом. Испуганную, но хихикающую Аришу довольно быстро утащили, Аленка еще поползала по дивану, пытаюсь отбрыкаться, а вот Эльзик, почувствовав кураж, побегала по залу... И ее ловили сразу двое!

В процессе этого всего визг стоял... Соседи вешались!

Мишкины пенаты представляли собой одну большую студию, без каких либо разделений на подпространство. Разве что приличный кухонный пятак огораживала длиннющая барная стойка, не как моя, а такая... полноценная! Пониже, но пошире и надежней. Вот на нее нас-то в рядок и посадили!

Бандиты эти, значит, ручки нам за спины завели, сами сзади устроились, легонько удерживая за запястья от попыток убежать. Не, я даже честно попыталась! Не выпустили, гады... Мне вот прям даже интересно, а кто конкретно там под масочкой спрятался, да не только за моей спиной? Ну не по жребию же они «объекты» разбирали!

А тем временем перед нами туда-сюда расхаживал их предводитель, с висевшей Неаполь на своем широком плече. Впрочем, та вовсе не выглядела жертвой: щечку кулачком подперла, ногами в синих драных джинсах довольно подергивала, да иногда томно и довольно вздыхала.

И вот здесь, собственно, вообще без вариантов!

— Эй, вожак аборигенов с папуасами! — громко крикнула веселая до безобразия я. — Снимай личину, я твою рыжую небритость за километр пяткой чую!

— Ну, я так не играю, — обиженно пробасил Харлей, стягиваю маску. Неаполь заинтересованно повернула голову, узрела лохматую варварскую шевелюру, суровый профиль... и с наслаждением протянула:

— Какой первобытный пещерный человек... Я уже на все согласная без шкуры мамонта в подарок!

Хохот стоял... соседи снизу застучали в потолок!

Слава богу, что сие происходило не в моей квартире, у меня там как бы принц внизу сладко спать изволит.

— О, могучий повелитель шкур и баб, — не выдержав, первой хихикнула я, вяло дрыгая пальцами. Их аккуратно накрыли теплой ладонью. Я чуть не вздрогнула, но ехидно поинтересовалась. — Ты уже поведай пленницам-то своим, на кой ляд нас всех уперли?

— Тыщ! — гаркнул рыжебород, поворачиваясь. — Гарему слова не давали! И так, дамы, теперь вы полностью в нашей власти и мы...

— Статья сто двадцать шестая любимого УК РФ, — невозмутимо известила Эльза.

Мы прыснули! А похититель Фроз торопливо прикрыл ей рот ладонью. Надо понимать — во избежание дальнейших комментариев.

— Бардак на корабле, — ворчливо отозвался рыжий австралопитек. — Всем пеньковый

галстук и на рею!

— Так точно, капитан! — бодро отозвалась я, покачивая ногами. — Вы с нами за компанию?

— Зайчуля, — обиженно пробасил детина, поворачиваясь. Неаполь заинтересованно посмотрела на меня, оценила возведенные к потолку глаза и расплылась в довольной улыбке. — Не выбивай из образа!

— Молчу-молчу, — понятливо заткнулась я. А этот... умывальников начальник и мочалок командир, подхватив с длиннющего извитого дивана пиратскую треуголку, нахлобучил на свою бестолковую голову и снова принялся выхаживать перед нами. Оценив это новшество, Неаполь хрюкнула и картаво прокричала:

— Пиастр-р-р-ры, пиастр-р-ры!

Мы снова закатились, а Харлей, заломив лохматую бровь, усмехнулся и довольно погладил свою ношу по тощим ягодицам:

— Хорошая птичка, славная птичка.

— Кеша хор-р-роший! — согласно подтвердила подруга.

Вот честно, смеяться уже просто не было сил. А это только лишь начало!

— Оставить бунт на корабле! — топнуло ногой суровое клубное начальство «номер два». — У нас, значит, требования вот какие. Завтра берем на abordаж бравую старушку, а настроенье — штиль, в команде полная разруха. Так вот, товарищи... Свистать, как говорится, всех наверх! Бум поднимать командный дух. Смекаете?

— Так точно, кэп! — хором отозвались мы с Эльзой. Алёнка с Аришкой хихикнули и переглянулись.

— Ладушки! — потер лапищи Харлей. Неаполь, оставшаяся без внимания, чуть на пол с его плеча не навернулась. Фигушки! Поймал, пристально так осмотрел и на спинке дивана аккуратно девушку пристроил. Та уселась по-турецки, подпирая сияющую мордашку ладошками, не сводя с Илюши влюбленного взгляда. И фиг ведь разгадаешь: реально втюрилась иль просто решила подурачиться!

— Ну и какие варианты по поднятию боевого духа команды, о великий рыжий Воробей? — меланхолично поинтересовалась Эльза.

— Капитан Джек Воробей! — с достоинством поправил девушку Харлей.

— Скорее Деви Джоунс, — негромко протянула я.

— Ну заюшка... — обиженно откликнулся рыжебород под громкий хохот окружающих.

Неа, мне не стыдно. Ну не виновата я, что до военно-полевых действий мы с девчонками пересмотрели все части «Пиратов Карибского моря», идущие по телевизору! И, видать, не мы одни.

— Так что теперь, капитан? — неожиданно хихикнула Ариша. — Нас в трюм, а сами выкуп пропивать?

О, как!

А так работает, похоже, Харлеевская схема по укреплению коллективизма!

— Хорошая идея, — довольно упер руки в бока флибустьер юрского периода. — На самом деле мы хотели вдарить рому и устроить веселенький разгул... Но раз уж вы сами заикнулись о выкупе — по девять песо с человека и не меньше!

— Какая жалось, кошелек забыла, — иронично пропела Фроз, насмешливо оглядывая свои короткие до неприличия шорты и тонкую просторную футболку. — Рыж?

— Всю жизнь в пижаме таскаю откуп для пиратов, — согласно покивала я, качнув

ногой в клетчатых пижамных штанишках. А Лёля поинтересовалась:

— А золотом пойдет?

Кэп завис. Подумал-подумал, погладил короткую бородку, посмотрел на нас... и расплылся в гадостной улыбке:

— Нет! Этого добра итак хватает! Все, решено — берем натурой!

— Вот даже ща не знаю, мне откупиться прямо здесь или в плену остаться? — задумчиво мурлыкнула Неаполь, пожирая байкера влюбленными глазами.

Вот честное слово, Харлей аж обалдел! С таким пылом его, пожалуй, еще никто и никогда не домогался. Эх, ключи от комнаты им выдать по доброте душевной, что ли?

— Капитан, я извиняюсь, а вас как, одного нам всем на откуп хватит? — невинно поинтересовалась Эльзик, когда хохот немного поутих. — Вы, конечно, крут, могуч, да только кажется мне, что ваша личная добыча вас и без нашей помощи на лоскутки порвет.

Неаполь согласно облизнулась.

— Да что я, с командой, да не поделюсь? — настороженно покосился рокер в треуголке на алчный взгляд нашего стилиста. — Вот кто пас похитил, того и это... Целуйте, во! Согласны?

Ох, ё, как интересно...

Нет, мне реально любопытно, кто там под масочкой-то спрятался... Но что если там, скажем, Игорек? Перед Аленкой будет неудобно! А если там окажется мой личный автомоечный маньяк?

Чё-е-ерт... ну, правда, любопытно же! Бунтарский дух, интрига и гуляющий по организму алкоголь в конце концов победили неуверенность и мнительность. Переглянувшись с девчонками, в глазах которых уже плясал азарт, я выразила общее мнение:

— Да фиг с вами, похитители. Мы это, как его... сдаемся на милость победителя!

— Океюшки, — радостно пробасил рыжий хариус, в предвкушении потирая руки. И вдруг добавил. — Раз сдаетесь, будь по сему! Помните свои слова, когда окажитесь в плену пирата, которого после поцелуя не признали!

— Ну скелетоны в панталонах, — выдала ошарашенная я. — Не, я все прекрасно понимаю... Но что бы так? Устроили девичник, а попали в рабство? Так я еще точно не влипала...

— Трусим, Рыж? — хихикнула внезапно Эльза, явно собираясь меня развести на «слабо». И я, как ни странно, на него повелась почти моментально!

— Я??

— Ну не я же!

Ах так, подруга... Ну фиг с тобой, играем! В конце концов, я этих чижиков в любых их состояниях узнаю, по цвету, запаху и вкусу так сказать!

— Лады, касатики — ухмыльнулась я в ответ Харлею. — Мы согласны на плен суровых флибустьеров... До полуночи. Идет?

— Канает! — хлопнул кулаком по ладони главный пират, скалясь во все имеющиеся зубы. Которые явно стоит проредить...

Потому как по команде этого отъездившегося на клубных харчах Барбосы, его береговое братство торопливо грабануло гардероб Лександыра на галстуки, и через пять минут мы с бабоньками стояли на полу с завязанными глазками!

— Таки вечер перестает быть томным! — послышался восхищенный голос Эльзы. — Мсье похититель, при поцелуях руки ниже ватерлинии прошу не опускать!

— Что б я еще раз ее напоила? Да никогда! — негромко пробурчала себе под нос, чувствуя, как кто-то спокойно удерживает меня за запястья, вытянув руки вперед. Разглядеть хоть что-то не представлялось возможным из-за повязки, расслышать благодаря кое-кому, включившему музыку — тоже!

Оставалось стоять и ждать, когда ж меня все-таки целовать изволят и...

Изволили. Отпустили руки, аккуратно коснулись плеч и... быстро чмокнули в щечку!

Твою ж... и как простите, это понимать?!

— Рыж, как ты там обычно говоришь? — послышался вдруг издалека задумчивый голос Фроз. — Охренеть, какой пассаж? Вот сейчас я поняла истинный смысл этой фразы...

А, так не только меня тут по-родственному лобызать изволили? Вот же жуки колорадские! Короеды мои сибирские! Гусеницы мои среднеазиатские! Да я ж вас за такую подставу всех до одного дихлофосом обработаю!

— Ну, так что, пленницы? — послышался хохот довольного Харлея. — Сдаетесь?

— Да ни в жисть! — откликнулась я, судорожно работая мозгами. Думай голова моя, думай... Чепчик красивенький куплю!

— А я знаю, — вдруг послышался смех Аленки. — Это Игорь!

— У-у-у, — невесело пробасил Харлей. — Одну мы потеряли! Братва, не катит! Признает кто еще, лично в челюсть огребете, а сами потом на рабами на галеры!

— Какой суровый капитан, — восхищенно ахнула Неаполь. — Да я твоей работой готова быть без всяких там цепей-условий!

Рядом послышался знакомый смешок... и я догадалась! Ну конечно, кто ж там еще мог так по-братски губы распускать!

— Лександрыч! — воскликнула я, сдирая повязку. И поперхнулась — напротив меня, посмеиваясь, стоял не Миха, а Богдан!

— А... — я уже открыла рот, что б возмутиться, но Полонский, хохотнув, проворно зажал мне рот ладонью. Ага, что б типа им контору не палила!

— Ну, раз так, — задумчиво произнесла Эльза, видимо решившая действовать методом исключения. И зря! — Ставлю на Полонского.

— Совсем похож, — отозвался стоящий напротив нее Верецагин. Подруга стянула с лица галстук и, прищурившись от света, оглядела высокого bruneta с головы до ног... и скорчилась. Она от перспективы, я — от смеха!

— Ариш, одна осталась, — гоготал явно балдеющий от ситуации и Харлей. — Чё думаешь, варианта всего два!

— Это Демьян, — почти уверенно произнесла рядом со мной Арина. Посмеивающийся Михай ей лично развязал глаза...

Короче вышло, что в конкурс «угадай-ка» мы проиграли, как французы под Бородино!

— Гарем пополнен, за это надо жахнуть! — радостно оскалился байкерский кэп подводной лодки. Впрочем, радовался зря.

— Чёт я конкретно не вкурила, — встав прямо на диван, грозно возвышаясь над Конаном клубного разлива, конкретно возмутилась Неаполь, уперев руки в бока под ярко-красной майкой. — Я, чё, одна в пролете?!

Нет, мы честно старались не хихикать. Да только как?

А когда Харлейчик, сплюнув, утер несуществующий ус, вдруг резко сграбастал неформалку, пристроил лапищи пониже ее поясицы, а та, обхватив его талию ногами, вцепилась в могучую варварскоую шею и ка-а-ак его поцеловала... Громкий хохот с нашей

стороны перешел в довольный свист!

— Кажется, я всех простил, — с трудом оторвавшись от довольной Неаполь, офигевше протянул Харлей и, усмехнувшись, поскакал в район прихожей, легко удерживая свою добычу на себе. — В номера! Нам срочно в номера!

И пока мы хохотали, он ведь ее действительно упер! Второй раз за день!

— Дурдом, — рыдала я в плечо блондина. — Осспади, ну какой же с вами дурдом...

«Пленение», кстати, решили по всеобщему согласию перенести на как-нибудь потом. Честно, эмоций и без этого хватало!

Вернувшиеся растрепанные, но довольные Неаполь с хариусом мигом всех организовали, и наш поздний ужин плавно перетек на жилые квадратные метры моего соседа. Дальше мы уже тихо и мирно отдыхали... ну, то есть так тихо? Насколько, собственно, умели!

Соседи снизу приходили пару раз, просили быть потише, орали, даже угрожать пытались! И свет пару раз выключали, не смотря на то, что негромко буянить нам вполне позволяло по закону время.

В итоге, хлопнув ладонями по столу, на разборки отправилась нетрезвый Эльзик. Посмеиваясь, за ней потопал Верещагин... Вернулись скоро, растрепанные, блестя глазами, почти что недовольные. Что уж они там делали, не знаю, но свет нам больше не выключали!

Когда часы лениво перевалили за двенадцать, моя кровожадность решила допытаться, кто ж все-таки из этого берегового братства подбил всех на киднепинг. Под пытками, угрозами и попытками убийства диванными подушками, хмельные пираты таки выдали зачинщика. И ведь им даже оказался не Харлей!

— Вот кто ты после этого, а? — вздохнув, поинтересовалась Аленка у своего жениха, невинно хлопающего глазками. — Я тогда правда чуть не испугалась!

— Эльфенок, эльфенок, — укоризненно протянула моя выпившая светлость. — Вот уж от кого не ожидала, так это от тебя!

— Игорь Михайлович, как вам не стыдно! — сложив руки на груди, недовольно цокнула языком Фроз.

— Ваще опух! — вклинилась лежащая на полу Неаполь, которой наш рыжий капитан (не я!) делал массаж с тонким намеком на эротику. Причем, судя по его недоуменному лицу, суровый рокер сам не понял, как его на это развели!

И тут все взгляды обратились на молчавшую Аришу, единственную, кто еще не высказал свое категорическое «фе». Не выдержав, девушка банально закатилась, уткнувшись Мишке в грудь.

Вот что ни говори, а между ними явно что-то происходило, бабулька-то была права!

— Ладно, виноват, — не удержавшись под гнетом обстоятельств, почти покался Липницкий. — Не каюсь! Готов даже возместить ущерб!

— Что, прям всем и сразу? — иронично хрюкнула я, сползая по дивану. Усмехнувшись, Богдан накрыл мое лицо подушкой.

— Смотря как, — настороженно отозвался Игорек, разглядывая нас, косящих алчным взглядом.

— Кажется, я уже говорила, что дозрела до стриптиза, — задумчиво протянула Эльза. — Алён?

— Хм-м-м...

— Лель, ты не посмеешь мне это разрешить! — чуть не подпрыгнул попавший в засаду

Игорек. — Я против!

— А я за! — насмешливо парировала Лёнчик. — В качестве компенсации мы требуем стриптиз!

— Не буду! — взвыл бедный Липницкий под глумливый смех парней. — Не заставите!

— Да три ха-ха! — выбралась я из-под подушки, сияя как начищенный пятак. — Еще как будешь!

— Не-е-ет, — застонал Игорь, сообразивший, к чему я клоню. — Чудище, ты не посмеешь!

— Посмею, да еще как! — потерла я лапки в предвкушении. — Проспорил — исполняй! Стриптиз! Стриптиз, стриптиз!

Остальные хором поддержали. И пришлось, в итоге бедному эльфенку выпить для храбрости, гасить свет и лезть на барную стойку, где мягконько мерцала наверху подсветка...

А нечего было мне проигрывать, да еще и в гонке!

Ладно хоть из музыки выбрали что-то зажигательное и ритмично, так что Игорек вскоре очень даже вошел во вкус довольно-таки неплохо двигал бедрами!

— А хорошо, хорош, — кивала восторженная я, глядя на довольно хихикающих девчонок. Неаполь так вообще уже достала кошелек и под подозрительный взгляд Харлея показательно отчитывала купюры, которые собиралась сунуть в одежду «стриптизера».

— Ань, ты страшный человек, — наклонившись к моему уху, шепнул сидящий рядом Богдан. — Надеюсь, мне достанется желание попроще?

— О, точно! — щелкнула я пальцами. Он же мне тоже желанье обещал! И тут же скорчилась. — Хотя нет. Ты вряд ли на это согласишься.

— Уверена? — насмешливо покосился на меня Полонский.

Опа-па, вот это новость. Я, конечно, шокировалась малость, но дважды уговаривать меня не пришлось.

— Ди-джей, стоп музыка! — весело и предвкушающее крикнула я. — Игорек, держи штаны, к тебе идет поддержка!

— И кто сей доброволец? — поинтересовался Верещагин, щелкнув пультом от домашнего кинотеатра.

Поднявшийся Богдан под смех народа молча поднял руку, опрокидывая внутрь стопку коньяка.

— Ань, а еще должники есть? — хихикнула Аленка. — Ну, для группового танца?

— Могу вызваться добровольцем! — неожиданно хохотнул Исаев.

— Мы только за! — радостно потерла руки Эльза, повернулась к Верещагину и ехидно так. — Не поспособствуете, Олег Геннадьич?

— Я б с радостью, — хмыкнул рокер. — Да боюсь потолок головой пробью!

— А ты куда, моя рыжий питекантроп? — Неаполь удержала за пояс джинс рвущегося в бой Харлея. — Твои тела отныне мне принадлежат! И проломишь нафиг мебель своей тушей.

— Логично, — почесал маковку Харлей. И, радостно оскалившись повернулся к другу. — Ми-и-их...

— Не-не, — поднял руки соседка. — Я пас!

— Ну Мишенька Лександрыч, — заняла вдруг Ариша, поглаживая его по плечу, глядя своими огромными синими глазами. — Ну станцуйте со всеми для нас...

Алехин посмотрел-посмотрел. Подумал-подумал... Чертыхнулся, выпил и полез на стойку к остальным!

Мы потеряли ручки, похихикали, устроились удобно на диване, предвкушая зрелище, которого еще не бывало и в помине! Я даже с десятков ехидных комментариев заготовила на всякий случай. Олечка врубил музыку, щелкнул свет...

Станцевали!

Через пять минут в комнате повисла такая тишина...

— По-моему мне срочно нужно в душ, — послышался дрожащий, непривычно взволнованный голос моей вроде как отмороженной подружки.

— Ледяной душ, — сглотнув, уточнила моя светлость, протягивая трясущуюся ручку за стопкой с коньяком.

— Чур, я первая, — хрипло откликнулась Алёна. — Ариш?

— Не факт...

Сегодня с девчонками мы поняли, что ж такое на самом деле, тот самый пресловутый эстетический оргазм.

— А можно?

— Нет!

— Ну хоть глазком!

— Не-е-ет!

— Ну Рыж...

— Лександрыч, не доставая меня. Ключи я забрала, так что пока мы тут все не соберемся, фиг из вас кто вломится в наши владения. Все! Ничё не знаю!

— Опять? — поинтересовалась Эльза, накладывая на сияющую мордочку первые шприхи мейк-апа, под руководством бодренькой Неаполь, которая как раз заканчивала возиться с прической Арины.

— Ага, — кивнула я, откладывая телефон. — Им бигуди крутить не надо, вот от скуки маются. Разве что Харлею... Так, ладно, я одеваться. Ариш, как закончишь, беги ко мне, лады?

— Угу, — кивнула девушка, уже сияющая чистой, гладкой кожей на лице и моргая умело подведенными, и без того огромными глазами.

Хе... Таки не буду такую красоту, да раньше времени показывать соседке! А то не выдержит еще душа поэта, не дай бог.

Оставив подруг на кухне, моя светлость потопала на перекур. Померзла, вернулась, привычно затолкала в клетку выбравшуюся Ни-Ни, которая уже сжевала две кисточки Неаполь, затянула задвижку и, не обращая внимания на возмущенный писк, дошла до шкафа. Замерла...

И все-таки Неаполь чудо! Во всех смыслах.

Получив вчера славную порцию культурно-эротического шока, мы с девчонками потом еще долго не могли уснуть. Даже шепотом впечатлениями поделились, убедившись прежде, что дверь надежно заперта. Не, танцоры свою порцию оваций и так получили... Но без них мы были чуточку так пооткровенней.

Дооткровенничались, блин!

Не знаю, как остальным, но мне снилась такая пошлость, о которой было стыдно даже вспоминать, не то, что рассказывать!

Короче, проснулись мы в обед, все недовольные, помятые и злые. А на кухне нас встретила бодрая и цветущая Неаполь, радостно мурлыкающая что-то себе под нос. Что удивительно, язвить она не стала, а просто раздала коктейль собственного приготовления. И я не знаю, что она туда намешала, но тошнило уже от одного его вида!

Лады. Зажмурили носы, но выпили. Чуть не пробл... ну, понятно, в общем. Потом неформалка намазюкала чем-то наши лица, и отправила всех нас... досыпать! И, что удивительно, проснувшись через два часа, мы свои отражения в зеркалах просто не признали, что уж о бодрости-то говорить?

Короче, расцвели мы. Приняли душ, по кофейку ударили, Аленка уехала домой приводить себя в порядок, а мы остались на растерзание поющей неформалки, которая на все вопросы, что у них там с Харлеем, только скалилась и довольно облизывалась, потягиваясь, будто мартовская кошка.

И у меня возникал один только вопрос... а когда эти черти умудрились-то? Ну, это

самое? Покемонов половить!

— Ань, ты не видела мое платье? — в комнату вошла Ариша, придерживая полы длинного халата, в который закуталась после ванной. Удивительно, но план рыжеборода сработал целиком и полностью — робкая поначалу официантка сегодня поутру даже не краснела! Ну, разве что чуть-чуть, когда мы вчерашний танец недобрым словом помянуть изволили.

Танцевали эти нелюди... ей-богу, профи отдыхают!

— А, оно у меня тут, — распахнула я дверцы шкафа и, отыскав нужное, бережно разложила вчера купленную тряпочку на кровати. Поверх прилетели новые чулочки. — Одевайся, я пока туфли найду.

Пока Ариша натягивала чулочно-носочные изделия, моя светлость откопала все три коробки с туфельками, закинула их на кровать и прикрыла одну дверцу. Затем достала свое и Эльзы платье, повернулась...

— Ох ёпт! — вещи моментом выпали из рук. — Арина, что с твоей спиной?!

— Ничего, — испуганно ответила девушка, торопливо натягивая платье. — Вам показалось!

— Показалось? — округлила я глаза и быстрым шагом приблизилась к Арине. Показалось мне блин, вчера, что я Богдана хочу до умопомрачения, а вполне приличные лилово-желтые синяки я сейчас видела отчетливо! Не слушая возражений, я стянула платье вниз и выругалась. Нецензурно! — Арина, откуда? Кто это сделал?

— Никто, — отрицательно замотала головой девушка, пряча от меня взгляд и быстро надевая платье. — Я просто упала!

— И сколько раз? — скептически поинтересовалась я. — Поясницей, ягодицами и вплоть до самых лопаток ты упала на что-то, очень похожее на ремень с огромной пряжкой!

— Упала, — упрямо повторила девушка на этот раз очень-очень тихо.

Вот чего мне в этот момент стоило не взорваться, кто бы только знал!

С трудом взяв себя в руки, я вздохнула и, усадив девушку на край кровати, присела рядом:

— Арин, послушай, я не собираюсь тебя ни в чем обвинять или упрекать. Просто скажи, кто это сделал и я лично ему повырываю руки, что б больше неповадно было! Твой парень? Отец? Кто?

— Не надо, — без всяких слов и истерик тихо и грустно попросила Ариша. — Ань, спасибо, но не надо, ладно?

— Вот ты ж... - сжала я зубы, чувствуя, что снова хочу курить и много! Но пришлось вздохнуть и затыкать свою хотелку. — Ладно. Я понимаю, что лезу не в свое дело. Но Ариш! Это же нельзя так оставлять. Ты поэтому отпрашиваешься периодически с работы?

Девушка не ответила. И так понятно стало. Я чуть не выругалась вслух и повторно сжала зубы. И очень, очень серьезно попросила:

— Арина, милая, я не буду настаивать. Но! Пожалуйста, пообещай мне одну вещь. Если это повторится вновь или тебе понадобится помощь, ты просто подойдешь и скажешь об этом: мне, Эльзе или Мишке, не важно! А если хочешь, чтобы эту скотину просто и незатейливого кокнули, говори сразу Харлею! Лады?

— Лады, — тихо прыснув, согласилась Ариша. И, вытирая выступившие слезы ладошкой, негромко добавила. — Спасибо.

— Да было бы за что, — вздохнула я, машинально сжимая кулаки. Я понимала — найду,

кто это сделал и убью. И без малейших угрызений совести! — Так, ладо, не режем, а то вся работа Неаполь пойдет насмарку. Ты ж не хочешь, чтобы она на нас вдохновенно матюгалась?

— Упаси боже! — уже куда веселей хихикнула Арина. — Ругается она, конечно, местами забавно... Но иногда очень даже страшно!

— Фа-а-акт, — согласилась я и, обойдя девушку, застегнула на ней платье. — Ладно, собираемся. А то там кавалеры от скуки опять стриптиз танцевать начнут!

Как Арина покраснела... Ну хоть повеселела и перестала походить на оживший бледный труп!

Впрочем, к ее вопросу я еще вернусь. Всенепременно! А пока действительно стоило поторопиться...

— Красотульки! — через каких-то полчаса, оглядывая дело рук своих, довольно скалилась Неаполь. — Ну, прямо вах, улет! Вы мои лучшие работы.

— Да что б мы без тебя-то делали... — ошеломленно протянула я, разглядывая себя в зеркало. Не, я знала, что неформалка кудесник. Но что б настолько?

— Там сейчас, по-моему, звонок оборвут, — невозмутимо заметила Эльза, подкрашивая губы прозрачным блеском. Поправила простую прическу в греческом стиле и отошла, пристально оглядывая свой вид. Лыдисто-голубое, с уклоном в легкую бирюзу платье из плотного кружева с длинными рукавами красиво облегло фигуру подруги. Узкий вырез доходил до плеч, слегка их открывая, держась на предплечьях короткими рукавчиками, а волнистая юбка спереди доходило до колен, в то время как сзади до пола. Ну и яркие туфельки на высоком каблуке.

И наша вечно официально-деловая Эльза выглядела... Ну прям как настоящая снежная королева, но с легким намеком на теплоту и сексуальность. Во парни-то обалдеют.

— Запускать по одному? — деловито предложила Неаполь.

— А давай! — переглянувшись, согласились мы. Неформалка ускакала в коридор, а мы торопливо скидывали мелочовку в клатч. Я — в красный трубочкой, Арина в продолговатый, синий, а Фроз досталась яркая сумочка на цепочке.

Надо сказать, что всеми этими вещами, вплоть до шпилек, занималась-то как раз Неаполь, а не мы.

— Ну что, вы готовы, бабоньки? — в мою спальню вошло... нечто! Высокий рост, могучий торс, аккуратно подстриженная копна рыжеватых волос, туфли, брюки, небрежно расстегнутая на две пуговицы голубоватая рубашка даже с запонками... Нет, Харлей даже в таком непривычном виде был неотразим.

Но я извиняюсь, что с ним делала всю ночь Неаполь, что наш пиратский капитан не только по утру сгонял в парикмахерскую, но еще и начисто побрился?!

— Вау, — коротко, но сочно оценила Эльза своего сегодняшнего кавалера. — Илья Алексеевич...

— Не надо слов, — прогоготал Харлей, галантно выставляя локоток. Изобразив реверанс, подруга величественно его приняла и эти двое царственно выплыли к народу.

И этот наглый питекантроп даже привычно в мою сторону свои шуточки не опустил! Не-да. Для высшего общества, по ходу, сей клиент потерян навсегда.

Ну и слава богу!

— Следующий, ёпта! — радостно выдала Неаполь, распахивая дверь. И тут уже ввалились сразу двое.

Михей сегодня был в любимом черном. Брюки, рубашка, жилетка, пиджак и даже галстук! Но екарный бабай, кто б только знал, как ему шло на самом деле...

Я даже не удивилась, когда Лександрыч замер, удивленно хлопая глазами, рассматривая застывшую Аришу. О да, соседа понимаю!

Кое-чьими стараниями Аришу было не узнать. Тяжелый жатый шелк платья насыщенно-сапфирового цвета едва касался пола. Завышенная талия, широкий лиф, отсутствие бретелек и широкий пояс, затейливо расшитый камушками. Теми самыми, на букву «С»! Смоляные волосы со вчерашних пор приобрели цвет темного шоколада с мягким переливом, а сегодня роскошную копну просто завили в крупные локоны и перекинули на грудь.

Сей образ подбирали, если честно, хором. Уж слишком разнились мнения о том, какой Ариша должна предстать перед упрямой старушкой, но в итоге победила, как ни странно, дружба. И девушка осталась такой же, как была, то есть милой, хрупкой, нежной...

— Слушай, если он ее вот так будет при родительнице пожирать ее глазами, спалим всю контору напрочь, — почесала моя светлость нос, обращаясь к обалденно выглядящему Верещагину. Черный костюм, да с белой рубашкой ему шли от слова офигенно, там даже галстук не потребовался.

— Рыж, а ты себя-то в зеркало видела? — насмешливо протянул Олег. — Я сам, по моему, сейчас на слюни изойду.

Я почесала нос. Ну да, согласна, перебор. Длиною в пол черное платье вроде как было закрытым... На первый взгляд. Длинный рукав был только один, вторая рука и плечо оставались обнаженными. В остальном все тело наглухо закрыто, мягкий тонкий бархат красиво так все облегает, а волосы уложены в свободный пучок на затылке, состоящий из мелких тонких завитков. Кокетливая прядь на щечку, алая помада и бархатные туфли на платформе и высоченном каблуке — вот, в общем-то и все.

От зависти в шкафу тихонько стонали не выгулянные кеды.

— А так? — ухмыльнувшись, слегка отставила я ногу. Полы платья разошлись, явив длиннющий разрез до самого бедра. У кого-то глаза на лоб полезли. — Олежка, челюсть поднимай! Пора на выход! Михась?

— А? — с заметным трудом и не сразу пришел в себя Алехин.

— Топаем, я говорю! Машины на подходе!

Ехали по отдельности, да еще и с водителями. Исаев и Аленка с Игорем так вообще добирались из других мест. С Лександрычем в его коттедж, который по виду скорее особняк, мы прибыли последними.

И едва скинув верхнюю одежду, мы прошли в большую сверкающую гостиную, как я тут же попала в цепкие лапки «любимой» Надежды Станиславовны.

— Анечка! — показательно мне расцеловали щеки, потом взяли за руки, на шажочек отступили и окинули восхищенным взглядом. — Шикарно выглядишь!

— Благодарю, — натянула я улыбку, изнывая от внезапного желания одернуть слишком дорогое платье, стереть помаду и поправить причесон. — И вы как всегда великолепны.

— Ой, брось, — жеманно откликнулась старушка, поправляя на плечах алую накидку длиною до колен, что едва прикрывало свободное черное платье с длинной нитью крупного жемчуга поверх него. — Куда мне до вас молодых?

— Ну что, вы, что вы, — любезно заулыбалась моя ни разу не радостная светлость. — В вашем случае возраст — действительно всего лишь цифры в паспорте.

— Засмушала, — довольно улыбнулась родственница с огромной приставкой «типа», но

лапки мои не прекратила сжимать в своих наманикюренных ладошках. — Ох, какая радость, что вы с Мишенькой приехали. Зиночка, иди сюда!

Ой, мля... А я уж понадеялась, что хоть сегодня обойдется без «эпатажа номер два»!

Ни разу. Пришлось любезно скалиться:

— Добрый вечер, Зинаида Захаровна. Вы как всегда неповторимы!

— Благодарю, — довольно сухо ответила моя «квартиродатель», величаво подплывая к нам. — Анечка, не думала, что ты тоже любишь бархат! Что ж, должна признать, он тебе к лицу.

Вот фигушки! Я предпочитаю джинсы, кеды и футболки. Но не говорить же об этом вслух?

— По сравнению с вами я просто меркну, — от души отвесила комплемент, оглядывая крупную даму в обалденном синем платье из плотного бархата, чьи рукава три четверти длиной обнажали руки, скрепляясь камнями лишь на плечах и локтях. Вот удивительно, но сшито оно было так, что силуэт ни разу не маленьких размеров получался очень-таки стройным. Сразу видно, на заказ.

Желание банально сделать ноги повисло мертвым грузом.

— О, вот и последний гость, — воскликнула бабуля номер раз, поворачиваясь к арочной двери. — Демьян, ну что же вы запаздываете?

— Прошу прощения, — вежливо откликнулся приехавший Исаев, по случаю одетый в дорогой синий костюм и белый галстук. Уверенно подойдя, он вежливо приложился к протянутой ручке губами и расплылся в лукавой улыбке. — Не хотел огорчать такую шикарную женщину, как вы.

— Ох, молодежь! — кокетливо откликнулась довольная лестью Станиславовна и, погрозив пальцем, пригласила остальных. — Идемте же, идемте все за стол!

А по дороге кое-кто настойчиво пожирал меня глазами...

Терпение, Исаев. Сейчас ужин подадут!

Когда в столовой обнаружился огромный стол, уставленный живыми цветами, я натурально запнулась за роскошный ковер, благо Миха поддержал. И туфли не потеряла только благодаря ремешкам на лодыжках.

Вот чёрт... Милейшая бабуля устроила пирушку, сервировав стол по всем правилам сурового этикета! Засада. И даже не мне, я хоть что-то помню! А вот Арише придется помогать.

Поймав мой взгляд, Олег, как раз отодвигающий стул своей спутнице, уверенно кивнул. Ну что ж, справятся. Надеюсь!

Старушки чинно расселись во главе стола, друг напротив друга. Нас с Мишенькой устроили с бабулей, после сел Исаев и, что странно, в одиночку. Места напротив нас пустовали, но самое смешное, что приборы были! Значит, ожидали кого-то еще... Уже боюсь, вот честно!

Следом за пустующими стульями уселся Игорек во всем белом и Аленка в классическом платье-футляре приятного голубенького цвета. За ними села Арина с Олегом, а напротив них, собственно, Эльза и Харлей. И всё. Стол оказался полностью занят!

Вопрос. Она его специально по размеру подбирала?

— Как славно, что мы наконец-то все собрались, — пережидая, пока официанты закончат разносить закуски, сложила ручки на столе Надежда Станиславовна. — Смотришь, и душа прямо радуется! Анечка, Мишенька, вы такая славная парочка... Вы прямо

выделяетесь на фоне остальных. Правда ведь, Зиночка?

«Зиночка» элегантно жестом пригубило вино из бокала, и легонько так прищурилась, рассматривая нас:

— Не спорю, Наденька. Однако я считаю, что выбирать невест все же стоит по положению в обществе. Не правда ли? Вот вы, к примеру, из какой семьи?

Ох еп... А вот к Эльзе с этим вопросом явно лезть не стоило!

— Из обычной, — вежливо улыбаясь, спокойно ответила Фроз. — Вполне себе обычный рабочий, я бы даже сказала средний класс. Не вижу в этом ничего зазорного.

— Как? — ужаснулась Зинаида и перевела осуждающий взгляд на Харлея. — И вы? Илюшенька, но как же вы решились...

— Да я с нее бал... — и тут детина замолчала, по всей видимости, случайно получив шпилькой по ногам. И уже куда вежливо продолжил. — Да я бы все отдал за одну ее улыбку, к какому классу бы она не принадлежала.

— Зинаида Захаровна, — едва не скрипнув зубами, предусмотрительно влез мой «жених». — Эльза, как и Аня, как и Арина, работают у меня в клубе. И мне не важен их социальный статус, мне в первую очередь необходимо, чтобы они хорошо исполняли свои обязанности. А что до отношений, это личное дело каждого.

— Мишенька, но служебный роман же моветон! — возмущенно повернулась в его сторону его бабуля. — Ладно, Анечка, она у тебя работает, но редко! А остальные? Арина, как вам в голову такое взбрело? Решиться на роман с коллегой, к тому же, выше вас по положению?

— Считайте это моим капризом, — не давая вздрогнувшей Арине ответить, спокойно вмешался Олег. — Признаться честно, Ариша долго меня избегала... Но знаете, я настойчив. Очень! В итоге она не смогла мне отказать. К тому же, на работе мы работаем, а не скрываемся по углам от любопытных глаз.

— Но как же вы позволили своей девушке находиться в квартире постороннего мужчины? — с таким тонким намеком спросила эпатажная старушка номер два. — Не находите это неприличным?

— Во-первых, Арина привыкла обеспечивать себя сама, — усмехнулся Олег. — А потому берется за любые подработки. К тому же, как я могу не доверять своему начальнику и другу? Тем более, раз Михаила не было на тот момент в квартире...

— Ой ли? — покосилась на Лександрыча его бабуля.

— Не было, — тут уже не удержавшись, влезла я и как можно спокойней пояснила. — Как вы, должно быть, помните, тогда я травмировала ногу. И не смогла даже перегнать машину, не говоря уже о том, что б Мишеньке помочь с уборкой. Я сама посоветовала ему обратиться к Арине как к честной, трудолюбивой и бескорыстной девушке. К тому же, зная об их отношениях с Олегом, как я могла в ней сомневаться?

— Кстати об этом, дорогая, — внезапно обратилась ко мне бабуля номер два. — Я слышала от Зиночки, что у вас там был сущий беспорядок. И молодые люди...

— Мы были не одни, — решительно вмешалась уже Лёля. — Я попросила Игоря меня к Ане отвезти. Мы проголодались и, чтобы не обременять ее, решили попробовать сами сделать что-нибудь.

— И разделись исключительно потому, что перепачкали одежду, — спокойно так, даже как-то равнодушно добавил Исаев. И обаятельно улыбнулся. — Вы знаете, есть вещи, которым с первого раза не научиться. Мы с Игорем в этом убедились на собственном опыте.

— Готовить самим, — презрительно, но с улыбкой возвестила Захаровна. — Нет, мне не понять. К счастью, давно прошли те годы, когда мы сами пачкали руки у плиты. Но я девочек в чем-то понимаю. Быть средним классом такая неудача, все приходится делать самим. Сочувствую, что им не удастся исправить свое положение.

Девочки в лице меня и Арины молча продолжили жевать. Арина не знала, что ответить, а я исключительно потому, что Михей вовремя сжал мою ладошку под столом. Реально вовремя, у меня уже запас терпения был на исходе!

Мало того, что приходилось оправдываться, это ладно. В конце концов, они имеют некоторое право нас допрашивать. Им же все объяснили, даже постарались максимально вежливо, как, собственно, заранее и договорились! Но на кой хрен, я извиняюсь, пытаться тыкать носом в разницу положений?!

— Благодарю за сочувствие, — холодно и вежливо откликнулась Фроз, слегка поморщившись, видать, словив под столом ответку от Харлея. — Мы постараемся исправить сие досадное во всех смыслах упущение.

— И как же? — с иронией посмотрела на нее эпатажность номер два. — Удачно выскочив замуж за таких молодых людей, как ваши сегодняшние кавалеры? Ой, брось, милая, это даже не смешно. Пока молоды, они вольны развлекаться, с кем захотят. Однако существуют правила и всех их браки давным-давно расписаны за них. Семейный бизнес не терпит легкомысленных отношений. Не правда ли Алена, Игорь?

Хмурая Аленка с Игорем вынуждены были промолчать. Укол старушки на сей раз попал ну прямо в точку!

Возражений не нашлось ни у кого. Однако...

— Не соглашусь, — откликнулся Демьян и посмотрел почему-то на меня. — Всегда можно найти себе невесту не из нашего круга. И сделать так, что б бизнес не пострадал.

— Ой ли? — насмешливо покосилась на него Станиславовна, промакивая напомаженные губки белоснежной салфеткой. — Неужели нашел себе кого-нибудь вроде нашей Анюты?

Вот только ляпни что-нибудь, Исаев, только ляпни. Я ж эту двузубую вилку для улиток тебе по самую раковину воткну!

— Что вы, надежда Станиславовна, — непринужденно рассмеялся парень. — Мне так, как Мише, увы, не повезло. Как видите, я даже к вам пришел без пары.

— Шалун, — кокетливо погрозила ему пальчиком бабулька. — Как славно всех пытаешься надуть! Уж я-то знаю, почему ты пришел один, потому и не ругаю.

— И почему же? — вот тут Исаев, кажется, в самом деле удивился. А еще нахмурился, а мы с любопытством прислушивались к их диалогу, вяло ковыряясь в своих тарелках. Есть не хотелось от слова совершенно. Я одними только попытками оправдаться уже была сыта по горло!

— Ну как же, — переплетя длинные пальцы, сложила их под подбородком Михеева бабуля. — Я только вчера слышала о вашем будущем браке с Алиной Воронцовой.

— С Воронцовой? — хоровой вопль стоял... Бабуськи нервно дернулись!

— Ну да, — невинно хлопнула крашенными ресницами моя типа родственница. — С тех пор как Воронцов-старший стал крупнейшим акционером GRT-групп после Исаевых, сразу пошли слухи, что они родители хотят укрепить бизнес, поженив между собой своих детей. И только вот пару дней назад окончательно решились. Насколько я слышала, Демьян, твоя невеста сейчас в Штатах?

— Угу, — поморщился Исаев, смотря куда угодно, только не мне в глаза.

И я вдруг поняла — а он ведь знал! Знал об этом долбанном браке! Знал, увивался вокруг меня, и все равно молчал в тряпочку!

Новость о будущем браке Исаева с Воронцовой оказалась как снег на голову. Серьезно — такой пришибленной я себя еще никогда не ощущала!

— Вот это да, — протянул Липницкий, откидываясь на спинку. — И ты молчал?

— Игорь, это их дело, — вмешался Михей, аккуратно сжимая под столом мои пальцы. И решил переключить внимание. — Бабуль, а почему места пустуют? Ты ждешь кого-то?

— Ой, да, — спохватилась его родственница, мельком поглядывая на напольные часы у стенки. — Я пригласила кое-кого еще. Не волнуйтесь, эта пара нашего круга и они вам всем достаточно хорошо знакомы.

— Не всем, — откликнулась хозяйка моей временной квартиры. — Боюсь, что некоторым даже их имена ничего не скажут. Девушки, надеюсь, вы не ударите в грязь лицом перед нашими гостями?

— Всенепременно, — равнодушно отозвался Эльзик.

Я со скрипом отодвину стул.

— Прошу меня простить, — холодно бросила, поднимаясь. — Мне нужно ненадолго вас покинуть.

— Конечно-конечно, Анечка! — тут же засуетилась бабуля номер раз. — Мишель, проводи свою невесту!

И пошла я, как ни странно, покурить.

Сообразив, что я хочу, Михась отвел меня в кабинет своего отца, расположенный в конце одного из коридоров. Присев на край стола, я закурила и, потирая лицо ладонями, уныло произнесла:

— Мих, ты мне, конечно, до безумства дорог... Но еще одно слово этой ведьмы в синем и я за себя не отвечаю. И чхать мне будет, что жилья лишусь, что с твоей бабушкой перелаюсь...

— Ань, еще одно ее слово и я ее сам прибью, — покачав головой, отозвался присевший передо мной на корточки Лександрыч. Тоже закурив, он вздохнул. — Не понимаю. Она сегодня как с цепи сорвалась!

— Да фиг со мной, — потерла я виски. — Я переварю и плюну. Ты представь, Арине каково? Мих, пускай они с Олегом уезжают при первом удобном случае. Иначе быть беде.

— Согласен, — хмуро отозвался мой сосед. Перекатившись с пятки на носок, сидя прямо на корточках, Алехин задумчиво протянул. — А Исаев-то жук... Его помолвка с Воронцовой...

— Михась, не надо, а? — вздохнула я. — Об этом я сейчас хочу слышать меньше всего. И так хватает грязи, которой нас поливает эта «Зиночка». Чёрт! Аринку подготавливали к этому, а сама я оказалась не готова. Вот веришь, нет? Я даже не знаю, что ответить, чтобы просто матом не послать!

— Верю, — усмехнулся Мишка и, встав, загушил окурок в пепельнице. Подойдя к глобусу, в котором на самом деле скрывался бар, соседка явил на свет божий бутылку коньяка и рюмки. — Будешь?

— Фронтные сто грамм? — хмыкнула я, допиная сигаретку. — Наливай для храбрости. Ибо, как мне кажется, сейчас начнется такая война, что вторая мировая покажется детской развлекухой!

— Ань, — поставив кусочки хрустала с янтарной жидкостью на полированную столешницу, приятель положил мне руки на плечи и серьезно произнес. — Клянусь, я не заставляю тебя молчать. И сам не буду. Как только все это перейдет в фарс, мы немедленно уйдем, обещаю.

Я вяло кивнула и, невесело чокнувшись рюмками с другом, опрокинула в себя напиток стоимостью больше моих нескольких зарплат.

На душе было гаденько.

Была б одна старушка, справились бы на раз. А тут моя арендодатель, которая невесть с чего возненавидела рабочий класс и в упор своего отношения не скрывала. И что с ней делать? Вежливо послать? Так не получится, ей все наши реплики будут как слону дробина.

Отправить пешим эротическим маршрутом так, как я это умею? А вот тут засада. С одной стороны на кону стояли Мишкины отношения с нежно любимой, хоть и временами противной родственницей, наша с ним якобы связь и моя, собственно, жилплощадь. А с другой самолюбие меня, Эльзы и Арины.

И хотя девушки, как и я, знали, на что шли, знали, что придется туго, унижать их я позволить не могла.

Вариантов было два: собственно, заткнуться и молчать, а потом долго извиняться перед подругами за это. Или высказать все, что накопилось, поставив тем самым под удар Лександрыча и себя.

Чёрт! Ненавижу такие ситуации!

Лан, я потерплю. Во всяком случае, я попытаюсь. Но если эта моська в синем еще хоть раз откроет свой умело напомаженный ротик и выплюнет очередную гадость... Усё, как говорится.

Писец придет вполне заметно!

Однако эпатажность номер два, по ходу почуяв надвигающуюся бурю в моем неповторимо-мрачном лице, вдруг перестала всем хамить в лицо. И нет, при этом она все равно не угомонилась! На сей раз она просто и незатейливо перевела разговор... на бизнес, мать его!

Естественно, в обсуждениях акций, облигаций, сделок и прогнозов участвовали все, кроме нас с девушками, ибо мы просто не понимали, о чем, собственно, вообще шла речь! Ну разве что отдаленно. Всех четверых учеба обязывала знать хоть что-то на данную тему. Но где мы, а где золотая молодежь, возвращающаяся в этой сфере с пеленок?

Переплетя с Михеем пальцы, я наклонилась к его уху и шепнула, улыбаясь:

— Арину уводи.

Миша в ответ показательно-ласково заправил прядку волос мне за ухо. Уж что-что, а такие выступления у нас были отрепетированы на раз! Не в первый раз перед Надеждой Станиславовной представления устраивали. И если она, собирая этот якобы прием, действительно хотела всего лишь убедиться в отсутствии криминала, ну и показать Арине, что ей надеяться не на что, то ее товарка Зиночка явно поставила своей целью всех унижить.

И тут до меня дошло, а почему, собственно, свирепствует бабуля. Бабуля Стасика! Того самого, что эта орава усиленно гнобила при жизни!

Твою мать... ну действительно, когда ж ей еще представится такой случай отомстить всем и сразу и незаметно так? И ведь не придерешься. Она кого-то в лицо лично оскорбила? Нет. Кому-то открыто нахамила? Снова нет. Она всего лишь в общих чертах упоминает прописные истины, известные в ее кругах. И она просто выражает мнение, что золотой

молодежи девушки из простых не пары. И ведь она права по всем статьям, и парни это прекрасно понимают. И дело даже вовсе не в том, что будь их избранницы таковыми на самом деле, они бы не решились из страха пойти против всех. Не-е-ет, все гораздо сложнее! Никто из них свою девушку под такой удар просто не поставит. Заполучить жениха из элиты, значит огрести на свою голову гнев родни, партнеров, завистниц и просто наблюдателей. И находиться под вечным пристальным вниманием, терпеть капающий с их языков яд и пренебрежение.

Разве моя история с Исаевым тому не показатель?

Сидим, молчим. А нервы на пределе.

Первым, естественно, не выдержал Харлей. Когда Захаровна решила пройтись на тему образования, насколько платное отличается от остальных, в разговор вмешалась Эльза. Ну, и естественно, как говорится, понеслось. Нет, переплюнуть мою подругу в холодном сарказме невозможно, но как ни странно, бабуле покойного Стасика это удалось! Проклятый опыт. Его, как говорится, не пропьешь!

— Хватит! — в самый напряженный момент байкер просто и незатейливо жажнул кулаком по столу так, что подпрыгнули не только приборы, но и мы. — Уважаемая, как вас там... Клянусь, еще хоть слово, и я забуду про такт и вежливость. Я сыт по глотку вашими попытками унижить всех и сразу. Еще хоть слово с вашего языка и...

— Илюшенька, — ахнула Надежда Станиславовна.

— Харлей! — четко припечатал рокер и хмыкнул, — Михей, прости.

— В порядке, — привычно отозвался Михаил. — Сейчас сам кого-нибудь прибью.

— Мишенька! — возмущенно воззрилась на него бабуля, ожидавшая от своего любимого кроткого внука таких вот извинений. — Что ты такое говоришь?

— Бабуль, — вздохнув, усталый внук откинулся на спинку стула. — Я очень тебя люблю. Но еще одно оскорбление в адрес моих друзей, моей невесты или ее подруг — и ты меня здесь больше не увидишь.

Та аж сразу не нашлась что ответить.

— Какая прелесть, — едко заценила внезапный поворот бабуля номер два. — Наденька, а внук-то твой с гонором, оказывается. Не удивительно, в такой компании...

Харлей медленно и угрожающе стал подниматься из-за стола. Накалившуюся вмиг обстановку разрядил звонок мобильного Олега. Извинившись и коротко поговорив, Верещагин поднялся:

— Вынужден покинуть вашу теплую по все смыслах компанию. Проблемы по работе требуют моего срочного вмешательства. Прошу меня простить. Ариш, пойдем.

— Пожалуй, сей «ужин» я тоже предпочту любимой работе, — усмехнулся Харлей, тоже поднимаясь. Мих, свидимся. Мадам?

Мадам в лице холодной Эльзы, приняла заботливо подставленную ладонь и спокойно удалилась вместе с кавалером.

А я, не обращая внимания на повисшую тишину, украдкой вздохнула посвободней. И уткнулась носом в Мишкино плечо, тихо прошептав:

— Спасибо.

— Да меня самого все это достало, — наклонившись ко мне, так же тихо прошептал сосед. — Я тут подумал... а может к черту все? Пошлем и свалим?

— Еще чуть-чуть и я на это соглашусь, — на полном серьезе хмыкнула я. Да только осуществить план побега не успела.

Послышался дверной звонок, голос дворецкого, затем шаги и цокот каблучков...

Еще пару минут назад я думала, что дальше хуже быть уже не может. Нифига! Ошиблась дважды. Первый раз когда вообще познакомилась с этой честной компанией, второй — когда решилась прийти на этот гребаный прием!

— О, а вот и мои дорогие гости, — преувеличенно радостно и бодро воскликнула соседка бабуля, явно пытаясь сгладить возникшую неловкость за прилично опустевшим столом. Мы все, как один обернулись и узрели вошедшего в столовую высокого парня под ручку с симпатичной девушкой в коротком бирюзовом платье. — Позвольте вам представить, уже знакомый всем вам Богдан Полонский, и его невеста, Ким Со Хён...

— Не, я все понимаю. Я понимаю бабулю. Я понимаю даже ее бешеную подружайку. Я, бл* даже Демьяна понять могу, — шептал мне Миха на ухо с улыбочкой, пока его родственница рассыпалась в приветствиях и комплиментах с любезной до безобразия корейкой, разговаривая с ней на превосходном английском. Я старательно хихикала, прикрывая рот ладошкой, делая вид, как будто женишок шепчет мне на ушко что-то совсем уж личное и не совсем приличное. — Но этот-то какого хрена?

— Мих, если я сейчас не отойду, будут трупы, — приблизившись к его лицу, влюблено улыбнулась я. — И много!

Понятливый Лександрыч выразительно указал глазами на выход, и подал руку, улыбаясь, словно задумал что-то... ну, не совсем предусмотренное этикетом. Хихикнув, я подала ладошку, мой жених, извинившись, помог мне встать из-за стола...

Глупо улыбаться я перестала только оказавшись в знакомом кабинете.

— Черт, — дрожащими руками повела по волосам, чувствуя, как не держат собственные ноги. Прислонив меня к двери, Алехин быстро открыл глобус, разлил коньяк... Я опрокинула его внутрь, даже не поморщившись. — Ну просто охренеть!

— Еще? — мигом сориентировался Алехин и налил по второй. После нее дышать стало намного легче. Закурив, я присела на диван у стенки, чувствуя, как собственные мысли просто не желают укладываться в голове.

Сначала Демьян с Воронцовой, теперь Богдан и Ким Со Хён... Я даже не знаю, что шокировало меня больше!

Дымящей сигаретой Мишка привычно присел на корточки напротив. Выпустил струйку дыма и усмехнулся:

— Вот козлы. А увивались-то как вокруг, как увивались!

— Увивалась только нехристь, — невесело ухмыльнулась я. — С Богданом мы друзья.

— Да ну? — непритворно удивился Михась. — Рыж, ты идиота из меня не делай, ладно?

Ну да, Лександрыч, тут ты прав.

Никакие мы с ним нахрен не друзья. Млять, ну почему, чтобы понять, что я по уши влюбилась, понадобилось увидеть его под руку с прелестной корейкой, которая, так, на минуточку — его невеста?

Ой дура, Солнцева. Ой дура...

Тут даже больше нечего сказать!

Когда вернулись обратно за стол, я улыбалась Мишке так, что думала, лицо не выдержит и треснет. Но как еще было себя вести, учитывая, что почти что незаметно на меня пялились абсолютно все, включая «Зиночку» и корейку?

Последняя так вообще просилась макнуть ее в тарелку. Нет, со всеми милая девушка с круглым личиком, характерным разрезом глаз и копной каштановых кудрей общалась вежливо и с ослепительной улыбкой. Фигурка под тонким симпатичным платьем — вах, ажурные перчатки и крохотная шляпка на боку. По чесноку так говоря, выглядела Со Хён премило, а ее манеры и английский были действительно великолепны. Да только кто бы знал, какую ахиною она несла на своем, корейском!

— Какие скучные и не приветливые лица. Оппа, и это твои друзья?

— Тебя это не касается, — резко бросил Богдан, смотря на меня и никуда больше. Конечно, он-то знал, что я ее якобы милый щебет, в отличие от остальных, прекрасно понимаю! О да, с улыбочивым лицом, да гадости сия мадам несла похуже, чем эпатажная бабулька номер два!

И Лёлька у нее мышь бледная, и Миша с ней необходимая деревня, и Исаев странный, а Липницкий так вообще, на гуся похож.

Вторая балаболка, кстати, в скором времени тоже решила подключиться. И, как вы думаете, кого она на сей раз выбрала своей жертвой? Правильно, меня!

— Какая вы все-таки, с Со Хён очаровательная пара, — вроде бы невинно заметила Захаровна. Богдан почти незаметно усмехнулся. — И как Демьяну с невестой повезло!

— С невестой? — выгнул брови Полонский, поворачиваясь к своему вечному визами. Тот, ухмыляясь, выразительно посмотрел на корейнку, типа «сам хорош», перевел взгляд на меня... и потупился.

Ой, да ладно, оба еще скажите, что вам сейчас ну прямо стыдно, аж жуть как!

Хотя, чего Богдану будет стыдно-то? Он мне как бы ничем вовсе не обязан. Он сам френдзону четко обозначил, это моя недалновидная светлость ухитрилась втюриться, не смотря на все многочисленные «но»!

— Богдан, а ты разве не в курсе? — обратилась к нему Станиславовна. — Я только вчера узнала, что Демьян-то с Воронцовой поженятся! Помолвку, кажется, на зиму назначить хотят?

— С Воронцовой, значит, — снова глядя на меня, негромко протянул Богдан.

С Воронцовой, с Воронцовой. А ты будешь жениться на Со Хён!

Японский чебурашка, русские смешарики, да свинка Пеппа для комплекта, как же мне все это осточертело!

— Мы этот вопрос еще не обсуждали, — холодно отозвался Исаев, явно не желающий разговаривать на тему личной жизни.

— В таком случае, Мишенька, а может и вам о своей помолвке объявить? — неожиданно поинтересовалась старушка номер раз. Я аж минералкой подавилась!

И знаете, что на самом деле? Мне очень захотелось сказать «да»! И назначить день помолвки с моим обожаемым соседом. Ну чисто так, что б надавить на ревность некоторых! Правда жаль, что скрипеть зубами будет только один из них...

— Бабуль, мы это уже обсуждали, — ровно, но непреклонно отозвался сосед. — У Ани учеба, я постоянно в клубе. Ни о какой свадьбе и даже помолвке и речи быть не может.

— Но Мишенька, но как же, — осталась недовольная Надежда Станиславовна. — Вот Игорю с Аленой ничего не помешало, хотя они учатся, там же, где Аня. И Демьян с Богданом...

— Мы официально не помолвлены, — покачала головой Аленка, смотря на меня. А я вяло ковырялась в тарелке, размазывая вилкой соус по прекрасно запеченной форели, старательно избегая встречаться взглядом с кем бы то ни было вообще. — Родители решили подождать, пока университет закончит хотя бы Игорь.

— Вот именно, — согласился Липницкий. — Думаю, и Мише некуда спешить.

— Может в таком случае вообще отказаться от помолвки? — неожиданно насмешливо поинтересовалась Зинаида Захаровна. В столовой повисла тишина.

Вау! Какая здравая мысль, да в вашу голову, мадам! Всеми руками, ногами я за вашу блестящую идею! Как раз хочу сейчас всех незатейливо послать и счастливо отвалить до

дому. Где, наревевшись, примусь паковать вещи и искать новое жильё.

— Зиночка, о чем ты? — нахмурилась бабуля номер раз, смотря на свою улыбающуюся заклятую подругу.

— Я говорю, раз все к этому идет, не лучше ли будет некоторым оступиться? — иронично выгнула тонкие брови родственница мирно почившего Стасика. — Я уважаю Мишин выбор. Право, Анечка действительно мила. Но с Со Хён, Аленой и Алиной Воронцовой, боюсь, она не сможет сравниться. Анечка, я ни в коем разе не хочу тебя обидеть.

— Оппа, так эта рыжая девица не только мне не нравится? — поинтересовалась корейка на своем родимом, презрительно посматривая на меня. — А она выглядит неплохо. Но слишком пошло!

О да. Куда уж мне, убогой до тебя-то!

— Заткнись, — устало отозвался Богдан, сжимая вилку в руке так, что побелели пальцы.

Всё, народ. Как говорила Эльза, вечер окончательно перестает быть томным!

Хлебнув для храбрости белого вина, я улыбнулась:

— Что вы, что вы. Никаких обид. Видите ли, Зинаида Захаровна... Я понимаю, что Мише не ровня. Как и всем присутствующим, впрочем. Однако как вы знаете, на наших отношениях настояли и отнюдь не я. А поскольку Миша мне безгранично дорог... Я не посмела отказать.

— Как мило, — сухо прокомментировала бешеная бабулька, глядя как Лександрыч любезно и восхищенно целует мне лапку. Угу, на самом деле удерживая ее дрожащую, чтобы она не схватила ближайший начищенный нож! — И все-таки, Наденька, мне кажется, что ты ошиблась. Посмотри вокруг... Анюта не очень вписывается в наше окружение.

— Глупость, — внезапно резко отозвалась Аленка. — Аня моя подруга и, смею заверить вас...

— Это сейчас, Алена, — прищурилась Захаровна, потягивая белое сухое вино из высокого бокала. — А потом? Когда вы закончите университет? Помилуй бог, я не хочу никого обидеть. Но разве вы сможете так же общаться, дружить в дальнейшем? Сама посуди, насколько вы разные. Вы на прием, она на работу. Вы по магазинам, она на работу. Вы отдыхать на острова, а Аня...

— Снова на работу, — вмешался Михась, сжимая мою ладошку под столом. — И я не вижу в этом ничего зазорного!

На него посмотрели с такой жалостью...

Я усмехнулась. Сейчас прямо от стыда сгорю! Работала, работаю и работать буду. Уж извиняйте, на чужой шее сидеть мы, народ простой, как-то непривычны!

— Зиночка, прекрати сейчас же, — отойдя от первого шока, возмутилась Надежда Станиславовна. — Анечка — невеста Мишеля и я не позволю ее оскорблять!

— Наденька, помилуй боже! — подняла руки старушка номер раз. — Какие разговоры! Я не осуждаю твой выбор для единственного внука, я лишь прошу подумать.

— Вы не представляете, сколько раз я сама просила ее об этом, — мило оскалилась я. — А уж отговаривала-то как... Не соглашается, увы. Может, вы поспособствуете повлиять?

— Ань, — попытался одернуть меня Миха. Прости, сосед, но меня уже, кажется, откровенно понесло...

Меня просто и откровенно достали! Все!

— А что? — невинно похлопала я глазами, не обращая внимания на удивленные

взгляды вокруг. — Я своего положения ни капли не стыжусь. Да, бедна, как церковная мышь, да, не имею богатых и влиятельных родственников...

— Зато шикарных любовников хватает, — пригубив еще вина, как бы невзначай произнесла бабуля Стасика и иронично вскинула брови в ответ на направленные на нее взгляды. — Что? Разве к ней не приезжал сам Громов?

Достали... ну как же вы достали! Да не любовник мне Кирилл. Он — мой бомжик!

— Зина, я просила! — треснула кулаком по столу ее подруга. — Это всего лишь слухи! Анечка — милая, общительна, вежливая и трудолюбивая девочка. И она лучшая партия для моего внука, чтобы там не говорила ты и остальные!

— Так, все, — положила я ладони на стол и отодвинулась вместе со стулом. И улыбнулась. Открыто так, и обаятельно! Половину из присутствующих перекосило разом. — Понесли олени в юрту! Надежда Станиславовна, я уважаю вас и нежно обожаю вашего внука, но вынуждена вас разочаровать. С Мишелем мы исключительно друзья.

— Аня, что ты говоришь? — шокировано ахнула бабулька. Михей молча отсалютовал мне бокалом и широко улыбнулся, тем самым давая полный карт-бланш.

Йес, ребятки! Кто не спрятался, я теперь не виновата!

— Ну, начнем с того, что я ни разу не тот милый одуванчик, которым вы меня имели глупость описать, — ухмыльнулась я. — Я пью, курю, ругаюсь так, что вянут уши. И я не общительна, у меня просто язык без костей. Поверьте, мне фиолетово, с кем трепаться часами: вежливо с вами, культурно с клиентами или с работниками — нецензурно! А еще я жуткий однолюб и трудоголик — люблю исключительно свою работу, которая меня кормит, и только ей одной я позволяю себя иметь. И да, по большей части слухи вокруг меня не клевета, а правда. За мной действительно заезжал Кирилл, а по какому вопросу, уже совсем не ваше дело. И нет, я самая фиговенькая партия для вашего любимого внука, хотя бы потому, что ему ваш навязанный брак в одно место не уперся. Прекратите уже душить его своей заботой. Поверьте, девушку он найдет сам, и не понадобится даже ваша справка с подробным описанием всех его достоинств!

И тишина...

— Ну, что? Собственно, я и говорила, — сложив руки на объемистой груди, довольно протянула Захаровна. — Хамка, грубиянка и просто недостойный человек. Наденька, и ты ее в свой дом пригласила?

— Вот чья бы корова мычала, — моментально повернулась я к ней. И усмехнулась. — Значит так, моя дорогая особь. Коль разговор пошел на тему воспитания, начнем, тогда, пожалуй, с вас. Коль вы являетесь в гости, дорогая, будьте любезны уважать как хозяйку дома, так ее внука и его гостей. А впредь, чтоб не повторилось подобных ситуаций, могу вам посоветовать для языка хорошее недорогое мыло. Всё желание трепаться выведет на раз!

— Чего??

— Того! — хмыкнула нифига не устыдившаяся я. — Осспади, угрозило связаться с тугоухой. Не понимаете, читайте по губам: еще раз оскорбите меня или моих друзей, я ваше платье на вашей же шее затяну так, что не развяжет даже милый Стасик на том свете!

Немая сцена. И кто б, собственно, в такой ситуации да сомневался, что не найдется кто-нибудь, что б встрять?

— Оппа, я не поняла. Что эта девка себе позволяет и почему ты на нее весь вечер так пялишься? — негромко, но отчетливо на своем родном языке поинтересовалась корейка. И обратилась уже ко мне с неприкрытым сарказмом. — Онни, почему кричишь? Ты себя вести

в приличном обществе не умеешь?

И естественно, она совсем не ожидала, что «онни» вдруг ответит, да еще и на чистейшем корейском языке!

— Онни недоумеваает, — улыбнулась я, не дав вмешаться злому Богдану. — Эволюция завершилась много лет назад и только ты умудрилась застрять на уровне мартышки!

У Со Хён челюсть натурально так отвисла...

— Миш, пойдём?

— Конечно, — радостно откликнулся сосед.

И только в холле я поняла, как меня на самом деле потряхивает от сжавшихся в один сплошной тугий комок заметно потрепанных нервов. Пальцы сводило от напряжения, голос дрожал, губы тряслись... И успокоиться уже не получалось. От слов никак и абсолютно!

— Две минуты, Рыж, я машину подгоню, — мельком взглянув на меня, торопливо выскочил за дверь сосед, едва накиннув на плечи принесенное дворецким пальто. Положив поданную короткую шубку, я опустилась на подлокотник кожаного дивана, едва сдерживаясь, чтобы не вытащить из головы все шпильки. И вдруг услышала:

— Ань, подожди.

Твою египетскую богоматерь Баст! Ну, ему-то что сейчас от меня надо?!

— Зачем? — тихо и равнодушно откликнулась, на мгновение прикрыв глаза. Мне нужно было продержаться еще чуть-чуть. Еще совсем маленько! Да только... как?

— Прости, — извинился Богдан и взял меня за руку. — Со Хён...

— Вот о ней я хочу слышать меньше всего, — хмыкнула я, ненавязчиво, но уверенно освобождая свое запястье из его пальцев. — Мне плевать, что она там обо мне думает и как.

— Она вообще не должна была приезжать сюда, — нахмурившись, продолжил Богдан. — И тоже. Я не знал...

— Какая разница? — не выдержав, перебила я его. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы он оправдывался так, словно действительно что-то мне должен! — Это твое с невестой право находится где угодно и когда угодно.

— Ань, извини, — как-то вдруг странно произнес Полонский. — Что не сказал тебе сразу.

— А мне-то что? — поднялась я и в кой-то веки посмотрела ему в глаза. На секунду — больше просто не смогла и отвернулась. — Ты разве был обязан? Нет. Это твои личные отношения и меня они не касаются. Кто я и кто она? Могу только пожелать удачи. Хотя, уж после моего характера тебе ее выдержать будет довольно просто.

— Ань, — вдруг удивленно протянул Богдан. — Скажи, что я сейчас ошибаюсь. Ты ревнуешь?

— А даже если так? — не выдержав, повернулась я, устав уже бежать от самой себя. Да, это было глупо, да, в какой-то степени выглядело даже жалко, но сдержаться я не смогла. — Даже если так, Богдан? У нас френдзона и я об том прекрасно помню. К тому же у тебя невеста, а я... как там было? Хамка, грубиянка и просто недостойный человек? Согласна в кой-то веки.

— Ты сама понимаешь, о чем сейчас говоришь? — нахмурился Полонский, делая шаг вперед. — Меня разве когда-то волновало твое положение в обществе?

— Нет, — открыто улыбнулась я. — Как друга — нет. Но в качестве невесты тебе все-таки досталась блистательная во всех смыслах Ким Со Хён... Красноречиво, правда?

— Ань, идем? — в дверях наконец-то появился Мишка. Я торопливо отвернулась и,

подхватив шубку и подол платья, едва не убежала вслед за байкером на заснеженную улицу.

Благо хоть туфельку, не смотря на все каноны, я потерять все-таки не умудрилась...

А около часа ночи меня посетил внезапный гость

Не, честно признаваясь, мне даже открывать не хотелось. И все-таки, вздохнув, я пересаживала со стола Ни-Ни к себе на плечо и пошлепала в коридор, открывать.

Честно, я ожидала увидеть кого угодно. Даже Исаева с Полонским! Но сию мадам?..

— Анечка, я могу с тобой поговорить?

Я подумала. Вздохнула и махнула рукой, отодвигаясь. В конце концов, после того, что было, хуже уже все равно не станет.

— Чем обязана в такой час, Надежда Станиславовна? — спокойно поинтересовалась, снова забираясь на любимый стул на кухне. Ни-Ни, оглядев усаживающуюся напротив женщину, противно пискнула и свернулась в клубок, прикрывшись хвостиком. Погладив недовольную зверюгу, я обхватила ладонями кружку с зеленым крепким чаем.

— Анют, не нужно этого светского тона, — неожиданно произнесла бабушка Михея. — Мне сегодня хватило потрясений.

— Знаете, мне тоже, — не удержавшись, хмыкнула, допивая чай. И, подумав, предложила. — Налить? Ну, чаю, кофе...

— Да я б от чего покрепче не отказалась! — сердито отозвалась старушка.

— Вот уж чего нет, того нет, — медленно и удивленно протянула моя светлость. — Я как бы обычно не пью...

— Как и не делаешь все то, что тебе сегодня приписали, и что озвучила ты сама, — уверенно добила женщина. И, вздохнув, неожиданно взяла меня за руки. У меня нервно глазик дернулся. — Анечка, девочка моя, я знаю, что ты не такая плохая, как кажешься. Нет, даже какой хочешь казаться в глазах окружающих! Ты ведь на самом деле хорошая... пока тебя никто не трогает.

Какая однако... проницательная бабуленция-то на самом деле оказалась!

— Неужели? — иронично выгнула я бровь. — С чего вы взяли?

— Ну, ты же меня не послала с порога матом? — усмехнулась Надежда Станиславовна. — Хотя имела полное на это право.

— Да вы тут причем? — рассеяно провела я рукой по волнистым волосам, лишившихся, наконец-то, всех неудобных шпилек — это было первым, что я сделала, оказавшись в Мишкиной машине.

— Анечка, я настояла на этом приеме, я послужила причиной всему. Я не поверила вам сразу и, в конце концов, именно я настояла на ваших с Мишенькой отношениях, — негромко, спокойно, но очень серьезно произнесла Михеева бабуля. — И я очень сожалею о том, что тебе пришлось выслушать от этой... змеи подколодной!

— Надежда Станиславовна, — грустно улыбнулась я. — Не волнуйтесь обо мне. Мне не привыкать такое слышать. На работе, в универе... Я же не дура, все понимаю. Таких, как я, никогда не примут в ваших кругах. Именно поэтому я бы никогда не согласилась на брак с Мишей.

Хватило мне в свое время домогательств Исаева!

Гадство! Ну что ему стоило раньше объявить о своей помолвке?! В таком случае и я бы его сразу послала, и его фан-клуб, зная, что его интерес ко мне так, свадебная интрижка, не стал бы меня доставать!

— Анечка, я не настаиваю, — покачала головой старушка, поглаживая мою ладонь. —

Теперь не стану. Свои ошибки я умею видеть. Я просто хочу, чтобы ты знала: чтобы не случилось, ты всегда можешь обратиться ко мне или к Мишеньке.

— Спасибо, — улыбнулась я и на сей раз искренне. — Приятно слышать это от вас.

— И если вы с Мишенькой все-таки когда-нибудь...

— Ну, Надежда Станиславовна! — протяжно возмутилась я. Чую, сия фраза мне скоро заменит незыблемые «скелетоны в панталонах»...

Бабулька рассмеялась:

— Молчу-молчу! Дай помечтать старушке!

— Да какая с вас старушка, — махнула я рукой на ту безобразницу пенсионного возраста. — Я вам уже сегодня говорила — это так, цифры на бумаге. По крайней мере, в вашем случае.

— Раз уж разговор зашел о другой карге, — мигом нахмурилась бабуля и вздохнула. — Анечка, прости. Я ничего не смогла поделать. Эта гримза дала тебе срок съехать с квартиры до конца ноября. Извини, пожалуйста.

— Не страшно, — отмахнулась я, прикидывая, что мне дали почти месяц. Что ж... разберемся, не впервой. — Я прекрасно осознавала, на что иду, когда решила высказать все, что о ней думаю. Найду себе новую квартиру, не страшно.

— Никаких «найду»! — неожиданно хлопнула рукой по столу Михеева родственница. Я аж подпрыгнула, а спящая Ни-Ни свалилась с моего плеча. Ладно, хоть поймать успела! — Ой, прости... Но я серьезно. Раз я виновата, я все исправлю. Сама найду тебе хорошую квартирку и оплачу... Ну, скажем, на год. Идет?

— Нет, — покачала я головой и хмыкнула. — Не идет.

— Тогда куплю!

Нет, я чокнусь с этим высшим обществом...

— Надежда Станиславовна, — с трудом растянула я губы в подобии улыбки. — Даже не вздумайте. Я ее просто ни приму. Когда я говорила, что привыкла зарабатывать и обеспечивать себя сама, я не шутила. И действительно не позволю никогда и никому посадить меня к себе на шею. Хотите загладить свою вину? Отлично. Есть и другие способы.

— Какие? — тут же по-деловому подобралась старушка. — Говори, я все сделаю!

— Извинитесь перед моими подругами, пожалуйста, — спокойно попросила я. Женщина согласно кивнула, даже не споря. — Уж они такого обращения точно не заслужили. И еще... пообещайте мне, пожалуйста, одну вещь.

— Анечка, для тебя все, что угодно!

Ха! Ну сейчас-то и проверим!

— Если Миша начнет встречаться с Ариной, вы примете ее так же, как собирались принять меня, — попросила я, не отрывая взгляда от женщины напротив. Та задумалась. И даже не скривилась!

Вау... какой прогресс!

— Значит всё, что вы мне говорили о ней — вранье?

— Не совсем, — покачала я головой. — Конечно, их роман с Олегом такой же «бурный» как у нас с Михеем. Но в остальном ни капли лжи. Тогда она действительно всего лишь убирала осколки разбитой посуды, в то время как Миша перегонял мою машину из университета. Вы говорите, что я хорошая... Поверьте, милее, трудолюбивее и обаятельнее Ариши вам не найти. Она прекрасная девушка. И я уверена, если у них с Лександрычем все наладится, вы ее действительно полюбите.

— Так они до сих пор не... — развела руками обомлевшая бабуля.

— Неа, — мотнула я головой. — Но к этому все идет. Но! Не вмешивайтесь, ладно? Ариша не я, она на справку вряд ли адекватно будет реагировать!

— Я как лучше хочу, — вздохнула Надежда Станиславовна, аккуратно стекая с высокого стула. — Ладно, раз ты просишь, я вмешиваться не буду. А сейчас мне, пожалуй, пора. Уже поздно, а ты, наверное, устала.

Устала? Да нифига. Я вымоталась так, как никогда за сутки на работе. За двое, трое, пятеро... Да сколько угодно! Все равно сравнить не получится при всем своем желании.

На прощание бабулька меня крепко обняла и, еще раз извинившись, чинно удалилась. Вздохнув, я отключила дверной звонок на всякий случай, заперла дверь и привычно бросила ключи на тумбочку. Свалились. Нагнувшись, что б их поднять, я наткнулась взглядом на черные глаза плюшевого мишки... И не выдержав, уселась на пол.

Осторожно взяла в руки бордовую игрушку, провела пальцами по шипам на животике, и слегка нажала на нос.

— Ненавижу, — внезапно и тихо прошептала я игрушке. И это было, пожалуй, единственным проявлением моих эмоций с тех пор, как я вернулась домой. — Их обоих!

И спать пошла.

Вот так вот просто, тупо и даже не напившись.

Честно признаться, на следующее утро моя светлость долго думала на тему, а стоит ли вообще ехать в универ?

Уязвленное самолюбие требовало сидеть дома в пижамке и грустить, а гордость вопила о несправедливости и требовала привести себя в полный порядок и показать некоторым, что они потеряли. Ехидство нашептывало, что, собственно, всем по барабану, в том числе и мне, а тунеядство буквально заставляло просто забить и ничего не делать. И в тоже время собственное раздолбайство манило надеть любимые джинсы, кеды, приехать на учебу и настучать по рогам всем, кто посмеет вякнуть...

В итоге победила дружба.

Надев вчерашние ажурные чулки (за неимением колготок, которые куда-то подевались), натянула широченные джинсы, майку, поверх нее накинула белоснежную толстовку. Поскидывала мелочи в рюкзак, напялила теплые кеды, прихватила куртку... И через полчаса уже уверенно катила по заснеженной дороге, подпевая горланившей из динамиков Глюкозе:

«Я буду вместо, вместо нее, твоя невеста, честно, честная ё!».

Правда, к кому именно из парней относится мое насквозь фальшивое исполнения, я даже не берусь предсказать от слова вообще. Скорее так, к слову пришлось.

Настроение, если честно, было как у Карлсона: хотелось сладкого и пошалить!

А потому, прикупив по дороге сигареты и чупа-чупс, на парковку универа я влетела как Липницкий. То есть боком!

Естественно, машину занесло на заснеженной дороге. Дернув ручник, я даже немного покрутилась...

И припарковавшись, вылезла на улицу счастливая по самое прям не могу!

— Не понял? — брови стоящего на парковке Игоря поползли вверх. — По какому поводу коробку убиваем?

— А шо, низзя? — фыркнула я, накидывая куртку и перекатывая чупа-чупс во рту. — А Лёлька где?

— Отходит, — вздохнул Липницкий. — После вчерашнего. Она... перебрала чуток.

— Тыщ, — поморщилась я. — Куды смотрел, зачем позволил? Аленка и алкоголь вещи почти несовместимые! Ну, как минералка и Херлей...

— Сосешь, рыжая? — вдруг послышалось со стороны. — Ну, правильно, что тебе еще остается-то теперь?

— Не, ну я хотя бы чупа-чупс, а не то, что ты обычно! — машинально и насмешливо откликнулась в сторону проходящей старшекурсницы с ее товарками. И наткнулась на внимательный взгляд Игоря. — Чего?

— А объясни-ка мне чудище рыжее, — меня внезапно крепко ухватили за ухо. И потянули вверх так, что я ойкнула. — Что за внезапный позитив?

— А чего мне, в истерике наглядно биться? — округлила я глаза и жалобно заверещала. — Ай, пусти, садист эльфийский! Весь пельмешек оторвешь, а он дорог мне, как па-а-амять...

— Вот теперь я точно не сомневаюсь, — хмыкнул Липницкий, но ухо мое все-таки отпустил. — Настроение силой давишь?

— А?

— Бэ, млять! — ругнулся Игорь и, вздохнув, скинул со своей головы капюшон. — Ань, не надо, ладно? Если плохо, просто скажи! Вчера...

— Та не, — перебив его, фыркнула я, суя руки в карманы толстовки. Куртку не стала надевать, благо тут бежать две минуты. — Я в порядке. Полном! И нет, не вру, на случившееся мне просто пофиг... Но вот сейчас я, пожалуй, пойду.

И моя светлость проворно сделала ноги до того, как появившийся на дороге вишневый кроссовер успел припарковаться.

Позитив-то позитивом, а желание порвать кое-кого на тряпочки никуда не делось от слова абсолютно!

Игорь был прав по всем фронтам. На самом деле мне было нифигашечки-то не весело.

Но от одноклассников я отбрыкивалась честно. К сожалению, преподаватель опаздывал уже минут на двадцать, и, судя по шуму из коридора, не только он, и не только на нашу лекцию. Все уже стали отчаянно скучать, когда по корпусу прокатился громкий женский голос из динамиков, висевших в аудиториях и коридорах:

— Всем студентам собраться в холле первого этажа. Срочно!

Опачки? И что на сей раз в нашем серпентарии приключилось?

Мои задние нифига не девяносто вдруг почувяли подвох. Да такой, что даже идти не хотелось! Но увы, пришлось. Я ж староста (и тут с приставкой «типа»), мне вообще полагалась это татаро-монгольское иго организовать и вниз благословенным пинком отправить.

Сзчаз! Пускай сами топают и как попало. Я в старосты не записывалась, меня на сей пост воткнули гадкие однокласснички, решившие свалить столь неблагодарную работу на раздражающую их бюджетницу. Как я рада тогда была этому известию, как я рада... Кто бы только знал!

И потому всегда относилась к своей должности, что называется, спустя рукава, отчаянно надеясь, что рано или поздно меня просто от нее отстранят.

Пока не прокатило.

Так, и что тут у нас? О нет. О-о-о, нет! Нет, нет, нет! Только не очередной просмотр видео на большом, недавно купленном экране!!

Как там Харлей-то выражался про зайньку, которой опять не повезло? Вот это сейчас самое оно!

Куча студюзов, наверное, сотни две, с трудом поместились в немаленьком холле. И все, как один, застыли в ожидании, пялясь на мерцающий экран...

А моя перепуганная светлость отчаянно ругалась про себя. Да блин! Да черт, да нафиг!

Когда ж этого вуайериста чертового, наконец, найдут? Задолбалось уже пялиться на собственную мордашку в главной роли данного любительского кино сомнительного качества и происхождения! И ведь давно же не было показа, а тут снова...

Если кто-то наклепал видео со вчерашнего вечера, ей-богу, сама найду и придушу...

Но экран мигнул и выдал вдруг обычный новостной канал.

Ох ёпт. Ну и во имя какого бразильского карнавала сие внезапное действие?

— А теперь к событиям в мире бизнеса, — с серьезным лицом вещала молодая дикторша с экрана. — Эта новость стала самой обсуждаемой за сутки, буквально взорвав весь интернет. Как нам стало известно, вчера был заключен взаимовыгодный договор о сотрудничестве между двумя главными акционерами GRT-групп, крупнейшей компании на мировом рынке. Чтобы укрепить связь и упрочнить свое положение, между Александром

Исаевым и Сергеем Воронцовым была заключена договоренность о браке их детей: Демьяном Исаевым и Алиной Воронцовой. Напомним, что ранее о помолвке наследников акционеров ходило множество слухов, которые, однако, были опровергнуты...

Ну гребаный же икебастус...

А без этого никак?!

Сзади послышались смешки, тут же загудели разговоры, ахи, охи, вздохи. Ну, и естественно, почти все взгляды обратились на меня! Показательно перекрестившись, я молитвенно сложила лапки и выдала, глядя в потолок:

— Спасибо тебе, оспади! Ну, наконец-то!

И поняла, что показушничая на этот раз зря. Меня кто-то толкнул в бок, я машинально обернулась... и узрела самого Исаева, стоящего с Игорем неподалеку от дверей. Выражения лица у Демьяна, надо сказать, было нечитаемым. От слова абсолютно!

Нет, а что он, собственно, хотел? Что я расстроюсь, может быть, расплачусь? Нет, все это обязательно еще будет. Но только потом и несколько по иному поводу!

— И не менее шокирующее событие, — неожиданно выдала диктор. Мы снова замерли, уставившись, как зомби, на огромный монитор. — Как только что стало известно, сын известного миллиардера, Богдан Полонский вчера ночью расторг помолвку с дочерью основателя крупнейшего корейского конгломерата, Ким Со Хен. Причины, по которой была сорвана сделка, пока остаются неизвестными, сам Максим Полонский от комментариев отказался. Напоминаем, что...

Вот это ж... Австралийская демократия и английская монархия, вкупе с русским православием!

Да не. Не-не! Мне сейчас послышалось. Такого быть в принципе не может! Он же только вчера с этой наглой корейкой явился на прием, не возражал против статуса ее невесты и...

В голове невольно всплыли собственные слова:

«Как друга — нет. Но в качестве невесты тебе все-таки досталась блистательная во всех смыслах Ким Со Хён... Красноречиво, правда?».

Да не-е-ет. Не мог же он из-за этого расторгнуть помолвку, в самом-то деле!

Или всё-таки мог?

Но смысл? Какой Богдану в этом смысл? Ради простого друга? И то очень сомнительного и вечно влипающего в неприятности? Ну не может же он ко мне что-то чувствовать, сколько раз говорил открыто, что он для меня просто друг! А чтобы проверить фортель с расстройством помолвки, надо не просто что-то чувствовать, надо испытывать я прям даже не знаю вообще какие чувства!

А он ведь ни разу даже не намекнул, ничем не показал, что я ему нравлюсь, как девушка. И в полотенце он меня видел, и в одной кровати мы спали, и что только между нами не происходило — ничего. Он никак себя не проявлял!

Видимо все-таки, не во мне тут дело. Видать, достала его корейка до самых печенок, а вчерашний скандал послужил всего лишь причиной. Он просто воспользовался удачным моментом — вот это было как раз в духе Полонского!

Относительно успокоившись, я машинально посмотрела на Исаева... И вздрогнула! Шатен просто пылал открытой и с явным трудом сдерживаемой ненавистью!

И не сразу до меня дошло, что смотрит он совсем не на меня. Удивленно моргнув, проследила за его взглядом, повернула голову — на лестнице, небрежно опираясь плечом на

стенку, насмешливо улыбаясь, стоял Богдан!

Черные брюки, белая рубашка с закатанными рукавами, черная жилетка и изумрудно-зеленый галстук. Расслабленная поза, красиво уложенные серебристо-пепельные густые волосы, обаятельная улыбка... Внутри что-то снова екнуло. И уже совсем не так как прежде.

И я поняла, что именно не так.

Я влюбилась. Батюшки-святые, а ведь я действительно в него влюбилась так, что дальше некуда!

И, наверное, именно поэтому, когда Богдан поманил меня пальцем, я пошла. Не знаю, как я поняла, что он звал именно меня, но, привычно просунув пальцы под лямки рюкзака, протиснулась через студийзов и поднялась на лестницу почти до середины.

— И? — выгнула брови, встав на пару ступенек выше, чтобы быть с ним на одном уровне.

— Ты видела, — усмехнулся Полонский, опираясь спиной на стену, сунув руки в карманы брюк. И он не спрашивал, он просто утверждал.

— Угу, — кивнула и поинтересовалась в привычной ехидной манере. — Тебя поздравить, аль посочувствовать?

Богдан неожиданно опустил голову... и рассмеялся! Просто и открыто!

Не, а вот тут, как говорит Неаполь, мну конкретно не допёр. Что забавного-то?

— Видать на нервной почве, — сочувственно выдала вердикт. И округлила глаза, когда меня вдруг ухватили за плечи, развернули, поставили к стене и нависли сверху! Я ойкнула. — Действительно на нервной...

— Как всегда язвись? — опираясь на руку от запястья до локтя над моей головой, неожиданно улыбнулся Полонский. Так... непривычно как-то. Я бы сказала не по-дружески!

А там ведь внизу за нами наблюдали, и пристально. И пускай о тишине и речи быть не могло — те, кто нас не видел из другого конца холла, сейчас яростно обсуждали последние новости, и наш разговор никто не мог расслышать.

Но все-таки, такое поведение при стольких свидетелях было абсолютно не в его духе!

— А я должна реагировать как-то по-другому? — удивленно проморгалась я. И честно выдала. — Ну, молодец, герой, хвалю и...

— Ань, — насмешливо перебил меня Богдан, взявшись пальцами за мой подбородок. — Неужели ты не поняла, почему я это сделал?

Ась?? Это он куда сейчас, простите, клонит??

— Эм-м-м, — протянула я, машинально облизнув пересохшие губы. — Она достала тебя до самых печенок?

— Неправильный ответ, — протянул парень, погладив большим пальцем мою нижнюю губу. У меня аж внутри все перевернулось! И теперь мне уже вовсе не казалось, что меня сюда для банального общения позвали!

Меня на самом деле тут это, как бы... соблазняют?

Родные Фиксики и Машенька с Медведем! Я что, когда крутилась на парковке, все-таки умудрилась въехать в столб?! Иначе как по-другому объяснить такой вот глюк сознания?

— Она сама пошла в отказ? — предприняла я еще одну попытку вернуть хоть какое-то подобие реальной, суровой действительности. Но фигушки! На злобу дня мне выдали откровенную усмешку:

— И снова мимо.

— Тогда...

— Анют, я сделал это из-за тебя, — улынулся парень своей фирменной улыбкой. А голубые яркие глаза так близко-близко, что я... Так, стоп!

И за какие помидоры мне такие вот грехи?

— А я тут причем? — нахмурившись, дернула я головой, высвобождая свой подбородок. Богдан даже оттолкнулся от стенки, сделав шаг назад. — Самую рыжую нашел? Не выйдет! Я вроде как последние мозги еще не растеряла, а потому лапшу оставь для чьих-нибудь других ушек. Ради временных друзей такие сделки не рушат!

— Ради друзей, да, — спокойно согласился Полонский и так многозначительно добавил. — Ради кое-кого другого — еще как.

Не-не. Вот на большую и чистую любовь мне ту сейчас намекать не надо!

— Френдзона, — напомнила я, даже не собираясь ему верить. Хотя хотелось, очень так хотелось! — Сам говорил!

— Неужели? — усмехнулся Богдан, явно на что-то намекая. И улыбка эта, и уверенность его, и поведение... Они сейчас говорили слишком о многом. О том, о чем я на самом деле боялась даже мечтать, не то, чтобы подумать. И вдруг я поняла — а ведь Богдан не врет...

Да пресвятые Джигурдинки! Да быть того не может!

— Нет, — нервно сглотнув, я машинально отшатнулась обратно к стенке. — Ты не мог... Всё то время ты...

— Согласен, был не прав, — просто кивнул парень. — Нужно было сказать тебе раньше.

— Не нужно было говорить вообще, — резко выдохнула я, машинально вцепляясь в лямки рюкзака так, что пальцам стало больно. — Если ты думаешь, что я сейчас растаю, как снег под поливалкой, все брошу и с радостным визгом кинусь тебе на шею, то ты меня плохо знаешь. Вчера, по-моему, наглядно показали, что бывает, когда встречаются такие разные люди как ты и я.

— Ань, я хорошо тебя знаю, — качнул головой Богдан и, шагнув вперед, уверенно так обнял меня за талию, притягивая к себе. — Именно поэтому ты сейчас обнимешь меня и будешь вести себя как приличная влюбленная девушка. А затем мы уйдем отсюда.

— Да ну?? — обалдела я от такой наглости. Не, ляпнуть такое было бы еще вполне в духе Исаева... Но этот-то куда?! Ему что, Со Хён вчера от обиды сковородкой по голове настучала?!

— Ну да, — спокойно парировал Богдан, и я почувствовала, как его пальцы ласково поглаживают мою спину. Впрочем, его слова с его действиями не сходились от слова вовсе. — Иначе все узнают твой маленький секрет.

— И это какой же? — саркастично поинтересовалась, с трудом переваривая все то, что сейчас услышала. Комедия постепенно превращалась в такую трагедию, так что бежать отсюда хотелось сломя голову! Но...

Усмехнувшись, блондин наклонился к моему уху и шепнул несколько слов. Таких, которые услышать я вообще никак не ожидала! Не сейчас. Не от него. Да вообще, блин никогда!!

— Нет, — я побелела, с откровенным испугом глядя на спокойного Богдана. — Как ты... как ты узнал?

— А это разве так важно? — как-то уже не совсем весело усмехнулся Полонский, притягивая меня к себе ближе и напоминая. — Я жду твой ответ.

Я на мгновение опустила руки. Ответ? Какой тут может быть ответ? Как можно выбрать, когда этот самый выбор тебе просто не оставили? Он знал... Мать твою, он знал, на

что давить, знал, что я не посмею отказаться...

Черт побери, он реально обо мне все знал!!

— Ненавижу, — тихо прошептала, слыша, как дрогнул собственный голос, но при этом мои руки легли на его шею, ясно выражая свой ответ.

— Я знаю, — тихо шепнул он. Пальцы скользнули в мои волосы на затылок, заставляя поднять голову, а затем его губы коснулись моих...

Внизу раздались выкрики, споры, свист и многое, многое другое. Но все это проходило по боку. Все крики и споры если и слышались, то весьма отдаленно, как сквозь вату. Мне уже было наплевать, где там, кто там, что и как.

Мне было плохо. Мне было так хреново, что я не знаю, как это описать...

Тот самый неповторимый поцелуй со вкусом крепкого табака и пряной вишни я узнала сразу.

Мы молча поднялись на пятый этаж. Просто молча, не произнося не звука, слушая, как ноги отбивают по ступеням медленный, неровный, шершавый ритм. Небольшой, привычный подъем казался слишком, почти невыносимо долгим. Да и слава богу, наверное... Оказаться сейчас с этим человеком в закрытом пространстве типа лифта мне хотелось меньше всего!

У дверей произошла заминка — ключи выпали из дрогнувших пальцев, оглушительно громко звякнув о каменный пол. Спокойно наклонившись, Полонский поднял связку и так же спокойно отпер дверные замки. Толкнул дверь... на удивление, она отворилась легко и беззвучно. Странно.

Поему-то показалось, что именно сейчас зловещий скрип медленно открывающейся железяки с деревяшкой пришелся бы как нельзя кстати, переплюнув по напряженности самый страшный из последних современных психологических триллеров.

Помедлив, я вошла. В полумраке коридора привычно бросила рюкзак на обувницу, включила свет и скинула обувь. Назад не смотрела принципиально — просто не хотелось. Однако...

Я не успела даже пискнуть, как снова оказалась прижатой к стенке, а надо мной нависал Богдан.

— Ань, — негромко спросил он, но я все равно вздрогнула. — Ну и что ты уже успела себе напридумывать?

— Тебе коротко озвучить или цензурно? — попыталась огрызнуться я. Не вышло!

Весь мой пыл тут же охладили поцелуем, да таким... Исаев с его попытками меня заткнуть нервно покуривал в сторонке! Дыханье сбилось сразу же и задрожали не только руки — все тело сразу!

— Ань, — тихо позвал Богдан, отрываясь от моих губ. Отведя упавшие на мое лицо пряди волос, он очертил пальцами контуры моего лица с левой стороны — бровь, висок, скулу, щеку и, остановив ладонь на шее, погладил мою нижнюю губу большим пальцем. — Мне плевать, на твою тайну, твоего отца и даже Громова. Я просто хочу, чтобы ты была рядом. Со мной.

Брехло!!

Оттолкнув его руку, я молча вышла из коридора, не обращая внимания на недоуменный взгляд вечно голодной зубатки в аквариуме. Если честно, мне уже было глубоко плевать,

подохнет она снова или нет. Как и остальные ее аквариумные товарки. И цветочки и бабушка Стасика вместе с ними!!

Прошла в комнату. Все так же молча, зная наверняка, что он проследует за мной. Вошла. Ни-ни скреблась в надежно запертой клетке, но на зверька с его жалобными глазками я сейчас обращала внимание меньше всего. Обошла кровать, села на нее и устало провела ладонями по волосам, приглаживая вьющиеся волоски, не распрямившиеся после вчерашней укладки, сделанной ловкими ручками Неаполь.

В происходящее не верилось. Совсем.

Вспомнив о недавних событиях, наклонилась и достала из-под кровати, прикрытой покрывалом, засунутую туда не так давно небольшую бутылку мартини. Жестко скрутила пробку, заторможено проследила ее полет на ковер и тупо хлебнула из горла.

Теплая приторная жидкость с непривычки обожгла горло, вызвав легкую тошноту. Но эффект был моментально достигнут — после фактически бессонной ночи, на голодный желудок, да на фоне всех нервных потрясений в голове характерно зашумело.

— Зачем? — только и спросила, не оборачиваясь и не глядя на парня, замершего у закрытой двери. Если честно, я не думала, что он ответит, но...

— Просто захотелось, — послышался равнодушный отклик, а затем смешок. — Или так не бывает?

— У тебя ничего не бывает просто так, — отозвалась, щедро хлебнув из горла. Помолчала. И добавила, словно размышляя вслух. — Я ведь действительно не могу понять... Зачем этот шантаж, Богдан? Тебе достаточно было просто спросить.

— И каков бы был твой ответ? — иронично поинтересовался Полонский. — После того, что произошло вчера?

Я невольно усмехнулась и снова приложилась к бутылке с омерзительно-теплым мартини. Подумала. А ведь действительно... Просто скажи он, намекни о своих якобы чувствах — послала бы далеко, надолго и даже не задумываясь. И он это прекрасно знал — похоже, что он единственный, кто знал меня так, как никто другой. И все же...

— Я не понимаю, — негромко произнесла, не поворачиваясь. — Ты всегда был только другом и не претендовал на большее. Френдзона, помнишь? И... что вдруг так резко изменилось?

— Все просто, — пожал плечами Богдан, подходя ближе и присаживаясь на край кровати недалеко от меня. — Все рано или поздно приходит конец. Мне надоело изображать из себя того, кем я не являюсь.

— И потому ты решил использовать самый низкий из способов, чтобы это исправить это досадное во всех смыслах упущение? — саркастично отозвалась я и снова приложилась к невкусному напитку. Гадостному, я бы даже сказала. — Мило. А дальше-то что?

Полонский просто пожал плечами. А я...

Отставив на пол бутылку, я встала и расстегнув толстовку, стянула ее с плеч. Отбросила и взялась за майку.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Богдан, когда тонкая ткань отправилась на пол. Хмыкнув, я пошла ближе и, усевшись сверху на его колени, обняла его руками за шею:

— Ты же этого хотел, не так ли? Ты сказал, что я должна изображать примерную влюбленную девушку, если хочу, чтобы ты сохранил мой секрет втайне. А я хочу. И сохранность тайны и тебя. Разве отношения не подразумевают под собой секс?

— Ань, хватит, — не выдержав, парень перехватил меня за талию, ссадил со своих

колен на кровать рядом и, резко поднявшись, отошел к столу. — Я не собираюсь тебя ни к чему принуждать.

Ага. Вот так просто он взял и остановил уже порядком подвыпившую меня, которую от произошедшего клинило конкретно! Нет, мой дорогой. Раз ты этого так хотел, ты это получишь!

Стоило ли заваривать всю эту кашу ради простых невинных поцелуев? Сомневаюсь. А раз так, к чему тут рассусоливать? Быстрее начнем, как говорится, быстрее кончим!

— Ладно, — якобы спокойно пожалала я плечами, подбирая с ковра чудом не разлитый мартини. Хлебнула еще. И еще. А потом пристроила порядком опустевшую тару на тумбочке, встала напротив Полонского и потянулась к молнии на джинсах, радуясь такой внезапной утренней потере, как коготки. Спортивное белье тебе вряд ли пришлись бы по вкусу, но это...

Джинсы упали к моим ногам с тихим шорохом. Перешагнув через одежду, я видела, как потемнел его взгляд и усмехнулась. Я знала, как тебе нравятся чулки.

Ты сам об этом говорил в клубе перед приходом эмочки, помнишь? Я в шутку обозвала тебя маньяком-преследователем, а ты в том же тоне ответил, что, пожалуй, согласишься на эту роль, только если на мне будут юбка и чулки, а не джинсы с кедами.

Я тогда посмеялась и не восприняла это всерьез. А зря, как оказалось!

— Ань, не надо, — попытался воззвать к остаткам моей совести парень, глядя, как я приближаюсь к нему. Ага. Где пьяная я и где совесть? Тем более, где она и где он? Увы. Такая полезная временами штука сегодня явно оказалась лишней.

Меня уже не волновало, как это происходит, а главное, почему все это происходит. В хмельной голове билась только одна мысль: «Хочет? Значит, получит!». Он же хотел меня, как оказалось. Он хотел, чтобы я была рядом, так кажется, сия фраза прозвучала? Хорошо, я буду. Я помню условия наши сделки и отчетливо.

Пожалуй, даже слишком отчетливо, чтобы позволить себе сейчас слишком много думать или просто сомневаться.

— Не надо... что? — насмешливо спросила я, касаясь своим полуобнаженным телом его, скользнув ладонями по его груди на его шею, пристально глядя в глаза. Послышалось хриплое дыхание...

И все вдруг переменялось.

Меня резко развернули к себе спиной и положили ладони на стол далеко от края так, что пришлось наклониться, а сильная рука уверенно провела по спине, слегка нажимая, заставляя выгнуться.

Я даже как-то сразу... растерялась!

— Ты зря меня дразнишь, — ласковый укус в плечо сопровождался горячим дыханием, вызвав толпу мурашек по коже. Одной рукой он упирался в край стола, в то время как вторая горячая ладонь скользнула на мой живот. — Мне эта френдзона окончательно осточертела еще с тех пор, как я увидел тебя в одном полотенце.

— Вот даже как? — невольно усмехнулась я... и охнула, не сумев сдержаться, когда его губы коснулись моей спины, медленно спускаясь по позвоночнику все ниже и ниже.

В моем понимании как-то все должно было произойти не так. Отношения, как сделка, а значит, и интим такой же — исполнили и разбежались. Но... почему мне вдруг ясно вспомнилось, как я относилась к Богдану на самом деле? И почему его прикосновения так отчетливо напоминают о том, как я его хочу?

— Ань, я не железный, — губы сменили руки, медленно и чувственно скользящие уже вверх по моей спине. — Я итак слишком долго терпел!

И на последнем слове одна ладонь легла на плечо, заставляя выпрямиться, а вторая резко прижала меня к его телу... Я чуть снова не охнула, почувствовав поясницей, собственно, насколько в действительности он долго терпел!

— Тогда зачем терпел? — тихо спросила, разворачиваясь. В происходящее не верилось от слова совсем, в груди желание действовать согласно предъявленному шантажу внезапно вступило в схватку с желанием... Просто желанием. Внезапным. Станным. Но почти невыносимым! И я снова повела по его груди, потянув за тугой узел, расслабляя галстук, и взялась за пуговицы на жилетке, не смотря парню в глаза. Я понимала — один взгляд и вся моя холодная решимость рухнет к чертовой матери. — Зачем?

— Анют, — не выдержав, застонал Богдан и, обхватив мое лицо ладонями, спросил. — Ты понимаешь, что сейчас делаешь?

— Нет, — хрипло отозвалась, облизнув губы, глядя в его потемневшие ярко-голубые глаза. — Уже, кажется, не понимаю. Ни тебя, ни себя, ни то, что я делаю...

Зря сказала. Неожиданно улыбнувшись, Богдан меня поцеловал. Неторопливо и так... невыносимо нежно, что почти закружилась голова. А потом отступил. Просто отступил на шаг назад, опуская руки и давая понять, что ничего не будет делать, пока ко мне не вернется способность хоть чуть-чуть соображать.

А я не сразу поверила в это. Смотрела на него, пытающегося казаться спокойным, на загорелую грудь, виднеющуюся в воротах расстегнутой на одну пуговицу рубашки. На его лицо, глаза, губы...

И хваленый самоконтроль в один миг полетел ко всем чертям!

Шагнув вперед, я порывисто обняла его за шею, заставляя наклониться и, поцеловав, укусила за нижнюю губу. И если сначала блондин замер на секунду от неожиданности, то в следующий миг он прижал меня к себе так сильно, что напрочь сбилось дыхание! А от ответного резкого, страстного, почти грубоватого поцелуя уже на полном серьезе подкосились ноги.

И все остальное отошло за задний план. Особенно когда меня вдруг подхватили за бедра и усадили на стол, покрывая шею поцелуями. Живущие своей жизнью пальцы торопливо стягивали жилетку с его плеч, что б следом проворно расстегнуть все пуговицы на рубашке. Очень уж быстро она отлетела на пол ко всем чертям, а вместе с ней сомнения, неуверенность и даже гребанный шантаж.

Я понимала, что люблю. Хочу. А остальное же вполне могло катиться лесом!

Тяжело, почти судорожно дыша, провела по его груди, понимая, как давно хотела это сделать и, скользнув руками на сильные плечи и, рывком притянув его к себе, впилась в шею поцелуем, наверняка оставив след. Плевать! Чувствую, я сейчас еще не то устрою...

Со свистом втянув воздух сквозь сжатые зубы, Богдан резко прижался всем своим телом, и я вздрогнула, ощутив тем самым местом, насколько же в действительности парень меня хочет. И поняла, что хочу его нифига не меньше!

Оттолкнув, слезла со стола и, снова впившись в его губы, толкнула, заставляя упасть на кровать. Уселась сверху, уверенно взявшись за ремень на пряжке...

Аха. Долго командовать мне попросту не дали!

Сбросили рядом на кровать, прижали своим телом сверху... Дыхания стало отчаянно не хватать.

И лишь в один прекрасный миг до меня стало доходить, а почему мы, собственно, оказались здесь и уже совершенно без одежды. Мелькнула мысль остановиться сейчас, пока не поздно. Пока он еще не совершил последний шаг, после которого вернуться назад уже не получится.

И он это понял. Не знаю как, но он это понял!

— Я просил меня не дразнить, — ухо обжег внезапный хриплый шепот, вырвав из груди негромкий стон, и его губы опустились ниже на шею, прочерчивая влажную дорожку. Между телами почти не осталось расстояния, я обхватила его за талию ногами, сгорая от нетерпения и желания, но сделать самое главное кто-то совсем не торопился. Распалая, дразня, прижимая не только мои запястья к кровати, но и вжимаясь между ног тем, что было ниже. — Я говорил, что я не железный.

— Неужели? — собственный осипший голос распознавался с трудом. Я облизнула пересохшие губы, улыбнувшись...

А он совершил тот самый шаг. Медленно, не спеша, неторопливо, наблюдая за моей реакцией, заставляя выгнуться и громко застонать.

И всё. Как говорится, с тех пор клиент для общества был навсегда потерян.

Друзья? Забудьте! Друзей так не любят!

Их не доводят до полного изнеможения раз за разом, не целуют с такой силой, что нестерпимо кружится голова, а от малейших прикосновений натурально едет крыша. Не дразнят, словно забавляясь, раз за разом доводя до громких стонов, пылающего, нестерпимого желания и фейерверка разноцветных искорок, рассыпающихся перед глазами.

Не любят быстро, сильно, страстно, уверенно отодвигая все остальное на задний план. Не оставляя времени и сил, чтобы думать, сомневаться, говорить, ругаться...

А вот оставлять заметные следы на шее, а на спине глубокие царапины — еще как!

Но все это меркло и бледнело по сравнению с громким шепотом, доводящим одним лишь только словом до умопомрачения:

— Моя...

Проснулась я глубокой ночью и одна, как ни странно. Нашарила на тумбочке пульт, щелкнула кнопкой, и комнату осветили привычные зеленые и синие огоньки. Богдана в комнате не было, но его одежда, аккуратно висевшая на стуле, как и моя, твердили о том, что он до сих пор находится в квартире.

Первой мыслью, если честно, было встать и одеться. Однако какой смысл?

Все, что там было, он уже видел.

Подойдя к столу, я усмехнулась и просто натянула его рубашку на голое тело, искренне недоумеваю, когда успела докатиться до подобной банальности. Оглядела привычные предметы, стоящие на столешнице, и вытряхнула из маленькой стеклянной вазочки мелочевку вроде флешек, пуговиц, булавок и прочей ерунды. Прихватила сигареты с зажигалкой и встала возле окна. Даже приоткрыла балконную дверь сверху, и закурила, бездумно глядя на темный, безлюдный двор.

Как-то теперь условия хозяйки квартиры с приставкой «бывшей», не волновали ну совсем ни разу. Все равно новую жилплощадь искать.

Хотя, зная кое-кого, казалось мне, что на мою дальнейшую жизнь строить далеко идущие планы теперь было бессмысленно и даже как-то глупо...

Открылась дверь. Послышались шаги, а потом всё стихло — краем глаза я видела, как Богдан, одетый в одни брюки, оперся на край стола, окидывая меня внимательным взглядом. И по моей шее и спине от этого вполне натурально поползли мурашки.

Да ты ж... он на меня теперь всегда так действовать будет?!

— Тогда на мойке, — спокойно поинтересовалась, не глядя на него. — Это был ты?

— Да, — не стал отрицать Полонский. И усмехнулся. — Неужели только сегодня догадалась?

— А ты раньше повода не давал, — машинально огрызнулась, резко выдыхая дым, и каким-то нервным жестом затушила окурок в пепельнице.

Заметил. Оттолкнулся ладонями от стола, подошел и обнял за талию, аккуратно пристраивая подбородок на моем плече. Едва коснулся носом шеи и уже как-то ласково усмехнулся, обдав кожу горячим дыханием, от которого по телу разошлась приятная дрожь:

- Язва.

— Знал, с кем связывался, — хмыкнула я, едва сдерживаясь, чтобы не пожать плечами, а заодно и треснуть одним из них кое-кому по подбородку. Чисто так, для профилактики!

— Знал? — иронично выгнул брови Полонский, глядя на меня в оконном отражении. И отрицательно качнул головой, снова усмехаясь. — Вряд ли. Ты оказалась непредсказуемой даже для меня.

— Сейчас окочурусь от счастья, — искренне заверила, за что и получила. Кожу на шее снова опалило дыхание, а затем я почувствовала ласковый укус. Ноги подогнулись тут же!

Да твой японский запорожец, я так даже на допрос Исаева не реагировала! Вот онс различие — просто хотеть и просто хотеть того, кого любишь. Его ни с чем не перепутать.

И всё-таки.

— Не заметно, — ладони на талии сжались чуть сильнее, притягивая меня к сильному мужскому телу и мысли снова поплыли ни в ту сторону, куда надо.

— Зачем? — не давая Богдану договорить, резко развернулась я, складывая руки на

груди и глядя ему в глаза. А там... там плясали чертики.

— Что зачем? — выгнул он брови, но ладони с моей талии не убрал.

— Зачем я тебе, Богдан? — не выдержав, я отвернулась и снова взялась за сигареты. Подкурила и, выдохнув дым, предположила, не глядя на него. — Желание окончательно уесть Исаева, попытка повлиять на Кирилла или перспектива наладить связи с моим дорогим папулей?

Его ладони замерли, да и тело, как мне показалось, на миг окаменело.

А затем его руки скользнули на мой живот, а подбородок снова оказался на плече. И он ответил с непробиваемым спокойствием:

— Ни то, ни другое, ни третье.

Недоверчивый хмык вырвался из груди быстрее, чем я успела сообразить. В бескорыстность его внезапных чувств не верилось от слова абсолютно. И хоть внутренний голосок тихо нашептывал обратное, на сей раз он был конкретно и сразу заткнут. Иногда есть такие моменты, когда все сопли и лирику стоит оставлять далеко позади.

— Не веришь, — констатировал Богдан, глядя на мое лицо в отражении. А вот я избегала его взгляда, отстраненно счищая пепел с сигареты об край стеклянной вазочки. Собственный голос показался уж слишком равнодушным:

— А должна?

— А почему нет? Разве я раньше давал повод в себе усомниться?

Пришлось признать сквозь зубы:

— До сегодняшнего дня — нет. Однако глупо отрицать очевидное. Просто так ты бы не пошел на шантаж. Это из-за моего отца ты разорвал помолвку? Решил, что наш брак будет выгоднее?

— Ань, — вдруг насмешливо отозвался Богдан, слегка поглаживая пальцами мой напрягшийся живот. — Если бы это было так, я бы не только о разрыве помолвки слил информацию, но и о назначении новой объявил, тебе не кажется?

Звучит логично. Да только почему я в это не верю?

— Видео сегодня — твоих рук дело? — прямо спросила, решив, что раз спрашивать, то обо всем и сразу.

— Да, — не стал отрицать парень, спокойно наблюдая за моим нервным перекурком. — Я не Исаев. Если я заявляю о своих правах на девушку, то делаю это сразу и открыто. Чтобы было меньше конкурентов и никаких недомолвок между нами. Я не собираюсь встречаться с тобой, параллельно планируя свадьбу с другой. И, предупреждая твой следующий вопрос — нет, предыдущие фильмы делал не я.

— Да неужели? — саркастично протянула, чувствуя, как вспыхнули щеки. Права свои он заявляет... А у меня кто-нибудь спросил? Я от фан-клуба нехристи отделаться не успела, а тут второй сразу еще большие проблемы устраивает!

— Чувствую, разговор будет долгим, — не выдержал Богдан и, забрав у меня остаток сигареты, резко затушил его. Протянул руку, закрыл балконную дверь и неожиданно поднял меня на руки.

Не-не-не, мы так не договаривались!

Правда меня опять особо не спрашивали. Полонский донес меня до кровати, усадил на нее и, отодвинув подушки, удобно оперся на спинку кровати, согнув одну ногу в колене. И пересадил меня к себе, заставляя прижаться к его груди. За спиной была его коленка и что-то мне это сильно напоминало... но чувства сейчас были совсем другими. Наоборот,

брыкаться и вырываться расхотелось абсолютно.

Так... так просто не честно!!

— А с чего ты взял, что я хочу с тобой разговаривать? — упрямо сложила руки на груди, не собираясь сдаваться.

— А разве нет? — он аккуратно подцепил мой подбородок согнутым пальцем, заставляя посмотреть ему в глаза. В такие серьезные, серьезные глаза... и чертовски манящие губы. Я машинально облизнула свои... Довольно усмехнувшись, Богдан наклонился и меня поцеловал. Медленно, чувственно, дразняще... Крыша сразу сказала гуд бай!

— Не честно, — тихо прошептала, когда меня наконец-то отпустили.

— А честно было скрывать, что я тебе нравлюсь? — отозвался вопросом на вопрос Богдан. Я дернула головой, высвобождая свой подбородок, и снова сложила руки на груди, смотря куда угодно, но не на него.

— Ты сам говорил, что ты друг. Только теперь оказывается, что это далеко не так. Тогда на мойке, почему ты...

— Почему поцеловал? — легко угадал мой вопрос Богдан и его пальцы скользнули в мои волосы таким знакомым жестом. Хмыкнув, он пояснил. — Не сдержался. Увидел, как ты стоишь рядом с Исаевым и улыбаешься и понял, что если не сделаю сейчас хоть что-то, то все прошлые попытки держать себя в руках пойдут коту под хвост.

— А они были и раньше? — резко задрала я голову, не поверив в то, что услышала. Раньше? Да когда, там же ничего такого не было, даже малейшего намека!

— Ань, интерес к тебе вспыхнул еще при первой встрече, — неожиданно спокойно произнес Богдан и его ладонь как-то незаметно скользнула на мой живот. — Тогда я собирался всего лишь поиграть на нервах Красновой и не ожидал, что ты на меня налетишь. Да еще и вместо того, чтобы расплыться в глупой улыбке, останешься с отстраненно-вежливым выражением на лице, не смотря на все мои действия.

— А потом еще буду нести полнейшую ахинею по телефону, — не выдержав, тихо прыснула я.

— Мне показалось это забавным, — пожал плечами Полонский и вдруг улыбнулся. — Но каково же было мое удивление, когда я через пятнадцать минут увидел тебя же на парковке... мокрую и азартно развешивающую на березе чьи-то вещи? И как потом оказалось, не просто чьи-то, а моего вечного соперника. Пожалуй, в тот момент я аплодировал тебе стоя.

— И из чувства благодарности за занятное зрелище решил потом помочь, — вдохновенно выдала я... и хмыкнула. — Почти верю.

— Я видел то видео со второго этажа, — не обратив ни малейшего внимания на мою издевку, ровным тоном отозвался Богдан. — С балкона видно монитор, но не холл. Меня особо не волновало, чьих это рук работа, но позлить Исаева, спрятав тебя — я не смог отказать себе в таком удовольствии. К тому же, действительно из благодарности за прекрасное зрелище политого минералкой Исаева я не мог позволить ему размазать тебя по стенке.

— Тогда ты меня просто использовал, — напомнила я... и вот теперь осознание этого факта стало почему-то обидным.

— Ты была не против, — напомнил Полонский, однако его пальцы скользнули по моему лицу, ласково заправляя за ухо прядь волос, будто бы он... извинялся. — Но тогда ты совершила свою первую большую ошибку.

— Корейский, — поморщилась я. Да, это действительно мой промах. Нужно было мне соображать башкой, а не тем местом, на котором я тогда сидела в углу!

— Именно, — кивнул Богдан и его рука снова вернулась на тыльную сторону моей шеи, слегка ее поглаживая. — Слишком правильное произношение, до мелочи выверенный поклон... На простого любителя дорам это не тянуло, уж извини.

— Косяк, — цокнула я языком... и сползла чуть ниже, чтобы было удобнее. — И что потом?

— Я достал твое досье, — спокойно взглянули на меня. Я невольно замерла, но парень добавил с мягкой улыбкой. — Нет, Ань, не тогда. И пускай информация на тебя не выявила ничего особенного, что-то мне все равно казалось подозрительным, не считая знания корейского. И я пошел несколько дальше, чем Исаев. И не прогадал. В школе, где ты якобы училась, никогда о тебе не слышали. Так же и в квартире, где ты якобы раньше жила, никто о тебе ничего не знал. Место работы указано липовое, а при попытке пробить машину в обычных базах он просто не находится, а в специализированных выводит запрет на поиск номера.

— И тогда ты решил поиграть в маньяка-преследователя, — усмехнулась я и слезла с кровати. Снова открыла балкон, снова закурила, но на этот раз уже опираясь спиной на подоконник. — Тогда у медпункта...

— Случайность, — спокойно отозвался Богдан и неожиданно хмыкнул. — А я ведь тогда серьезно спросил, стоишь ли ты того, чтобы узнавать тебя дальше.

Теперь-то понятен тот его взгляд...

— И почему ты решил, что я этого стою? — холодно спросила, глядя прямо на него. И понимая, что мне важен его ответ.

— Ты не обиделась, — этот самый ответ меня порядком ошарашил. — И меньше всего походила на оскорбленную невинность. И снова отвечала характерной для корейцев манере. Мне это понравилось... и я оставил тебе свой номер.

Ну нифига ж себе, какие новости... А меня, между тем, кажется решили добить.

— И только дойдя до своего корпуса, я понял, что ты не позвонишь, — добавил Богдан, слезая с кровати. Спокойно подошел, забрал со стола свои сигареты и, закурив, встал рядом. По комнате поплыл упоительный аромат табака и вишни, заставляя сердце сжиматься в груди. — И тогда я вернулся. Как оказалось, не зря.

— И снова благородный порыв? — сухо поинтересовалась, не глядя на Полонского.

— Ань, не нужно считать меня последней сволочью, — откровенно поморщился Богдан. — Я догадывался, что ты сбежала из медпункта. Отвезти тебя домой было для меня несложно, как и несложно понять, что помочь тебе не кому.

— И ты остался, — каким-то чудом внезапно задрожавший голос удалось сдержать.

— Да, — просто ответил парень. — Просто сделал все, что мог и ушел. Я не собирался возвращаться. И все-таки что-то упорно звало меня обратно. Решиться помогла твоя толстовка вместе с телефоном, лежащая в машине у Исаева. Кстати, как она там оказалась?

— Я, — вот тут я невольно замаялась. Признаваться в случившемся от чего-то не хотелось абсолютно! — По дороге из медпункта с Исаевым столкнулась. И так было жарко, а он пройти не давал. Ну я и... в обморок хлопнулась.

— Что? — и вроде бы спокойный тон, но рука, лежащая на подоконнике с зажатой между пальцами сигаретой, дрогнула!

— Как кисейная барышня, — хмуро подтвердила, затушив «бычок» и потерев нос. — А

он любезно дотащил мою обморочную тушку до кабинета. Правда, оттуда пришлось поспешно делать ноги...

— Надо было вернуться тогда раньше, — глухо откликнулся Богдан. И тут я удивилась. Да нет. Не может же он обо мне настолько беспокоиться в самом-то деле!

— В любом случае, — уже совершенно спокойно продолжил парень. Как будто и не было этого случайного проявления эмоций. Как будто... все это было игрой. — Приехал я тогда не зря. Признаться, мне польстило, что ты выбрала мою помощь, а не Липницкого.

Угу. Кто бы еще мне сказал, на кой огородный овощ я это сделала!

Я просто пожала плечами, а Богдан неожиданно взял меня за руку и притянул к себе. Повернул спиной, обнял за талию и снова пристроил подбородок на моем плече:

— Пока ты болела, я неожиданно понял, что мне слишком хорошо находится рядом с тобой. Что ты начала мне нравится.

— Но тогда ты сбежал на диван, — заметила я, машинально положив свои руки поверх его ладоней на моем животе.

— А позволь бы я себе тогда хоть что-нибудь, ты бы относилась ко мне так же? — иронично ответил вопросом на вопрос Богдан. — Стала бы доверять?

Пришлось признавать его правоту. Не стала бы. Скорее начала бы шугаться, как Харлей от бритвы.

— И когда же это переросло в нечто большее? — поинтересовалась, абсолютно не веря в это самое большее. Уж слишком... гладко шел рассказ. Как по нотам. Так, будто он репетировал его заранее!

— Сложно сказать, — задумчиво откликнулся Богдан, поглаживая пальцами мои ладони. — Когда тебя Исаев обмазывал твоё лицо кремом, я поймал себя на мысли о том, что у меня чешутся кулаки. Но вмешиваться не стал, зная, что тебя насторожит такой порыв. Но и престать думать о том, что он и дальше будет издеваться над тобой, я не мог. Это раздражало. Я напоминал себе о том, что изначально собирался только злить Демьяна с помощью тебя... Но в клубе меня окончательно переключило. Когда я понял, что от тебя хочет Харлей, тело сработало на одних рефлексах. Я отчетливо осознал, что не хочу, чтобы ты сидела на коленях ни у него, ни у кого-то другого. Ты поверила в озвученную причину, спокойно сидела со мной, машинально поглаживая мою шею... а я едва сдерживался. И я понимал, что ты делаешь это не специально, но ничего поделать с собой не мог. Кстати, Алехин и Харлей стали второй твоей ошибкой. Слишком уж ты спокойно вела себя в их обществе.

Я промолчала, переваривая услышанное. А ведь это было больше похоже на правду. Не зря же он тогда так напрягся...

— Анют, я ведь тогда не просто так уехал, — к неожиданному признанию добавились горячие губы, чувственно коснувшиеся моей шеи. — Я не собирался возвращаться. Ни в клуб, ни к тебе. Хотел оборвать все до того, как начнется.

— И почему же все-таки вернулся? — тихо спросила, откидывая голову назад, на его плечо. Да, не хотела этого делать, но сопротивляться не было никаких сил. Мне слишком нравилось то, что он делает...

— Еще на выходе из клуба, я понял, что вернусь, — усмехнулся вдруг Богдан, оставляя в покое мою шею. И слава гремлинам, а то у меня уже мысли ни в ту сторону поплыли! — И попытки отговорить себя от этой затеи не помогали. Промотавшись по ночному городу, я поставил себе условие, что вернусь за тобой и если по дороге домой ты хотя бы намекнешь

на взаимность, ни о какой френдзоне больше не может быть и речи. А ты...

— Уснула, — заторможено ответила, с большим трудом переваривая услышанное.

Во имя сбритой Джигурдинской бороды, это ж надо было умудриться! Ко мне там, видите ли клинья собирались подбивать, кое как выиграв поединок с самим собой, а моя светлость в это время нагло дрыхнуть изволила!

— А на следующий день, увидев твою машину, облитую молочным коктейлем, я понял, что принятое решение было единственно верным, — наконец-то добрался Полонский до того самого дня на мойке. — Тебе итак попала под пристальное внимание бывших любовниц Исаева, а могла обзавестись еще ненавистью моих... поклонниц.

Да баб твоих бывших, так и говори уже!

— Когда я увидел тебя на вечеринке в клубе... — и тут я нервно сглотнула, потому как верхняя пуговица на рубашке оказалась расстегнутой. Ну, как-то совсем случайно! — Ты не представляешь, чего мне стоило сдержаться. Холодная, вежливая, неприступная и даже не взглянувшая в мою сторону... Пожалуй, от опрометчивого шага меня тогда остановил только Верещагин.

— Олег? — и тут я натурально удивилась, да даже так, что повернулась к парню лицом. — Каким образом?

— Всего лишь тем, что тонко намекнул, что кое-кто вот-вот свалится от усталости и недосыпа, — снова удивил меня Богдан и внезапно подхватил меня на руки. Уселся на кровать и устроил меня на своих коленях. — Неужели забыла? Правда, твой поцелуй с Исаевым в мои планы не входил...

— В мой тоже, — честно призналась, почесав нос. И хмыкнула. — Но вы сами виноваты!

В ответ колени Полонского раздвинулись, и съехала на кровать между его ног. На мой укоризненный взгляд не обратили никакого внимания, а еще одна пуговка на рубашке оказалось вдруг расстегнутой.

— Что ты делаешь? — не выдержав, поинтересовалась я, перехватывая его руку.

— Собираюсь мстить, — совершенно серьезно отозвался Богдан. — Твой поцелуй достался Исаеву. А у меня ты спала на коленях, видя во мне исключительно друга.

— Ну, знаешь ли, — опешила я. Это уже ни в какие ворота не то, что не лезло, даже не утрамбовывалось! И естественно, я вспылила. — Может, стоило еще тогда признаться, что не френдзона тебя останавливала, а мое положение?

И вот это зря ляпнула. Потому как тут же оказалась лежащей на кровати, а парень навис сверху, прижимая к постели мои запястья над головой. Я замерла.

— Ань, — негромко позвал Богдан, не отрывая от меня странного взгляда. — Когда я вытаскивал тебя из бассейна, мне было плевать на твое положение. Я просто испугался за тебя.

— Тогда в кафе, ты поэтому... — я замолчала, не зная, как подобрать слова.

— Именно, — усмехнулся парень и, склонившись, аккуратно дотронулся губами до моей шеи. Не возбуждая, а так... нежно. Сопротивляться и язвить расхотелось окончательно. И не смущали даже удерживаемые руки. — Я уже говорил, что я не железный. Увидев тебя с Громовым, еще не успев разобраться, что к чему, я впервые почувствовал ревность. А когда увидел, что Исаев тебя целует, мне самому захотелось утопить его в бассейне. И меньше всего я ожидал, что он скинет тебя туда. Я, правда, испугался, Анют. А после ты в одном полотенце, да еще с такой просьбой... Меня тогда уже не волновала даже книга на

корейском. Остановила только твоя татуировка. «Пока живу — надеюсь». Пришлось вспомнить, на что я надеялся на самом деле.

— И на что же? — хрипло спросила, зажмуривая глаза, чувствуя, как слова заменили поцелуи. И от них стало невыносимо жарко.

— На то, что ты сама увидишь во мне больше, чем друга, — послышался смешок и мочку уха аккуратно прикусили. Я чуть не застонала. — Но к моему разочарованию ты ничем не давала понять, что я чем-то тебе интересен. А когда байкер потянул к тебе свои лапы, я уже за себя не отвечал.

И не знал, что именно тогда я и поняла, что нифигащечки-то не друга я в тебе вижу... Правда признаваться в этом я не собиралась, хотя и поверила. Не во все, но именно в эту часть рассказа.

Просто так шампур людям в руку не втыкают.

— Кстати, Громов стал твоей самой большой ошибкой, — неожиданно произнес Богдан, оставляя мою шею в покое. Я замерла, чувствуя, как вместо желания по венам хлынул страх. Не знаю, как он понял, но мои руки тут же отпустили, а сам парень просто сел рядом. Я тоже села, машинально подтягивая колени к груди, смотря на него почти с испугом:

— Тогда ты узнал?..

— Нет, — улыбнувшись, покачал головой блондин. — Но его появление окончательно убедило меня в том, что ты не так проста, как пытаешься казаться.

Значит, все-таки желание разгадать занятную задачку удерживало тебя рядом, а ни разу не любовь...

— Когда ты узнал? — прямо спросила, уже устав избегать этой темы. Я догадывалась, что рано или поздно кто-нибудь об этом узнает, но никогда не думала, что это произойдет... вот так вот.

— После того, как поклонницы Исаева вlepили тебе жвачку в волосы, — послышался насмешливый ответ. И смеялся парень не зря — у меня в прямом смысле глаза на лоб полезли! Это ж... это же пару дней назад всего было!!

Московский патриарх Кирилл и его священный «Крузер»...

Я была уверена, что Полонский узнал обо всем намного, намного раньше!

— Удивлена? — иронично спросил Богдан, внимательно наблюдающий за моей реакцией. И усмехнулся. — Ань, я же сказал, что мне плевать на твое положение. Мнимое и настоящее.

— Как ты узнал? — уточнила, складывая руки на груди. Клянусь любимой банданой Лександрыча и его вечно падающим шкафиком — в то, что я сейчас услышала, мне не верилось от слова абсолютно!

Хотя... Кого я сейчас пытаюсь обмануть? На самом деле верилось, да еще и как. Особенно когда Богдан придвинулся ближе и, неспешно стянув рубашку с моего плеча, коснулся его губами:

— А разве это имеет какое-то значение?

И я поняла — не ответит. Хоть пытай его, хоть упрощай, но как именно способом он узнал всю правду обо мне, он все равно не скажет.

— И поэтому ты тогда, перед приемом... — попыталась спросить, но дыхание сбилось, когда к губам на плече добавилась легко скользнувшая на живот рука. Под рубашкой!

— Нет, — меня как-то незаметно притянули к себе поближе и под рубашкой на талии

уже оказались обе теплые ладони, вызывая мысли, ну совершенно никак не способствующие дальнейшему разговору. — Я не собирался участвовать в твоём «похищении», понимая, что могу банально не сдержаться. Но роли распределял Харлей. Ань... а он ведь все знал.

— Что? — в который раз за ночь мои брови подпрыгнули на лоб, уже наверняка подумывая там остаться, дабы лишний раз не скакать туда-сюда.

— Сам удивился, — хмыкнул Богдан, отодвигаясь за мою спину. Вытянув ноги по обе стороны от моих ног, он крепко прижал меня к себе, снова пристраивая подбородок на моем плече. — Когда уже все разъехались, кроме Харлея и меня, а ты еще спала, он вдруг поинтересовался, как я до сих пор сдерживаюсь. Как оказалось, все вокруг давно заметили мое к тебе отношение... кроме тебя самой.

Угу. Взяли бы еще, до просветили меня глупую!

Хотя с другой стороны, если подумать, зайкнись хоть кто-то о совсем не дружеском отношении Полонского ко мне, я бы и сама потом... зайкаться начала. Как минимум!

— Анют, ты не представляешь, как я рад, что больше не нужно себя контролировать, — неожиданно и негромко произнес Богдан, еще крепче меня обнимая, и медленно проведя носом вдоль моей шеи, едва касаясь ее. На миг мне показалась, что он сейчас еще и довольно мурлыкнет...

И тогда я поняла, кого он мне сейчас напоминает.

Меня. Когда я вцепилась мертвой хваткой в руку Кира, терлась об его предплечье носом и откровенно балдела от его долгожданного присутствия рядом.

И это почти убедил меня в правдивости его рассказа. Почти. Но все равно оставался еще один нерешенный вопрос, и я поторопилась задать его, чувствуя, как приятные мурашки перескакивают на спину, отдаваясь томлением в груди.

— И все-таки, не смотря на свое якобы равнодушное отношение ко мне, ты приехал на прием, — постаралась как можно равнодушнее заметить я.

Попала в точку — парень за моей спиной снова окаменел. И долго молчал, прежде чем ответить:

— Ань, на самом деле я был рад, что меня туда не пригласили. Видеть, как ты изображаешь невесту Алехина, мне хотелось меньше всего. Даже зная, как вы друг другу относитесь на самом деле.

— И все-таки ты приехал, — отстраненно заметила я, едва не поморщившись от внезапного желания обнять себя за плечи. Мне вот только жалости к самой себе еще не хватало для пущей эйфории!

— Когда вечером в моем доме обнаружилась Со Хен, я был рад ее прилету так же, как ты приезду Исаеву на свою работу. Когда ты еще интересовалась, почему он тут стоит и весь тебя раздражает — хмыкнул Богдан и замершие не так давно пальцы шевельнулись, аккуратно поглаживая мой живот. И я о-о-очень надеялась, что ниже они опускаться не планируют. — Таскаться с ней не входило в мои планы, но пришлось — отец настоял на ее сопровождении. Как и на ее прилете в Россию, не ставя в известность меня. И когда она пожелала отвезти ее к «давней подруге», я меньше всего ожидал, что окажусь там же, где и ты.

— А уж я-то как этого не ожидала! — не сдержавшись, невесело усмехнулась я. Воспоминания отдавались горечью в груди... и, не знаю как, но он понял.

— Ань, мне очень жаль, что тогда так получилось, — вздохнул блондин. — В тот момент, я видел, что тебе и до моего прихода изрядно досталось. А когда понял, что ты

только что услышала о помолвке Исаева...

— Не надо, ладно? — перебив его, передернула я плечами. Слышать об этом хотелось меньше всего.

Полонский промолчал. А потом, отпустив меня, улегся сам и, потянул за руку, заставил лечь меня рядом, притянув голову к своему плечу. Если честно, хотелось на все плюнуть, обнять его, уткнуться носом в его грудь... Но я понимала, что нельзя. Всего лишь аккуратно пристроив свою ладонь на его груди, меня уже начинало вести не в ту сторону.

Хотелось взять, про все забыть, отбросить все сомнения, страхи, недоверие и... Ну, понятно, что «и».

— Смотреть, как унижает тебя эта... женщина, было невыносимо, — вдруг заговорил Богдан. — А когда стала вмешиваться Со Хен... Я знал, что ты понимаешь каждое ее слово. И молчал. Молчал, осознавая, что если начну говорить, то выдам и тебя, и себя, и прибью Со Хен ко всем чертям прямо там. Но ты сама справилась, хотя я и видел, чего тебе это стоило. И я пошел за тобой, понимая, что не Алехин должен был тебя увезти оттуда, а я. Но может, оно и к лучшему.

— Да неужели? — съязвила я. И моя реакция, естественно, не осталась без ответа.

Меня аккуратно опрокинули на спину и, нависли сверху, улыбаясь:

— Ань, если бы не Со Хен, сколько бы ты еще молчала?

И вот тут-то пришлось прикусить язык, признавая его внеочередную правоту. Ну да. Моя ревнивая светлость тогда повела себя как последняя глупая дурость!

И снова ничего озвучивать я собиралась. Червячок сомнения все еще противно шевелился внутри.

— Ты рассказал отцу, кто я такая, и поэтому он позволил тебя расторгнуть помолвку?

Полонский застыл после моих слов. Закрыв глаза на секунду, сжал зубы, видимо пытаясь взять себя в руки, и уже куда спокойнее ответил:

— Нет. Ему не нужны связи твоего отца. Ему нужен контракт с корейцами. А мне нужна ты.

— Но договор о помолвке был заключен еще до нашего знакомства, — иронично выгнула бровь, машинально складывая руки на груди в привычном, защитном жесте.

И кому-то это сильно не понравилось!

— Ань, я собой командовать не позволю, — как-то жестко усмехнулся Богдан и, спокойным, но настойчивым жестом развел мои руки в стороны. Завел их за голову, сжал мои запястья одной рукой, прижимая к кровати, а пальцами второй подцепил подбородок, не давая освободиться. Парень лежал рядом, на боку, опираясь локтем на постель, а вот я-то как раз оказалась в более... откровенном положении. С поднятыми руками рубашка задралась, так что пришлось торопливо согнуть ноги в коленях. Не знаю, заметил он это или нет, но аккуратно коснувшись моих губ своими, он закончил. — К разрыву помолвки я готовился давно. В день приема еще было рано обрывать все договоренности с корейцами, и только потому я сдерживался. Признавшись, что ревнуешь, ты фактически поставила печать и подпись под приговором, и я больше ждать не стал. В ту же ночь я силой утащил Со Хен к отцу в кабинет и поставил их в известность.

— А затем и всех остальных, — добавила я, слегка пошевелив пальцами. Даже посмотрела на плененные руки так многозначительно... Однако отпускать меня никто не собирался! Понимая, что бороться бесполезно, я решила воспользоваться тем, чем умела — а именно довести собеседника до белого каления любимым запасом ехидства. — Желание

усть Исаева никуда не делось, верно?

— Анют, мне плевать на Исаева, — равнодушно откликнулся Богдан, не глядя мне в лицо, а внимательно рассматривая собственные пальцы, медленно расстегивающие еще одну пуговицу на рубашке. Я дернулась! — Я хотел, чтобы ты узнала об этом.

— И исключительно для этого ты поставил на уши весь универ, — саркастично произнесла и уже сильнее дернула руками. — Отпусти меня.

— Нет, — хмыкнув, ответил блондин, расстегнул еще одну пуговицу... И тут я почти натурально перепугалась, ибо там, насколько я помнила, оставалась не тронутая только последняя! Но он остановился... и насмешливо спросил. — А ты бы поверила, скажи я об этом наедине? Стала бы вообще со мной разговаривать?

— Нет, — созналась, снова пытаюсь освободить запястья. И снова мне не дали этого сделать, надежно удерживая, но не причиняя вреда. И это начинало злить, хотя истиной причиной моего недовольства скорее было абсолютное нежелание освободиться от его рук. А потому уколоть Полонского стало почти делом чести. — И все-таки ты прибегнул к шантажу, чтобы я согласилась изобразить любовь на глазах у Исаева. Ми-и-ило. И после этого ты считаешь, что я поверю во все, что ты раньше рассказал?

— Я надеялся, что ты поймешь, — так... спокойно отозвался блондин, смотря мне в глаза, кончиками пальцев поглаживая мою щеку. Он не уговаривал, не настаивал, не умолял ему поверить... и от этого становилось еще хуже. Мне хотелось ему поверить. Очень.

И все же...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Даже если я пойму, — не выдержав, тихо спросила я. — Что дальше? Твой отец, мой отец, Исаев... Я не хочу всего это, Богдан.

— У тебя не выбора, — как-то невесело усмехнулся вдруг Полонский... и последняя пуговица оказалась расстегнутой! А горячая ладонь уверенно скользнула на живот, раздвигая края рубашки, а шеи коснулись его губы. — Я теперь от тебя не откажусь.

— Шантажом заставишь быть с тобой? — процедила я сквозь зубы, стараясь не реагировать на его действия. То, что сейчас происходило, не укладывалось в голове — оно просто не хотело туда влезать!

— Если понадобится — да, — равнодушно откликнулся парень и шею снова обжег поцелуй. А меня начинало потихоньку трясти... и от его поцелуев, и от того, что он сообщил! — Анют, кажется, я уже говорил. Ты — моя. И я пойду на что угодно, лишь бы ты была рядом.

— Ты не посмеешь, — прошипела сквозь зубы и охнула, когда его пальцы скользнули вниз по животу и очутились там, куда их вообще не звали. — Богдан!

— Уже посмел, — все тот же спокойный, даже равнодушный голос... и в противовес ему теплые пальцы, уверенно вытворяющее такое, что дыхание враз перешло на хрип, а сердце судорожно забилося в груди, выгоняя все здравые мысли и доводы из разума. И при этом мои руки он так и не отпустил! — Или ты не отходишь от меня ни на шаг... или мне придется тебя выдать.

— Ты не понимаешь, что тогда я... долго не проживу, — с трудом прошептала, невольно выгибаясь, чувствуя, как жидкий огонь растекается по венам. Яростно вспыхнувшее желание уже невозможно было скрыть, не смотря на ненависть и горечь, разрывающие душу изнутри.

— Нет, — отозвался Полонский, но откровенно издеваться надо мной так, что снова

кружилась голова, все равно не перестал. — Скорее я сам свяжусь с твоим отцом и обменяю вашу тайну на помолвку с тобой. Поверь, вас обоих это только избавит от лишних проблем.

И убрал руку как раз в тот момент, когда я уже почти перестала себя контролировать. Причем во всех смыслах!

Он даже отпустил мои запястья, а я открыла глаза, хрипло дыша и облизывая пересохшие губы. В душе бушевал дикий коктейль чувств и эмоций, грозя скорыми неприятностями всем, кто подвернется под руку.

И даже догадываясь об этом, Полонский неожиданно навис надо мной, опираясь на руки. И он был настолько спокойным, а голубые глаза, казавшиеся сейчас темно-синими, смотрели так... равнодушно, что я не выдержала и выдохнула, чувствуя, как предательски щиплет глаза:

— Ненавижу...

— Любишь, — неожиданно перебил меня Богдан. И произнесенные им слова не были условием, предположением или вопросом. Он просто констатировал приятный для себя факт и, мягко улыбаясь, слегка укусил меня за нижнюю губу. — Анют, ты меня любишь.

Носу было щекотно. То было первым, что я поняла, еще до конца не проснувшись. Уставший, но вполне насытившийся женский организм выходить из состояния полудремы не хотел. Я поморщила нос... помогло. Но ненадолго.

Сморщившись еще раз, я просто перевернулась на другой бок, даже не собираясь разбираться, какого, собственно, фига, а главное кто моей царственной особе в своей опочивальне уютной, да сладко спать мешает.

А зря-я-я-я...

— Ань, просыпайся, — слышался смехок над ухом, и чьи-то губы коснулись моей шеи за ухом. Мне захотелось вдруг мурлыкнуть... Но и просыпаться я не собиралась! И кое-кто об этом прекрасно догадывался, потому как под одеяло на голой живот скользнула теплая ладонь, и меня уверенно сдвинули с места, прижимая к чьему-то телу. Слышался еще один смехок:

— Анют, не заставляй меня тебя будить.

— И что будет? — не выдержав, хихикнула я, не открывая глаз.

Было в этом во всем что-то такое... непередаваемое. Неуловимо нежное, приятное. Короче, дикий ванильный романтик и сердечки во все стороны! Но мне определенно нравилось...

— Увлекусь, — мягкая усмешка, одеяло соскользнуло чуток и такой знакомый поцелуй в плечо.

Я попыталась спрятать улыбку. Вот же ненасытный-то, а!

— Ань, у нас самолет через два часа, — тем же тоном осведомили меня...

И аура романтичности и нежности развеялась вмиг!

Я застыла, прекратив глупо и довольно улыбаться, вспомнив, кто за моей спиной, как он там оказался и, собственно, почему.

— Самолет? — холодно переспросила, открывая глаза.

Меня отпустили. Судя по всему, Богдан сел позади меня, и спокойно объяснил:

— Нам будет лучше уехать на пару дней, пока все не уляжется.

Угу. Вот оно — прощай романтика и здравствуй, суровая действительность!

— Мне на работу, — сухо напомнила я и подскочила. — Блин, работа! Я проспала!

— Ань, я уже позвонил Ольшанскому, — усмехнулся сидящий на кровати блондин. Я перевела на него ошарашенный взгляд, машинально отмечая, что он не только, кажется, в душе побывать успел, но еще и как-то переодеться умудрился. По крайней мере, я точно помню, что вчера стягивала с него брюки, а не черные свободные джинсы.

Вчера меня, ну... вроде как повело чуток. Я ведь тоже ни разу ни белая и пушистая зайнька и дразнить меня не надо. А уж так изощренно издеваться... Тем более. Проще говоря, кто-то меня вчера, сердечно извиняюсь, поимел морально, а я кое-кого в ответ — физически!

И если вы думаете, что он активно этому сопротивлялся, то Неаполь у нас, ни дать не взять — принцесса Англии. Ибо он не только не сопротивлялся, но и активно в этом участвовал!

Я не знаю, как так получилось, правда. Просто в какой-то момент уже меня переключило и, вместо того, чтобы выдать положенную реакцию вроде истерики, ненависти,

оскорблений и любимых язвительных реплик, я не выдержала и сама его поцеловала. Возбужденное тело требовало развязки, натянутые нервы хотели того же, а мозг вопил, что размышлять над возникшей ситуацией он против категорически!

Долго уговаривать Полонского, кстати, не пришлось.

И нет. Стыдно мне за это не было!

— И? — выгнула брови, ожидая ответа, машинально прижимая одеяло к груди. — Богдан, ты знаешь, что работа для меня не...

— Знаю, — спокойно перебил меня блондин и, протянув руку, коснулся моего подбородка пальцами, слегка его поглаживая. — Но сегодня ты туда не пойдешь.

Я дернула головой, освобождая свой подбородок. Блондин настаивать не стал, поднимаясь с кровати:

— Я жду тебя на кухне.

И ушел. Не выдержав, я подтянула колени к груди, запуская ладони в волосы.

Вот тебе и вся любовь. Даже зная меня, он все равно решил по-своему. Блеск! Мои тараканы в голове дружнодохнут в восхищении!

Умом-то я понимала, что большинство из сказанного вчера — правда. И я нее верила, хотя делать это не хотелось от слова нихренашечки. Нет, конечно, осознание того факта, что Богдана переклинило на мне настолько, что он разорвал выгодные отношения с корейцами вопреки согласию своего отца и даже пошел на шантаж, чтобы удержать меня рядом, довольно-таки льстило моей алчной душонке.

Не может не льстить, когда ради тебя совершают вот такие вот поступки. Осознавать все это было до дрожи приятно.

Но еще больше пугало иное — такого Богдана я совсем не знала. Я раньше думала, что он совсем другой. И не знала теперь, что мне с этим осознанием делать.

А с другой стороны еще сгрызал изнутри червяк сомнения, явно находившийся сейчас в крайней стадии ожирения. Моя мнительность вкупе с подозрительностью орали хором о подставе громче, чем пьяные голубые береты в тельняшках второго августа и у фонтана.

Его поведение вполне могло вполне оказаться тщательно продуманной игрой, и преследовал он какие-то свои цели. Вполне возможно, что он действительно предложит своему отцу меня в качестве замены Ким Со Хён, а возможно, Полонский замыслил и надавить на моего горячо любимого папулю, что б ему там икалось в своем любимом «Бентли». А может, и вообще нескольких зайцев одним ударом...

И у меня именно сейчас возникал один единственный вопрос.

Где носит Кирилла, когда он мне так нужен?!

Чертыхнувшись, я откопала в тумбочке безразмерную футболку и, натянув ее, пошла курить, и в этот раз снова не выходя на балкон. Нервы требовали немедленного успокоения, ибо прятать трупы уже отчаянно было негде!

Я очень, очень надеялась, что мой любимый бомжик как раз не стал целью Полонского, старшего или младшего — без разницы. Хотя помнились мне отдаленные разговоры на тему того, что Максим Полонский тягаться с Громовым никогда не рискнет... Да и Кир, коль мне память с совестью дружно не изменяют, Богдану доверял.

Вопрос насущный номер два: ну и кто в этой истории, собственно, самый большой козел?

Отчетливо понимая, как меня все это достало, я прихватила одежду и в первую очередь направилась в душ. И уже потом, приведя себя в порядок, решила выйти на кухню.

Богдан сидел на моем обычном месте, скармливая вечно голодной Ни-Ни целый банан, отламывая от него по кусочку.

Ну, вот... как так? Как?

Как этот человек может быть лжецом и шантажистом?

Но больше всего убивала мысль, что человек, которого я люблю, оказался таковым.

Молча забравшись на стул, я посмотрела на содержимое тарелки... И снова захотела курить. И много! Потому что кое-кто, оказывается, запомнил, что я не ем яичницу и сделал на завтрак омлет, а кофе в любимой темной кружке на проверку оказался еще горячим капучино. Корица и два сахара.

Желание побиться головой об столешницу стало почти невыносимым.

— Ей на два дня банана не хватит, — заметила я, вяло ковыряясь вилкой в тарелке.

— Алехин обещал ее покормить, — ровно ответил Богдан, на секунду отвлекаясь. — И рыб тоже.

— Он скорее заснет моськой в ближайшем аквариуме и его самого схмячит зубатка, — хмыкнула я, подавив желание поинтересоваться, а как, собственно, соседка-то мой на новость о моем отъезде отреагировал?

Хотя, о чем это я? Он-то про шантаж не в курсе. Наверное, Лександрыч Полонского еще и поздравил с решительным шагом по завоеванию ни разу ни тихой и смирной меня.

Пересадив объевшуюся момонгу на свое плечо, Полонский откинулся на низкую полукруглую спинку стула и усмехнулся, складывая руки на груди:

— Ань, прекрати меня бояться.

Я чуть кофе обратно не выплюнула!

Закашлялась, потянулась за салфеткой, а на меня в это время с такой насмешкой посмотрели...

Я вот искренне недоумеваю: он сам по себе такой пронизательный, или на моей морде лица все крупными буквами намалевано?!

Хмыкнув, парень мельком взглянул на спортивные часы на своем запястье и, пересадив активно умывающегося опоссума на стол, подошел ко мне. Отобрал смятую салфетку, отбросил ее на стол и развернул меня к себе, не снимая со стула. И даже в таком положении он все равно оказался чуть выше меня.

— Анют, — обхватив мое лицо ладонями, поглаживая щеки большими пальцами, ласково улыбнулся Полонский. — У тебя на лице вся нервозность написана.

— А ты думал я от восторга танцевать буду? — хмуро отозвалась, сунув ладошки между своих коленок, прикрытых любимыми голубыми камуфляжными штанами. — Прости, но балерина из меня не айс — от белых пачек подташнивает, классическую музыку терпеть не могу, а чешки где-то потерять умудрилась... лет пятнадцать назад!

Вместо ответа Полонский мягко усмехнулся. И вдруг одна его ладонь скользнула в волосы на затылке, заставляя поднять голову, вторая легла на талию, притягивая к себе, и меня поцеловали. Совсем так же, как тогда на мойке: умело, неторопливо, с ноткой сдерживаемой страсти и капелькой затаенной нежности...

Мозги мои расплавились тут же!

— Так нечестно, — хрипло отозвалась, когда меня прекратили целовать. И собственный голос так жалобно прозвучал, что я его почти что не узнала.

— Но нервничать ты перестала? — с непривычной ласковой улыбкой спросил Богдан, согнутым пальцем поглаживая мой подбородок, смотря сверху вниз в мои наверняка

затуманенные глаза.

Пришлось кивнуть.

— Тогда собирайся, — меня еще раз поцеловали, но уже просто в губы и аккуратно. —

У нас осталось пятнадцать минут, иначе придется ждать следующий рейс.

— Богдан, а куда мы вообще летим? — не выдержала я. — Я понятия не имею, что с собой брать!

— Потом узнаешь, — на сей раз меня поцеловали в кончик носа. — Одежду не бери.

— А вот сейчас я тебя опять боюсь, — ехидно протянула, соскальзывая с табуретки. В ответ Богдан просто выгнул левую бровь, но губы дрогнули от сдерживаемой улыбки. Вот же... пакость обаятельная!

Сколько же раз мне нужно его конкретно изнасиловать, что бы он, наконец, угомонился?

На сборы ушло минут десять, не больше. Когда работаешь сутками, запасной комплект необходимых мелочей вроде косметички, набора для душа, зарядки для телефона и другой ерунды всегда валяется в строго определенном месте. В моем случае это ванна и коридор.

Так что через десять минут я уже была вполне готова. Рюкзак тоскливо притулился в коридоре, где уже были выставлены мои кроссовки, красноречиво свидетельствующие о том, что обуть нужно будет именно их. На вешалке висела моя кофта-бомбер, тактично намекающая на то, что тепло одеваться не нужно, а рядом с ней оказалась почти такая же на несколько размеров больше.

Я задумчиво покрутила мобильник между пальцев. Желание позвонить Кириллу было невыносимым, но я ясно понимала — мне этого сделать не дадут. Так и оказалось.

Накинув поверх белой футболки серую с красным кофту, Богдан спокойно забрал у меня телефон и положил его на тумбочку:

— Так будет спокойней.

Угу. Интересно только кому?

Я молча натянула свой серо-синий бомбер, скрыв любимую черную футболку с мордой снежного барса и, закинув за плечи рюкзак, обула кроссы. Оглядела взглядом коридор...

— Что-то забыла? — спросил блондин, заметив мое недоумение пополам с напряженностью.

— Не знаю, — поморщилась я, толком не понимая, что меня гложет изнутри. — Сигареты если только. Я сейчас.

Прямо в обуви прошла через зал, вошла в комнату и, подойдя к столу, прихватила пачку сигарет с зажигалкой. Машинально отметила Ни-Ни, скребущуюся в клетке, случайно бросила взгляд на балкон... и громко вскрикнула:

— Стасик!!

Твою ж, твою ж, твою ж... Нормальных слов не находилось, чтобы описать все, что я чувствовала, трясущимися руками открывая дверь — ибо напротив нее, сжавшись в маленький комоч, сидел дрожащий мальчик!

— Ан-н-ня... — у бледного, как смерть ребенка зуб на зуб не попадал. — Н-н-ня..

— Господи, да как же ты, — я дрожала не меньше, но не от холода — от страха! На улице приличный минус, на балконе было не лучше, а губы у мелкого уже откровенно посинели. — Да как так-то?!

Подхватив трясущегося мальчишку на руки, я быстро заволокла его в комнату и с треском захлопнула дверь.

— Ань? — в комнату зашел Богдан, видимо, услышавший мой крик. — Что случилось?

— Стасик, — дрожащим голосом отозвалась, усаживая ребенка на кровать и принимаясь снимать с него футболку, тонкие штанишки и легкие сандалики вместе с носочками, чтобы потом хорошенько его закутать в теплый плед. — Через балкон перебрался, а мы не слышали! Обратно почему-то не ушел и... Черт, да сколько же он там провел?!

— Я заходил минут десять назад, положил белку в клетку. Его на балконе не было, — откликнулся парень и, пока я, кусая губы от волнения, аккуратно растирала мягким пледом раздетого, заледеневшего ребенка, которого колотила крупная дрожь, вышел на балкон. Вернулся через пару минут и надежно запер дверь, чтобы не пускать в комнату холод. — Люк закрыт, сверху колесо упало.

— Млять! — ругнулась я, продолжая растирание. И, наклонившись, всмотрелась в мутноватые детские глаза. — Стасик, маленький, ну как же ты так?!

— Н-н-ня, — жалобно и тихо ответил все еще трясущийся ребенок. Он тяжело и часто дышал, явно соображая с большим трудом.

— Давай я, — меня аккуратно отодвинули и забрали одеяло из ходящих ходуном рук. Присев на край кровати, Богдан сам продолжил растирать замерзшего мальчика и бросил мне через плечо. — Ань, набери в ванную воды. Только не горячей, а чуть теплой.

Понятливо кивнув, я выбежала из комнаты, чувствуя, как на глаза набегают слезы, и хочется в голос зареветь. Вот знала же, знала, что добром это не кончится. Какого хрена Лена не закрыла этот гребаный балкон?!

Когда набралась половина ванной, малыш, закутанный в плед и принесенный Богданом, был уже красный от растираний. Не дав мне даже прикоснуться к соседскому мальчишке, блондин аккуратно посадил его на край ванной и, проверив воду, опустил туда его ноги. Стасик никак не отреагировал. Он все еще иногда вздрагивал, судорожно вдыхая воздух, и, кажется, происходящее совсем не замечал.

Подождав, пока немного отогреются ножки, туда добавили и руки, а затем ребенка полностью посадили в воду. Я его держала, мотая сопли на кулак и отчаянно пытаюсь разговорить, но все было тщетно. Дрожать Стасик уже перестал, губы оставались просто бледными, а цвет тела пришел в относительную норму. Остывающую воду постепенно делали все теплее и теплее, аккуратно повышая градус, памятуя о том, что горячей ее делать ни в коем случае нельзя. А потом меня вообще выгнали с просьбой:

— Ань, сделай теплый чай брусничкой или клюквой, что найдешь. Или теплое молоко. Меня как ветром сдуло!

Как я не кокнула на нервной почве оставшиеся чашки, я не знаю... Радовало одно — лекции, что нам преподавали в универе по оказанию первой помощи, Богдан явно помнил лучше, чем я! Или у меня просто не выдерживали нервы...

Через пять минут малыш, закутанный в огромное теплое полотенце, сидел у меня на коленях, прижимаясь к моей груди, а я отчаянно уговаривала и заставляла его выпить хотя бы полчашки подогретого молока, попутно пытаюсь выяснить, что же все-таки произошло.

Стасик был вялым, апатичным и на вопросы не отвечал. Единственное, что удалось добиться, это невнятного «мама вж-ж-ж-ж». И до меня дошло.

Пока Лена пылесосила, ее сын, жутко не любящий звук работающего агрегата, просто сбежал по протоптанной дорожке. И видимо, когда поднялся, крышка люка упала, зацепив стоящую рядом с ней летнюю резину. Она-то и брякнулась сверху, отрезав путь к

отступлению. И без того нелегкое колесо, а тут еще и с литьем, у ребенка просто не хватило сил сдвинуть.

— Бай, — неожиданно тихо прошептал ребенок, заметно кляня носом, попутно пытаюсь разлепить закрывающиеся глазки.

— Я уложу, — сидящий напротив хмурый Богдан поднялся и легко забрал у меня ребенка, заслужив мой благодарный взгляд — у самой руки до сих пор тряслись так, что я реально боялась уронить Стасика где-нибудь по дороге. — Лучше позвони пока его матери.

И до меня только сейчас дошло, что надо было сразу поставить соседку в известность. Хотя, кого там — не до этого было, если честно! В первую очередь надо было позаботиться о замерзшем мальчишке.

Полонский унес клюющего носом, измученного ребенка в спальню, а я, схватив телефон с тумбочки, быстро набрала номер Лены. Звонок сорвался. Ругнувшись, я покосилась на закрытую дверь спальни и, после секундного сомнения, набрала номер Кирилла.

Тщетно! Абонент не абонент!

Ругнувшись, я саданула кулаком по стене и попыталась еще раз позвонить соседке. На сей раз гудки пошли. Нетерпеливо притопывая ногой, я прошлась по прихожей... и замерла, услышав за входной дверью характерный для «яблочного» телефона звонок.

Не убирая трубку от уха, нахмурилась и отомкнула дверь. Звонок стал громче, я вышла на площадку...

Выпавший из ослабевших, дрогнувших пальцев телефон разлетелся по запчастям, а я отступила назад, зажимая рот ладонью, чтобы не закричать — на лестничной площадке между моей и Мишкиной дверьми в лужи собственной крови лежала Лена!

В знакомой бежевой косынке, которую она надевала, когда затевала масштабную уборку, в домашних штанах и легких теннисных тапочках и просторной футболке... Но это действительно была она, я ее узнала сразу. Как и алую жидкость, медленно растекающуюся по серому каменному полу!

Чувствуя тошноту, я попятилась.

В происходящее не верилось от слова абсолютно!

Вернулась в прихожую, трясущимися руками доставая из кармана сигареты и абсолютно не зная, что мне делать дальше. В таком состоянии меня и застал вышедший из спальни Богдан и в мгновение ока оказался рядом.

— Ань, что случилось? — обхватив мое лицо ладонями, спросил парень, встревожено глядя в мои округлившиеся глаза. И даже слегка встряхнул на плечи, когда я не ответила. — Аня?!

— Там Лена, — глухо прошептала непослушными губами, растерянно глядя в его взволнованные голубые глаза. — Она...

— Что с ней? — попытался уточнить Полонский и, не выдержав, выругался сквозь зубы, видя, что я окончательно замолчала. — Жди здесь.

И вышел. А я тупо смотрела в пространство, не желая поверить в то, что увидела. Вернулся Богдан почти сразу.

— Ань, иди к Стасу, — глухо отозвался парень, доставая свой телефон из кармана. И видя, что я не реагирую, снова меня встряхнул за плечи. — Аня, она жива, слышишь?

— Правда? — неверяще прошептала, всматриваясь в его лицо. Парень провел рукой по моим волосам, второй крепко обнимая, и уже куда более уверенным тоном добавил:

— Правда. Но на разговоры лучше время не тратить. Побудь с ребенком, а я вызову

скорую. Хорошо?

Я неуверенно кивнула, а Богдан, еще раз крепко меня обнял и, отпустив, подтолкнул в сторону спальни.

И я послушалась...

Не знаю, сколько времени я просидела рядом со спящим Стасиком, обхватив голову ладонями и тихо раскачиваясь из стороны в сторону. Выходила курить, возвращалась обратно, проверяла малыша и снова садилась на край кровати.

На улице уже началось смеркаться, когда открылась дверь в спальню. Я вздрогнула, но на пороге оказались всего лишь хмурые медики в белых халатах.

— Нам ребенка осмотреть, — в ответ на мой испуганно-удивленный взгляд негромко пояснила женщина в возрасте.

— Да, конечно, — поднялась я и, включив свет, хотела выйти, чтобы не мешать. Но меня перехватил мужчина на пороге:

— Успокоительное нужно?

— Нет, спасибо, — отстраненно посмотрев на его суровое лицо и сочувственный взгляд, отрицательно мотнула головой и вышла, обнимая себя за плечи. Яркий свет ударил по глазам, всесторонне освещая бардак в моей некогда уютной квартире.

Правда нифига уже не моей, и далеко уже не такой уютной. Зал, как и коридор, и прихожая были уляпаны полностью. Светлый ламинат почти плавал в грязной воде, был покрыт комьями грязи, таявшего снега и щедро истоптан грубыми мужскими ботинками. Из подъезда доносились голоса, а на небольшой кухне было людно.

Я как-то отстраненно порадовалась, что не стала разуваться.

— Анна, кажется? — сухо спросил сидящий за столом молодой мужчина, мельком взглянув на меня. Кивком указав на место напротив, он принялся доставать из кожаной пачки чистые листы бумаги. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Я безразлично пожала плечами, забираясь на стул. И, закурив последнюю сигарету, принялась отвечать на обычные вопросы молодого дяденьки полицейского не в форме, зато с кобурой и пистолетом поверх обычной серой водолазки. Еще двое стояли у окна, с явным любопытством за мной наблюдая, но не вмешиваясь в допрос.

Впрочем, мне вполне хватило этого лапчатого гусака, которого через полчаса страстно хотелось запихать целиком в духовку, не забыв при этом воткнуть ему кое-куда десяток-другой яблочек:

— А что вы делали до того, как обнаружили мальчика?

— Я же сказала, — устало потерла я виски. — На кухне, завтракала. Точнее обедала, если смотреть по времени.

— А до этого? — не успокаивался въедливый мент, который невесть с чего решил ко мне придраться. Ну, по крайней мере, у меня сложилось такое впечатление.

— Сначала спала, потом пошла в душ, потом на кухню, — выдохнула я, с трудом держа себя в руках. — Сколько еще раз повторить?

— Лапочка, если понадобится, я еще столько же раз спрошу, а ты столько же ответишь, — хмыкнул мужчина, отвлекаясь от своей писанины. — Это понятно?

Я скрипнула зубами. Ей-богу, шел бы ты отсюда, дядя... Пока ветер без камней!

— Вот и умница, — мне подарили покровительскую улыбку и снова спросили. — Одна спала?

— Нет, — зло отозвалась я, чувствуя, что надо было все-таки медиков на валерьянку

разорить.

— А с кем? — с наглой ухмылкой уточнил полицейский. И сейчас бы по наглой роже ему прилетело бы чем-нибудь тяжелым, но...

— Со мной, — вдруг послышался ровный голос позади меня и тугой комок в груди внезапно лопнул. Дышать стало лучше, а взвинченные нервы наконец-то стали расслабляться. Особенно когда на плечи легли знакомые тяжелые ладони. — Или тебе в подробностях расписать, как это было?

— Ты, — вспыхнул мент, но один из его товарищей быстро подошел и заткнул его, прошептав что-то на ухо. Мой ходячий раздражитель с кобурой заметно перекосялся. И с трудом выдавил из себя. — Прошу прощения.

— На выход, — все тем же спокойным тоном приказал Богдан и я, не выдержав, повернулась и уткнулась носом в его грудь, крепко обнимая за талию.

Судя по активному шевелению, злобному пыхтению и тяжелым шагам, мою кухню наконец-то решили покинуть, причем в самые кратчайшие сроки.

Я тихо-тихо шмыгнула носом.

— Прости, Анют, — негромко и как-то виновато произнес Полонский, крепко прижимая меня к своему телу и успокаивающе поглаживая по спине. — Я немного не успел. Там Саркаев приехал.

— Как Лена? — подняв голову, спросила, глядя на блондина. Тот, кстати, выглядел довольно уставшим, а может мне просто показалось. — Она... жива?

— Жива, — поспешил успокоить меня блондин, обнимая за плечи. Я снова шмыгнула носом. — Врачи сказали, что ей повезло. Ты обнаружила ее вовремя, «скорая» приехала быстро, а операция прошла успешно. Она потеряла много крови, но сейчас состояние стабильное, угрозы для жизни нет.

— Слава богу... — с нескрываемым облегчением выдохнула я. И только после этого меня начало понемногу отпускать.

А через несколько минут на кухню вошел Ленкин муж, бывший американец, а сейчас конкретно обрусевший бизнесмен. Майкл Саркаев, ровесник моего Кира, молча опустился на свободный стул, закурил, не спрашивая разрешения и рассеянно провел рукой по длинноватым темным волосам. Нервным жестом расслабил галстук на шее и, стряхнув пепел прямо на пол, вздохнул:

— Ань, спасибо. За Стаса.

— Не надо, — мотнула я головой и, отпустив Богдана, вздохнула. — Я тут не причем.

— Спасибо вам обоим, — серьезно посмотрел на нас мужчина. Полонский, вставший за моей спиной, снова положив ладони на мои плечи, просто кивнул. А Майкл... Не глядя на нас, он глухо произнес с едва заметным акцентом, сжимая кулаки. — Меня предупреждали, чтобы я не заключал последнюю сделку. Намекали, что будут неприятности... А я не предал этому значения. Не стал слушать. Лена пострадала из-за меня.

— Майк, ты не виноват, — попыталась успокоить я соседа, но тот отрицательно качнул головой:

— Не надо, Ань. Это моя вина. И... боюсь, если бы Стас не сбежал к тебе, его бы похитили.

Я побледнела, а руки Богдана на моих плечах сжались. И только это выдало его состояние — голос-то оказался спокоен:

— Ты уверен?

— Да, — сухо кивнул мужчина. — По словам вахтерши, Лена спустилась вниз и попросила ее посмотреть, не убежал ли Стас на улицу, а сама пошла к тебе. Когда вахтерша выходила, в подъезд зашел какой-то мужчина, но она не обратила на него внимания. Когда возвращалась, столкнулась с ним опять — он уже сидел в ожидающую его машину. Номера она не запомнила, но детское кресло на заднем сидении видела отчетливо. Они приезжали за ним.

Я вздрогнула, чувствуя, как холод сковывает изнутри. А я ведь почти забыла, почему мне нельзя связываться с такими людьми, как Майкл, как Богдан или Исаев. Как мой отец и даже Кирилл.

Где крутятся большие деньги, там всегда текут реки крови. Честно бороться за свои капиталы уже давным-давно никто не собирался, каждый делал это как умел, не гнушаясь угрозами, давлением и даже убийствами.

Про шантаж тут и говорить нечего не стоит.

— Мы еще можем уехать? — тихо спросила я Богдана, когда Майк ушел, а голоса в коридоре стихли.

— Конечно, — послышался позади меня голос и меня снова заключили в кольцо надежных рук. — Если хочешь, можем уехать прямо сейчас.

Я кивнула. Полонский позвонил кому-то, сказал пару слов и через пять минут мы уже были в прихожей. И тут произошла заминка — выходить в подъезд я боялась.

Поймав мой беспомощный взгляд, блондин все понял. И, закинув за плечи мой рюкзак, просто взял мне на руки. Обхватив его руками за шею, я спрятала лицо, крепко зажмуриваясь, меньше всего желая видеть кровавую лужу под собственной дверью.

Так и спустились на парковку.

Богдан поставил меня на ноги и, обхватив мое лицо ладонями, тревожно спросил, всматриваясь в мои глаза, слегка поглаживая щеки пальцами:

— Ты в порядке?

— Если можно так сказать, — криво усмехнулась я. Вздыхнув, парень просто притянул меня к себе, обнимая. Он ничего не говорил, не обещал, не успокаивал. Он просто был рядом тогда, когда я в нем нуждалась больше всего.

Совсем как раньше...

С трудом взяв себя в руки, я отстранилась, и шагнула было в сторону знакомого серебристого кроссовера:

— Идем?

— Подожди, — как ни странно, но Полонский придержал меня за руку. Я удивленно на него посмотрела, но блондин, не обращая внимания, кивнул стоящим возле машины охранникам. Те кивнули в ответ, быстро загрузились машины, и я с еще большим удивлением смотрела, как на улицу выехала «Ауди» с двумя машинами сопровождения. Без нас.

— Что это значит? — когда опустились ворота, напряженно спросила, всей своей чуйкой ожидая подвоха. — Богдан?

— Анют, — снова вздохнул парень, обнимая меня за талию. — Ты видела, что случилось с Леной. Я не хочу, чтобы то же самое произошло с тобой.

Я похолодела... и догадалась:

— Твой отец...

— Был не рад разрыву помолвки, — просто кивнул Полонский и, заметив, как я

вздрыгнула, крепче прижал меня к себе. — Т-ш-ш... Все будет хорошо. Я не позволю ему и пальцем тебя коснуться.

Хотелось в это верить. Господи, как же мне хотелось в это верить...

Через пять минут с парковки уехал еще один черный внедорожник, и лишь после этого Богдан потянул меня в сторону неприметной темно-синей, спортивной иномарки. Усадил меня на переднее сидение, отдал рюкзак, а сам сел за руль.

Во дворе все еще стоял милицейский «уазик» и пара машин с мигалками, но на нас никто не обратил никакого внимания. Мы спокойно выехали за город, на трассу, и нас никто не преследовал и не подрезал, но все равно я сжималась в комок, стоило только впереди или сзади мелькнуть свету фар.

А вот Богдан был спокоен, сосредоточен и молчалив. Он просто аккуратно, но быстро вел машину в темноте, внимательно смотря на заснеженную дорогу и изредка — на меня.

А я... я кусала губы в полной тишине, жалея, что не могу взять его за руку. Нервы были натянуты до предела.

Однако до аэропорта мы добрались без проблем. А там нас уже ждал небольшой частный самолет, так называемый бизнес-джет. И только когда многотонная машина поднялась в воздух, я, наконец, не выдержала. И вполне обоснованно собралась зареветь, ругаясь матом. Но не успела.

Отстегнув ремень, сидящий в широком, комфортном кожаном кресле напротив меня Богдан протянул руку:

— Иди сюда.

И я... перебралась к нему на колени. Села, крепко обняла за талию, уткнулась носом в его шею... и все-таки расплакалась. Не смогла, не выдержала. Да и как иначе? После всего этого?

Он ничего не говорил. Молчал и просто прижимал меня к себе. Бережно, надежно, крепко. И ласково поглаживал по спине. И честно, это было лучше всяких слов и заверений о том, что все будет хорошо.

И я вдруг поняла, что в нем не ошиблась. Он ведь все такой же. Такой, каким я его знаю — заботливый и понимающий, по крайней мере, для меня. Ведь сегодня он мог просто унести Стасика к Лене, а не возиться с ним. Мог просто забрать меня и увезти, не дожидаясь приезда медиков и полиции. А мог и вовсе оставить меня там одну и уехать, чтобы не ставить под удар свою репутацию.

Но не стал. Наоборот, он остался и сделал все от него зависящее, ни разу даже не напомнив о том, что мы опоздали на самолет.

Вот такого Богдана я любила.

Любила... но шантаж простить не могла.

М-да...

Ну, то, что это аэропорт, допустим, я поняла из названия. «Plaisance Sir Seewoosagu Ramgoolam» — гласила яркая вывеска на огромном здании, из которого мы вышли.

«Аэропорт сира кого-то там...» — это если точнее. Ну, а как бы конкретней узнать, что эта за страна и какого, собственно, сира мы тут делаем?

Летели мы долго, больше десяти часов. За это время я успела, наревевшись, уснуть у Богдана на коленях, он успел перенести меня на удобный диван и, кажется, ухитрился вздремнуть сам на идентичном диванчике напротив. Все-таки частный самолет — это вам не рядовой Боинг, тут удобств побольше будет.

Моя разбитая поутру светлость душу обрадовалась, как родному, а чашка крепкого кофе, поданная вежливой, улыбчивой стюардессой и вовсе привела меня хоть в какое-то подобие хорошего расположения духа. Когда джет заходил на посадку, я прильнула к иллюминатору... И восхищенно ахнула, разглядев ярко-голубую воду и невероятно красивый пейзаж — мы снижались к острову!

Признаю, не смотря на всю красоту, мне пришлось тяжело. От перелетов я уже успела отвыкнуть, последние несколько дней изрядно нервничала, вчера так вообще получила жесткую встряску... Плюс недосып и ненавистная акклиматизация. Короче, плющило меня на земле как Лександрыча с похмелья и без кофе!

А потому я благополучно проморгала все вывески в аэропорту, гудевшем, словно встревоженный улей. Чуток пришла в себя только на улице, и уже там догадалась оглянуться, но единственным, что бросилось в глаза, была вот эта красненькая огромная надпись.

И тут до меня, кажись, доперло, у кого аэропорта имеется такое матершинное название...

Убиться крышкой саркофага! Куда этот извращенец меня притащил?!

— Порт-Луи? — перевела я взгляд на невозмутимого Богдана, стоящего рядом и ожидающего, пока сопровождающий нас охранник пригонит машину. — Маврикий?!

— А что не так? — насмешливо улыбаясь, отозвался Полонский и теплый ветер взъерошил его серебристо-пепельные волосы... Я втюрилась повторно.

— А чего, поближе Индийского океана места не нашлось, чтобы избавиться от моего брэнного тела? — проворчала, складывая руки на груди, чувствуя, как в кроссовках ногам становится жарко даже в тени огромного здания. Зато теперь хоть стал понятен выбор такой одежды.

По лицу Богдана пробежала тень.

Подойдя ко мне, он забрал из моих рук снятую кофту и, обняв меня, хмуро попросил:

— Не напоминай, ладно?

И чой-то мне даже извиниться захотелось...

— Ладно, — фыркнула я и, подумав, закинула руки на его плечи, встала на цыпочки и потерлась носом об его шею. Сама не поняла, на кой фиг... просто захотелось.

Богдан замер. А потом осторожно позвал:

— Ань?

— М? — отозвалась я, прижимаясь к нему. Мне так спокойно было, если честно. Даже сама как-то этого не ожидала.

— Я уже говорил, что люблю тебя?

Ась?!

Не, дружок, а вот эту напрочь выбивающую меня из колеи новость ты как-то случайно сообщить запамятовал!

Я оторвала свою голову от его плеча, посмотрела в его ярко-голубые, как безоблачное небо над головой, такие знакомые красивые глаза... И поняла — не шутит. Да, улыбается, да, пытается меня развеселить, подкалывает, но говорит чистую правду.

И вот теперь уже я замерла, как толстая мышка перед голодным крокодилычиком. И я воистину не знала, как мне сейчас на это реагировать и что вообще ответить!

Улыбнувшись такой привычной понимающей улыбкой, Богдан меня просто поцеловал, не требуя ответа. Так... ласково, так нежно, так приятно... Я чуть лужицей на брусчатку не стекла!

Какой же он все-таки... невыносимый. Невыносимый, упрямый, гадкий, но любимый крокодил!

От чувственного поцелуя отвлекло подъехавшее авто.

— Пойдем, — поцеловав меня в кончик носа напоследок, парень потянул меня за собой и, открыв блестящую на ярком солнце дверцу, сделал приглашающий жест. Я села первой, он забрался рядом и водитель, он же охранник, вдарил по газам.

Следующие полчаса, что мы ехали, я от окон просто не отлипала! Вокруг царила такая красота незнакомого пейзажа, ландшафта и города, то я даже забыла про усталость. Хотелось бросить все, попросить остановить машину, и пойти гулять, шокируя местных аборигенов своими восхищенными воплями и ошалело блестящими глазами.

А Полонский только иногда посмеивался надо мной, явно довольный произведенным впечатлением, не отрываясь, впрочем, от планшета, который обнаружился в авто. Точнее, там обнаружился целый мужской рюкзак, но спрашивать, что там и откуда он, собственно, взялся, я не стала.

Моя параноя, тщательно и долго воспитываемая Киrom, уже смирилась с мыслью, что всё-то сын миллиардера успел предусмотреть. И даже подготовится. И у меня возник только один вопрос: а он хоть спит вообще когда-нибудь?

Неожиданно дорога кончилась. Из машины я вылезала с огромной неохотой, а потому представший перед нами коттедж фактически на берегу моря я оглядела весьма скептически.

— Идем, — заметив здоровый скептицизм на моей моське, Богдан потянул меня за руку в сторону дорожки из выпуклого серого камня. — Думаю, тебе понравится.

Да что-то меня терзают смутные сомнения, господин Полонский...

Парень уверенно провел меня по небольшому садику, огибающему кипенно-белое двухэтажное здание, отделанное камнями всех оттенков серого. Мы оказались во внутреннем дворе с аккуратно подстриженной зеленой травкой, местными кустиками и пальмочками. Но самое главное...

— Бассейн, — с отвращением поморщилась моя светлость, глядя на зеркальную воду слева от коттеджа. И, вздохнув, присела на корточки, чтобы завязать болтающийся шнурок. Свалиться в эту адскую бездну холода и хлорки не хотелось абсолютно, однако я все же чуть туда не брякнулась, когда раздался громкий, радостный вопль:

— Хён! Ты все-таки приехал!

А голос такой знакомый-знакомый. Я медленно подняла голову, глядя на парня, бегущего к нам со стороны террасы за бассейном... и моментально окосела.

Копать-хоронить...

Копать-хоронить, копать-хоронить, копать-хоронить! Да быть того не может!!

— Ух, как я рад, что ты смог вырваться! — едва не подпрыгивал от восторга невысокий паренек, откровенно тиская посмеивающегося Богдана в своих объятиях. И, закончив дружеские обнимашки, обратил внимание на меня, уткнувшись носом в собственную коленку, в напрасной попытке сдержать истерический ржач. — Ой, привет. А ты, наверное, и есть Аня Солнцева?

О, да-а-а... Та самая. Единственная, незабываемая и, мать его, воистину неповторимая!

Где ж еще удастся откопать такой всесторонне везучий кадр, как я, любимая?

— Ань, — со смешком произнес Богдан. — Не отвертисься.

Аха. А то я вся такая наивная и еще до сих пор это не поняла!

Пришлось вставать и выпрямляться, с любопытством наблюдая, как брови паренька активно лезут куда-то в направлении вечно взлохмаченных русых волос.

— Нуна? — в конце концов отвисла у того челюсть. — Но ты же, ты же... Почему...

— Еще слово — и ты труп! — предупреждая указала я на него пальцем. — Бледный, синюшный, свежий, а главное прелестно молчаливый труп!

— Нуна! — радостно завопило это чуч... чудо, конечно же, бросаясь мне на шею от переизбытка эмоций. — Это и правда ты!

Оспади... ну почему надо пригрозить сто пятой статьей любимого УК РФ, чтобы быть узнанной? Заслуженная репутация — страшная вещь, знаете ли...

— Ва-а-а, ты рыжая! — подпрыгивал на месте парень, с удовольствием тиская меня за щеки. — Клево-клево-клево!

— Эрик, пусти, — тоскливо ныла моя замученная светлость, с тоской понимая, что эта детская непосредственность на ножках и в пенсионном возрасте будет радостно скакать, получив в подарок новенькую вставную челюсть. — Ах, так?!

— Айщ! — присел тот, словив привычный, но давно забытый подзатыльник. Почесал светлую макушку... и улыбнулся во все зубы. — Ну, точно, ты! О-о-о... Погодь, я сейчас!

И усвистел обратно в дом, да так, что только шлепанцы сверкнули!

— Что б все так жили, — вздохнула я, глядя, как это лохматое загорелое недоразумение в одних только красных шортах влетело в дом, едва не снеся стеклянную дверь. Со временем любимый мой любимый сокурник, похоже, ни капли не изменился!

Кста-а-ати о птичках...

— Так вот, как ты узнал, — повернулась я к улыбающемуся Богдану. — От него!

— Не совсем, — рассмеялся Полонский и, закинув мою кофту на свое плечо, привлек меня к себе, обнимая за талию. — Помнишь, что тебе предложила мастер в салоне, когда выстригала жвачку из волос?

— Она предложила мне перекраситься в блондинку, сказала, что мне очень пойдет, — ошарашено припомнила я тот день и посмотрела на забавляющегося парня. — И тогда ты понял?

— Именно, — улыбнулся Богдан. — Меня все время преследовало чувство, будто я где-то тебя раньше видел, но где именно, вспомнить не мог. А в салоне понял — на фотографии выпускного альбома Эрика. Приехать к нему и убедиться в своих подозрениях не отняло много времени.

Я молча смотрела на его мягкую улыбку... и уткнулась носом в его грудь, обнимая в ответ и чувствуя ни с чем несравнимое облегчение. Так он и правда, только недавно узнал...

И все-таки. Не именно ли это знание подтолкнуло его к разрыву с Со Хен, а не то, в чем он признался сегодня?

Сомнения, не смотря на обстоятельства и новую информацию, все равно неприятно разъедали душу.

— Аня, значит? — послышался вдруг сзади знакомый приятный смешок. — Солнцева, значит?

У меня аж глаза на лоб подпрыгнули!

— Сонбэ! — резко обернувшись, удивленно уставилась я на высокого парня в одних синих шортах и шлепанцах, за спиной которого подпрыгивал довольный собой Эрик. — И ты?

— И я, — меня не больно и даже не обидно щелкнули по кончику носа. Я машинально потерла его ладошкой и, переведя взгляд на улыбающегося брюнета... расплылась в приветственном оскале.

Ну офигеть, какой пассаж... И на сей раз наконец-то в самом хорошем смысле этого слова!

Увидеть своего бывшего одноклассника по языковому колледжу, где когда-то училась, было несколько... нежданчиком таким. Но иметь счастье лицезреть еще и нашего сонбэ? Это было вообще где-то за гранью реальности!

Как и то, что Полонский, оказывается, был с ними знаком...

Ладно я с Эриком, которого я нежно называла «мой американский раздолбай в кудяшках», мы скооперировались еще на первом курсе колледжа иностранных языков, понятно по какому направлению. Этот лентяй, который на самом деле был чисто русским, без всяких заграничных корней и носил «укуренную» во всех смыслах фамилию Кальянов, как-то сразу очаровал меня своей детской непосредственностью. С ним было здорово общаться... до тех моментов, когда на него нападала лень.

А нападала она на него в процессе учебы постоянно. Но хвала святым ежикам, кнопку воздействия на сокурсника я отыскала довольно быстро — целительный подзатыльник включал его мозги на раз!

А с Андреем мы познакомились намного позже. Обучение включало в себя обязательный выезд за границу для полного погружения в культуру, так сказать. И, кроме преподавателей, нас всегда сопровождало несколько старшекурсников, самых успевающих. И вот Андрюшка как раз-таки был одним из тех, кто за нами присматривал, единственный за все время существования традиции, кому дали шефство над «малышкой» уже на втором курсе. Во время первой поездки мы были растеряны, напуганы и не понимали, что происходит... А он был вежлив, собран и абсолютно спокоен. В ранг нашего героя и всеобщего любимца его возвели мгновенно!

Что уж говорить, когда сей умопомрачительный брюнет с мягкой кошачьей улыбкой выпускался — рыдал весь колледж разом!

Кстати, после первого визита в Южную Корею к нам и прилипла привычка употреблять традиционные корейские обращения друг к другу.

Тараканы, тараканы, тараканчики... Ну вот никуда от них не деться!

Хотя, ладно мы — студенты с кафедры японского языка вообще каждый день горланили «Иттадакимас!» на всю столовую, громко чавкали и чинно раскланивались друг с другом!

— Значит, всё-таки кинул Со Хён? — обратился к Богдану Андрей, протягивая руку. И дождавшись ответа, пожал ее и хлопнул блондина по плечу. — Силен! Мои поздравления.

— Спасибо за самолет, — поблагодарил в ответ Полонский, обнимая меня сзади и уже почти привычно пристраивая голову на моем плече. Андрюшка только небрежно махнул рукой, а у меня глазки поехали в кучку...

Это ж насколько они между собой знакомы, что вот так вот самолетиками меняются?!

Ой, чую, влипла бедненькая я, ой влипла...

Не, ну про причины я не спрашиваю — понятно, что местонахождение личного транспорта семьи Полонских его глава бы легко и быстро вычислил. И все-таки. Размах подставы впечатляет!

Значит, действительно кое-кто тщательно готовился к разрыву. Однако чем больше я его узнаю, тем больше начинаю опасаться.

На мальчишку, которому вдруг захотелось взбрыкнуть против воли сурового папуса, Богдан походил все меньше и меньше, а подозрений на его счет становилось все больше и больше.

И чужла моя мнительность, что надо срочно делать ноги...

— Не буду спрашивать, что конкретно произошло, — меня легонько и многозначительно потянули за прядь рыжих волос. — Просто скажу «добро пожаловать».

Последнюю фразу Андрей произнес на корейском. Повисла тишина... И все заулыбались.

Хрюкнув, я кинулась душить Эрика в объятиях. В ответ мою голову зажали подмышкой и потащили в дом, по дороге ероша волосы на макушке костяшками пальцев. Я верещала и отбивалась, надо мной издевались, а Богдан и Андрей шли сзади, тихо переговариваясь.

— Рамен? — хитро улыбаясь, предложила моя американская кудряшка, когда мы очутились на первом этаже, представляющим собой одно большое помещение со стеклянными стенами с одной стороны и условным разделением на зоны. Половина — огромная кухня-столовая, вторая — просторная гостиная.

— Да-а-а! — расплылась в улыбке совсем ошалевшая от счастья я.

И переглянувшись, мы наперегонки бросились громить кухню. Точнее, громил-то в основном Эрик, а я из-за незнания, где что лежит, нетерпеливо подпрыгивала рядом.

— Ань, переодеться пойдешь? — позвал меня с улыбкой наблюдающий за мной Богдан. Я только отмахнулась — какая одежда? Тут только отвлекись, Кальянов мигом в рамен напихает всякой невкусной ерунды!

Понятливо усмехнувшись, Полонский ушел, а Андрей, повязав фартук, присоединился к готовке, зная наверняка, что если не вмешается, то мы с кудряшкой наверняка переругаемся на восемь раз, испортим все блюдо и готовить придется заново... Ну, еще раз так пять точно!

Однако, не смотря на все веселье, когда блондин поднялся наверх, я, выждав пару минут для верности, вклинилась между парнями.

— Ребя-я-ят... я, конечно, дико извиняюсь за устроенное представление, но сейчас я шокирую вас еще больше, — негромко произнесла и, вздохнув, спросила. — Вы можете меня отправить обратно в Россию?

Андрей молча отложил нож, которым нарезал овощи и, вытерев руки полотенцем, оперся спиной на край стола, складывая руки на груди и смотря на меня внимательным взглядом.

Эрик же наоборот, почесал затылок рукояткой и задумчиво протянул:

— Нет, это-то мы организовать можем без проблем. Только нуна, на кой черт тебе это?

— А что если я скажу... — невольно замялась, пытаюсь подобрать слова, и всё-таки

озвучила. — Что попала сюда не совсем добровольно?

Ребята обменялись странными взглядами.

— Все так серьезно? — только и спросил Андрей. Я просто кивнула в ответ.

Серьезнее уже не бывает!

— Ань, — подумав с минуту, неожиданно произнес сонбэ, постукивая длинными пальцами по своему предплечью. — Я не знаю, что с тобой случилось... Но могу сказать одно — Богдан привез тебя сюда не просто так. А, значит, уезжать не стоит.

— Вот-вот, — подтвердил, кивая, Эрик. — Хён ничего просто так не делает, поверь.

— А вы... давно его знаете? — невольно поразила я такому единодушию.

— С детства, — пожал плечами брюнет. — И мне еще ни разу не приходилось разочаровываться в его поступках.

— Вот-вот, — снова встряла моя очаровательная американская кудряшка. — Ань, если Хён даже силой увез тебя из России, значит, так действительно нужно. Он о своих планах рассказывать не привык — это неприятно иногда, но не смертельно. Но у него всегда есть определенные причины. Нуна, если ты, конечно, попросишь, мы отправим тебя домой... Но есть ли в этом резон? Не проще поверить Богдану?

Ох Эрик, посмотрела бы я, как ты стал доверять тому, кто тебя шантажирует твоей самой страшной тайной...

Вообще, после слов парней, я стала невольно сомневаться. Да, умом-то я понимала, что на родину мне пока возвращаться не стоит, ибо чей-то папочка в гневе пребывать изволит. Да только и я не обычный огурец с ближайшей грядки — могу ведь заныкаться на время, а потом, связавшись-таки с моим любимым бомжиком и нырнуть под его теплое, надежное крыло!

И хотя мне жутко хотелось остаться здесь, с ними, и с самим Богданом в том числе...

Памятуя, на каких условиях я вообще стала принадлежать Полонскому, и слишком отчетливо помня ту лужу Лениной крови, которая появилась в результате больших денег ее мужа, бежать мне хотелось еще больше.

— Давай так, — видимо, рассмотрев все сомнения на моем лице, предложил вдруг Андрей. — Ты хорошо подумаешь, взвесишь все «за» и «против». Спокойно проведешь день и ночь здесь, а завтра, если не передумаешь, я лично отправлю тебя домой. Идет?

Я подумала-подумала... и кивнула.

— Идет.

— Не слышу, — иронично выгнул брови брюнет.

— Хорошо, сонбэ, я обещаю подумать! — покорно дополнила я. Меня снова щелкнули по кончику носа и вернулись к готовке:

— Вот так лучше.

— Ну, слава японским покемонам, — улыбнулся Эрик своей голливудско-русской улыбкой и, резко повернувшись, снес локтем открытую бутылку с соусом. — Ой... нуна, бьяне!

— Ты смурфик по имени Растяпа, — привычно вздохнула я, глядя на темно-коричневые пятна, расплывающиеся на любимых штанишках.

Еще в колледже Эрик носил почетное звание ходячей неприятности и, похоже, со временем уж в этом плане точно ничего не изменилось!

Отвесив смущенному парнишке привычный подзатыльник, я уточнила у улыбающегося Андрея расположение отведенной мне комнаты (конкретно подозревая, что отведена-то она

нифигашечки ни в мое единоличное пользование) и поплелась наверх, переодеться.

А мнительность тихо нашептывала на ушко, что кудряшка моя непатриотическая на сей раз-то специально крыльями своими махать изволила...

В любом случае, переодеться все-таки стоило. На Маврикии теплый тропический климат, так что после суровой Российской почти что зимы, в плотных штанах и футболке было сейчас конкретно жарко.

Искомая комната обнаружилась в конце коридора. Такая... немаленькая! Просторная, светлая, с минимумом отделки в виде белых стен, серого камня и ярких деревянных балок под потолком. Справа от входной двери дверь в ванную, следом зеркальные дверцы до самого потолка, ведущие, как я поняла, в гардеробную. Прямо напротив огромное до пола окно, справа от него в углу большая кровать с тремя ступеньками. Слева от входа стенка, возле которого стоят два глубоких уютных креслица с журнальным столиком меж ними, а на три метра впереди большой диван посреди комнаты. Электрический камин напротив него, да огромная плазма над ним на стенке.

А, ну и почти в углу между креслами стеклянная дверь, ведущая на огромный балкон.

Красотень!

Моя кофта висела на спинке дивана, а Богдан...

Удивленно вскинув брови, я подошла к кровати. Ну, что я могу сказать? Не выдержала душа поэта. Мой похититель сладко спать изволил, в то время как несогласная я всю замышляла коварные планы о побеге!

И только сейчас, взглянув на спящего блондина, я поняла, насколько в самом деле ему тяжело дались последние деньки. На лбу пролегли морщинки, лицо слегка осунулось, под глазами тени...

Вряд ли ему удалось поспать в ту ночь, когда он разорвал помолвку. А у меня дома если и вздремнул, то всего пару часов — вряд ли больше. Да плюс еще немного в самолете. Плюс нервы, перелет, акклиматизация, да и до этого мы, помнится, еще и активно плюшками баловались...

Не удивительно, что его вырубил напрочь прямо в одежде — он даже кеды не снял! Странно, как вообще еще держался, а главное, даже вида не подавал.

Вздохнув, я протянула руку, убрала с его щеки прядь мягких серебристых волос... и окончательно решила остаться.

Но сначала точно нужно переодеться и сбегать вниз — дай Эрику волю, и он опять яйцо в рамен затолкает!

Богдан проснулся, резко открыв глаза. Несколько секунд ушло на осознание того, где он находится, но еще столько же ушло, чтобы понять — за окном уже почти село солнце и комната была погружена в мягкий полумрак.

Значит, уже вечер... Сколько же он проспал? Прилег ведь всего на минуту, переводя дух и пытаясь стереть с лица глупую улыбку, которая заползала на лицо каждый раз, стоило только вспомнить реакцию Аньки, когда она на самом деле осознала, к кому он ее привез.

И видимо, уставший организм не выдержал.

А ведь за это время Аня, уговорив своих друзей помочь, вполне могла сбежать и вернуться обратно в Россию... Черт!

Едва не выругавшись вслух, Богдан резко сел, разворачиваясь.

— Кошмарики? — невозмутимо прокомментировали с другого конца комнаты.

Не сбежала.

— Ты здесь, — не сумев сдержать удивления, произнес парень, щурясь, глядя на неяркий свет бра, висевшего над креслами.

— Неа, — откликнулась сидящая в одном из кресел Солнцева, не отрываясь, впрочем, от книги, которую читала. — Это не я. Это твой похмельный глюк.

Богдан беззвучно хмыкнул, разглядывая Аню, забравшуюся с ногами в кресло. С взлохмаченными рыжими волосами, в пижаме, с книгой...

Значит, чемодан с ее вещами она все-таки нашла. Признаться честно, когда он отдавал список того, что нужно забрать из магазина, заранее заказанного, его управляющий с трудом сдерживал собственное удивление. И Богдан его вполне понимал.

Аня разительно отличалась от всех девушек, с кем ему приходилось иметь дело раньше. Но за это он ее и любил. Именно такую — взъерошенную, в смешной пижаме, вечно ехидную и... неуловимо родную.

— Почему? — только и спросил он, скидывая ноги и садясь на краю кровати.

Вздыхнув, Аня отложила книгу и поднялась. Богдан молча смотрел, как она подходит, шлепая босыми ногами и подтягивая на коленках длинноватые ей бежевые клетчатые штаны. На коварную искустельницу она походила меньше всего, и все равно, при виде нее сердце непроизвольно начинало биться чаще.

Поднявшись по ступенькам, его личная беда замерла напротив, не сводя с него непривычного задумчивого взгляда...

— Ты не уехала, — спокойно констатировал блондин, смотря на нее снизу вверх.

— Не уехала, — эхом откликнулась Аня и... неожиданно ее пальцы скользнули в его волосы. Богдан замер на секунду и, помедлив, все же притянул ее к себе.

— Почему? — повторил вопрос, пробираясь ладонями под ее футболку, на теплую кожу спины, ненавязчиво пододвигая ее к себе еще ближе. Он понимал — даже если она и ответит, все равно не скажет правды. Не признается.

Так и получилось. В ответ девушка безразлично пожала плечами.

Да только Богдану ответ и не требовался. Он догадывался, что она попытается удрать при первом же удобном случае — уж слишком Анька была своевольной и свободолобивой. И он знал, что от подобного безрассудства ее не отговорят даже Эрик с Андреем. Захочет сбежать — сбежит.

С Солнцевой всегда было сложно, хваленый самоконтроль Полонского периодически трещал по всем швам. Его рыжее чудище умело трепать нервы так, как никто другой.

Но без нее было еще сложнее. Почти невыносимо.

Пожалуй, невыносимее было только осознавать, что на самом деле она его любит... И отчаянно боится одновременно. Не доверяет.

И на это были веские причины.

Однако... поступить по-другому Богдан не мог. И дело даже не в его отце, который, несомненно, еще попытается сделать ответный шаг. Если так нужно будет для ее безопасности, блондин пойдет не только на шантаж, но и запрет Солнцеву где-нибудь на еще более далеком острове. И пусть она его возненавидит еще сильнее, зато будет жива и невредима!

Но сегодня она сбежать не захотела. И, пожалуй, ее поведение говорило о самом

главном громче всяких других слов.

— Я уже говорил, что люблю тебя? — негромко произнес Богдан, не отрывая взгляда от ее кошачьих глаз с легкой хитринкой, в которых умудрился утонуть давным-давно, даже сам того не осознавая.

— Нет, — неожиданно улыбнулась Аня, а ее пальчики ловко перебрались на тыльную сторону его шеи, ласково поглаживая. — Как-то сию ценную информацию ты умудрился утаить, ограничившись только шантажом, угрозами и легким домогательством...

И парень привычно прекратил поток ехидства, заставив замолчать свою любимую ершистую девушку наиболее приятным из способов — то есть поцелуем.

Да, пускай она ерничала, да, откровенно ругалась, да издевалась над его нервной системой... но все равно сходила по нему с ума.

Как бы она не пыталась свои чувства скрыть.

И это радовало более всего.

— О, это же то! — подпрыгнула моя светлость, едва услышав знакомый мотив, послышавшийся из динамиков, стоящих на террасе. — Оно самое!

— Точно, «Trouble Maker»! — подскочил валяющийся на соседнем лежаке Эрик, узнав характерный свист композиции корейского дуэта, под который мы с кудряшкой когда-то нехило отжигали на концерте. — Нуна, помнишь?

— Такое забудешь! — невольно прыснула, вспоминая себя в коротеньком платьице и парнишку в офигенном костюме, при галстукке и шляпе. — Нас же тогда сонбэ заставил выступать в качестве наказания за прогул английского.

— Агась, — согласно кивнул мой русско-американский друг и вдруг хитро прищурился. — Нуна, спляшем?

— Прямо тут? — удивилась я, оглядывая бассейн, возле которого мы валялись на солнышке, и перевела взгляд на собственную одежду, состоящую неприлично коротких красных шортиков и ни разу не целомудренного верха от купальника. Все это было расписано под американский флаг, а сверху накинута свободно болтающаяся полупрозрачная белая майка. — Прямо так?

— Да и ладно, — ухмыльнулся друг, щеголяющий только «гавайскими» шортами на крепком, хоть и невысоком загорелом теле. — Пойдем!

— А, фиг с тобой, золотая рыбка! — поддалась я внезапному азарту и, схватившись за протянутую мне ладошку, сама потащила Эрика на травку неподалеку от террасы.

Один из вариантов перевода этой песенки был «ходячая катастрофа», так что нам с кудряшкой она нравилась безумно. Так что оторвались мы что тогда, что сейчас, прямо от всей души и сразу!

И пофиг, что там танец... ну, так, неприличный чуток.

Зато нам было весело!

Шел второй день моего пребывания на Маврикии. Вчера был приятный вечер с очередным признанием Богдана, нежными поцелуями и спокойным, сладким сном на его плече. А вот утром...

Меня домогались. Откровенно и у с упорством! Впору было присваивать кому-то пожизненное звание маньяка-извращенца, ибо его не смущал ни мой помятый вид, ни

пижамка, им же купленная, ни вопли Эрика под дверью, зовущего нас завтракать...

Потом мы с кудряшкой чуть не разнесли кухню за завтраком, получили нагоняй от сонбэ и, как итог, отгребли наказание в виде чистки и нарезки капусты. Однакожь, сообразив, что это будет, мы буквально взвыли от восторга!

Кстати, никогда не думала, что Богдан умеет готовить кимчи... Да еще и в подобной атмосфере безудержного смеха и откровенного веселья! Совсем как тогда, когда мы громили набережную.

И тогда я поняла, что на самом-то деле я в Полонском нифига-то не ошибалась... В хорошем смысле.

— Какое занятное зрелище, — вдруг раздался саркастичный голос, когда мы с Эриком закончили вдохновенно отплясывать. .Кн-иг-ол-люб-.-нет. Я резко обернулась — с дорожки, огибающей бассейн, из-под тени пальм шагнул рослый шатен с характерной фигурой олимпийского пловца, подчеркнутой светлой безрукавкой и темными шортами. — Но помнится, ты раньше не переваривал рыжих.

— Что б меня переварить, ему сначала придется меня сожрать, — машинально откликнулась я, оглядывая новое действующее лицо. Как там было-то? Суров, силен, могуч и в меру волосат. Вполне даже ничего, но эта пошловатая улыбка на наглой морде... Я ухмыльнулась и добавила. — Подавится.

— Забавно, — усмехнулся шатен, сделав последний шаг, и встал напротив. — Твоя?

— Своя собственная, — хмыкнула я, чуя, что попала под внимание очередного отпрыска кого-то из высшего эшелона власти. Борзотой и самоуверенностью от данного индивида так и перло!

— Приехал? — спросил Эрик и на миг на его хорошенькой мордьяшке промелькнуло раздражение. Которое, впрочем, тут же сменилось привычной лыбой во все тридцать два белейших зуба. — Один?

— Нет, — отозвался парень, не сводя с меня оценивающего взгляда. И махнул рукой себе за спину. Я машинально глянула туда же — вдоль дома пробирался народ с чемоданами. Радостно вскрикнув, явно кого-то узнав, кудряшка поскакала навстречу, а я собралась было вернуться к лежакам. Не дали! — Ничья, значит?

— Ага, — насмешливо откликнулась, сунув пальцы за пояс шорт. — Приблудная, как кошка!

— А как на счет того, что б завести хозяина? — вдруг спросил шатен с многозначительной улыбкой и, потянув лапу, уцепил меня пальцами за подбородок. Я обалдела!

— А руки мыл? — удивленно вскинула я брови и треснула по наглой лапище, освобождаясь от хватки. Нет, я абсолютно не возражала, когда так делал Богдан, мне это даже нравилось и очень... Но этот-то куда своими грязными руками, да к нашим барским телесам?

Нахмурился. Задумался... и сжав мое запястье, ухватился за мой подбородок снова, да так, что на нем теперь явно будут синяки!

— Не дерзи, — ровным тоном приказал, глядя на меня сверху вниз, отчетливо напоминая, что силы не равны. — Я твое мнение не особо спрашиваю. Захочу — и без твоего согласия возьму.

— Ларуш, руки убери, — неожиданно послышался спокойный голос со стороны террасы. Я дернулась, но подбородок снова не пустили, так что пришлось скосить глаза. На

выходе в нескольких метрах от нас стояли Богдан с Андреем. И если сонбэ просто хмурился, то блондин казался равнодушным, сунув руки в карманы свободных синих бриджей. Пепельные волосы ерошил теплый ветер... а он просто смотрел на моего оппонента, на его пальцы, по-прежнему до боли сжимающие мой подбородок.

И я поняла — сломает. Если меня сейчас не отпустят, то кому-то его руку просто сломают.

Этот взгляд я очень хорошо помнила. Думаю, байкер из кафе его тоже не скоро забудет...

Шатен, кстати, оказался далеко не идиотом. А потому, вняв предупреждению, меня все-таки пустил и усмехнулся:

— Полонский. Неожиданная встреча. Значит, из-за нее ты разорвал помолвку?

— А тебя это как-то волнует? — тем же тоном спросил Богдан, спускаясь со ступенек, не отрывая взгляда от того, кого назвал Ларушем.

— Ты кинул отца, — пожал тот плечами и усмехнулся. — За это я тебе уважаю. И не скажу, что ты здесь.

— Я должен прыгать от восторга? — снова спросил блондин, останавливаясь напротив парня и не глядя на меня. Я оглянулась. Стоящий на том же месте Андрей поманил меня пальцем.

Ну что ж... ничего не имею против!

Слинять мне на сей раз дали. Я вскочила на ступеньки и, встав рядом с брюнетом, поинтересовалась, глядя, как шатен и Богдан не сводят друг с друга спокойных взглядов и негромко о чем-то переговариваются. Вроде бы все тихо и мирно... Но нависшей угрозы не заметил бы только слепой.

— Сонбэ, а это кто? — тихо поинтересовалась я, чувствую с одной стороны неприязнь от того, что со мной тут обращаются изволили, как с живым товаром, а с другой внутренне балдея от реакции на это Полонского.

Святая инквизиция и их великие костры... да он же реально на мне двинулся!

— Илларион Звягинцев, — послышался ответ. — Он...

— Дальше можешь не продолжать, — разочарованно застонала я и, войдя на террасу, забралась прямо на стол. Мельком оглядела ворох бумаг и документов, лежащих тут (да-да, эти двое еще тут и работать изволили!), выудила из-под них свои сигареты и пепельницу, закурила и тоскливо вздохнула. — Сын французского миллионера и русской бизнес-вумен. Пловец французской олимпийской сборной, умен, неприлично богат, знаменит, хорош собой и дикий бабник. Я ничего не забыла?

— Ань, он скотина, — откликнулся Андрей, подпирая плечом темно-коричневый столбик террасы. — Держись от него подальше.

Можно подумать, что у меня инстинкт самосохранения вдруг в отказ пошел...

Кстати, в том, что Ларуш на самом деле скотина, я еще успела убедиться. Приехал он не один, а с друзьями-товарищами. Ну, как всегда, золотая молодежь предпочитала сбиваться в стаи. И если братья-близнецы-блондинчики еще были ничего, то француз оказался тварью полной.

Все, естественно, прибыли с красотками модельных фигурок и симпатичных мордашек... и полным отсутствием самоуважения.

Гоняли их красавчики так, что я тихо косела в сторонке! Больше всех свирепствовал шатен, явно издеваясь над своей якобы девушкой по имени Ольга. Это подай, это принеси,

это унеси, это поменяй, давай поживей шевели колготками... И знаете, а ведь она бегала! Быстро и безропотно, с улыбкой на лице и исполняла все его капризульки!

Это смотрелось мерзко. Морщился даже вечно улыбчивый Эрик, но только разводил руками, а после тихо признался, что пригласить сюда этого придурка с замашками падишаха и повелителя его вынудили родители. Ничего против он сделать не смог.

Апофеоз этого цирка наступил вечером, когда половина народа остались на террасе, а половина жарила зефир на костерочке рядом. Солнце уже село, становилось чуток прохладно, из колонок доносилась музыка, в саду пели цикады... Красота!

— Не замерзла? — меня привычно обняли сзади. Я невольно улыбнулась, откидывая голову ему на плечо и улыбаясь:

— Неа. Я ж возле костра.

— Ольга, — вдруг послышался голос сидящего по ту сторону огня Ларуша. — Я не понял, а ты чё, растолстела, что ли?

У меня брови вверх подпрыгнули. Чувство такта? Не, видимо, не слышали!

Да и потом, где там он лишний вес-то на нее немощных телесах рассмотреть-то умудрился? Я тощая, но Ольга по сравнению со мной один сплошной скелет в купальнике!

— Ларуш, прости, я... — заметно стушеввалась брюнетка.

— Иди ка ты дорогая, в тренажерку, — лениво посоветовал лениво улыбающийся шатен, развалившийся на лежаке неподалеку. — Сгони жирок!

И... она ушла!

— А если я вдруг потолстею, — тихо спросила вконец обалдевшая я. — Ты тоже так сделаешь?

Руки на моей талии окаменели... а затем ухо обжег горячий многозначительный шепот:

— Я найду более... приятный способ.

Я покраснела вмиг!

Вот же... маньяк ненасытный!

Но радует одно — мне ясно дали понять, что обращаться так, как зарвавшийся француз со своей девушкой, со мной никогда не будут. Не взирая даже на мое положение — если бы Богдан хотел, он уже давно рассказал бы всем правду.

— Ну, и что мне с тобой таким красивым теперь делать? — сунув руки в карманы любимых камуфляжных штанишек, поинтересовалась, оглядывая с ног до головы парня, отданного в полное распоряжение моего самодурства.

Жертва произвола и беспредела в одном рыжеватом флаконе имени меня любимой меланхолично пожал плечами и улыбнулся.

Сзади кто-то восхищенно охнул.

Ну да... И не говорите бабоньки, у этого кадра лыба такая, что не любила бы я Богдана, сама карамельной лужицей стекла бы нафиг на пол!

Рост под два метра, фигурка, фактурка — все как надо! Ей-богу, Полонский в ответ на мой сарказм еще в самолете тактично отмолчался, потихоньку улыбаясь, когда я ни разу ни тактично заметила, что сей якобы вновь переведенный студентик не охранять меня будет, а усиленно привлекать к себе внимание противоположенного полу.

И ведь даже не приревновал, засранец, к данному образчику мужицкой красоты. Знает же, что моя светлость только на его тело слюной восхищенно капать изволит!

Как-то незаметно остались позади целых пять дней безудержного веселья, солнечного пляжа, теплого моря и приветливо улыбающихся лиц. Остался позади и Ларуш, выевший мозги до самой печени, и мои любимые сокурсники по колледжу, как и ушел в небытие аэропорт, самолет и долгая дорога домой.

Здравствуй, родненькая ты моя Россия-матушка!

Уезжать с Маврикии не хотелось. Не хотелось оставлять вечно улыбающегося Эрика, спокойного и понимающего Андрея... даже получившего-таки по морде Ларуша, и того покидать не хотелось!

Шатен, кстати, долго выпрашивал, аккуратно и незаметно для остальных доставая меня. Ну вот бесило его, что его приличная подружка из высшего общества на задних лапках перед ним ходит, а вся такая проста я от его крутости в экстаз не впадаю, глядя на его тело не облизываюсь и от его плоских шуточек хохотом не заливаюсь. Да еще ни кто-то, а сам Полонский ради меня чуть не подвиги совершает и ни на шаг от меня не отходит! Решил тоже не отходить — послала. Решил зажать в углу... За что и получил по наглой моське от Богдана.

Не, эпических разборок с красивыми кульбитами там не было, как и громких криков и треска ломаемой мебели. Обошлось банальным «пойдем, поговорим». Вышли. Через пять минут вернулся спокойный Богдан и один, а Ларуш потом пару дней отлеживался со сломанным носом.

Зато хоть отвалил!

Разборки из-за меня мне льстили, я не спорю. Да только... сколько еще таких «Ларушей» мне придется встретить уже в стенах родного универа?

Ей-богу, не успели мы с аэропорта приехать сразу в родную альма-матер, как через пять минут об этом знали все!

Загоревших, отдохнувших и невозмутимых нас провождали взглядами, активно шептались по углам, но подходить и спрашивать хоть что-то откровенно побаивались. Во всяком случае, пока Богдан был рядом.

Но вот он ушел, оставив мне Лешика-охранника, и я...

Заметно ступевалась.

И, оглянувшись на дверь кабинета, где меня явно ждали одноклассники с приставкой «любимые», в том числе и Аленка, с которой требовалось объясниться и которая уже наверняка успела осведомить Липницкого о нашем возвращении... я развернулась и направилась в туалет.

Леша уныло пошлепал следом, не задавая вопросов.

Я невольно на него покосилась. Ну да, Полонский не Исаев — сказал, что меня никто не тронет, значит, так оно и будет. Однако охранник не бог, всех одновременно заткнуть он явно не сможет.

— И куды? — вскинула я брови, глядя, как Леша наострил за мной лыжи в женский туалет. Тот посмотрел на табличку, на меня... Пожал плечами и привалился к стенке, явно давая понять, что «уголок раздумий» временно находится в моей полной власти. Вздохнув, сунула ему в руки белоснежную куртку, обнаруженную все в том же чемодане на Маврикии, и насмешливо уточнила. — Ты хоть преподавательниц пусти.

И утопала в клозет.

Прошла по длинному коридору и свернула налево — направо за дверью как раз был «рай» для преподав женского пола. Вошла, прошла мимо длинного ряда кабинок... И, открыв окно, уселась прямо на подоконник, сунув сигарету в зубы.

Да-да, закон РФ, помнится, запретил травлю никотина в учебных заведениях. Да только кто б его послушал? Крепостное право так вообще давным-давно как отменили, однако деткам золотым это никак не помешало бедную девчонку загнать в тренажерный зал на два часа.

Так что тут, в туалете на втором этаже, для них, любимых, вон, даже «пепелку» поставили. Правда я обычно предпочитала улицу, но сегодня топать туда отчаянно не хотелось. И не из-за холода собачьего, а по причине сотен глаз, тарашащихся на бедную меня.

Это напрягало. Как и то, что мне еще много с кем придется объясниться. А помимо этого еще и нахлынуло осознание, что уж теперь-то все, как прежде, уже окончательно не будет. Ладно, с работой я еще может хоть как-то разгробусь, с учебой тоже, но вот квартира...

Я любила этот уютный уголок вместе с его цветочками и рыбками. Покидать насиженное место отчаянно не хотелось, но что было делать? Даже если Богдан как-то все уладит, я ж теперь за порог буду бояться выйти, опасаясь обнаружить на полу очередной труп в кровавой луже.

И пускай соседка выжила, где гарантии, что в следующий раз в подъезде уже не обнаружат мой хладный труп?

Машинально потерев переносицу, высунула нос в окно, оглядывая подъехавшую «ауди», которая кабриолет — машинка нашего завхоза. Припарковав авто с поднятой крышей, женщина в соболиной шубке пиликнула сигналкой и торопливо направилась в обход пристройки, что была как раз под «моим» окошком. От окна до плоской, под наклоном крыши было метра два, и чуть побольше — дальше.

Мелькнула шальная мысль спрыгнуть нафиг на пристройку, потом на землю — и тикать отседова подальше. Останавливало лишь одно. И нет, сие была не высота и скользкая крыша. Просто я обещала дождаться Богдана, который заберет меня после занятий...

— Ну что, попалась, сука рыжая? — вдруг негромко спросили у меня.

И вот тут, как говорится, мой скромный гений вдруг совсем нескромно охренел.

— Пардонте? — закашлявшись дымом, выдохнула я, рассматривая неслышно вошедшую в туалет... англичанку?! — Ирина Михайловна, вы чего?

— Какая я тебе Михайловна, тварь ты рыжая? — с какой-то странной улыбкой спросила ухоженная, приятная на вид блондинка, небрежно отбрасывая в сторону стопку тетрадей и классных журналов. Так вот, почему ее Лешка сюда пропустил...

— А, ну я так, понимаю, разговор пойдет в ином ключе, — медленно втянув струйку дыма, протянула я, глядя на высокую, ладную фигуру аспирантки, обтянутую малиновым трикотажным платьем. Она приблизилась, негромко цокая сапожками на тонких каблучках, но остановилась в метрах двух от подоконника. — И в чем же я провинилась?

— Ты решила весь универ к своим рукам прибрать? — не знаю почему, но англичанка улыбалась, постукивая красивыми ноготками по собственным предплечьям. Мне даже как-то... жутко стало секунд так на несколько. — Ответь мне, Солнцева... какого хрена?

Какой... многозначительный вопрос!

— Какого хрена... что? — недоуменно округлила я глаза, даже не зная сразу, как на это реагировать. — Не, я в курсе, что я не подарок как бэ... Но перед вами-то я в чем конкретно виновата? Про реферат забыла? Так я сдам!

— Тебе сказать, куда ты можешь себе его засунуть? — выгнула брови девушка, саркастично улыбаясь. И вдруг усмехнулась, качая головой. — Просто поразительно. Такая дура как ты, и умудрилась поиметь себе обе звезды нашего университета. Ответь мне, Солнцева... что они в тебе нашли?

— Один просто идиот, второй маньяк, а я вообще, так, мимо проходила, — на автомате ляпнула я, откровенно кося от данной ситуации. Не, всякое в моей жизни бывало... Но что б так?

— Не смей, — моментально окрысилась англичанка и перешла на шипение. — Не смей оскорблять Демьяна в моем присутствии!

О как... так вот где Тузик снова радостно подох!

Ну, точно! Помнится, ходили одно время слухи, что сия мадам в аспирантуре-то осталась исключительно из-за своей яркой любви к Исаеву... Ну надо же, оказывается, у нехристи имеется свой собственный маньяк!

— Я говорила, что просто видео недостаточно, чтобы отвадить тебя от Демьяна, — неожиданно усмехнулась блондинка, глядя в мои округлившиеся глаза. — Наоборот, благодаря ему вы только сблизились.

— Так это ты, — невольно ахнула я, едва до мозга дошла сия информация. Так вот, кто на самом деле автор, а я, помнится, даже на Полонского грешила! Вот гадство-то...

Не, народ, тут уже не Тузик. Тут полноценная собака Баскервилей, матушку ее!

— Почти, — скривилась англичанка, как-то незаметно делая шаг ближе. — Мне достать файлы из архива было совсем не сложно. А вот монтаж, увы, уже делала не я.

Твою ж серебряную канделябру... да тут, оказывается, целая теория заговора с пометкою «всемирный»!

— А кто? — насторожилась я, машинально затушивая сигарету в пепельнице. — И на хрена?

— А тебе какая разница? — вдруг улыбнулась она. — У нас была одна цель. Он хотел разрушить репутацию Исаева, а я бы его утешила, когда это произошло... Но вот дилемма, Солнцева. Демьян по-прежнему замечает только тебя!

С подоконника я соскочить не успела. Эта, как бы ее назвать, чтобы цензурно, в мгновение ока оказалась рядом и жестко схватила меня за горло, мгновенно перекрыв кислород:

— И вот еще беда, тварюшка рыжая. Ты с Полонским... А Исаев даже после вашего помпезного ухода меня не захотел!

Млять... ну я ж не виновата, что у кое-кого проблемы с собственным либидо!

Однако из горла вместо слов вырвался всего лишь тихий хрип. Закричать не получилось, разжать ее сведенные от злости пальцы — тоже! Тогда я рискнула отпинаться... а эта дура, выругавшись, просто вытолкнула меня в открытое окно!

Когда-то раньше, смотря такие кадры по ТВ, я думала, что падать с высоты это долго, дико, страшно...

На самом деле оказалось все банальней — секунда жуткого испуга, один удар и темнота.

А вот возвращаться обратно к жизни уже не было так весело.

Вокруг что-то шумит, гудит, попискивает, шуршит...

И меня фактически выворачивает наизнанку!

Я с трудом сдержала рвотный позыв, вяло пошевелив руками. Открыла глаза... и чуть не взвыла! Неяркий свет больно резанул, отдавшись в голове такой жуткой болью, что аж тошнить перестало.

— Опа-па, — раздался негромкий и спокойный голос. — Очнулась. Ну ка милая, посмотри сюда...

Я неохотно перевела взгляд.

Мужчинка в халате. Белом. Вокруг интимный полумрак, и кажется мне сия рожица будто бы знакомой...

— Сколько пальцев? — мне показали тройную растопырку, внимательно наблюдая за моим лицом, видимо, проверяя реакцию.

С трудом облизнув сухие губы, я невнятно прошептала:

— Три.

— Отлично, — кивнул мужик и задал следующий вопрос: — А как тебя зовут, помнишь?

— Аня.

— Уже прогресс. Фамилия?

— Солнцева.

— А какой сейчас год?

— Сто восьмой до рождества Христова...

Тут врач запнулся. Задумался и выдал с укоризной:

— Язвим?

— Есть немного, — попыталась улыбнуться я. Получилось не особо, если честно — напоминало неудачную шутку на поминках. Но хотя бы знакомый медик перестал смотреть на меня так, как будто я вот-вот прям тут копытца откину.

— Ну, значит, не все так плохо, — кивнул своим мыслям Глеб, который Викторович, который тот самый, что когда-то лечил мою пострадавшую ногу. — А теперь чуть-чуть потерпи и постарайся не ругаться.

Я попыталась, честно. Не вышло! Но ругалась искренне и про себя, ибо на звуки сил просто не хватило, а от яркого света фонарика, который направили мне в каждый глаз по

очередь, голова просто взрывалась фейерверком боли.

— Молодец, — похвалили меня, отчаянно глотающую слезы. — Что случилось, помнишь?

— Смутно, — шмыгнула я носом, слабо так пытаюсь вернуть обычное зрение вместо того, что усиленно подкидывало мне аж целых двух врачей вместо одного. В голове заплясали картинки... — Хотя...

— Помнишь, — оценив мой обалдевший взгляд, вынес вердикт медик. — Что ж, это хорошо.

— Меня вытолкнула из окна бывшая моего даже не парня, — поморщилась я, пытаюсь толком рассмотреть небольшую больничную палату, в которой оказалась. Не очень получилось — зрение плыло, а язык периодически активно заплетался. — Что тут хорошего?

До меня еще просто не доходило, что меня натурально пытались убить...

— Состояние твое, говорю, хорошее, — помахав передо мной синенькими снимками с характерными изображениями внутренностей моей непутевой головы. — Навернуться со второго этажа и отделаться синяками, да средненьким сотрясением — это надо уметь, знаешь ли.

— Могло быть хуже? — я невольно замерла, с трудом пытаюсь осознать сказанное.

— Аня, давай начистоту, — вздохнув, Глеб Викторович присел на край больничной кровати. — Тебе невероятно повезло, что под окном была пристройка, об которую ты и ударила головой. Но второй раз тебе повезло, что под пристройкой стояла чья-то машина, а точнее — кабриолет. Ты угодила прямо на тент и между дугами, а могла и переломать о них себе позвоночник. Ты это понимаешь?

— Да, — я нервно сглотнула, но уже не от легкой тошноты. От страха!

До меня только сейчас начал доходить весь смысл произошедшего.

Мамочки... меня ведь действительно пытались убить! И из-за чего? Из-за глупой ревности?!

— Поэтому, — машинально взглянув на закрытую дверь, добавил мужчина. — Я настоятельно рекомендую тебе держаться подальше от Исаева. Демьян мне, конечно, друг... Но в следующий раз собирать тебя по частям, прости, но я не хочу.

— С чего вдруг такая забота? — невольно напряглась я, чуя какой-то подвох даже своим кружащимся сознанием.

— Во-первых, я врач, — с укоризной посмотрели на меня. — А, во-вторых, не идиот. Ань, я тебя осматривал. И я прекрасно догадался, что за шрам у тебя на спине и почему ты, имея его, до сих пор жива. Тебе мало в жизни потрясений было?

— Нет, — хмуро отозвалась, комкая пальцами тонкое одеяло. Вот знала же, что нельзя мне в больницу... Как и знала, что нельзя связываться с этой гребаной золотой молодежью. Ни с кем из них!

— Вот и я думаю, — кивнул Глеб и предложил. — Ты думай, не торопись. Всю эту ораву, нервно подпирающую стенки в коридоре я все равно к тебе пускать не буду, даже выставлю охрану на всякий случай. Захочешь кого увидеть — скажешь. Договорились?

— Да, — медленно и с трудом кивнула и, поморщившись, все-таки спросила. — А... кто там?

— Извечные враги Полонский и Исаев, и пара Липницкий с Бартеневой, — откликнулся врач, поднимаясь. — Просили выписать еще три пропуска. Фамилии назвать?

— Не надо, — тихо вздохнула, понимая, что ненаглядным рокерам уже позвонили и

вскоре охрана небольшой клиники подвергнется жесткому, непривычному прессингу.

И дай-то бог, если выстоят хоть немного...

Как в воду глядела. За окном уже начало садиться солнце, мне воткнули несколько капельниц по очереди, и я несколько часов пролежала в некоем состоянии полудремы и коматоза, когда за дверью послышался адский шум и громкие голоса.

Я тихо вздохнула, с трудом переворачиваясь на бок. Этот требовательный бас, от которого сейчас невыносимо гудела голова, я бы узнала из тысячи.

Боюсь даже представить, что будет, если кое-кто рыжий и упертый войдет-таки в палату — боюсь, меня стошнит в самом что ни на есть прямом смысле, и дело даже ни в том, что я не хочу никого видеть. Никого из них. Даже Богдана.

Хотя... вру. Его-то как раз хотелось видеть, да так, что нестерпимо сводило кончики пальцев. Хотелось, чтобы он зашел и просто меня обнял. Ничего не говоря, просто пересадил к себе на колени, как тогда в самолете, молча прижал к себе и аккуратно поглаживал по спине, давая мне возможность выплакаться, как маленькому ребенку. Чтобы снова увез меня куда-нибудь, подальше от этого нескончаемого кошмара... Мне очень хотелось его видеть. До боли, до дрожи, до слез.

Но я терпела, комкая кулаками край подушки, стараясь не заплакать, отчетливо понимая, что нельзя.

Единственный способ покончить со всем этим — уехать к отцу и сделать уже то, что он так давно планировал и свалить подальше отсюда. И тогда от меня отстанут все разом: и поклонницы Исаева, и фанатки Богдана, в том числе и его отец.

Теперь я отчетливо вспомнила, что бывает, когда связываешься с такими людьми. Странно, что я вообще умудрилась об это забыть!

Прав был Глеб. Видимо, первый раз меня так ничему и не научил.

А шум за дверью, тем временем, становился все громче и громче, чьи-то разборки явно набирали обороты. В одно время послышался отборный мат и я уже вполне была готова, что вот-вот откроется дверь и сюда завалится вся толпа. Но...

Вдруг повисла гробовая тишина. Я хоть и с трудом, но видела, как поворачивается ручка, совсем чуть-чуть приоткрывается дверь...

— Не понял, — послышался возмущенный бас Харлея. — А этот какого хе...

Звук хорошего удара, невнятный хрип и тишина.

Дверь тихонько открылась и закрылась, а из моих глаз невольно хлынули слезы от облегчения:

— Кирилл...

— Рыж, — негромко протянул мужчина, проходя и садясь на краешек кровати. С трудом поднявшись, я тут же упала в подставленные, такие надежные и родные объятия. И уже совсем не сдерживала слезы. А Кир, крепко меня обнимая, слегка укачивал в кольце своих рук, медленно глядя по волосам. — Чертеночек мой... Во что же ты опять ввязаться умудрилась?

А я только жалобно всхлипывала, не зная, что сказать в ответ.

Да и стоило ли? Он уже наверняка все сам узнал.

— Где ты был? — тихо всхлипывала я, комкая пальцами свитер на его груди. — Этот прием, Богдан, Лена...

— Я знаю, Рыж, — еще крепче прижал меня к себе Кир, едва касаясь моей макушки губами. — Я все знаю. Я прилетел, как только услышал. Но ты была уже на Маврикии.

Меня на полном серьезе затрясло, а слезы останавливаться уже никак не хотели. Пускай Кирилл и знал, где я была, вряд ли он догадывался, благодаря чему именно я там оказалась... А рассказать я об этом не могла. По крайней мере, не вот так вот сразу.

Однако... со временем кончились и слезы, и истерика. И рассказать все-таки пришлось. И разговор был долгим. Надо сказать, что Кир отреагировал спокойно, а вот мне в процессе пришлось вызывать медсестру. Уж слишком многое свалилось на меня за последние дни — нервы капитально сдали, а реветь мне в моем состоянии не рекомендовалось от слова совершенно.

Надо сказать, что укол подействовал сразу, а вот спать пока как-то не хотелось.

Звонок мобильного Кирилла отозвался резкой болью в голове.

— Прости, Рыж, — виновато вздохнул Громов, доставая из кармана телефон. — Это твой отец. Он волнуется.

Я молча посмотрела на Кира. И видела — давать мне трубку он явно не хотел. Да и я к разговору с родителем я была ни то, что не совсем готова... Но со всем этим давно пора было кончать. Помедлив, я взяла телефон и приняла вызов:

— Да.

— Здравствуй, Рыжик. Маленький, ты как?

— Па-а-ап... Забери меня отсюда, пожалуйста...

Уже поздно вечером, убедившись, что Аня крепко спит, Кирилл вышел в коридор. Уже давно разбрелись все пациенты по своим палатам и разбежался по домам персонал, только на посту в конце тускло освещенного коридора сидела дежурная медсестра.

Правда, кроме нее в безлюдном помещении оставался еще кое-кто.

Привалившись плечом к стене возле двери, мужчина постучал костяшками пальцев по отделке из гипсокартона. Сидящей на скамейке светловолосый парень поднял на него усталый взгляд.

— Идем, — обозначив направление легким поворотом головы, негромко произнес Кирилл.

— Уверен? — ровно и даже как-то слишком спокойно переспросил Богдан, машинально переплетая пальцы рук — единственный нервный жест, который не удавалось контролировать. Никак.

— Она спит, — мужчина оттолкнулся от стены и пояснил поднявшемуся парню. — Успокоительное вместе со снотворным. Иначе бы реветь не прекратила.

Уже не сомневаясь, Богдан вошел в палату. Умом-то он понимал, что он там увидит... и все равно, вид Ани, сжавшейся в комок на узкой больничной койке, выбил весь воздух из легких.

Казавшаяся слишком маленькой в великоватой ей пижаме, со спутанными, потускневшими рыжими волосами, девушка спала, обняв угол подушки. Под глазами виднелись отчетливые темные круги, лицо осунулось, нос слегка заострился, а на неестественно бледной коже слишком ярко выделялись веснушки. Как и синяк на подбородке и скуле.

Руки сына миллиардера непроизвольно сжались в кулаки...

— Дан, прекрати себя винить, — прекрасно понимая, что парень чувствует, Кирилл положил свою руку ему на плечо и слегка сжал. — Ты не виноват в том, что случилось.

— А кто? — глухо откликнулся Полонский, не сводя взгляда с измученного лица девушки. Шагнув вперед, он медленно опустился на стул возле кровати. — Я обещал, что с ней все будет в порядке.

— Богдан, — вздохнув, Громов подошел к окну и, опираясь спиной на подоконник, сложил руки на груди. — Мы не боги. Подобный исход не мог предусмотреть даже я. В остальном ты все сделал правильно.

В ответ Полонский криво усмехнулся.

Если бы он действительно все сделал правильно, Аня бы сейчас здесь не лежала.

— Как она? — тихо спросил Богдан и, все-таки не выдержав, взял девушку за руку. Медленно, осторожно, аккуратно, отчаянно боясь ее разбудить, погладил тонкие пальцы... и сжал зубы, пытаясь удержать рвущиеся наружу эмоции.

Впервые в своей жизни ему натурально хотелось убивать, не оглядываясь на последствия, закон, этическую и моральную сторону вопроса. И останавливало только одно — предугадывая подобный вариант развития событий, Громов уже успел лично допросить блондинку.

И спрятать ее для дальнейшей работы по извлечению нужной информации.

— Оклемается, — хмыкнул Кирилл. — Рыж в рубашке родилась, не иначе.

— Я не об этом, — спокойно перебил Богдан. С врачом он уже успел и сам переговорить и ни один раз.

— Никого не хочет видеть, — прекрасно понимая, о чем идет речь, усмехнулся Громов, качая головой. — Собирается в Москву, попросила отца забрать ее. Вдолбила себе в голову, что только так избавится от всех неприятностей.

— Она понимает, что он просто использует ее? — сухо спросил Полонский, медленно перебирая Анины пальцы, чувствуя, как внутри все сжимается от злости. И от бессилия при опознании, что лично он пока ничего не может сделать.

— Богдан, — вздохнув, Кирилл рассеяно провел рукой по своим длинноватым волосам. — Как бы то ни было, в первую очередь он — ее отец. Да, Рыж прекрасно осознает, что он ее использует. И все равно пытается увидеть в нем что-то хорошее.

Блондин скривился в усмешке. Хорошее? В нем? После всего, что Солнцовой пришлось пережить по его вине?

— Когда он впервые объявился на пороге ее дома, — неожиданно вдруг заговорил Громов, складывая руки на груди. — Я сам хотел спустить его с лестницы, понимая, что он явился не отнюдь из-за внезапных родительских чувств и угрызений совести. Но Рыж, хотя и послала его в пеший эротический тур... Пойми, Дан, она росла без отца и рано лишилась матери. Ей был необходим кто-то родной и близкий рядом помимо меня. И я сам уговорил ее хотя бы попробовать возобновить отношения.

— Зря, — хмыкнул в ответ Богдан.

— Знаю, — откровенно поморщился Кирилл. — Я ясно дал ему понять, что его ждет, если он втянет Аню в свои игры. И он поступил умнее — сыграл на ее чувстве долга. Ты знаешь, быть у кого-то в должниках Рыж не любит. Со стороны все выглядело невинно: Аня только закончила колледж и пребывала в эйфории, он попросил ее об одолжении... И она согласилась. С нее требовалась только подпись договора, выход в свет пару раз в год и ничего больше — на самом деле мелочь. Да только этот сукин сын не объяснил, какие на самом деле последствия будет иметь этот договор, а меня не было рядом. Что было потом, ты знаешь.

— Но даже после того, как ее попытались убить, и ей пришлось прятаться, контракт не разорвали, — резко отозвался Полонский. Да, он понимал, насколько сложно это сделать... Но отказывался понимать, почему Громов не прекратил все разом.

— Она его уже подписала и его заморозили, — спокойно пояснил Кирилл. — И Рыж, не смотря на весь свой испуг, уперлась. Она дала слово и она собиралась его сдержать, почему-то решив, что как только договор вступит в полную силу, от нее, наконец, отстанут, и она спокойно будет жить где-нибудь в далекой любимой Корее.

Богдан устало потер переносицу. Нет, в чем-то Аня действительно не ошиблась — подобные обязательства вполне позволяли ей беззаботно жить где-нибудь за границей, появляясь в России пару раз в год, не больше. Да только после первого договора всегда заключались еще два ему подобных... И за этот временной промежуток ее еще несколько раз обязательно попытаются убить — уж слишком большие деньги стояли на кону.

— Она уже давно совершеннолетняя, Богдан, — смотря парню в глаза, ровно произнес Громов. — А я даже не кровный родственник. Без ее согласия я ничего не могу сделать.

— И что теперь? — посмотрел на него Полонский. — Позволишь ему закончить начатое?

— Сейчас она никого не хочет видеть и слушать, — отрицательно качнул головой Громов. — Ей нужно время прийти в себя. А мне нужно разобраться с вашей аспиранткой. Как оказалось, она действовала не одна.

— Кто еще в этом замешан? — только и спросил блондин. — И как им это удалось?

— Чтобы выяснить, кто именно, мне придется улететь в Штаты, — не стал вдаваться в подробности Кирилл. — А что до остального... Доступ к архивам записей есть не только у охраны, но и у любого из преподавателей. Логин, пароль — и скачивай, что хочешь. А у всех компьютеров ВУЗа один IP-адрес. Если бы аспирантка себя не выдала, твои люди ее бы еще год искали.

Богдан выругался вслух. Действительно, как бы он не пытался всё предусмотреть, такого поворота никто не ожидал...

— А что дальше, Кирилл? — немного помолчав, согревая Анину ладонь в своих руках, негромко спросил Богдан. — Ты позволишь ей уехать?

— А ты дашь ей это сделать? — иронично выгнул брови Кирилл. — Отступишься от нее?

— Нет, — над ответом Полонский даже не раздумывал.

— Вот тебе и ответ на твой вопрос, — усмехнулся Громов и, достав из-за спины сумку с ноутбуком, направился в сторону низкого кожаного диванчика. — Дадим Рыжику время прийти в себя, попытаемся отговорить, а если не выйдет, пойдем по протоптанной дорожке. Вариант с Маврикией мне, кстати, понравился.

— Снова увозить ее, используя шантаж? — выгнул брови Богдан... а потом вдруг улыбнулся. — У меня есть другая идея.

— Не знаю, что ты задумал... — удивленно посмотрел на него Кирилл. — Но что-то явно масштабное и не совсем законное. Уверен?

Полонский улыбнулся еще раз. Совсем так же, как улыбалась его рыжая беда перед огромной грандиозной гадостью, которую собиралась сделать от всей своей злопамятной души.

— Понял, — вдруг улыбнулся в ответ Громов. — Помощь нужна?

— Справлюсь, — усмехнулся Богдан и, поднеся руку спящей девушки к своим губам,

намного тише повторил. — Ради нее — справлюсь.

— Если мне не изменяет память вместе с совестью, то сие великолепное во всех смыслах событие хотят назначить на новогодние праздники. Так и представляю себя в роли рождественского гуся с яблоками в одном ме-е-е... — и тут моя светлость закончить язвительную речь не сумела, запнувшись за чемодан, валяющийся на полу и попутно чуть не влетев в шкаф носом. — Гадство!

— Рыж, жива? — послышался взволнованный голос на том конце трубки, которую я не уронила по чистой случайности.

— Не волнуйся, Кир, я в порядке, — фыркнула я в телефон, попутно рассматривая кучу чемоданов, живописно разложенных по большому залу. — А спорим не напомним, откуда у меня вдруг столько шмоток?

— Ты просила перевезти твои вещи со старой квартиры, — с мягким укором напомнили мне.

Я вздохнула. Ну да.

Уже закончился месяц, отведенный мне на то, чтобы переехать из квартиры за стенкой Лександрыча. И прошло чуть больше месяца с тех пор, как одна тупая су-у-у... ни в меру умная женщина, конечно же, решила спереть на меня все постельные неудачи Исаева и ласково проводила мою тушку до первого попавшегося выхода.

И да-да, она совсем не виновата, что оно окном вдруг оказалось!

Воспоминания об этом меня уже больше не карябали. Почти.

Не думать о них совсем было гораздо проще, чем вспоминать.

— Сорри, запамятовала, — почесала я затылок. — На голову ушибленная, что поделать... Склероз теперь цветет и пахнет!

— Рыж, — протянули с укоризной.

— Молчу-молчу, — хмыкнула я, попутно открывая ближайший чемодан и прижимая плечом трубку к уху. — Кир, а ты когда прилетаешь?

— Через три дня самолет, если все пройдет благополучно, — послышался ответ и встречный вопрос. — Отец не приехал?

— Да вот-вот должен уже, — покосилась я на настенные часы, висящие над огромным уютным диваном. Пожалуй, в этой квартирке, купленной Ксюте на ее шестнадцатилетние, которое уже не за горами, все было таким — огромным и на удивление уютным.

Ксюнька — крестная дочь моего бомжика, она же настоящая. Та самая, которую его нерадивая женушка когда-то сдала в детский дом. Конечно, Кир отыскал бедного ребенка, но увы, экспертиза показала, что она не его дочь. Помимо всего прочего бывшая Кирилла еще и побегамии налево активно баловалась... Что лично меня, впрочем, совсем не удивляло. Однако это никак не помешало Громову пристроить девочку в хорошую семью и стать ей отличным крестным. Даже имея хоть и ненастоящих, но действительно заботливых родителей, девочка в своем крестном души не чаяла.

Как и он в ней. Думаю, не стоит говорить, какими подарками Кирилл баловал свою крестницу — одна эта квартира, отданная, пока в мое временное распоряжение, чего только стоила. Снимать, а уж тем более покупать новую для меня не имело никакого смысла, я все равно собиралась уезжать, как только приедет мой любимый папуля.

Нет, отца я в чем-то понимала, даже любила... Местами. Но когда он выводил меня из

себя, из простого «пап» он тут же становился нежно лелеемым «папулей». И как только услышал сие ласковое слово, активно предпочитал держаться от меня подальше. От греха!

— Ты помнишь, что ты мне обещала? — напомнил о себе Кирилл. — Никуда...

— Никуда ни шагу без тебя, — покорно повторила я, разворовывая уже третий чемодан подряд в поисках одной единственной вещи. — Сначала дождемся твоего возвращения, а потом уже все вместе в Москву. Я помню, Кир.

— Тогда ты еще должна помнить о том, что тебе можно вообще никуда не ехать, — так... невозмутимо добавил Громов, что я чуть пальцы себе не прищемила. Возмущенно посмотрев на трубку, как будто мужчина мог меня видеть, снова прижала ее к уху и поморщилась:

— Кир, не начинай. Мы уже это обсуждали.

— Но ты так и не ответила, — снова спокойно напомнил Кирилл, заставив меня заскрежетать зубами. — Ты вполне можешь послать отца с его далеко идущими планами. Он эту кашу заварил, он пускай и разгребает.

— Угу, — хмыкнула я, выворачивая очередной чемодан и искренне недоумевая, откуда у меня взялось столько вещей. — Хорошая попытка, но... Кир, я обещала. И...

— А как же Богдан? — негромко спросил мужчина.

Я замерла, прижимая телефон к уху, а рука, тянувшаяся в молнии на спортивной сумке, дрогнула. Закрыв глаза, я села на пол, не сумев сдержать тяжелый вздох, и тихо спросила:

— А что Богдан?..

— Рыж, ты любишь его.

Сердце в груди перестало биться совсем.

— Кир, я... — попыталась я сказать, но сразу не получилось. Запустив пальцы в волосы, привычно приводя их в творческий беспорядок, я все-таки ответила. — Да, люблю. Но ты лучше меня знаешь, что ничего из этого не выйдет. Да, он разорвал помолвку, но все равно зависим от своего отца. Примет ли он меня такой, как и вся остальная элита, как и наш университет? Нет. Скорее опять полетаю из какого-нибудь окна, а уж Полонский-старший для этой цели выберет какой-нибудь пентхаус. Ну так, что б наверняка! А расскажи всем правду и разреши все официальным путем, я до конца жизни буду думать, что он со мной корысти ради. Еще варианты есть?

— Давай просто уедем, — предложил вдруг Кир со смешком. — Пошлем всех к чертовой матери и улетим куда-нибудь на острова.

Млять. Он сегодня надо мной издеваться изволит?

— Кирилл, не беси меня, — тихо прорычала, поднимаясь на ноги и пиная неприметный последний черный чемодан, показавшийся вдруг странновато знакомым. — Мне уже трупы прятать негде! Провоняют всю Ксюшкину квартиру, сам потом оправдываться будешь!

— Ладно, Рыж, — рассмеялся Громов. Но тут же серьезно спросил. — И все-таки, обещаешь подумать. Договорились?

— Скорее задолбались и согласились, — хмыкнула я, пальцами ноги подцепляя крышку и откидывая ее на пол. — Я подумаю, Кир. Хотя вряд ли смогу передумать. Сколько уже можно бегать и прятаться? Я жить хочу. Подпишу договор и свалю куда-нибудь подальше.

— Корея? — с ходу предложил Кирилл.

Нет, Маврикии...

— Аляска, — вслух хмыкнула и поспешила попрощаться. — Ладушки, Кир. Пойду хоть штаны натяну для встречи с непутевым родителем. Не пропадай, ага?

— Обещай меня дожидаться, — серьезно попросил Громов.

— Обещаю.

И отключилась... Чтобы затем сползти на пол, обхватив голову руками. Мало того, что мой действительно любимый родственник снова разбередил так и не затянувшиеся раны, так еще и последний чемодан на проверку оказался с вещами, которые Богдан купил для меня специально для поездки на остров в Индийском океане...

Признаться честно, я искала среди вещей бордового плюшевого мишку с шипами на пузе, который куда-то подевался, и я даже толком не могла вспомнить, куда. Когда мы уезжали, запирал квартиру кто-то из людей Полонского и наверняка потом связку ключей с оставленным телефоном он передал Кириллу. Но мобильник я получила, Громов перевез мои вещи с квартиры, пристроил Ни-Ни к кому-то из своих парней, а игрушку я так и не нашла.

И нет, я с ним не виделась. Ни с кем из них. Все вызовы, кроме Громова и отца я скидывала сразу, не заходила и в соц. сети. Да, это было некрасиво, нечестно по отношению к моим друзьям, папахивало... ладно, откровенно и невыносимо воняло банальным бегством. Но по-другому я не смогла.

Что я должна была всем объяснить? Что сказать? Да и не могла открыть всю правду. Да, мне было стыдно. Настолько, что я собиралась просто оборвать все связи и уехать подальше отсюда.

А ведь они не успокоились. В больнице меня буквально завалили всякой ерундой. Сладкие подарки и цветы от Исаева, книги от Эльзы, новый планшет от Аленки, вкусная домашняя еда собственного приготовления от моего любимого соседки (хотя я очень подозревала, что на самом деле этим занималась Ариша)... и на этом адекватность моих друзей скончалась в адских муках!

Парни, приставленные ко мне Киром, загибались от хохота, притаскивая очередной шедевр бешеной фантазии моих любимых товарищей.

Нет, я еще могла понять новые тормозные колодки от Липницкого. Нет, я почти даже поняла тонкий намек Верещагина, отправившего мне клетку с живой канарейкой. Но плюшевый заяц в мой рост, со зверской мордой и криво повязанной розовой ленточкой просто изнасиловал мое чувство прекрасного!

Во всех смыслах и позах.

Вот после данного презента от Харлея, Кирилл-то и забрал меня на Ксюшкину квартиру. Ночью, чтобы никто не увидел.

Однако...

Спустя неделю после больницы в мою дверь стучал оставленный Громовым охранник. Неуверенно переминаясь с ноги на ногу, молодой мужчина протянул мне... стакан с кофе. На вопрос, откуда, собственно, сей дар, тот только пожал плечами, сказал, что от курьера, вручил мне тару и утопал обратно на свой пост рядышком с консьержкой.

А в картонном стакане оказался еще горячий капучино. И, конечно же, грушевый сироп, корица и два кусочка сахара...

Нет, конечно, мелькнула мысль, что так Лександрыч невесть с чего балуется. Да только курьер с кофе стал появляться постоянно, и каждый раз сироп теперь был разный. Постепенно я стала ловить себя на мысли о том, что пытаюсь угадать, какой у следующего капучино будет вкус. Кстати, я почти всегда промахивалась.

Но с того дня каждое мое утро начиналось со звонка в дверь, улыбающегося охранника

и кофе. Накидывая куртку прямо поверх пижамы и теплые тапки, я вместе со стаканом выходила на балкон курить... и все время пыталась рассмотреть в каждом прохожем внизу знакомую фигуру.

Мне все время казалось, что он где-то здесь, неподалеку, не смотря на то, что никаких попыток увидеться или связаться он не делал.

И меня согревал только посланный им кофе, давая понять, что блондин меня не забыл. И с каждым днем я все отчетливее и отчетливее понимала, что, не смотря на все мое желание уехать, гораздо больше и невыносимей хочется вернуться.

Я осознала, что мое сердце навсегда осталось на Маврикии. С Богданом.

Звонок мобильника как ни кстати оторвал от воспоминаний. Понимая, что скорее всего это почти любимый предок решил заявить о своем приезде, я почти не глядя приняла звонок:

— Да?

— Анна Солнцева, я так понимаю? — послышался в мобилке приятный мягкий баритон.

Я аж присела.

— С кем имею честь? — осторожно поинтересовалась, недоуменно покосившись уже на наручные часы. Я, значит тут, страдаю и в меланхолии пребываю, а он меня своим сексуальным голосом с панталыка сбивает!

— А ты угадай, — насмешливо вдруг предложили мне.

Вот так номер, что б я помер... Это кто ж во мне вдруг внезапно воскресшую Вангу-тс узрел? Надо будет поинтересоваться у папика при встрече, в постели какой из его прапрабабок сам Нострадамус отметиться успел!

— Сейчас кофейку сварганю и на кофейной гуще посмотрю, — ответила я, выходя на балкон и суя сигарету в зубы. — Подождете? Кстати, за гадание на картах я беру двойной тариф!

— В твоей корысти я никогда не сомневался, — послышался многозначительный хмык. Я чуть зажженную сигарету не выплюнула!

— Как приятно, когда твоя репутация бежит вперед тебя, — с деланным вздохом покачала я головой, прижимая трубку к уху. — Только обидно, что ваша запаздывает. Ладно, отставим смех и юмор. С кем все-таки имею честь?

— Учитывая сложившиеся обстоятельства... — раздался смешок в трубке. — Думаю, ты можешь называть меня «папой».

Едрить-колдовать... У нас вселенскую распродажу случайно завалявшихся на складе лишних предков объявили, а я как-то умудрилась это пропустить?!

— Еще небось с приставкой «любимый»? — машинально съязвила, резко выпуская дым. И вдруг замерла, не донеся руку до банки. Пальцы дрогнули, пепел осыпался прямо на пол, а до меня дошло. — Полонский...

— В точку, — услышала я ответ и откровенную издевку. — Неужели не рада, дочка?

— От экстаза я уже пакуюсь в гроб и тапки, — клятвенно заверила я, понимая, что мне этот мужик уже не нравится. От слов никак и абсолютно! — На слово поверите или вам фото передать?

— Сильна, — в голосе моего внезапного собеседника послышалось что-то очень похожее на одобрение. И почти даже любопытство. — И не боишься?

Папенька, да мне, собственно, уже давно нечего терять! Тьфу... еще раз так его назову,

напомните мне кто-нибудь пойти промыть рот с мылом!

— А должна? — вздохнула я, запихивая в пепельницу докуренную сигарету. — Нет, если надо, я как бы с радостью, вы только намекните... А теперь, пожалуй, раз уж от милого семейного общения мы перешли на открытые угрозы, давайте уже коротко и по существу. Что вам от меня надо?

— Поговорить, — как-то странно хмыкнул миллиардер на том конце провода. — Всего лишь.

— Да ну? — несказанно удивилась я, открывая балконную дверь и заползая обратно в теплую комнату. — Какой пустяк на самом деле. Ну, вы говорите, я вас слушаю!

— Мальщ, не по телефону, — рассмеялись мне в ухо довольно-таки приятным голосом... а главное почти знакомым! Общие, схожие нотки отца и сына ощущались слишком отчетливо даже через аппарат. — Я выслал тебе приглашение.

Святые африканские матрешки... Он реально думает, что я его приму?

— Максим... Леонидович, — с трудом вспомнив отчество данного мутного типа, я принялась торопливо стягивать с плеч кофту, а с ног тапочки — в коридоре мелодично пробренчал дверной звонок. — Вы мне, конечно, сейчас весьма польстили своим вниманием... Да только вынуждена вас разочаровать. Встречаться с вами как-то уж не комильфо. Ваши деньги, связи, возраст... ваш сын опять же! Не поймут нас люди, ну вот не поймут! А по сему прошу, давайте останемся друзьями и обойдемся обменом поздравительных открыток по почте парочкой раз в год. Согласны?

— Уверена? — удивительно, но мужика мои слова только забавляли.

Я фыркнула. Нет, я сейчас просто перед тобой картинно ломаюсь, в глубине свое души томно сомневаясь, являться мне перед твоими прекрасными очами, али нет!

— Невероятно, но факт! — припечатала моя не уговоренная на сомнительную свиданку светлость, дошкандыбав до прихожей. — До свидания, Максим Леонидович, была рада пообщаться. Не звоните, если что!

И, сбросив вызов, качая головой, отомкнула дверной замок, откровенно обалдевая от прошедшего «приятного» во всех смыслах разговора. Дернула на себя входную дверь, подняла взгляд...

И офигела окончательно.

Эстонский гладиолус, мексиканский кактус, домашняя фиалка и вся их дальняя родня...

Это ж что моя светлость только что скурила на балконе, что в дверях почти родимой хаты застыл не мой родной любимый папа, а целая бригада, желающая страстно лицезреть сейчас меня?

Мобильник в руках запрыгал, снова давая о себе знать.

— Аллоу, — приняла я вызов, не сводя взгляда явно сейчас квадратных глаз с направленного на меня пистолета.

То, что я в очередной раз крупно вляпалась, до меня пока еще просто не дошло.

— Получила приглашение? — послышался в трубке все тот же насмешливый голос.

— Как раз распечатываю, — кивнула я, машинально отступая назад, повинуясь жесту ближайшего парня с его пушкой. Второй скользнул мимо меня в квартиру, держа ствол с глушителем наготове, третий остался в подъезде, слегка прикрыв дверь и осматриваясь по сторонам.

— Красивое? — продолжал глумиться миллиардер. Это он зря, конечно... у меня ж в ответ на дикий страх реакция одна — язвить, и много!

— Ну, ниче так, — скептически оглядев стоящего напротив меня невысокого парня с крепкой, спортивной фигурой. В ответ на мой откровенно-оценивающий взгляд он хмыльнулся. Но пистолет не убрал. А я добавила. — Хотя видала и лучше.

Тот закономерно скривился.

— Под «лучше» ты имеешь виду моего сына? — с любопытством спросил Полонский-старший. — Или Громова?

Тебя, родимый. Исключительно тебя!

— Моего соседа Стасика, — хмыкнула я. На том конце провода кто-то явно озадачился таким ответом. А я решила поторопить мыслительный процесс, памятуя о том, что вот-вот должен приехать отец. Естественно, он будет с охраной и, естественно, моим гостям он будет не рад... А перестрелки мне сейчас для полного счастья только не хватало! — Так и будем колкостями обмениваться или перейдем к сути?

— Ну, раз уж ты так просишь, — ядовито протянул мужчина в телефоне. — Приглашение, Анют. Я жду тебя для разговора.

При звуках собственного имени меня уже конкретно передернуло!

Сволочь... меня только твой сын так называть может, тем более с такими ласковыми интонациями!

— А одеться я хоть могу? — с любопытством поинтересовалась о вопросе насущном, так сказать. — Нет, если конечно, шерстяные носки и мужские шорты вам по вкусу, вы только маякните...

Полонский откровенно расхохотался и попросил:

— Дай мальчикам трубку.

Телефон пришлось отдать. Парнишка послушал, покивал, звонок сбросил... и спрятал мой телефон к себе в карман. А затем указал стволом на мои ноги и сухо приказал:

— Одевайся.

Слушаюсь, блин, и повинуюсь...

Собиралась я быстро: подхватив из чемодана первые попавшиеся вещи, стянула великоватые мне шорты, в которых ходила дома, натянула узкие черные джинсы, не обращая внимания на двух «мальчиков» за мной наблюдающих, не стала переодевать безразмерную белую футболку, сваливающуюся с одного плеча, поменяла носки на более приличные, обула теплые кеды. Подумав, сунула в карман джинс первую попавшуюся карточку с деньгами и, прихватив белую куртку, последовала на выход, куда, мне, собственно и указали, когда сообразили, что сборы закончены.

Шагать под дулом пистолета — занятие неприятное и для нервов затратное, вот что я вам могу сказать. И, если раньше мне было не особо страшно, ибо до мозга не сразу дошел весь смысл ситуации, то потом соображалка включилась и я поняла, что убивать меня пока никто не собирается.

Хотели бы — пустили бы пулю в лоб прямо с порога. Значит, Полонский-старший действительно хотел со мной поговорить... И я даже догадывалась о чем, а точнее — о ком.

И все равно, увидев в холле первого этажа кровь на полу, консьержку без сознания и парней, разбросанных почти по всему периметру небольшого помещения, я ощутила уже вполне настоящий страх! И ведь непонятно было, кто там больше пострадал, ребята Кира или их оппоненты — веселей мне все равно не становилось! А потому, едва оказавшись на улице, я машинально дернулась...

Нашла идиотов, ага. Меня быстренько схватили, аккуратно заломали руки и сунули на

заднее сидение черного «Гелика», припаркованного у подъезда. И к месту назначения я ехала уже зажата между теми же «мальчиками». Они, по-моему, остались в восторге, а вот я — не очень.

Но привезли меня хоть не на какой-то склад или в подвал... а в цельный ресторан!

Хотя не, вру. Безбожно! Сие уютное местечко с кованой решеткой, отделяющей барную стойку от зала, древними спиральными лампочками под потолком, специально состаренным полом и лакированной мебелью и огромными бронированными окнами носило название «традиционного немецкого кнайпе». Пиво и колбаски из самой баварии, неприлично дорогие вина, превосходная еда и закуски, хорошая охрана и любопытный интерьер...

Ну да. Куда тащить зазнобу своего сына для знакомства, как ни в дорогой, элитный, но все-таки пив-бар?

Как говорит Харлей — убиться крышкой танка, но... Мне начинает нравиться этот мужик!

— Солнцева, значит? — промокнув губы салфеткой, спросил сидящий за столом мужчина, когда тот самый парень почти культурно сунул меня в самый угол красного кожаного диванчика, стоящего в самом конце помещения, фактически за барной стойкой. Отсюда хорошо просматривался весь зал, а потому охранник не ушел, а ни разу не тактично подпер стенку между окнами сразу около дивана.

— А если я скажу, что вы ошиблись? — иронично выгнула я брови, глядя на миллиардера, сидящего по другую сторону крепкого, массивного стола. Хорош, мерзавец, что ни говори... Не, не стол. Полонский!

Ему должно было быть где-то около пятидесяти, однако я бы ему на вид даже сорок не дала. Крепкое, подтянутое тело в шикарном классическом костюме-тройке темно-голубого цвета. Синий галстук, часы, запонки — ну, прям все, как надо. Упрямый подбородок, интересный разрез глаз, но не ярко-голубых, как у его сына, а скорее пронзительных и даже жестких. И при этом те же черты лица и фактически тот же цвет волос!

Вот клянусь на капоте любимой машинки, у мужчины оказался тот самый редко встречающийся в природе пепельный цвет! Правда короткая шевелюра Полонского была просто пепельной, а вот у его сына к добавлению блестящего оттенка серебра явно приложил руку хороший мастер.

Но похожи... умереть, ни встать!

Н-да. Учитывая обстоятельства, пожалуй, черный юмор сейчас ни разу не уместен...

— А если я не поверю? — тем же тоном отозвался блондин, переплетая пальцы и устраивая на них подбородок. И улыбнулся.

Та-а-ак... Где-то я уже это видела. И теперь всей печенью начинаю чувствовать подвох!

— Беда-беда-печалька, — притворно вздохнула я, стаскивая куртку. Положила ее на диван между собой и охранником... и скопировала до точности жест миллиардера. — Значит, все-таки убедить вас в том, что ваши люди по ошибке сперли мой двойник, у меня не выйдет?

— Без вариантов, — усмехнулся Полонский, наблюдая за мной, как за чем-то очень занятным и любопытным. Ну, как за зверюшкой в зоопарке!

— Ладно, — пожала я плечами и открыто улыбнулась. — Наверное, я снова повторяюсь... Но чем обязана, Максим Леонидович?

— Любопытно, — ни к кому конкретно не обращаясь, протянул вдруг мужчина и констатировал. — А ты ведь не боишься.

— А должна? — спросила я нескрываемым любопытством. — Точнее даже не так: на это есть весомые причины?

— То есть тебя мое приглашение не смутило? — иронично спросил блондин, вскинув брови.

Мужик, давай на чистоту — твой сын меня вообще насильно в Порт-Луи упер. Так что мне твои мальчишки с их пушками как зубочистка носорогу!

Уф, нет. Надо завязывать нервничать, иначе не сдержусь и ляпну вслух! И вряд ли кто-то мой сарказм оценит. Отец-то, в отличие от сына, еще не в курсе, что когда боюсь, у меня реально сносит крышу. А сие чревато чьим-то дергающимся глазом. Не моим!

Да, я боюсь. И отнюдь не смерти. Не знание, вот, что страшнее всего. А что ждать от этого человека, я сейчас не представляла совершенно!

— Смутило, — кивнула я. — С такой настойчивостью меня даже ваш сын не добивался. Однако если говорить начистоту... Я не хорохорюсь, Максим Леонидович. Я просто понимаю — хотели бы убить, убили бы сразу. Хотели бы запугать — в таком случае наш с вами разговор проходил бы где-нибудь на берегу глубокой безымянной реки, пока ваши мальчишки сноровисто заливали мои ноги в тазике бетоном...

И тут этот кадр светловолосый, прости меня оспади, просто взял... и рассмеялся!

У меня аж глазик дернулся, причем, скорее всего, оба сразу!

— Никит, ты слышал? — отсмеявшись, поинтересовался миллиардер у охранника. Брюнет у стенки в черных джинсах и черной куртке заметно скривился в ответ. Нет, значит, как наблюдать стоя с пистолетом за моим переодеванием, это у него нормально. А как только я из него помощника мафиози пытаюсь сделать, так все, обидки какие-то пошли!

Нет, ну что за люди...

— Спасибо, рассмешила, — усмехнулся Полонский, как-то странно глядя на меня и не обращая внимания на направленные на него взгляды редких посетителей. Ну, как редких... всего-то человек пятнадцать! — А ты не глупая девочка, как оказалось... Что не удивительно. На полную дуру мой сын бы даже не посмотрел. И все-таки, я не могу понять... Что еще он в тебе нашел?

О, все, пошла проверка связи. Сейчас, как говорится, будут на прочность проверять, на недостатки внешности нетактично указывать, на положение намекать и нещадно надавливать на совесть.

Элита не меняется.

— Я, конечно, дико извиняюсь, — потянула я, страстно желая одного — курить! И много. — Но вы у меня-то почему интересуетесь? У самого Богдана спросить не того? Ну, не пробовали?

— А ты как сама думаешь, ответит? — хмыкнул мужчина, пригубив из высокого стакана... нет, не пиво. Судя по виду, там был ягодный фреш! И это вдобавок к тарелке с салатом... Обалдеть. А где омары с пивом? — И честно расскажет, почему он вон той куколке у окошка предпочел тебя?

Я машинально посмотрела в указанном направлении и даже не расстроилась. За столиком прямо у огромного окна, за которым в центре города сновали в будний день люди, спешащие на обед, расположилась парочка подружек. Брюнетка и блондинка шикарной внешности, с лоском моделей гляцевых обложек и ногами от ушей. Одежда неброская, но со вкусом и дорогая, маникюр, укладка, драгоценности в меру...

Пойти что ли от зависти поплакать под столом?

Впрочем, разница между блонди при параде и меня в домашнем растрепанном виде, меня ни сколочко не волновала. Особенно ежели вспомнить, что Богдан любил меня именно такую: взъерошенную и в пижаме... И в джинсах, кедах, со всем моим ехидством и зоопарком в виде активно отрывающихся тараканов.

А это много стоит, знаете ли.

— Это вряд ли, — хмыкнула я, понимая, что отец с сыном не делились секретами ни разу. — Но кто сказал, что на данный вопрос отвечу я? Кстати, вы не возражаете, если я тут немножко нервно покурю?

— Язва, — как-то удовлетворенно произнес Полонский, но кивнул, разрешая. А я хмыкнула и достала из кармана сигареты с зажигалкой. Мигом откуда-то выплыла официантка и, поставив пепельницу, удалилась, напоследок выслушав у миллиардера его заказ. Что он там желал, я не особо вслушивалась, меня больше занимал другой вопрос...

А именно, во имя которых индийских папуасов этот странный папус меня сюда на самом деле приволок?

— Что тебе нужно от моего сына? — резко, без перехода вдруг спросил мужчина.

Ха! Не на ту «отец» напал. Кто-то явно ждал, что я с ходу растеряюсь, а я же только безразлично пожала плечами:

— Ничего.

— Квартира?

— Есть своя.

— Связи?

— Прекрасно обхожусь без них.

— Свадьба?

— Да помилуй боже...

— Ты беременна?

— Чего?! — вот тут я натурально удивилась. Не, вопрос, конечно, злободневный... да только моя дырявая голова отчетливо помнит, как пару недель назад ругался в больнице женский врач, узнав, что я полгода на таблетках! Из-за которых, собственно, у меня живот тогда и прихватило, вдобавок к сотрясению... А что? Ну, было одно увлечение по весне, встречалась с кое-кем... Дык я ж вроде в монахини не подавалась!

— То есть нет? — серьезно посмотрел на меня Полонский.

— Скорее уж забеременеет он, — махнула я рукой в сторону охранника. Тот почему-то оскорбился...

— Раз так, — произнес миллиардер и замолчал при приближении официантки. Та, вежливо улыбаясь, выставила перед мной... шоколадный фонтанчик и тарелку с кусочками фруктов.

Твою ж дивизию и весь красноармейский полк... Он издевается?

— Что-нибудь еще? — спросила девушка в красивой такой форме. Я вздохнула:

— Уберите, это, пожалуйста... И принесите чашку капучино, если можно.

— Конечно, одну минуту, — ответила та и удалилась. Но фонтан не забрала! Я молча отодвинула сей «презент» подальше и снова закурила.

— Не понравилось? — внимательно за мной наблюдая, просто спросил мужчина.

— Очень мило, — вежливо улыбнулась я. — Но от такого количества сладкого мои зубы придут в такой восторг, что, боюсь в момент повыпадают. Что до кофе... знаете, проще отбелить целые, чем потом вставить новые!

— А ты знаешь, сколько это стоит? — насмешливо выгнул брови блондин и, достав сигареты, тоже закурил.

— Максим Леонидович, не пытайтесь меня задеть, — расплылась в улыбке я, машинально отмечая, что не чувствую запаха вишни, от которого всегда откровенно балдела. — Я девочка самостоятельная, знаете ли. Мой единственный любимый человек — работа. И деньги вашего сына, как собственно, и ваши, мне не нужны от слова вовсе.

— И сколько же ты зарабатываешь? — не упустил возможности язвительно поинтересоваться мужчинка, который так, на заметку, ворочал такими деньжищами, что мне и не снились.

Ну да, да, слон и Моська, в курсе. Только он реально думает, что меня сей факт колышет как-нибудь?

— Чашку кофе могу себе позволить, — хмыкнула я. И, не удержавшись, покосилась на тихо плескающийся фонтан. — И не только.

— Вот как? — насмешливо откинулся Полонский-старший и так многозначительно бросил подошедшей официантке, что принесла вышеупомянутый напиток. — Будьте добры, принесите девушке счет.

— Одну минуту, — ответила та и чинно удалилась.

А моя коварность, пряча довольную лыбу за чашкой, тихо радовалась, что ушла из дома с зарплатной картой. Вообще, ее прихватила на случай, если самой придется возвращаться до дому до хаты, в зависимости от того, как обернется разговор. А учитывая, как меня на него позвали, подразумевалось, что бежать я после него буду долго, тихим сапом, по переулкам и одна!

И ладно, если в нашем городе.

Сидим, я пью кофе, он потягивает поданный чай и, по всей видимости, ждет обеда. Молчим, ждем официантку. Принесла, протянула папочку, а я, не глядя, вложила в нее карту. И улыбнулась:

— Не забудьте чаевые.

— Конечно, — вежливо ответила девушка и снова убежала. Вернулась минуты через три и отдала вместе с папочкой карточку и чек. — Платеж прошел, спасибо.

— Впечатляет, — с какой-то странной интонацией резюмировал мужчина, не сводя с меня не менее странного взгляда. — Не ожидал.

Папуль, да я ты бы знал, в каком сама я шоке! Кто ж знал, что...

Млять. Млять, млять, млять!

Карточка не та...

— Неужели рассчиталась карточкой моего сына? — вдруг любопытствовал Полонский, глядя, как я бледнею, едва ли не сминая прямоугольник в руках.

— Нет, обнаружила, что ее надо продлевать, — как можно спокойнее и милее улыбнулась я, пряча долбаный кусок пластика в карман. Не та карточка... Мать ее, не та!

У меня было их несколько. Одна моя, с деньгами от проданной маминой квартиры, туда же капала з/п. Вторая, разумеется, от Кира, а третья на самый крайний случай, от отца.

И вот третью-то я как раз сегодня по чистой растерянности прихватила, и не только прихватила, но еще и расплатиться умудрилась. В центре города, посреди бела дня! В то время как этой злополучной системой платежа надлежало пользоваться исключительно при форс мажоре, да желательнее у банкомата... в соседнем городке!

Я лоханулась. Гребаный иконостас...

И мне пора бежать, и срочно! Да только теперь...
Как?

— Значит, говоришь, тебе от него ничего не нужно, — вернулся к прошлой теме мужчина завязывать разговор не собирался. Откинувшись на спинку дивана, он усмехнулся, складывая руки на груди. — Кажется, я начинаю понимать, что он в тебе нашел.

— Послушайте, Максим Леонидович, — как можно спокойнее попыталась вздохнуть я, доставая из пачки вторую сигарету за каких-то полчаса. Правда, в данной ситуации, да на фоне совершенной оплошности, боюсь что количество употребленного никотина скоро будет волновать меня в последнюю очередь. Трупы они вообще такие... не волнительные! — Я понимаю, что вы потерпели убытки из-за расторжения договора с корейцами, раздражены, недовольны и активно ищите, на кого повесить всех собак. Да только я тут ни с какого бока. Более того, встречать с вашим сыном я не собираюсь.

— Девочка, а кто тебе сказал, что я потерпел убытки? — вдруг изумленно спросил блондин. Я чуть кружку на стол от неожиданности не уронила! А мужчина, подавшись вперед, насмешливо заговорил. — Анют, мой сын, возможно и влюблен, но он не идиот. Нет, этот сукин сын привык все рассчитывать на несколько шагов вперед, и в ночь, когда он заявил о расторжении помолвки, на мой стол легла папка с договорами. Ему удалось найти других поставщиков и, хотя контракты еще были подписаны не все, в итоге я поимел с них больше, чем мог бы получить от семьи Со Хён. Да, я был зол. Но мне хватило нескольких звонков, чтобы убедиться, что мальчишка не блефует. Так что по сути мне плевать, на ком и как женится мой сын, мне он итак принес неплохую прибыль.

Клянусь любимым «Хаммером» соседа, вот это вот ничосси поворот...

Если Полонский-старший на самом деле так спокойно отнесся к разрыву помолвки... Тогда от кого прятал меня Богдан? К чему был тот таинственный отъезд, его шантаж?

И почему чует моя мнительность, что во всей этой истории я явно чего-то не знаю?

— В таком случае, — подняла я на мужчинку малость окосевший взгляд, забыв даже об угрожающей опасности. — Я тут на кой черт, если вам настолько равно?

— Скажем так, — вдруг зло усмехнулся миллиардер. — Мне просто стало интересно, ради какой женщины мой единственный сынок кинул меня на бешеные бабки.

И вот тут я на полном серьезе подавилась. Не, ну правда! Кашляла, как астматик на пробежке, Полонский даже своему охраннику знак дал, что б тот меня по спинке похлопал. Так сказать, первую помощь оказал!

— Спасибо, — торопливо выставила ладонь, не давая охраннику по имени Никита заботливо мне треснуть по спине. — Я уже испытала на себе всю силу ваших нежных рук!

— Сопротивлялась? — понятливо ухмыльнулся в его сторону Полонский.

— Нет, но подумывала удрать, — насмешливо отозвался тот, снова приваливаясь к стенке.

Ну фу ты ну ты, хрен в маршруте... Можно подумать, на моем месте кто-нибудь среагировал бы по-другому!

— Телефон девочке верни, — со смешком приказал мужчина, явно забавляясь ситуацией. И, дождавшись, пока я приму от скалящегося брюнета отключенный мобильник и положу его в карман, перевел взгляд на меня. — Так, значит, ты не в курсе?

— Я вообще не понимаю, о чем речь, — пришлось хмуро признать, откидываясь обратно на диванчик. — И, я, конечно, дичайше извиняюсь... но не могли бы вы меня

просвятить? Ну так, хоть чуточку?

— Анют, твой парень поимел меня на такие бабки, количество которых тебе даже представить будет страшно, — вдруг жестко усмехнулся Максим, который Леонидович, который сейчас уже не казался забавным добрым дядей. — Половина моего состояния... Догадываешься, сколько это?

— До хрена, — машинально лягнула, чувствуя, как становятся квадратными глаза. Вот это новости, да в нашем тихом Датском королевстве... Похоже, что принц кинул... короля?

— Больше, — коротко хмыкнул миллиардер, тот который, похоже, уже с приставкой бывший. — В результате грамотно провернутых афер и некоторых махинаций, я лишился лишь ничтожной части бизнеса. А знаешь, что самое обидное, малыш? Остальное он присвоил официально!

— Я, конечно, извиняюсь, — подняла я на него вконец офигевшие глаза. — Но у меня сейчас только три вопроса. Зачем он это сделал... как... и на хрена?!

Мужчина с ответом не торопился. Сделав жест официантке, он стянул пиджак, закатал рукава и ослабил галстук. И лишь потом, когда махнул принесенные работниками сто грамм коньяка, вдруг усмехнулся, закуривая сигарету:

— Я говорил тебе, что Богдан не идиот. Он — хуже. Мне довелось своими же руками воспитать финансового гения... И на себе же испытать, на что он способен на самом деле. Там где команда финансистов рвала жопы неделями, Богдан решал проблему за один час. Он и раньше предпочитал независимость и мне это казалось простой блажью. Пока он вел мои дела и фирмы приносили прибыль, меня все устраивало, Анют. Я предполагал, что рано или поздно он захочет выйти из моей тени и его уже никто не остановит. Но что б так?..

А я в ответ сижу, молчу... курить хочу! Перевариваю и жду, пока миллиардер выговорится — ну видно же, накипело у человека!

Что у меня внутри творилось, лучше никому не знать. Ибо ужас пополам с восхищением... Это, ребятки, надо на себе лично испытать!

— Видишь ли, малыш, — плеснув себе еще коньячку, посмотрел на меня Полонский странным взглядом. — Раньше ему не было резона затевать всю эту возню. Пока ты не объявилась.

— А я причем? — просто посмотрела я на мужчину, откровенно не понимая, а я-то тут с какого боку?

Но в душу уже коварно полз отожравшийся червяк сомнений...

— Девочка моя, — усмехнулся мужчина. Неприятно, жестко, многозначительно. — Богдану зачем-то вдруг понадобилась полная независимость. И я даже догадываюсь, зачем.

— А мне я так понимаю, это знать не обязательно? — с надеждой поинтересовалась я. В ответ меня не обрадовали. Ни разу!

— Есть наметки о том, что он будет делать дальше, — с абсолютным спокойствием посмотрел на меня миллиардер. — Его следующей целью станет GRT- групп. Анют, для того, чтобы опрокинуть меня, ему хватило месяца. И на достигнутом он останавливаться не собирается. Поверь, уже совсем скоро, максимум полгода-год, и Воронцову с Исаевым не поможет даже слияние их акций и капиталов. Их корпорация просто перестанет существовать. Что теперь скажешь о моем сыне? Он для тебя все такой же милый и пушистый?

— И повел Моисей народ иудейский к морю, — тихо ответила я. — И ударил он посохом о землю. И расступились волны морские, и сказал Моисей... ОХРЕНЕТЬ!

— Ты издеваешься? — наконец-то не выдержал Полонский-старший, даже кулаком по столу от всей души треснул.

Я подняла на него осоловевшие глаза. Я издеваюсь? Мужик, на данный момент это ты мой бедный мозг своими новостями изволил морально и конкретно поиметь!!

— А, так ты действительно об этом ничего не знаешь, — увидев мою крайнюю степень шока, явно написанную на лице огромными буквами, остыл потенциальный «папочка» на пару градусов. — Занятно. Богдан мстит за свою женщину, а она пребывает в блаженном неведении...

— С чего вы взяли, что это все из-за меня? — нервным жестом доставая сигарету из пачки, спросила я, но подкуривать не стала, покручивая табачное изделие между пальцами, которые, к слову, не тряслись лишь чудом. Верить в услышанное не то, что не хотелось, просто не представлялось возможным!

Особенно на фоне того, чего не знал миллиардер.

— Девочка, я знаю своего сына и не верю в совпадения, — иронично вскинул брови Полонский, снова наливая коньяка. И, взглянув на мою побледневшую моську, вдруг потянулся за вторым пузатеньким фужером. Я приняла тару, не глядя выпила... а мне неожиданно заботливо пододвинули тарелочку с лимоном. — Месяц назад тебя пыталась убить поклонница Исаева и тут мой Богдан откалывает такой фортель. Конечно, действовать на эмоциях не в его стиле... но размах впечатлил даже меня. Видишь ли, Анюта, нам всегда было ни с руки воевать с Исаевыми. У нас разные сферы влияния и дальше обычного спортивного интереса, кто обойдет кого, у нас не заходило. Как и у наших сыновей. На некоторых рынках мы с Исаевым сотрудничали, а наши мальчишки развлекались: Богдан тренировался в аферах, а Демьян разгребал. И всех все устраивало. До той поры, пока в их жизни не появилась одна единственная неприятность. То есть ты!

— И поэтому вы притащили меня сюда? — спокойно, даже как-то меланхолично посмотрела я на него. — Чтобы отомстить сыну?

А этот кадр снова рассмеялся.

Да ядрена тебе кое-куды вошь, чего смешного он в моих словах все время видит??

— Признаю, когда я узнал о том, что сделал этот щенок, первым, что я захотел — это свернуть твою хрупкую шейку по средствам ловких рук Никиты, — мужчина указал кивком головы в сторону ухмыляющегося охранника. И перевел взгляд на слегка взбледневшую меня. И невозмутимо так подначил. — Коньячку?

— Пол литра сразу, — на полном серьезе брякнула перепуганная я. — И валерьянки грамм пятьсот.

— Не рефлексуй, Анют, — усмехнулся миллиардер, прислоняясь к спинке и складывая руки на груди. — Я же говорил — Богдан все просчитывает и далеко ни на один шаг. Я уже предупрежден, что если кто-то потеряет хоть один свой рыжий волос по моей вине, то на стол прокуратуры ляжет одна занятная папочка с не менее занятным компроматом. Сказать тебе, на сколько пожизненных сроков она потянет?

— Благодарю, не надо, — моментально отказалась я. Не, я знала, конечно, что Богдан необычайно предусмотрителен... но что б настолько? Кстати, кто-то слишком радушно воспринял данный факт или у меня на нервной почве глюки? — Максим Леонидович, поправьте меня, где я сейчас от души промахнусь... Но почему мне кажется, что вы последними известиями не опечалены от слова абсолютно?

— Ты, знаешь, на самом деле я в ярости, — откровенно улыбаясь, заявил Полонский-

старший. Меня аж передернуло! — И одновременно в восторге. Еще никому не удавалось так ухватить меня за задницу. Поневоле берет гордость за собственного сына — он далеко пойдет. А что до денег... Видишь ли, малыш, все, что поимел Богдан итак бы перешло к нему рано или поздно. Довольствоваться тем, что мне осталось я тоже не буду, а начинать почти с нуля будет даже интересней. Кроме того, на сотрудничество на взаимовыгодных условиях никак не повлияли наши с ним семейные... дела.

Вот же бизнесмены до кончиков ногтей... ну везде свой интерес отыщут, даже в полной, я извиняюсь, круглой пятой точке!

— Вы ему еще спасибо скажите, — обалдело протянула ничего не понимающая я. — Но, впрочем, это ваши семейные тараканчики. Максим Леонидович, я конечно, понимаю, что чайной ложечкой выела вам весь мозг своим вопросом... Но я-то для чего здесь?

— Я же говорил, — на меня так иронично-иронично посмотрели. — Хотел увидеть, ради кого мой единственный сын устроил мне под старость лет такую встряску. Что ж, теперь я мальчишку вполне понимаю.

Аха... мне бы кто еще все это объяснил!

— Не буду задавать лишние вопросы, — мотнула я головой. — Мне вас явно не понять. Ради простых смотрин вы перебили всех людей Кирилла?

Вот ёп... ну кто мне объяснит, какого фига этот непонятный индивид снова во всю глотку ржать изволит?!

— Они все живы, — насмешливо хмыкнул, поясняя, стоящий у стены охранник. — И даже не ранены. А вот нашим не всем так повезло.

— Никита одно время обучался у Громова, — пояснил миллиардер свою реакцию — Он знает большинство его привычек и почти все способы, с помощью которых можно спрятать человека. И все же, даже с его помощью, разыскать тебя удалось лишь после того, как твой Кирилл уехал. Занятная, девочка, у тебя родня.

— А чего ж сразу не любовник? — привычно так съязвила я.

— А я похож на недальновидного идиота, чтобы сделать такой вывод? — вскинул брови мужчина напротив. — Девочка моя, поверь, случайных любовниц опекают совершенно по-другому.

— Слыхала я, что не родятся на осинке апельсинки, — протянула я и пояснила в ответ на недоуменный взгляд, сунув сигарету в зубы. — Вы с ним похожи. Очень. И не только внешне.

— Он пошел в меня, — открыто и с затаенной гордостью признал Полонский. И тут же отбросил все веселье. — Я слышал, что ты собираешься уехать.

— Да, — безразлично пожала я плечами и поперхнулась дымом, когда миллиардер вдруг усмехнулся:

— Думаешь, он тебя не отпустит?

— А разве нет? — непритворно удивилась, хотя на самом деле понимала, что мужчина прав, да еще как! И сама больше всего в жизни хотела в это верить.

— Анют, его мать тоже была из простых, — так... спокойно пояснил Максим, внимательно за мной наблюдая. — Она сбежала, когда ему было десять. Не выдержала жизни среди таких людей, как я. Ты поэтому хочешь уехать?

— Отчасти, — тихо признала я, медленно затушивая сигарету.

Вот теперь-то я поняла, почему Богдан такой. Сдержанный, вроде как даже равнодушный и почти всегда невозмутимый.

Просто как-то в десять лет ребенок понял, что как ты не кричи, не плачь и не ругайся, это все равно ничего не изменит. Он понял, что иногда лучше затаиться... и просто молча действовать.

— Богдан потерял одну любимую женщину, — продолжал давить на останки моей совести и кто? Миллиардер! — И он пойдет на все, чтобы не упустить вторую.

— Что вы хотите от меня услышать, Максим Леонидович? — потерев лицо, устало спросила я, уже отчетливо понимая, для чего, собственно, меня сюда позвали. — Что я...

Но меня вдруг перебили.

— Никит, в чем дело? — хмурясь, спросил мужчина, глядя на своего охранника. Я машинально обернулась.

На вид брюнет казался ровесником Богдана, невысоким, даже не сильным-то — обычное спортивное телосложение. Но было в нем что-то такое... Скрытое. Он был не тем, кем казался на первый взгляд. И вот именно сейчас оно проявило себя во всей красе хищно прищуренных глаз, заострившихся черт лица и отчетливо напрягшихся мышц. На вопрос своего шефа он не ответил, явно к чему-то прислушиваясь и за чем-то наблюдая.

На мгновение мне даже послышался шум со стороны улицы, но сквозь негромко играющую в баре музыку его было почти не различить. Я посмотрела на закрытую входную дверь, перевела недоуменный взгляд на Никиту... и обалдела, увидев, как расширились его глаза.

А вместе с тем в просторном зале раздался отчетливый негромкий стук...

— На пол! — заорал охранник, мгновенно опрокидывая тяжеленный дубовый стол вместе со всем, что на нем было.

И стоило поблагодарить Кирилла за его вечный инструктаж — на пол за преграду я шмякнулась едва ли не быстрее, чем Полонский-старший!

И слава богу... Рвануло так, что мама дорогая!!

— Аня... Аня!! — кто-то легонько шлепал меня по щекам, одновременно потряхивая за плечи. Голос, вполне такой взволнованный, командный, доносился с трудом сквозь звон в ушах. — Тебя не задело, слышишь?!

Я медленно подняла на мужчину заторможенный взгляд, совершенно не понимая, что происходит. Голова гудела, как медный колокол, сквозь который просачивался мерзкий резкий звон, а сознание конкретно плавало... И по подбородку, кажется, стекало что-то теплое. Но что?

— Черт, — ругнулся смутно мужчина, рывком ставя меня на ноги и крикнул. — Никита, в больницу ее, живо!

И тогда меня подхватили на руки, кажется, куда-то потащили, не давая особо смотреть по сторонам. Все, что я видела — погнутую кованую решетку, закопченные потолок, да смутно слышала осколки, весело хрустевшие под ногами парня и все это в полной, какой-то мертвой тишине.

Затем был холод, продлившийся пару секунд, меня сунули в машину, взвизгнули по асфальту шины...

И только несколько долгих минут спустя я уловила пред глазами город, проносящийся за окнами того самого черного «Гелика», на котором меня забирали из Ксюшиной квартиры.

Первое осознание отдалось нестерпимой дрожью в пальцах. А потом пошла волна...

Сильно заболел лоб, в ушах что-то щелкнуло и противный звон, наконец, исчез. Сознание стало четче, предметы теперь виднелись ярче. И я уже ясно увидела за рулем

Никиту, который быстро и профессионально гнал урчащий джип по скользким заснеженным дорогам. И только коснувшись своего лобешника, нащупав на нем нехилую шишку, вдобавок к ней разбитую бровь и прокушенную губу, я поняла, куда спешит охранник.

В больницу.

Твою ж ма-а-а-ать...

— Жива? — заметил мое полегчавшее состояние водитель. И вот тут я не ответила уже спецом, машинально сводя глаза в кучу. Пускай пока кое-кто подумает, что я в коме... А я в это время буду действительно линять! Осколками меня вроде, не задело, а вот благодаря взрывной волне столом чуток, да приложило. Мелочи. Главное не попасть в руки медиков, а то меня найдут быстрее, чем через карточку!

Я честно не сопротивлялась, когда машина тормознула у здания с красным крестом. Позволила взять себя на руки, как куклу, отнести внутрь...

Усадив меня на скамейку в коридоре, Никита всмотрелся в мое заторможенное лицо, обхватив его ладонями и ругнувшись, отпустил:

— Я быстро за врачом.

И убежал. Наивный мальчик...

Едва он скрылся в первом попавшемся кабинете, моя ни разу ни послушная светлость, не обращая внимания на удивленные лица вокруг, прямо в одной футболке ломанулась на выход!

Да, глупо, да, недальновидно, да холодно. А какие варианты?

К счастью, район оказался мне знаком. И потому, не успел охранник выбежать на улицу следом, я уже вовсю уходила бегом, гаражами и по многочисленным дворам. Нет, я не спорю, Никита явно бежал бы быстрее... Да только я знала местность, а он — нет!

И потому, едва оказавшись возле проезжей части, быстро поймала попутку. Дедуля за рулем девятки, конечно, обалдел, не скрою. Но милостиво согласился подвезти. И даже перебросил мне на заднее сидение свою куртку, невкусно пахнущую мазутом и дешевым табаком.

Поблагодарив сердобольного дедулю, я закуталась с головой в китайский пуховик и, назвав адрес, свернула клубочком на сидении так, чтобы меня не было видно из окон.

И вот тогда уже начался самый натуральный отходняк...

— Ты это, с женихом поругалась, что ли? — вдруг с сочувствием спросил пожилой мужичок в теплой шапке, не отрываясь от дороги, изредка поглядывая на меня в зеркало заднего вида.

— Почти, — сжимая в кулаки трясущиеся руки, сквозь слезы прошептала я, отчаянно пытаюсь сделать так, чтобы голос не дрожал. — С его отцом...

— Бывает, — как-то понимающе кивнул дедушка и попытался меня ободрить веселым голосом. — Ну, ничего, дело-то житейское!

Кто бы знал, дедуля, как ты сейчас не прав...

В житейских делах не похищают подругу сына, уводя ее под пистолетом, чтобы просто наедине поговорить.

В житейских делах парень, желая заполучить девушку, не идет на мерзкий шантаж. В житейских делах сын ради своей любви не кидает на бабки собственного отца.

И уж точно в обычных житейских делах отец не подставляет свою дочь так, что ей среди бела дня подкидывают в ресторан гранату!!

Едва впереди замаячил знакомый двор, трудом сквозь слезы поблагодарив доброго

дедушку, я отдала ему куртку, вышла из машины у того самого подъезда, что покидала каких-то три часа назад... И тут же замерзла. Мокрое от слез лицо приморозило, ледяной ветер забрался под тонкую футболку, а я, обнимая себя за плечи, смотрела на скопление народа возле дома и задавала себе один-единственный вопрос.

А какого хера я тут делаю?

Однако задуматься не дали. Увидели дрожащую меня. Мгновенно поднялся шум, гам, крики, суета...

— Жива? — передо мной вдруг оказалось взволнованное лицо отца, обнимающего меня за плечи.

— Па-а-а-ап... — не выдержала... и нафиг разревелась я.

И снова крики, споры, шум и гам, там, по-моему, там кажется, даже кому-то морду били. Да только мне самой уже было на все параллельно. Закутанная в теплое пальто родителя, я откровенно ревела на заднем сидении старого доброго, знакомого «Бентли». А через несколько минут, наверное, как-то слишком быстро, все, кажется, собрались куда-то уезжать.

— Куда мы? — вытирая слезы, приподнялась я на сидении, выглядывая в окно, за которым парни в черном торопливо рассаживались по своим многочисленным авто.

— Ты поживешь пока у моего друга, — со вздохом объяснил устраивающийся рядом отец. — Там будет безопасней.

— Я обещала не уезжать без Кира, — упрямо мотнула я головой. — Давай не поедем, а?

— Ань, тут не безопасно, — спокойно, но непреклонно откликнулся предок. — Кирилл потом приедет туда.

— А моя машина? — тихо откликнулась я, рассмотрев одиноко стоящего на парковке малыша. — Пап, машина?

— Ань, — поморщился родитель, но поймав мой жалобный взгляд, со вздохом скомандовал. — Ну ладно. Макс, давай в ее машину и за нами. Ключи в квартире?

— Да, — шмыгнула я носом. — На тумбочке. Только аккуратней с ней, ладно?

Охранник с переднего сидения на меня очень сочувственно посмотрел... Но вышел. И через пять минут в кортеж из пяти дорожных автомобилей, едущих по загородной трассе, вклинилась моя старенькая, но любимая машина...

— Как нам только что стало известно, взрыв, прогремевший сегодня днем в центре города, не был терактом или несчастным случаем. Наши источники сообщают, что около трех часов дня неизвестные на автомобиле без опознавательных знаков, расстреляв охрану у входа в популярный бар, подбросили в помещение гранату. Их целью стал находившейся там миллиардер Максим Полонский. В результате покушения двое убитых, пятнадцать раненых, сам бизнесмен не пострадал. Наш корреспондент в прямом эфире передает с места событий.

Большая плазма, висящая на стене, мигнула и погасла. А высокий мужчина, сидящий за столом, отложил пульт и, откинувшись на спинку кожаного офисного кресла, сложил руки на крепкой груди, обтянутой черной рубашкой, расстегнутой на две пуговицы, и поинтересовался:

— Ну, что скажешь?

Сидящий напротив него молодой человек изумленно выгнул брови:

— Богдан совсем обезумел? Ему мало было прокинуть отца, он решил его еще и совсем с дороги убрать?

— Демьян, — со смешком ответил ему Исаев-старший. — Это не в его методах, уж ты должен об этом знать.

Парень заметно поморщился. Да уж. На что способен блондин, он знал не понаслышке!

— Если это не он? — задумчиво протянул шатен, постукивая пальцами по подлокотнику кресла, в котором сидел в кабинете своего отца. — Тогда кто? Полонский сейчас сдал позиции, и кто-то решил этим воспользоваться?

— Больше похоже на правду, но нет, — отрицательно качнул головой Александр Исаев и вдруг спросил. — Демьян, позволь я для начала кое о чем тебе расскажу. Ты помнишь Воронцова?

— Твоего друга? — еще больше удивился младший Исаев. — Естественно. А с чего вопрос?

— И, наверное, ты помнишь, как он начинал?

— Разумеется, — пожал плечами шатен. — Он с самого начала хотел встать с тобой на одной ступени. И не он один. Демидов с Воронцовым всю жизнь грызлись за каждую акцию нашей компании. И не только они. Но ты, помнится, не отдавал предпочтения никому.

— Именно, — кивнул Исаев-старший. — Я рассчитывала, что они быстрее поубивают друг друга, чем достигнут желаемого. Но ошибся. Восемь лет назад Воронцов оказался на лидирующих позициях. И я не то, что был против, его вливание в компанию принесло бы хороший доход... Но мне нужны были гарантии, Демьян. Дружба есть дружба, но это бизнес.

— Так ты их получил... — легко вклинился в суть разговора шатен. — Правда, несколько позже.

— Именно, — согласился Александр. — Воронцов пообещал, что предоставит гарантии и сдержал слово. А через год все узнали, что у него есть дочь.

— Но согласие на помолвку с ней я подписал только через четыре года после ее, так скажем, выхода в свет, — напомнил Демьян. И задумчиво добавил. — Хотя понятно почему. Демидов не успокоился и девчонку пытались убить.

— Да, Алина сначала училась в закрытом колледже, и только по окончанию его подписала документы, — снова кивнул мужчина и, подавшись вперед, положил руки на стол, сцепив их в замок. — Но после покушения контракт был заморожен до выяснения всех обстоятельств и Алину спрятали.

— В Штатах, — отозвался Демьян и поморщился. — Пап, я помню. Как и о том, что «заморозка» перестает действовать в конце декабря этого года уже вне зависимости от того, удалось ли найти того, кто на нее покушался. В чем проблема? Второй договор, то есть сама помолвка назначена на рождественские праздники, заключение брачного договора и слияние капиталов — на лето. Я от своих слов не отказываюсь, я же не Полонский...

— Она здесь, Демьян, — просто произнес его отец. — Алина никогда не покидала Россию.

И вот тут Исаев-младший поперхнулся.

— То есть? — удивленно посмотрел он на главу корпорации. — Ее прятали в Москве до истечения установленного срока?

— Планировалось до самой зимы, вплоть до вашей непосредственной помолвки, — ответил Александр. — Но сегодня девчонка себя выдала. Должен признать, я потрясен ее везением, уже в который раз она оказывается на пороги смерти, но все равно с треском

захлопывает перед ней дверь. Кстати, один раз она пострадала по твоей вине.

— Чего?! — изумленно откликнулся Демьян. — Пап, да я ее в жизни никогда не видел, когда был в Москве!

— Видел-видел, — насмешливо настаивал мужчина, кивая. — Прекрасно видел и даже более того. И столица тут совершенно не причем. Впрочем, скоро сам всё узнаешь. Алина поживет у нас, пока не будет заключена помолвка. А возможно, вы подпишите контракт уже в ближайшие дни... в свете последних событий, это будет только нам на руку. Воронцов значительно поднялся за последние годы и нам нужен его капитал, пока он не нашел более выгодную корпорацию для сотрудничества.

— Я ничего не понимаю, — парень рассеяно провел рукой по волосам. — Где я мог ее видеть? И в чем я, не зная ее, уже успел провиниться? И причем тут покушение на старшего Полонского?

— Сейчас сам все поймешь, — усмехнулся Александр, услышавший шум в коридоре, и поднялся из-за широкого стола красного дерева. — Они, кажется, уже приехали.

Демьян поднял взгляд — действительно. Открылась дверь и в кабинет шагнул сам темноволосый Воронцов...

А на пороге за его спиной, переминаясь с ноги на ногу, стояла его ненаглядная рыжая оторва!

— И что всё это значит?

Я вместо ответа рассеяно провела рукой по волосам, в который раз неловко переминаясь с ноги на ногу. Молча. Пожалуй, если честно, мне впервые в своей жизни действительно нечего было сказать.

— Я задал вопрос! — и кулаком по закрытой двери шарахнул так, что я невольно вжала голову в плечи.

Выяснять отношения сейчас не хотелось от слова абсолютно. Я себя чувствовала разбитой, уставшей, к тому же, как никогда хотелось спать. А еще лучше — выпить. И даже не гадостный мартини, позволяющий быстро напиться и просто отключиться, а стопочку хорошего коньяка — пускай я и отогрелась в машине, морозить и потряхивать меня все равно до си пор не перестало.

Но кого, собственно, это волновало? Довольные до омерзения отцы с такими радостными улыбками нас «познакомили», что мне на полном серьезе захотелось сунуть им в зубы пару килограмм отборных лимонов.

И если вы думаете, что они все кое-кому объяснили и рассказали, то вы очень глубоко заблуждаетесь!

Нас просто отправили наверх, сославшись на то, что нам, несомненно, есть о чем поговорить. О да-а-а-а...

Стоим в его огромной комнате. Я молча у окна, выходящего во двор загородного особняка Исаевых, он — опираясь спиной на закрытую дверь, не сводит с меня злого взгляда и упорно давит на и без того расшатанную психику.

— Что ты хочешь от меня услышать? — устало вздохнула я, оглядывая спальню, погруженную в полумрак. Точнее просторное помещение с рабочим столом у окна, диваном посередине, гардеробной в одном конце комнаты и большой кроватью в другом. Свет включать не стали, из-за уличных фонарей благодаря двум огромным окнам итак было вполне светло. А может в напряжении просто забыли про такое полезное изобретение цивилизации, как электричество.

— Понравилось водить меня за нос?

Да сдался мне твой прекрасный шнобель, как Харлею белые бальные тапочки...

— Демьян, послушай, — повернулась я к нему... и не договорила, снова замолчав.

Без никотина разговор не шел ни в какую. Отец терпеть не мог мою вредную привычку, а потому всю дорогу до своего «друга» ни сам сигаретами не поделился, ни охраннику с водителем не позволил. Знала бы я тогда, к какому такому другу мы на самом деле едем — устроила бы скандал на нервной почве прямо при всех в машине!

Теперь же четкое осознание подставы просто разливалось безразличием в груди. Заключим контракт — и ну их всех в баню с моим папашей во главе. А я хочу уехать подальше из этого дурдома, где у каждого в башке одни лишь только слово — деньги.

— Ань, я тебя внимательно слушаю, — почти весело отозвался Исаев. И поинтересовался. — Или мне лучше называть тебя Алиной?

И прозвучало мое второе имя, как конкретная такая пощечина.

Плюнув на все, я подошла к столу и, привалившись к нему, стащила со стола сигареты и закурила. Чужой крепкий табак вместо привычного ментола непривычно карябал горло.

— Хоть горшком назови, только в печку не ставь, — вяло огрызнулась моя вконец расклеившаяся светлость. Помассировав переносицу, я вздохнула. — Демьян, я понимаю, как все это выглядит со стороны. И может сейчас ляпну банальность... Но это не то, что ты подумал.

— А ты просвети меня, Анют, — откликнулся шатен, откровенно забавляясь, попутно сунув руки в карманы свободных светлых спортивных штанов. — Я вроде парень не глупый, может и пойму!

Ласковая вариация моего имени болью резанула по сердцу. Уж слишком... издевательски она прозвучала, в то время как я привыкла ее слышать совершенно в ином тоне.

И я отчетливо поняла — Исаев не Богдан. С этим человеком у меня ничего в принципе ничего не могло и быть не может. Да и желание засунуть ему брачный договор кое-куда стало вдруг фактически невыносимым.

Сжав зубы, понимая, что отступать некуда, я попыталась спокойно объяснить:

— Я узнала о нашей с тобой помолвке только в день приема у Алёхина. Если бы не...

— Кому ты врешь? — мгновенно перебил меня Демьян и уже без прежнего веселья на лице и в голосе. — Ты сама подписала согласие на помолвку три года назад.

— Подписала, — хмуро согласилась я. И негромко так добавила. — Только не посмотрела с кем...

— Что? — изумленно посмотрел на меня Исаев и, нахмурившись, переспросил. — Ты понимаешь, какой бред сейчас несешь? Как можно не смотреть, что ты подписываешь?

Как, как... каком кверху, млять!

Скакала по особняку Воронцовых радостным козликком, торопливо собираясь с Эриком на выпускной, вот и подмахнула, не вчитываясь, эту гребанную бумажку!!

Нет, я знала, что за договор подписываю. Папочка, в промежутке между экзаменами и выпускным, пока я пребывала в блаженной эйфории от того, что за диплом с отличием получу направление в Корею на работу, мне весь мозг прокомпостировал на эту тему. С моей стороны это казалось всего лишь одолжением для него: с меня требовалась только подпись, да пару раз выход в свет, а все остальное время я могла заниматься чем угодно.

Мол, доча, ты папке помоги, закорючку поставь и чеши в свою любимую Корею!

Папуля еще тот психолог, так что, в конце концов, мимоходом пробегая в поисках своих куда-то подевавшихся туфель, я черкнула свой автограф. Но если говорить по чесноку, мне тогда было глубоко по барабану, с сыном из каких своих партнеров этот жулик пытается меня свести.

А полное осознание того, во что я вляпалась, пришло немного позже... вместе со снайпером, засевшим прямо напротив нашего дома.

— Я одного не могу понять, — первым опять заговорил Демьян, потому что мне сказать было воистину нечего. — Ты мне врешь или ты реально дура?

Пф-ф-ф! Даже не обидно. Я уже давно поняла, что мозгами меня при рождении боженька знатно обделил! Хотя тут скорее сыграло роль непреодолимое желание верить в добрые намерения наконец-то объявившегося родителя.

Но сути это не меняет.

А самое смешное, что Кирилл меня предупреждал...

— Обалдеть, — протянул Исаев, запуская пятерню в свои волосы. — Я почти полгода увивался за университетской оторвой... А она оказалась моей невестой! Нравилось

смотреть, как я унижаюсь?

— Я тебя просила оставить меня в покое, — хмыкнула я, туша окурок о серебряную пепельницу. — Даже не зная, что меня с тобой связывает, я пыталась держаться от тебя подальше.

— Да неужели? — из него сарказм так и пер во все стороны. Конечно, такой удар по самолюбию, мать его! Даже услышать и осознать, что я ему говорю, не может. И не хочет. — Что-то я не заметил этого, когда ты целовалась со мной в клубе!

Молчу. Понимаю, что если тонко намекну на мое временное помутнение рассудка в тот момент — черта с два он мне поверит! А уж если скажу, что я просто на принцип пошла, чтобы конкурс выиграть...

Исаев он же такой. Сам придумал, сам сделал неверные выводы и сам же обиделся напрочь.

Какой же, однако, самостоятельный мальчик... прям смотрю и не нарадуюсь!

— Впрочем, кажется, тебе все равно где и с кем, не так ли? — уже спокойней произнес парень, не сводя с меня взгляда, полного ненависти.

— Исаев, думай, что говоришь, — вскинув голову, негромко произнесла я. — Я понимаю, что ты зол, ничего не хочешь слышать и пытаешься задеть меня в ответ. Да только границы не пересекай. Ты мне пока еще никто!

— Вот теперь вижу — истинная дочь Воронцова, — ухмыльнулся Демьян и... погано так. — Только это вопрос времени. Две недели и соглашение снова вступит в силу. Еще неделя, и ты подпишешь договор о помолвке. Полгода — и летом ты станешь моей женой. Надо же... Полонский с зависти удавится!

— Скорее он тебя удавит, — вырвалось у меня чисто машинально... и я едва не застонала вслух, сжав голову руками.

Не надо было давить на психику и напоминать мне о Богдане, ибо у меня тут же щелкнуло в голове, и я моментально вспомнила весь наш сегодняшний разговор с Полонским-старшим. В деталях!

— Не надейся, что твоя предсвадебная интрижка перерастет во что-то большее, — ядовито усмехнулся Исаев. — Решила, что я тебя не устраиваю, но деваться некуда и поэтому легла под Богдана?

Нет, я всего лишь в него влюбилась, а он всего лишь меня чуточку упер!

— Демьян, не лезь в то, что тебя не касается, — холодно откликнулась я, сжимая кулаки и отчетливо понимая — мне здесь не место. — Тебя мои отношения с Полонским не касаются никаким боком.

— Неужели сегодня его отец тонко намекнул тебе о вашей с ним невозможной связи? — ухмыльнулся... антихрист, мать его итить! Вот давно его так не называла, но теперь вижу четко — заслужил!

— Совсем наоборот, уговаривал остаться с его сыном, — сложив руки на груди, вдруг мило улыбнулась я. И, естественно, кое-кого тотчас перекосило!

— Не посмеешь, — резко оттолкнулся от двери парень. — Я не позволю чтобы моя невеста скакала по чужим кроватям!

— Сказал мой жених, чья бывшая вышвырнула меня со второго этажа, — теперь уже я ухмылялась, глядя на медленно приближающегося шатена.

— Это было недоразумение, — поморщился Исаев. — Я за него извинился и присылал тебе подарки. Ты знаешь, сколько времени я провел в коридоре больницы, пытаюсь с тобой

поговорить?

Ага. А Богдан в это время тихо и спокойно делал все, чтобы обезопасить мою дальнейшую жизнь. Причем в первую очередь — от тебя!

— Дем, мне от счастья расплакаться? — тихо и серьезно спросила я. — От тебя одни неприятности. Вечные издевки сокурсников, моя поцарапанная и облитая машина, жвачка в волосах... я уж молчу о том, как мне так небанально намяли ребра и лично твою попытку утопить меня в бассейне. И знаешь, что самое забавное? Последствия всего этого разгребал не ты!

— А, то есть мне Полонскому теперь еще спасибо стоит сказать за то, что все это время он имел мою невесту? — ядовито усмехнулся Исаев, останавливаясь в метре от меня, перекатываясь с пятки на носок.

Ну, кто из нас кого еще имел, я бы поспорила...

Но пока все, что мне оставалось — это искренне охреневать над ситуацией. И над одним отдельно взятым человеком!

— Я искренне жалею о том дне, когда подписала это чертово согласие на помолвку, — потерла я лоб пальцами, невесело соображая, что скажи я что угодно — порядком уязвленный Исаев все равно вывернет все наоборот. Сделав меня виноватой.

А спорить с ним и доказывать обратное у меня уже не было ни сил, ни желания. Голова раскалывалась нещадно, а плюсом к ней навалилась дикая апатия. Сейчас мне хотелось только добраться до горячей ванной, выпить чего-нибудь крепкого, свернуться на кровати в клубок и тихо поплакать, ненавидя собственную жизнь.

Но еще больше мне хотелось, чтобы приехал Кир и просто забрал меня отсюда...

Он уже один раз так сделал. После первого покушения, когда я, едва оклемавшись в больнице, не хотела больше не видеть, ни слышать ничего больше о делах отца, его богатой жизни, бизнесе и всем остальном так или иначе с ним связанным. И в первую очередь я не желала слышать имя моего жениха.

Зачем? Чтобы каждый раз вздрагивать при его упоминании где бы то ни было?

— А теперь поздно об этом жалеть, оторва моя рыжая, — усмехнулся Демьян и... шагнув вперед, крепко ухватил меня пальцами за подбородок. — Ты теперь моя и бежать на сей раз уже некуда.

— Руки убери, — треснула я его по руке, но тот перехватил мое запястье и сильно его сжал так, что я поморщилась. Из груди против воли вырвалось тихое шипение. — Исаев, не трогай меня. Мне итак на сегодняшний день хватило впечатлений!

— Хочу и трогаю, — ухмыльнулся этот... антихрист, мать его за ногу! И сжал мой подбородок еще сильнее. — Ты моя невеста, Анют. Захочу — и без твоего согласия возьму.

И тут я вздрогнула, отчетливо вспомнив, где я все это уже видела. Не так давно, на острове, в саду коттеджа Эрика!

На мгновение в душу затесался жуткий страх вместе с паникой, напоминающей мне, что на сей раз помочь мне помочь уже не кому...

А потом на смену ему пришла злость.

Да какого хрена...

Почему я должна все это терпеть? Замашки этого чертово собственника, который мне даже еще не жених, а только в перспективе, эти нескончаемые попытки убийства, это унижение... И ради чего?

Ради того, чтобы мой папочка, сам же обрекший меня на это, в конце концов огреб

невероятную кучу бабок?

Да в задницу мое обещание, подпись и чувство вины перед ним! Вот так просто и совсем нетривиально!!

— А харя не треснет? — прищурилась я, отчетливо понимая, что ничего подписывать не буду и чхать мне, как отец будет разгребаться с нарушением первого договора. Второго уж точно не будет! — Руки по-хорошему убрал!

— С чего бы это? — глумливо так поинтересовался Демьян, стоя в шаге от меня, не выпуская подбородок из сильной хватки. — Воронцова, тебе некуда деваться. Ты же не пойдешь в отказ только потому, что я позволю себе что-нибудь до свадьбы? Не подставишь собственного отца на миллионы?

— Меня дважды пытались убить из-за вас, — хмыкнула я, не пытаясь вырвать свою руку. Во всяком случае пока! И говорила я уже четко и уверенно. — Пускай он на своей шкуре испытает, как это, когда возле тебя взрывается граната... Нехристь, я не подпишу второй контракт. И катитесь вы все дружно лесом!!

И дернулась, освобождаясь. И меня даже отпустили, да... Да только в следующие мгновение этот придурок залепил мне по лицу!

— Ты, — растеряно коснувшись пальцами горячей щеки, я неверяще смотрела на абсолютно спокойного шатена передо мной. — Ты охренел?!

— С чего бы? — иронично вскинул брови парень. Я дернулась, а он схватил меня уже за обе руки. Жестко, сильно и не давая вырваться. Я невольно замерла, и осознание как-то само собой сорвалось с губ:

— Зря я пыталась увидеть в тебе что-то хорошее... Если что-то и было, то оно уже давным-давно подохло. Ты как Ларуш, Исаев... Нет, ты хуже — нехристь!

— Значит и со Звягинцевым уже побывать успела? — внезапно тихим голосом протянул Демьян... и сжал мои запястья так, что я охнула! — И сколько еще их и было у тебя?

— Что ты... какого х... Исаев, отпусти! — уже всерьез перепугалась я, когда усмехающийся парень повалил меня на стол с определенными намерениями. — Исаев!

— Нет, оторва моя рыжая, — усмехнулся шатен, придавив меня своим телом и прижав руки к столу по обе стороны от головы. — С чего бы ради я должен тебя отпустить? Почему все вокруг могут иметь мою невесту и только я должен оставаться в стороне?!

— Идиот! — ругнулась я, тщетно пытаясь его скинуть. Силы бы не то, что не равны, я проигрывала ему по всем фронтам и сразу! Кроме того, вдруг стало так страшно, как не было, даже когда я обнаружила в подъезде окровавленную Лену. — Исаев, отпусти меня! Я не твоя собственность!

— Еще как моя, — ухмыльнулся этот придурок, больно укусив меня за шею. Я натурально взвизгнула, пытаюсь отбиться, но парень сжал мои запястья одной рукой перед грудью, а другой потянулся к пуговице на моих джинсах!

— Исаев, нет, — и вот тут начала подкрадываться самая настоящая паника. — Исаев... Исаев!

— Эй, какого хрена?! — вдруг раздался громкий и знакомый голос и в комнате резко вспыхнул свет, больно ударив по глазам. Из них мгновенно потекли слезы, но отнюдь не из-за смены освещения!

— Тебе чего надо? — остановившись, но не отпуская мои руки, обернулся злой Демьян. — Не знаешь, где выход?

— Девчонку отпусти, — последовал короткий ответ. — Совсем из ума выжил? Или мне

к твоему предку спуститься?

Исаев выругался в ответ, еще сильнее сжав мои запястья... но отпустил. И даже отошел к окну, и от души треснул кулаком по подоконнику. Вздвогнув от этого звука, не зная, какого бога благодарить или черта за внезапное спасение, я медленно слезла со стола и увидела стоящего на пороге Максима — охранника отца.

— Идем, — едва я до него дошла, вытолкнул меня в коридор рослый парень и, закрыв за нами дверь, просто пошел по коридору. А я... я тихо следовала за ним, мгновенно перестав понимать, что происходит.

Если б не Максим, Исаев бы... Меня бы... Он...

— Максим, — тихо прошептала уже в холле на первом этаже, когда поняла, что вот-вот окажусь в левом коридоре, а уже потом в кабинете у отца. И что вряд ли добрый папенька встанет на мою сторону даже после этого. — Курить. Пожалуйста...

Обернувшийся парень, оценив взглядом мое состояние, стекающие по лицу слезы, красное пятно на скуле и трясущиеся плечи, устало вздохнул. Но согласился:

— Идем.

Едва мы оказались на улице, я мгновенно продрогла насквозь. Я думала, на холоде хоть чуть-чуть приду в себя... Но нет. Трясти меня стало еще больше, и не помог даже пожертвованный жалостливым Максимом пуховик!

— Сигарету... — я подняла на него заплаканные глаза, как-то отстраненно понимая, что происходит. Но только развел руками:

— Не курю. Но... ладно, пойдем у парней спросим. Только быстро!

У парней за воротами особняка сигареты оказались. Но такие, что я зашла в диком кашле после первой затяжки и еще долго не могла отдышаться.

— Ну, уж прости, — откровенно поржал надо мной плечистый шкаф у ворот, глядя, как я вытираю слезы с лица пригоршнями белого снега. — Чай, не дамские с ментолом!

— Хорош издеваться, — раздраженно бросил парень и вдруг вспомнил. — У тебя в машине лежит пачка.

Я оглянулась по сторонам — и правда. В ста метрах у подъездной дороги одиноко приткнулся у сугроба мой малыш. Видать, Исаева настолько смутило мое старенькое авто, что он даже не удосужился его во двор загнать... И я сейчас себя чувствовала точно так же, как мой автомобильчик, одиноко стоявший на обочине, покорный чужой воле — где хозяин пожелал, там его и бросили...

И потому, когда Максим направился к машине, я молча последовала за ним.

— Нельзя! — тут же насторожился один из шкафов. А у меня от столкновения с остановившимся после окрика Максимкой даже слетела куртка с плеч. Пока я ее поднимала, из глаз хлынули уже ненавистные слезы. Собственные руки слушались с трудом.

— Отстань от девчонки, а? — не выдержал отцовский охранник, помогая напялить его куртку. — Ей итак досталось. Пускай хоть покурит спокойно!

На него посмотрели... но потом махнули рукой:

— Только быстро.

Максим сам довел меня до моей машины и, щелкнув сигналкой, открыл дверь. Я села на водительское место, не глядя на руль, нашарила возле рычага коробки передач полупустую пачку с зажигалкой и закурила дрожащими руками. Из горла помимо воли вырвался всхлип.

— Оу-у-у, — оценил мое состояние парень, присаживаясь на корточки возле открытой двери. — Совсем хреново, да?

А я... а я глотала слезы с дымом пополам, чувствуя, как тело трясется от рыданий.

— М-да, — только и сказал Максим и, хмурясь, подал мне ключи. — Заведи хоть, а то замерзнешь.

В замок зажигания я попала не сразу. Закинула одну ногу в салон, оставила вторую на улице. Машинальным жестом включила печку... и, дотянувшись до магнитолы, прибавила музыку. Низкие басы сабвуфера из багажника больно ударили по ушам. Парню, не мне. Мне от них становилось только легче.

Что, впрочем, не помешало мне уронить голову на руль и уже вполне конкретно разреветься.

Тактичный Максим прикрыл дверцу и отступил на несколько шагов. Даже отвернулся и сел на корточки, рассеяно проводя рукой по своим светлым длинноватым волосам...

— Мне все равно, что ты будешь делать дальше, среди денег и вранья. Оставайся в этом мире, где нет меня... — доносился из динамиков последний хит Тимати и Егора Крида...

Решение накатило внезапно. Честно, я даже не поняла, в какой момент нажала на тормоз, рука привычно сдвинула рычаг, а нога перескочила на газ. Пробуксовали шины, выбрасывая из-под себя комья снега, громко и довольно заурчал мотор... и через пару секунд, скинув мешающийся пуховик, я уже неслась по темной загородной трассе!

Я не знаю, как я не разбилась на первом же повороте. Наверное, внезапная затея с побегом была заранее обречена на провал: в таком состоянии, в гололед, на скорости, по темноте... Это было сущим самоубийством.

Наверное, стоило сказать Кириллу спасибо за его курсы экстремального вождения. Если бы не они, я бы давно уже слетела в кювет раз двадцать, резко входя в повороты, плутая в переплетении загородных дорог, отчаянно стараясь уехать как можно дальше, отчетливая понимая, что за мной наверняка уже кого-нибудь отправили.

Нет, отец так просто так кинуть его не позволит!

Осознание того, как я на самом деле лоханулась, подписав восемь лет назад согласие на помолвку, давило мертвым грузом. Мало того, что я позволила использовать себя, сама чуть трижды не погибла, я еще и других подставила! Ведь там сегодня в кафе скорей всего погибли люди...

В какой-то момент нервы окончательно дали слабину. Очередная лавина слез хлынула, мешая наблюдать за дорогой, руки затряслись нещадно и мысленные окрики вкупе с пощечинами уже никак не помогали. Я пропустила тот момент, когда моя машина вылетела на встречную полосу...

Очнуться помог лишь громкий, протяжный, отчаянный гудок.

В последний момент дернула руль, уходя вправо и, с трудом остановившись на обочине, замерла, осознавая, что только что чуть не вписалась во встречный бензовоз. За окнами вокруг были заснеженные поля, глубокие овраги прямо за обочиной, никаких опознавательных знаков поблизости, высокий железнодорожный мост впереди, темнота... и я одна.

Понимая, что с меня на самом деле хватит, я трясущимися руками достала из кармана телефон. Судорожно всхлипывая, включила аппарат и негнушными пальцами набрала номер, собираясь позвонить тому, кому зареклась не звонить больше никогда в жизни.

Собственный голос срывался на тихий хрип:

— Забери меня, пожалуйста, отсюда...

И не успела договорить. Очередная вспышка света фар на мгновение ослепила, и

телефон выпал из ослабевших рук. Многотонная махина промчалась на скорости, но мимо, а я, не выдержав звука и того, как закачался мой малыш, схватилась за голову, крепко зажимая уши.

Хотелось не слышать. Не видеть. И просто не существовать.

А я не знаю, сколько я сидела так. Подтянув колени к груди, сжавшись в один сплошной комок натянутых до предела, уже откровенно сдавших нервов, закрыв глаза, зажимая уши, тихонько раскачиваясь из стороны в сторону и вздрагивая каждый раз, когда мимо на скорости проезжала машина.

Я понимала, что вряд ли меня сейчас найдут... но когда внезапно распахнулась дверца, впуская в салон холодный зимний воздух, мой короткий вскрик уже перешел на открытый визг.

— Я одного не понимаю, — хмуро смотрел на своего сына Полонский-старший, сидя в кресле своего кабинета. — А Никиту-то за что?

Недовольный охранник, сидящий в углу помещения на кожаном кресле, откровенно морщился, ожидая пока пожилой семейный врач закончит зашивать его глубоко рассеченную бровь. Четыре шва, как ни крути... А то и больше!

Богдан, стоящий у окна безразлично пожал плечами:

— Просто захотелось.

— У тебя и просто? — хмыкнул миллиардер. — Даже где-то верю. И все-таки, может, ты свое поведение объяснишь?

Богдан только иронично вскинул брови.

— Воспитал самостоятельного засранца на свою голову, — поморщился Полонский-старший, нервным движением расслабляя галстук на шее. Сложив руки на стол перед собой, сцепив их в замок, он медленно и неохотно признал. — Хорошо, Никита виноват. Но кто мог подумать, что девчонка вдруг решит сбежать от него?

— Ей нельзя в больницу, — коротко отозвался Богдан и, впервые за все время, поднял голову, пристально и холодно смотря на отца. — Кто тебя вообще просил вмешиваться?

Максим Полонский невольно поежился, вполне осознавая свой промах. Собираясь просто поговорить с девчонкой, на которой вдруг оказался повернут его собственный сын, меньше всего он ожидал покушения, причем не на себя. И еще меньше он ожидал того, кем на самом деле оказалась рыжая оторвочка, как и то, что своим неосмотрительным поступком сломал тщательно продуманный и выверенный до мелочей план младшего Полонского и Громова.

— Если бы не граната, ты бы мне еще спасибо сказал, — не собираясь признавать вину вслух, хмыкнул миллиардер. Закурив, он нервным жестом провел по волосам и снова посмотрел на сына. — Что теперь будешь делать?

Богдан не ответил, сунув руки в карманы черных джинс, отстраненно и равнодушно смотря перед собой. В высоких армейских ботинках, в черном свитере, с серебристыми волосами, молчаливый — он казался простым мальчишкой.

На первый взгляд.

Полонскому-старшему уже было знакомо это состояние сына — он только с виду казался равнодушным, а в голове его в это время обрабатывались, словно на компьютере,

сотни подходящих вариантов. Один за одним, медленно и методично, рассматривая каждую мелочь и все детали и ровно до тех пор, пока не сложится один единственный, но верный план. И еще пара запасных на всякий случай.

Стоило уже, наконец, признать, что мальчишкой-то он уже давным-давно не являлся на самом деле.

— То же, что и раньше, — спокойно откликнулся Богдан, не глядя на отца. — Приеду к Исаеву и поставлю его перед фактом. Либо на место Воронцова становлюсь я, либо в скором времени его корпорация перестает существовать.

Это он и собирался сделать... сегодня, пока Воронцов был бы занят встречей с дочерью. Люди Громова не дали бы им уехать раньше времени, а Исаев не мог не согласиться и сам бы разорвал контракт, оплатив Воронцову неустойку, которую с лихвой компенсировал бы ему Богдан.

Когда Аня вместе с отцом и в сопровождении вернувшегося Кирилла поехала бы подписывать договор о помолвке, их самих бы ждал отказ...

Но все планы полетели ко всем чертям благодаря одному человеку, решившемуся влезть не в свои дела. Солнцева вычислили, она чудом осталась жива и еще неизвестно насколько пострадала. Более того, пока люди Громова искали ее по городу, она вернулась в квартиру, где поджидал ее Воронцов. И, увы, нескольких оставшихся человек Кирилла не смогли помешать отъезду. Их просто вывели из строя. И еще неизвестно, выживут ли.

И Аню увезли в неизвестном направлении. Подъехавший Никита, сообразивший, что девушка скорее всего рванула домой, своими глазами видел, как уезжал кортеж, среди которого затесалась каким-то образом старая черная иномарка.

Приехавший буквально через несколько минут на место Богдан, по программе, оставленной Кириллом и маячку на «Тойоте» легко определил куда.

К Исаевым в загородный особняк.

И одному богу известно, как отреагировал сам Демьян на эту новость... Нет, в том, что касалось экономики и финансов, мозги младшего Исаева работали как надо. Несовершенно, конечно, но весьма прилично — в конце концов, сколько лет Богдан собственноручно его тренировал, устраивая аферы и подставы? Как экономист парень был весьма неплох, но в том, что касалось отношений и чувств между людьми...

Ноль. Полнейший!

Блондин, чьи руки сейчас сжались в кулаки, вполне осознавал, если по вине этого придурка с Аниной головы упадет хоть волос, то не только бизнес Воронцова и Исаевых, но и сами они перестанут существовать.

— По-мелкому ты не играешь, — усмехнулся мужчина, откидываясь на спинку кресла.

— Если речь идет о ней, то нет, — ровно отозвался Богдан, чувствуя, не смотря на внешнюю отчужденность, какое-то смутное беспокойство. Что-то неприятно карябало изнутри, заставляя с каждой минутой волноваться все больше. И постепенно беспокойство переросло в самую настоящую тревогу и такую, что некоторые жесты удавалось контролировать уже с заметным трудом.

За окном давно стемнело, и с момента, как Аня оказалась в особняке Исаевых прошло всего пара часов... Но парень боялся за нее все больше и больше. Настолько, что уже был готов сам ехать туда, не дожидаясь приезда Громова, вылетевшего первым рейсом из Штатов.

И плевать на суммы и договора. Сейчас ему нестерпимо хотелось как можно скорее

забрать Солнцеву оттуда, пускай даже в обход все планов, воспользовавшись банальной силой.

Останавливало только одно. Если его люди, предупрежденные о последствиях, на открытую конфронтацию не пойдут, то охрана тандема Исаев+Воронцов скорее всего начнет банально отстреливаться. В итоге начнется самая настоящая перестрелка и штурм особняка... Где-то внутри которого находится Аня.

— Ты нервничаешь, — едва молчаливый врач оказался за дверью, вдруг заметил старший Полонский с ноткой удивления. Пожалуй, за все это время он впервые увидел подобные эмоции на лице своего сына, который в любой ситуации всегда оставался невозмутимым и равнодушным.

Богдан только отмахнулся, доставая из кармана вибрирующий мобильник. Мельком взглянул на дисплей...

И в тот же момент маска холодного равнодушия разлетелась на части!

— Аня?!

— Аня, — негромкий, но такой знакомый голос раздался совсем рядом. Он казался таким знакомым, таким родным, таким... желанным, что я не сразу поверила в него. Произнесенное им собственное имя вполне могло оказаться глюком отчаявшегося сознания... Но мягкий, настойчивый зов повторился вновь. — Аня...

С трудом, с большим трудом я разжала ладони, открывая глаза... И не поверила в то, что увидела:

— Богдан...

Высокая фигура в черном у распахнутой дверцы машины, напряженное красивое лицо, такие непривычно взволнованные ярко-голубые глаза... и протянутая мне ладонь вместе с тихим, но уверенным приглашением:

— Иди сюда.

Слишком горячие пальцы обожгли мою руку, частично приводя в сознание. Из салона я выбиралась с трудом, дрожа на холоде и поскользываясь на корке льда. Да и ноги уже просто не держали.

Но стоило мне только встать, как меня тут же стиснули в крепких объятиях, зарываясь лицом в волосы, а над головой послышался единственный судорожный вздох, полный нескрываемого облегчения:

— Нашлась.

— Богдан, — наконец-то начиная понимать, что мне не кажется, что он действительно здесь, я прижалась к крепкой груди, комкая непослушными пальцами мягкую ткань свитера и роняя крупные слезы, не сумев сдержать всхлипов. — Богдан...

Он здесь. Он, правда здесь!!

А меня просто сжимали в объятиях, ничего не говоря. Крепко, сильно, почти до боли и мешая дышать. Но мне было не до того — я сама старалась прижаться к нему еще крепче, так, словно от этого зависела моя жизнь, ненасытно и жадно вдыхая знакомый и неуловимо родной аромат одеколona, крепкого табака и пряной вишни...

И чувствуя, как меня начинает трясти от пережитого.

— Аня, что он с тобой сделал? — обхватив мое лицо ладонями, пальцами поглаживая

щеки, напряженно и быстро спросил Богдан, глядя в мои глаза. — Что?

— Ничего, — мотнула я головой, закусив нижнюю губу и снова прижалась к нему, тихо прошептав. — Он не успел.

На миг тело парня окаменело... Но только на миг. А потом меня обняли так, что едва не хрустнули все кости разом.

И я поняла — он боялся. Он действительно за меня боялся. Волновался, переживал, сходил с ума, не находя себя места, но как всегда пытался держать себя в руках...

И не мог. Срывался. Наверное, впервые в своей жизни.

И сейчас, прижимаясь к нему в поисках тепла и защиты, чувствуя, как отступает на задний план всё то, что было раньше, упиваясь его запахом и его присутствием рядом, я наконец-то поняла.

Я люблю его. Господи, как же я его люблю...

— Как ты здесь оказалась? — отстранившись, блондин надел на меня свою куртку, застегнул и снова обхватил мое лицо ладонями. — Сбежала?

— Да, — шмыгнула я носом... И опять полезла обниматься. Замерла, уткнувшись в мягкий свитер носом, почувствовала, как меня заключили в кольцо сильных и надежных рук, и попыталась объяснить, путаясь в словах. — Я не смогла. Отец, Исаев, они... Не хочу...

— Тш-ш-ш, — тихо прошептали мне на ухо, слегка укачивая в своих руках и глядя по голове. — Я знаю, Анют. Они больше тебя не тронут, обещаю.

И я верила. Кивала, роняла слезы, прижималась к нему, крепко обнимая за талию, и верила...

— Богдан, надо уходить, — послышался вдруг мужской голос, вроде бы и знакомый, но я все равно вздрогнула. — Ее наверняка ищут.

— Это Никита, — успокаивающе сжав мои плечи, пояснил блондин и, наклонившись, подхватил меня на руки. — Он видел, как тебя увез Воронцов. Ты настояла, чтобы забрали машину?

— Да, — снова шмыгнула я, пряча лицо на его груди, чувствуя, как он надежно прижимает меня к себе, аккуратно переходя скользкую дорогу. — Я не могла ее оставить.

— Только по ней я тебя и нашел, — с мягким смешком отозвался Богдан и, поставил меня на ноги на обочине рядом со знакомой «Ауди», припаркованной метрах в пятидесяти дальше. И, пока подошедший Никита открывал дверцу, напряженно оглядываясь по сторонам, блондин пригладил мои торчащие дыбом волосы и, коснувшись моих губ своими губами, произнес. — А сейчас мы поедem ко мне, хорошо?

— Да, — я кивнула, глядя в такие знакомые-знакомые глаза... и понимала, что просто схожу по нему с ума. И неуверенно спросила. — А моя машина?

— Ну я же не оставлю ее здесь, — просто улыбнулся Богдан, поглаживая пальцами мои щеки. — Никита перегонит.

— А он водить умеет? — вытирая слезы, с тихим любопытством и недоверием спросила, глядя на замершего охранника рядом.

На меня так посмотрели...

— Язва, — меня порывисто прижали к себе, сильно-сильно. И протянули негромко с нескрываемым облегчением. — Какая же ты язва, Анют...

Я только гнусаво хихикнула и уткнулась носом в его грудь. Меня обняли в ответ, ласково поглаживая по спине, давая понять, что теперь уже все действительно в порядке.

Да я и сама поняла, что меня только сейчас начало окончательно отпускать...

Он был рядом, он приехал, он нашел меня. А всё остальное не так уж и важно.

— Богдан! — резкий окрик Никиты прозвучал неожиданно среди ночной трассы в окружении заснеженных полей.

Машинально обернувшись на крик, я подняла голову и увидела летящую прямо на нас невесту откуда взявшуюся машину...

Фары резанули по глазам, ослепляя, машину, скорее всего вывернувшую из-за моста, занесло на скользкой дроге и теперь мотало из стороны в сторону.

Я не поняла, как оказалась прижатой к серебристому боку «Ауди». Все происходило слишком быстро — белоснежный внедорожник боком пронес мимо, обдав порывом ледяного ветра и оцарапав кожу тысячами мелких льдинок из-под колес. Нас не зацепил только чудом, но в следующий момент махина, совершив очередной вираж, с ходу влетела в припаркованную на той стороне дороге мою машину!

— Нет! — я рванулась вперед, не сумев сдержаться. На моих глазах с ужасающим грохотом и треском оба автомобиля улетели в кювет. — Нет!

— Аня, стой! — меня перехватили поперек талии чьи-то руки, не давая перебежать дорогу. — Ты уже ничем не сможешь!

— Отпусти, — я попыталась вырваться, отчетливо поймав, что там, в овраге сейчас лежит моя машина, покореженная, наверняка разбитая и совсем одна! — Отпусти меня!

Но меня все равно удержали, не давая вырваться. Как бы я не брыкалась, не пытались разжать руки, сомкнувшиеся на моей талии мертвой хваткой, как бы ни кричала — меня все равно не отпустили.

А я билась, вырывалась, кричала и плакала, не желая осознавать, что моего любимца, моей обожаемой машины, моего самого дорого малыша теперь больше нет.

И отчаянные, вырвавшиеся из груди рыдания потонули в громком, ослепительно-ярком взрыве.

Приходить в себя не хотелось. Не хотелось возвращаться в этот гребаный мир, открывать глаза, куда-то идти, с кем-то говорить, что-то делать.

Просто не хотелось. Внутри чувствовалась даже не опустошенность, разбитость или напряжение, а просто пустота. Холодная, равнодушная, отчужденная.

Просыпаться не хотелось.

И все-таки...

Открыв глаза, с минуту просто вглядывалась в окружающее пространство, не узнавая его. Я точно знала, что прямоугольная небольшая комната с огромным окном в пол и балконной дверью была мне незнакома. Огромный стеллаж из темного лакированного дерева от пола до потолка, весь заставленный аккуратными рядами книг я тоже видела впервые. Как и большой письменный стол с открытым ноутбуком перед ним, под неярким светом простой настольной лампы.

Медленно, как-то слишком медленно поднявшись с длинного дивана у стены, на котором лежала, закуталась в тонкий пушистый плед и, не совсем понимая, что делаю и зачем, подошла к столу. Обошла его, оглядывая темную матовую поверхность, и отстраненно заметила две вещи, расположившиеся у подставки с канцелярской мелочью вроде ручек и карандашей.

Нахмурилась, пытаясь понять, откуда мне они знакомы и, ощутив неудобство, коснулась пальцами брови. Надо же, лейкопластырь...

Облизнув губу, поморщившись, когда задела коросту в том месте, где я ее прокусила, снова перевела взгляд на вещицы, никак не вписывающиеся в окружающую обстановку.

Маленькая карикатурная фигурка Дарта Вейдера и небольшой бордовый плюшевый мишка...

Внутри что-то колыхнулось, но слишком слабо, чтобы обращать на это внимание. Взяв мягкую игрушку в руки, отстраненно коснулась шипов на пузе, провела по круглым ушкам, коснулась маленького носика, и равнодушно посадила обратно на стол, переводя взгляд на светящийся экран ноутбука.

А там, среди многочисленных рабочих файлов и папок, на меня смотрела я.

Счастливая до безобразия, с улыбкой в пол лица, в привычных джинсах, любимых кедах, лежа на капоте моего единственного, сверкающего на солнце малыша...

Сковавшая меня изнутри корка льда на какой-то миг треснула.

Но от попыток вспомнить и осознать все, что со мной случилось, отвлек знакомый, громкий и требовательный писк.

Поправляя на плечах плед, я встала. Проходя мимо светлой воздушной тюли, закрывающей окно, машинально отмечая, что за окном еще (или уже?) темно, я внимательно всмотрелась в угол за диваном, далеко не сразу поверив своим глазам и тому, что я там увидела.

Высокая большая клетка, а в ней, цепляясь крохотными пальчиками за прутья, ползал, возмущенно попискивая, мой полосатый сахарный опоссум...

Когда открылась дверь, я уже знала, кто войдет в этот небольшой, но уютный кабинет. И произнесла, сидя прямо на полу, поглаживая довольно замершую летягу, которую достала из знакомой клетки:

— Так она все это время была у тебя?

— Да, — послышался в ответ такой знакомый голос... А во льду появилась еще одна глубокая трещина.

Вернув возмущенного таким фактом зверька обратно в клетку, я поднялась, кутаясь в плед и повернулась. Он стоял напротив, всего в каких-то пяти шагах от меня. Те же черные джинсы и свитер, серебристо-пепельные волосы, расслабленное тело, спокойное лицо... и взволнованные небесно-голубые глаза. И впервые при виде него у меня внутри ничего не дрогнуло.

— Что со мной? — тихий шепот вырвался поневоле, заставляя удивляться, каким хриплым и слабым он был.

Вздыхнув, Богдан подошел и просто обнял меня, прижав голову к своей груди, и негромко произнес, объясняя и легонько поглаживая по спине:

— Транквилизаторы, Анют. Ты еще не отошла.

Ну да, наверное...

Воспоминания в голове плавали, словно ленивые мухи. И попадаться под руку упорно не хотело ни одно из них. Как и чувства, неведь куда запропастившиеся. И лишь спустя долгое, очень долгое время я поняла, что впервые за прошедший месяц мне стало вдруг тепло...

— Анют, — отстранившись, парень обхватил мое лицо ладонями, пальцами поглаживая щеки и пристально глядя в мои глаза мягким, спокойным взглядом. Тихий шепот неожиданно пробрал до костей. — Анют...

И лед треснул окончательно!

Нет, я не редела в голос. И не кричала, и даже не билась в истерике.

Я просто тихо плакала, прижимаясь к такой родной, любимой и надежной груди...

— Иди сюда, — когда поток слез стал утихать, Богдан взял меня за руку и утянул на диван. Сел сам, усадил меня на свои колени и крепко обнял, откидываясь на спинку. И он ничего не говорил. Он знал, что это не нужно. Как всегда знал...

Заговорила я сама и намного позднее, когда слезы закончились совсем, и я просто сидела у него на коленях, прижимаясь к его груди, как маленькая девочка, а он спокойно гладил меня по волосам. Так... понимающе и очень нежно.

— Мой отец, он... — не смотря на интерес, голос все-таки сорвался. Договорить я не смогла бы при всем своем желании.

— Больше тебя никогда не увидит, — спокойно закончил за меня Богдан, слегка сжав мои плечи. — Анют, я не позволю ему и на шаг к тебе подойти.

— А как же?.. — подняла я заплаканное лицо, снова не закончив фразу. Да и не нужно было. Блондин всегда итак понимал меня с полуслова.

— Забудь про контракт, и про его последствия, — убирая с моей щеки мокрые пряди волос, улыбнулся Богдан. — Если бы мой отец не вмешался и не увез тебя, я сегодня был бы у Исаева. И уже он сам расторг бы помолвку.

Я боялась в это поверить, честно. Но верила!

А потом неожиданно для себя самой заговорила.

— Он... Он объявился у нас с Киrom дома, когда я только закончила школу. Еще утром мы покупали мою машину... — на этом месте пришлось крепко сжать кулаки, чтобы не разреветься. Богдан, явно понимая это, аккуратно положил свою ладонь поверх моей у него на груди. Стало чуть легче, и я упрямо продолжила, понимая, что надо выговориться, иначе

этот один сплошной непрекращающийся кошмар никогда не закончится. — А вечером в дверь позвонили.

— Ты знала, кто он? — негромко спросил блондин, и его вторая ладонь легла на мое плечо, слегка поглаживая. Он не давил, не принуждал к рассказу, он просто спрашивал. Я кивнула.

— Да. Мама никогда не скрывала имя отца, совсем наоборот. Она еще в детстве мне рассказала, кто он. Они познакомились там, в Москве, где мама жила раньше. У них была... любовь, наверное, если это вообще возможно. Долгая, страстная, незабываемая... Но она внезапно закончилась, когда выяснилось, что мама беременна. Нет, отец был рад, он носил ее на руках, они собирались пожениться... До тех пор, пока у еще не родившегося ребенка не обнаружили патологию.

Руки Богдана замерли.

А я усмехнулась. Похоже, об этом он не знал, не смотря на всю свою осведомленность.

— Отец стал настаивать на аборте, — подавив вздох, продолжила я, потеревшись щекой об мягкий свитер, и только тогда парень заметно расслабился. И все равно обнял меня чуть крепче. — И мама его выгнала. А сама уехала сюда, в Подмоскowie, к подруге по институту, оборвав все связи и сменив фамилию. Она была врачом, а мама медсестрой, и поэтому они легко переделывали все записи в медицинских картах во время беременности. А потом...

— Родилась ты? — тихо спросил Богдан.

— Да, — я слегка кивнула, улыбаясь, когда он переплел свои пальцы с моими на своей груди. — Транспозиция внутренних органов с дэкстрокардией — вещь отнюдь не смертельная.

— Что это означает? — вроде бы спокойно спросил парень, и я вдруг поняла, как на самом деле ему важно это знать.

— С какой стороны у меня сердце, Дан? — подняв голову, просто спросила я. А он замер, внимательно всматриваясь в мои глаза... И все понял.

— Так вот почему ты избегала больниц, — просто усмехнулся он, снова притягивая мою голову к своей груди. Его пальцы скользнули на затылок в мои волосы, слегка поглаживая и успокаивая одновременно.

— Именно. Зеркальное расположение органов встречается у одного человека из десяти тысяч и часто влечет за собой врожденный порок сердца, — хмыкнула я. — Отца это испугало. Он еще не владел огромным состоянием и не мог себе позволить вылечить или просто содержать больного ребенка. А вот маму это не остановило. Я все-таки родилась и, вопреки всему, абсолютно здоровой. И мама, опасаясь, что он все-таки когда-нибудь образумится, тщательно исправляла все медицинские записи, и к врачам я почти никогда не ходила. Если бы почти перед самими экзаменами я не попала в больницу с аппендицитом, отец бы меня никогда не нашел. Но меня увезли с приступом прямо из школы, а Кирилл приехал только на следующий день. Кто-то успел проболтаться.

— И он приехал, — я чувствовала, как напрягся Богдан, не смотря на то, что его голос звучал ровно.

— Да, — тихо вздохнула я, невольно сжимаясь при неприятных воспоминаниях. — Я видела его фотографию, я узнала его сразу... И послала. Далеко и надолго. Где он был, когда он был мне так нужен? Когда мама умирала в больнице, а я сидела на крыше, собираясь оттуда спрыгнуть? Если бы я не нашла там Кирилла, если бы не он, я бы...

И договорить я уже не смогла, снова чувствуя предательские слезы.

И успокоиться я смогла не скоро. Да и не успокоилась бы, будь на месте Богдана кто-нибудь другой.

— Это Кир уговорил меня тогда, — едва успокоившись, пояснила я, рассеяно перебирая узелки на концах пледа. Я сидела, сложив ноги по-турецки, а Богдан устроился за моей спиной, вытянув одну ногу, согнув другую и привычно положив подбородок на мое плечо. — Он не просил ему верить, он не просил с ним мириться. Он просто попросил его выслушать. Не скоро, но я согласилась. Непутевый родитель, казалось, полностью осознал свою вину, раскаялся и на протяжении года пытался всеми способами наладить отношения. Он благодарил Кирилла за то, что тот присматривал за мной, предлагал ему деньги... Естественно, Громов отказался. Он даже отказался воспользоваться связями отца. Да они бы и негодились — один из его друзей сам заметил Кирилла и предложил поработать у него. Кир не давал своего согласия, не хотел оставлять меня одну, но грех было упускать такую возможность. И я согласилась на предложение отца. Он и раньше намекал официально заявить всем обо мне, но мне не хотелось влезать в его жизнь настолько. Но в итоге... В итоге мы продали мамину квартиру, переехали в Москву и все узнали, что у Воронцова есть дочь. Кир уехал поднимать свою фирму еще выше, а я, как казалось, получила, что хотела. Дом, отца и хороший колледж с углубленным изучением языка. Со старой жизнью пришлось распрощаться. Меня перекрасили в блондинку, сделав почти неузнаваемой, сменили имя, документы... пытались и машину сменить, но я уперлась.

— Тогда вы сделали ее с Кириллом? — тихо спросил Богдан, заправляя прядь волос за мое ухо. Я просто кивнула, роняя слезы. Думать о том, что случилось, было невыносимо больно...

Как и том, что помимо моего малыша, в этой глупой аварии скорее всего погиб человек. Спрашивать об этом я просто боялась. Я ведь даже не помнила сейчас, что потом случилось. Помню саму аварию, взрыв и непрекращающаяся истерику. А потом сознание в какой-то момент померкло.

— Да, — с трудом взяв себя в руки, я всхлипнула в последний раз, чувствуя, как меня аккуратно укачивают в кольце теплых рук. — Кир редко появлялся. Но каждый раз напоминал мне, чтобы я ничего не подписывала, чтобы отец не попросил. Надо было тогда серьезнее отнестись к его предупреждениям, но... Я была счастлива почти до безумства. Колледж, Эрик, постоянные поездки в Корею, а еще дом, заботливый родитель, Кирилл и любимая машина. Четыре года пролетели незаметно. Когда Кира не было, отец часто поднимал тему моего будущего замужества, но неизменно был посылаем далеко и надолго. Я ведь ему прямо сказала, что меня интересует только диплом и работа за границей, а он посмеялся в ответ и сказал, что одно другому не мешает. Я сначала не понимала, о чем речь — я не влезала никогда в его дела, да он и не требовал. А потом он объяснял. Так постепенно, потихоньку, помаленьку он меня уговорил. Незаметно надавил на то, что колледж-то он мне оплатил, могу и я в ответ ему помочь немного. А я не люблю быть у кого-то в должниках... Вот и подписала согласие на помолвку в день выпускного. Отец клятвенно заверял, что от меня ничего не требуется. Диплом свой я получила, направление на работу дали — могу спокойно ехать, а возвращаться пару раз в год на какое-нибудь архиважное событие, помахать всем ручкой, улыбнуться типа мужу и возвращаться обратно. Меня все устраивало и, если честно, было глубоко пофиг, с кем он пытается меня свести. Нет, я бы, наверное, потом поинтересовалась его именем, но в тот момент, когда впопыхах ставила закорючку на бумаге, пристроив ее прямо на коленке, меня больше волновал вопрос, куда

делись мои туфли и почему до сих пор не приехал Эрик. Глупо, да?

— Анют, — блондин крепко-крепко прижал меня к себе и вздохнул. — Это не твоя вина. Воронцов хороший психолог, в бизнесе без этого никак. Надо знать, на что на что давить, чтобы договор был подписан на выгодных для тебя условиях. Твой... отец надавил на твои самые уязвимые места: обостренное чувство долга и нежелание верить в то, что твой собственный родитель может делать тебе зла.

— И все равно это было глупо, — тихо отозвалась, положив свои ладони поверх его. И, с трудом сглотнув, произнесла. — Да только все это я поняла уже после. Через три дня после выпускного, когда выбежала на улицу встречать вернувшегося Кирилла. Я успела только с разбега повиснуть на его шее и улыбнуться... А потом почувствовала сильный удар в спину, страшную боль и все. Очнулась уже в больнице.

Руки тряслись так, что удержать их уже никак не получалось. Да меня самому трясло настолько, что Богдан развернул меня, крепко прижимая к себе. Да только и это уже не помогало. Вспоминать обо всем этом всегда было страшно. Жутко. Фактически невыносимо.

— Когда я очнулась, я не понимала, что происходит, — голос дрожал, глаза застилала слезы, но я все равно упорно продолжала говорить, отчаянно надеясь, что если выскажусь мне станет наконец-то легче. — Было невыносимо больно, но при осознании того, что случилось, становилось еще больнее. Стреляли в сердце и, если бы не моя патология... Я бы не выжила, Дан. Я бы просто не выжила...

Я чувствовала, как замер Богдан, как каменело его тело. Он ведь не знал об этом. Слышал о покушении, но о подробностях вряд ли даже догадывался. И я даже не знала, кому сейчас было хуже: мне вспоминать все это... или слышать ему.

Я не знаю, сколько мы так просидели. Молча, в тишине кабинета, за окнами которого стояла крошечная темнота. Каждый из нас пытался осознать, принять эту информацию, и только потому, что мы были рядом, это удавалось невыразимо легче...

— Когда объявился отец, он пытался отговориться тем, что пытались убить Кира, но попали в меня, — я снова заговорила первой, обнимая себя за плечи и прижимаясь к Богдану, как маленький потерянный ребенок. — Да только на сей раз Кирилл лапшу вешать на уши не дал. Они тогда переругались прямо в палате, а я... я лежала под капельницей, смотрела на них и понимала только одно. Что я хочу уехать. Далеко и надолго. Просто бросить все и уехать подальше, забыв и отца, и его мир, его деньги, связи и этот гребаный договор из-за которого чуть не лишилась жизни. И, как объяснил злой Кир, могу лишиться еще раз, ибо согласие не помолвку это только начало. Отец настаивал спрятать меня в Америке... Но Кирилл, видя мое состояние, послал его к черту.

— И привез тебя обратно, — закончил за меня парень, крепко сжимая мои ладони в своих. Понимая. Поддерживая. Просто давая понять, что он рядом.

— Да, — с трудом подавила я вздох, чувствуя себя совершенно разбитой. — Для всех Алина Воронцова улетела дальше учиться в Америку. Меня подменили прямо в аэропорту. Зашла пред вылетом в туалет я, а вышла уже загримированная под меня девушка, села в самолет, а я... А я вернулась сюда. Кир уничтожил все данные так, чтобы никто ничего не смог разузнать о нашей с ним связи. Я вернула свой родной цвет волос, вернулась на работу, сняла квартиру, а через год поступила в универ. Все встало на свои места. Вернулась моя прежняя жизнь и казалось, будто и не было вовсе ни возвращения отца в мою жизнь, ни колледжа, ни попытки убийства. Кир появлялся редко из-за боязни меня раскрыть, отец не появлялся вовсе, а я спокойно жила так, как привыкла, разрываясь между учебой и работой.

Имя своего жениха я так и не спросила. Просто не хотела о нем слышать, отказывалась узнавать хоть что-то. Зачем? Чтобы каждый раз вздрагивать при его упоминании и шарахаться от каждого куста?

— Но почему именно этот универ, Ань? — негромко спросил Богдан, коснувшись губами моего виска.

— А кто бы стал искать меня здесь, не в Москве, да еще и среди бюджетных мест? — грустно улыбнулась я. — В лицо меня почти никто не знал, я не появлялась на светских тусовках, предпочитая дома в одиночестве зубрить корейский. Карточкой, оставленной отцом я не пользовалась, во-первых, опасаясь, что меня вычислят, во-вторых, просто не желая принимать от него деньги. Карточку, оставленную Кириллом, я тоже не трогала, как-то привыкла обеспечивать себя сама. Главное было не попасть в больницу, а в остальном моя жизнь почти не отличалась от прежней. Я почти забыла о том, что было раньше... до тех пор пока не столкнулась в кафетерии с Исаевым. Я ненавидела таких людей, как он, а он решил мне нахамить. Знала бы я, кто он такой на самом деле... я бы промолчала. Впервые в своей жизни, но я бы промолчала!

— Это бы ничего не изменило, Анют, — пропуская пальцы сквозь мои волосы, неожиданно проговорил Богдан. — Рано или поздно вы бы пересеклись в универе. А потом Исаев бы узнал, кто ты.

— Мне вообще не надо было сюда приезжать, — я спрятала лицо в ладонях, чувствуя, как снова щиплет глаза от сдерживаемых слез, слегка раскачиваясь, понимая, что уже не могу взять себя в руки. — Мне не нужно было поступать в этот гребаный университет, знакомиться с Липницким, Исаевым, Алехиным, Харлеем и...

— Со мной, — ровным, спокойным тоном закончил за меня Богдан, когда я запнулась.

А я замерла, не открывая глаз. Я не хотела это говорить. Не хотела признаваться самой себе. Не хотела об этом даже думать! Да только...

Правду ведь не спрячешь. Как бы мне не хотелось думать иначе, как бы не говорили об обратном его поступки, его слова, но... он ведь такой же, как они.

Он предал отца, он собирается развалить компанию Исаева, и он шантажировал меня.

— Твой отец тогда, — посмотрев на абсолютно непроницаемое, спокойное лицо блондина, тихо спросила я, надеясь, что он ответит. Что найдется весомая причина такому поступку. — Он ведь не злился на тебя за разрыв помолвки. И ты мог найти любой другой способ со мной поговорить. Тогда почему ты...

— Пошел на шантаж? — спокойно подсказал парень, и его руки на моей спине замерли. На мгновение прикрыв глаза, он вздохнул и просто произнес фразу, которая для меня прозвучала, как приговор. — Так было нужно, Анют. Просто так было нужно.

— Нет, — я напряженно всматривалась в его глаза такие неожиданно холодные и равнодушные. — Богдан, скажи, почему ты пошел на шантаж? Скажи!

А он... Невесело усмехнувшись, он просто покачал головой, закрыв глаза.

А я смотрела на него, чувствовала, как по щекам стекают не прощенные слезы, как меня снова начинает трясти... и понимала, что как когда-то я, сейчас он своими словами поставил подпись и печать под приговором.

Это конец.

Я не хотела в это верить, не хотела это осознавать. Да только после всего того, что случилось, среди этих сплошных афер с договорами, пытками убийств, деньгами и пренебрежением к чужой жизни, простить еще и шантаж я не смогу. Даже ему. Хотела бы, и

очень, я ведь все это время отчаянно пыталась найти ему оправдание.

Но после того как я рассказала ему всю правду, доверилась, а он в ответ промолчал...

Я ему больше поверить не смогу.

Опираясь рукой на дверь, со всей силы сжав пальцы и стиснув зубы, Богдан уперся лбом в подрагивающий от напряжения кулак.

Он пытался взять себя в руки. Как никогда раньше пытался. Но не мог. Просто не получалось.

Он понимал, что Аня его боится после всего того, что случилось. Как и отчетливо видел, что она пыталась найти ему оправдание, пыталась понять мотивы его поступка, выяснить, что случилось на самом деле. Она хотела остаться с ним, действительно хотела, не смотря на все произошедшее. В кой-то веки, девушка впервые за все время доверилась ему, сама рассказала все, как было...

А он ничего не сказал в ответ, своим молчанием буквально забивая гвоздь в крышку ее гроба.

Да и что он должен был сказать? Что в тот день, если бы его не предупредил Кирилл, на лестничной площадке, вместо Лены в луже собственной крови лежала бы Аня?

И он должен был сказать об этом сейчас, после того, как девушка дважды за день чуть не погибла? И что бы с ней было дальше? Очередная истерика, снова транквилизаторы, а то и нервный срыв и больница?

Нет, в силе ее характера Богдан никогда не сомневался. Учитывая, сколько ей довелось пережить, она все равно продолжала лучиться порой нездоровым оптимизмом. Да только всему есть предел, в том числе и человеческой психике.

Богдан не собирался шантажировать Аню. Да, ради нее он расторг свою помолвку с Со Хен, да, слил о ней информацию в новости и вывел на экран универа. Но ему нужно было, чтобы она узнала сразу, а поговорить с девушкой он мог и позднее. В конце концов, он и так долго ждал, мог подождать и еще немного, чтобы Солнцева успокоилась, пришла в себя и смогла его хотя бы выслушать. А уж доказать правдивость своих слов он бы всегда нашел способ.

Да только сообщение от Громова, полученное ранним утром, спутало все планы.

Он подозревал, что Солнцевой угрожает опасность, и просил не отходить от нее ни на шаг.

Действовать нужно было быстро. Богдану пришлось пойти на шантаж, и в тот момент он ненавидел себя так же, как и она его. Однако обнаружив в подъезде соседку и поняв, что на ее месте должна была оказаться Аня, Полонский уже не сомневался в правильности своего решения и, как и договаривался с Кириллом, увез девушку с собой на Маврикию.

Пускай она его ненавидела, но зато осталась живой и невредимой. И, не зная истинных причин, не тряслась от страха, пугаясь каждого куста и шороха.

Расскажи он об этом сейчас и это бы добило Аню. Как и тот факт, что с Громовым они за ее спиной «спелись» уже давным-давно.

С трудом сдержавшись от того, чтобы не треснуть с размаха по двери, Богдан оттолкнулся и, развернувшись, посмотрел на спящую девушку на диване. Она заснула лишь не давно, банально устав от непрекращающихся слез. И все это время она все равно сидела у него на коленях, прижималась к его груди, плакала и отказывалась верить.

Лучше б она кричала, ругалась, ненавидела и банально съездила ему по лицу — было бы

не так больно.

До второй истерики не дошло лишь чудом...

От далеко не радужных мыслей отвлекла вибрация телефона в кармане джинс. Не глядя на дисплей, Богдан принял вызов.

— Да? Еду.

Это было все, что он сказал и, убрав телефон, подошел к столу. Выдвинул ящик, протянул руку к папке с документами... И неожиданно остановился.

Граната в ресторане была последним отчаянным шагом конкурентов Воронцова — Громов вычислил мелкого акционера Демидова, еще после того, как нанятый им киллер едва не убил Лену. Стать соучредителем Российской корпорации всегда было много желающих, а потому до сих пор выяснить, кто из них на самом деле предпринимал активные попытки помешать лидирующему в этой гонке Воронцову, почти не представлялось возможным. Собрать доказательства — вот что стало первоочередной целью поездки Кирилла в Штаты, а уже потом розыск автора видеоклипов.

И теперь ни о каком сотрудничестве не могло быть и речи. Можно было просто разорить GRT-групп, вместе с их главными акционерами, но Богдан четко понимал, что тогда Воронцов с Исаевым попытаются отомстить. И делать будут это через его единственное уязвимое место.

Через Аню.

Полонскому сейчас было проще раз и навсегда убрать обоих.

Но если еще пока существовал шанс, что со временем Солнцева успокоится, придет в себя и поймет причины его поступков и простит, то клеймо убийцы оттолкнет ее уже навсегда.

И поэтому он выбрал совершенно другие папки. Закрыв ящик и, не глядя на спящую девушку, вышел из кабинета. Он знал, что стоит только остановиться и еще раз посмотреть на ее заплаканное лицо, и собственные нервы уже не выдержат.

И плевать на последствия.

Стоящий в коридоре у стены Никита поднял голову при появлении Богдана, мельком взглянул на документы в его руке... и, ни слова не говоря, сел на кушетку рядом с дверью.

Он присмотрит за девушкой.

Доверие к этому человеку Полонского, что старшего, что младшего, было почти безграничным. Не смотря на относительно молодой возраст, у Никиты имелся за плечами немалый опыт, обучение у Громова, а кроме того, поразительное чутье на неприятности.

Пьяный придурак, сидевший за рулем джипа был даже не пристегнут. Это его и спасло — когда машины улетели в кювет, парнишка просто вылетел в разбитое окно. Переломал себе, конечно, все, что можно, но к удивлению приехавших вскоре медиков, остался жив, и ему даже не грозила инвалидность. А вот Никите, если бы он сразу перешел дорогу и сел в Анину «Тойоту», могло так не повезти.

Страшно представить, что случилось бы, опоздай Богдан на каких-то пять минут...

Девушка родилась в рубашке, не иначе.

Да только и ей не могло постоянно везти. А потому со всем пора было заканчивать — как только что ему сообщили по телефону, Громов наконец-то вернулся в Россию.

И только что уехал с места аварии, направившись напрямиком к особняку Исаевых. И нет, он еще не знал, что Аня сейчас находилась у Богдана. Догадывался, возможно, но никто не мог подтвердить, так ли это на самом деле.

Как только бившуюся в истерике девушку довели до ближайшей больницы, где ей и вкололи успокоительное, а затем доставили в коттедж Полонских, Никита с охраной вернулся на трассу, где пожарные уже заканчивали тушить пылающий внедорожник и старую «Тойоту». Джип выгорел полностью и, хотя Анина иномарка от огня почти не пострадала, смятый двигатель и покореженный кузов восстановлению не подлежали.

Кроме этого Никита заметил людей Громова, которые наверняка прибыли по оповещению с маячка, а помимо них обнаружили и охранники Воронцова... среди которых особо выделялся понурившийся мальчишка. Как оказалось тот самый, что невольно помог Солнцевой бежать. Ему натурально собирались открутить голову, если он не найдет беглянку, и так вышло, что на отблеск пылающих машин он добрался едва ли не раньше «скорой». И теперь банально боялся возвращаться назад.

Сообразивший что к чему Никита, согласовав свои действия с Богданом по телефону, обеспечил парню защиту, взамен попросив дождаться приезда Громова и рассказать уже ему обо всем, что произошло в особняке Исаевых.

Богдан вполне понимал, что Кирилл будет в ярости, но именно такой реакции он и добивался.

Демьян должен ответить за то, что сделал с Аней. Сам же Полонский на сей раз предпочел остаться в стороне лишь потому, что вряд ли сумеет сдержаться, и не остановит даже охрана. А Громов, не смотря на весь свой гнев, умел куда лучше себя контролировать.

Да, Богдан понимал, что Кирилл скорее всего догадается, где сейчас Аня. И все равно сделал так, чтобы мужчине пришлось поволноваться.

Это была небольшая личная месть блондина. Нужно было рассказать обо всем раньше, еще в день их первой встречи — ночью, когда Богдан сам пришел к Кириллу, пока Солнцева спокойно спала, вымотавшаяся после поездки на кладбище. Да, у Громова не было особых причин довериться ему вот так сразу. Он ограничился лишь общей информацией, а все остальное Полонский потом узнал и сам.

И все-таки...

К загородному особняку Исаевых Богдан приехал в рассветных сумерках, успев как раз к окончанию активно развивающихся там событий. Оглядел скопление машин, людей и просто вошел во внутренний двор, обойдя смятые ворота, явно снесенный на скорости бронированным «Навигатором». Помимо белоснежного внедорожника во дворе стояли еще пара черных микроавтобусов с наглухо тонированными окнами, явно намекая, что еще недавно здесь царил откровенное веселье.

Полонский, которого узнали и даже не подумали остановить, оглядел помятый металл, распахнутые двери, выбитые стекла, осколки, людей в камуфляже и под масками, оценил количество охраны, уложенной в холле ровными рядами...

И улыбнулся. Мрачной, удовлетворенной, довольной улыбкой.

Судя по бардаку внутри здания, по разбитым вазам, характерных дырках в стеклах и стенах, побитым лампочкам и осколкам на полу — охрана Исаева действительно пыталась отстреливаться... Правда недолго. И теперь их стаскивали со всех углов некогда роскошного особняка, укладывая мордами в пол прямо у порога.

Но самое занятное зрелище обнаружилось в кабинете главы корпорации и его якобы друга. Живописный беспорядок в виде раскиданной мебели, разбросанных бумаг и осколком органично дополняли знакомые лица. Старший Исаев, сидящий в кресле за повернутым столом, прижимающий к глазу пакет со льдом, Воронцов у стены, запрокинувший голову,

прижимая идентичный сверток к сломанному носу, и Демьян, которому, судя по характерным многочисленным следам, домашний врач Исаевых собирался накладывать повязку на переломанные ребра.

А возле окна, опираясь спиной на подоконник, курил спокойный Громов.

— Я не вовремя? — иронично вскинул брови Богдан.

Кирилл посмотрел на него... и усмехнулся, выпуская дым.

— У тебя, — он не спрашивал, он просто констатировал, затушивая окурок ногой прямо об дорожку паркет.

— Да, — ровно отозвался Полонский, проходя в кабинет. Под его ногами громко хрустели стекла.

— Где моя дочь? — попытался было вскинуться Воронцов. — Что вы с ней сде...

И был заткнут хорошим ударом по печени.

— Молчал бы, папаша херов, — откровенно поморщился Кирилл, отходя от него, отряхивая руку так, словно пытался стряхнуть с нее что-то неприятное. — Забудь о ней.

— Она подписала договор, — попытался было влезть Исаев-старший, откровенно морщась и не отнимая лед от лица. — А вы, если я не ошибаюсь, ей никто.

Богдан на мгновение закрыл глаза... И на стол небрежно легли две папки с документами.

— Месяц на то, чтобы убраться из города и забыть о Солнцевой.

— Какого... — невольно вырвалось у Демьяна, еще не понимающего, что на них был найден такой компромат, что гнить в тюрьме им предстоит всем троим и очень долго.

Зря он вообще выступил.

Полонский перевел на него спокойный, холодный взгляд... и усмехнулся:

— Неделя.

— Советую послушаться, — хмыкнул Громов и, остановившись около Богдана, не сводящего ледяного взгляда с Демьяна, явно понимая, что блондин чувствует, сжал его плечо. — Искренне советую, а то срок сократится еще на пару дней. Идем.

Полонский все еще смотрел на того, кого больше жизни сейчас хотел банально придушить... но снова сдержался, понимая, чем это грозит. И поэтому лишь равнодушно произнес:

— Я предупредил.

И этот ровный тон, вкупе с непроницаемым выражением лица и спокойным взглядом подействовали куда лучше угроз, окриков и прочих обычных излишне эмоциональных вещей.

Демьян хмуро кивнул.

— Что дальше? — уже намного позже, в машине Громова, равнодушно спросил Богдан, меланхолично оглядывая заснеженные поля, проносящиеся за окном.

— Как и собирался, — откликнулся Кирилл, не отвлекаясь от дороги. — Увезу Рыж подальше отсюда.

— Куда? — вопрос вырвался сам собой, хотя изначально блондин не собирался его задавать. Ему лучше было не знать ответ.

— Не доверяешь? — насмешливо покосился на него мужчина.

— А должен? — иронично выгнул брови Богдан, точно так же, как когда-то Кирилл при их первом разговоре.

— Мальчишка, — помолчав, беззлобно усмехнулся Громов. Нет, он не злился на Богдана. Совсем наоборот, он его прекрасно понимал. И где-то в глубине своей души даже

восхищался его расчетливостью.

И пока она была выяснять направлена на защиту его рыжего чудища, Кириллу было нечего опасаться.

— Что удалось узнать в Штатах? — так же спокойно спросил Богдан, опираясь локтем на дверцу, подперев щеку кулаком, бездумно смотря в окно.

В ответ Громов внезапно съехал на обочину. И уже там, опустив стекло и закурив, произнес:

— Демидов, без вариантов. Его люди несколько раз пытались убить девушку, заменяющую Аню.

— Уберешь?

Мужчина не ответил. Да и не требовалось. Богдан знал, что Кирилл обычно предпочитал не связываться с криминалом и работал честно... Если того не требовали крайние меры. Покушения на Солнцева он не мог оставить безнаказанными, а потому вопрос жизни конкретно этого бизнесмена был решен с тех пор, как Громов нашел неопровержимые доказательства его причастности. Теперь это лишь вопрос времени — его парни все сделают быстро и без лишнего шума, так, что никто ни о чем не догадается.

— Что по автору видео? — такой же равнодушный вопрос. Но самого Кирилла он заметно повеселил.

— Я уже думал, ты не спросишь. Вы не представляете, ребята, во что вы вляпались, причем все дружно разом.

Полонский перевел на него спокойный взгляд, вопросительно изогнув брови.

Громов пояснил:

— Станислав Зырянов. Это имя тебе о чем-нибудь говорит?

И вот тут Богдан действительно удивился, впервые за время дороги проявив хоть какие-то эмоции. Да и неудивительно.

Причем тут бывший одноклассник, давно погибший, к тому же?

— Думаю, тебе будет несложно вспомнить, что нелюбимый вами представитель нетрадиционных сексуальных меньшинств не выдержал издевательств и сбежал в Штаты, едва окончив школу, — напомнил ему Кирилл давно известный факт.

— Где и покончил с собой больше двух лет назад, — дополнил его слова Полонский.

— Нет, — вдруг отрицательно качнул головой мужчина, усмехаясь. — Не покончил.

— Он жив? — еще больше удивился Богдан, отнимая руку от лица.

— Жив, — хмыкнул Громов. — Все оказалось даже более, чем банально. Стасика не признавали ни вы в школе, не признали его и там, за границей. В конце концов, утонченная натура Зырянова, не выдержала всех издевательств, и он решил покончить с этим раз и навсегда. Должен признать, тонкая душевная организация Станислава оказалась куда прочней, чем о ней привыкли думать. Настолько, что инсценировать свое самоубийство он сумел легко и даже играючи.

— Как именно? — спросил Полонский, щелкнув зажигалкой. По салону поплыл характерный аромат сигаретного дыма с нотками пряной вишни.

Кирилл поморщился, но отнюдь не от запаха:

— Я бы сказал банально. Нашел бродягу подходящего возраста и телосложения, привел в порядок, накачал алкоголем и выстрелил в лицо. У полиции не возникло подозрений, они не стали даже проводить экспертизу. Труп в доме Зырянова, документы при нем, мотив имеется, американское гражданство есть. Оформили все документы, тело кремировали и

отправили на родину. Бедного Стасика все забыли... а через год на обложках глянцевого журнала появилась новая звезда, эпатажный и дико популярный модельер по имени Риччи. Зырянов был доволен как никогда: он имел бешеную популярность, за его тряпками выстраивались очереди, окружающие терпели все его капризы, восхваляли и едва ли не молились на его талант.

— Как он оказался здесь? — поинтересовался Богдан, обдумывающий новую и совершенно дикую на первый взгляд информацию.

— Как говорит Рыж, Гитлер тоже румбу танцевал, пока до России не добрался, — усмехнулся Громов. — Вот и Зырянов недолго праздновал победу. Это там, в Америке, его почитали, любили, и дышать в его сторону лишней раз побаивались, чтобы не разозлить манерную звезду. А как же здесь, на родине, теперь без него поживают его друзья-недрузи? Стас решил проверить. И к кому же он мог направиться по прилету, как ни к своей подруге детства Ирочке, единственной из всех, кто его всегда понимала и жалела?

— Вот оно что, — негромко и задумчиво произнес Богдан, стряхивая пепел за окном. — Этого я не предусмотрел.

— Никто не мог предусмотреть, — хмыкнул Кирилл, слегка постукивая пальцами правой руки по рулю. — Впрочем, добраться до бывшей подружки, а теперь аспирантки, он просто не успел. Едва оказавшись в вашем университете, он попал в разгар царившего там веселья. И с удивлением обнаружил ненавистного Исаева, которого все всегда любили... и рыжую оторву, занимающую его собственную, Стасика, квартиру. Решение пришло мгновенно. Он разыскал Ирину, выслушал ее стенания по Демьяну, который ее бросил и уехал в Англию, а по возвращению не кинулся в ее объятия, и предложил сделку. Она достает файлы, он делает монтаж, и в итоге каждый добивается своего. Исаев опозорен на весь университет, Ирина вовремя его утешит и предложит отомстить нахальной бюджетнице. В итоге Демьян разозлится и нахальная рыжая девка просто сбежит куда подальше, в том числе и с его законной жилплощади.

— Но не вышло, — прикрыв глаза, негромко констатировал Богдан, чувствуя, как руки невольно сжимаются в кулаки. — Ей было всегда плевать на это видео.

— Рыж вообще всегда плевать на общественное мнение с высокой колокольни, — со смешком отозвался Кирилл. — Но когда Стасик понял, что своими действиями только насторожил Исаева и, более того, подогрел его интерес к Солнцевой, а она, в свою очередь покидывать обжитое место не собирается, он решил пойти другим путем. А вот каким именно, определил обычный случай — приезд Алехина и Харлея к университету. Зырянов был в ярости, когда увидел теплые дружественные отношения всех своих врагов. И направился выяснять отношения к единственному родственнику, который всегда его любил и не поверил в его самоубийство.

— Его бабушка, — задумчиво протянул Полонский. — Значит... прием не был простой случайностью.

— Нет, — покачал головой Громов. — Именно Зинаида Захаровна Зырянова стала его инициатором. Всегда поддерживающая своего горячо любимого внука, она посчитала малой карой выгнать нахальную девчонку из квартиры. Нет, она хотела растоптать и унижить ее в глазах своей подруги, фактически считающей ее своей невесткой. А заодно и всех тех, кто когда-то обижал ее ненаглядного Стасика. Именно она попросила Алехину почаще навещать в квартиру, якобы проверить, все ли там в порядке, на самом деле надеясь, что рано или поздно вся компания будет там обнаружена. Так и получилось. Да только и это не

сработало. Рыж послала всех в любимый пеший эротический тур, а затем...

— Вместо Стасика с его видео, в универе выступил я, — невесело усмехнулся Богдан.

— Именно, — подтвердил мужчина и, заведя машину, вновь вырулил на дорогу. И дальше говорил, уже не отвлекаясь от вождения. — Зырянов понял, что одних клипов мало и решил предпринять что-нибудь еще. Не успел. Обозленная Ирина решила вмешаться. Она во всем призналась, а не успевшего удрать Стасика задержали прямо в аэропорту. И вот он-то оказался гораздо упрямее и молчаливее своей подружки...

Громов замолчал, сосредоточив свое внимание на дороге. Он рассказал все, что узнал, а в обсуждении последствий и подведений и итогов не нуждались они оба. И так было понятно, к чему привела эта история.

Как и то, что и аспирантка, и ее голубой дружок в скором времени сполна получают по заслугам.

— Что теперь? — спокойно, абсолютно спокойно спросил Богдан, когда до въезда в город оставалось всего ничего.

— Я увезу Рыж, — мельком посмотрел на него Кирилл, сразу поняв, о чем идет речь. — Ты знаешь, что это необходимо. Она... сильнее, чем кажется. Но и ее нервы не бесконечны.

— Знаю, — равнодушно откликнулся Полонский, подпирая щеку кулаком, смотря в окно и никуда больше. Он долго молчал, и все-таки еще один вопрос, заданный ровным, прохладным тоном, повис в воздухе. — На сколько?

— На столько, на сколько это понадобится, — просто ответил Громов. — Ей нужно время прийти в себя, пережить то, что случилось. Да, сейчас она ненавидит весь мир, и не удивлюсь, если сам попаду под раздачу. Но она справится, я уверен. Так уже было. И так будет опять. Вопрос лишь во времени. Она поймет, Дан. Рано или поздно, но она поймет.

Богдан не ответил. Более того, он даже не посмотрел в его сторону. А стоило только припарковаться возле его коттеджа, как он первым открыл дверь внедорожника и покинул салон.

Абсолютно спокойный. Невозмутимый. Равнодушный. Отрешенный.

Нет, ему было не все равно.

Кирилл отчетливо понимал, что сейчас делал этот мальчишка. Он сам, по своей воле загонял свои же чувства и эмоции как можно глубже, контролируя их настолько, насколько это было вообще возможно. Фактически Полонский сейчас сам отправил собственное сердце в состояние глубокой, беспробудной заморозки...

Но только так он мог позволить увезти от него ту, что любил больше собственной жизни.

Полтора года спустя...

Фигассе домик...

Три таких скромных этажа, полукруглая застекленная мансарда, окошечки огромные, черепица на крыше зелененькая. Ворота кованые с шпильями, калитка узенькая, а за ними дорожка подъездная широкая, да самого крылечка красивого. Вокруг забор кирпичный метра так под три высотой, газончик внутри ровненький, гаражик небольшенький, значит, сбоку виднеется...

Красотень... ни скромная ни разу!

Моя чутка ошарашенная видом красивого светло-серого особняка светлость зависла на пару минут, так и замерев на выходе из машины — одна нога еще здесь, вторая уже там.

От созерцания шедевра архитектурной красоты отвлекло короткое «кха-кха».

— Таблеточку от кашля? — невозмутимо поинтересовалась я, принимая протянутую мне руку и выбираясь-таки из авто. Мне в ответ так привычно ухмыльнулись... и снова окинули взглядом весь мой внешний облик с ног до головы. Я мигом ткнула в его сторону пальцем, прищурившись. — Еще слово и ты труп. Тихий, скромный, а главное безмолвный!

Потенциальная жертва моего гнева изволила тактично промолчать. Но ухмылка стала только шире!

— У-у-у, пакость темноволосая, — привычно застонала я, не выдержав вида белоснежной зубной эмали полнейшего состава, не смотря на все мои угрозы ее активно проредить. — Никит, не нервируй. Мне итак уже трупы прятать некуда!

— А мне казалось, что ликвидировать последствия твоего дурного расположения духа — моя прямая обязанность, — иронично вскинул брови Ник, но губы дрогнули в улыбке.

Ага. Стоит такой, забавляется. Рост чуть выше среднего, обычный такой спортивный парень, судя по фигуре. Личико узкое симпатяшное, губы чувственные, нос прямой, глазищи карие, хитрющие и волосы черные, на солнышке блестящие тем самым оттенком крылышка вкусившего «Ростишки» воробья, что в чернильницу зачем-то обмакнулся и на радостях взялся пугать прохожих громким хриплым криком: «Кар-р-р!».

Знакомьтесь, сие моя неприятность на ножках, моя охрана, моя этика ходячая, она же и мораль.

— Так о твоём покое же забочусь! — коварно усмехнулась я. — Ну и экономия на валерьянке, опять же.

— Пять-четыре, — подумав немного, довольно улыбнулся парень и захлопнул дверь. Оперся на нее надежной спинкой и кивнул в сторону особняка. — Идешь?

Я почесала бровь:

— А надо?

Воу... вот это взгляд! А сколько бури возмущения, негодования, гнева!

Хихикнув, я живо направилась в сторону ворот, бросив через спину:

— Пять-пять!

Таки счет на сегодняшний день был полностью уравнен!

Однако не смотря на позитив, войти в распахнутую охраной калитку особняка оказалось очень сложно. Гораздо сложнее, чем возвращаться в Россию вообще.

Мне было... трудно первое время. Хотя нет, вру безбожно! То был писец... Такой таежный, натуральный.

Когда я проснулась в первый раз, я очутилась самолете. И первой моей мыслью было: «Где Богдан?». Но... его не оказалось рядом. Зато был Кир, мои нескрываемые слезы облегчения и невыносимо долгий перелет. А потом монотонные, серые дни потекли, неохотно сменяя друг друга.

Я не особо помнила, что было — просто не хотелось вспоминать. Я ведь тогда почти не разговаривала, лежала в своей комнате, просто пялясь в стену, почти отказываясь есть. Иногда хотелось просто спать и ничего больше. Было такое ощущение, что все мои слезы, эмоции и переживания закончились еще там, в самолете, а остатки их окончательно увяли в незнакомом аэропорту. Честно, я слабо понимала, сколько времени прошло и что со мной творится — равнодушие просто сковало изнутри. Как оказалось потом — почти два месяца... Все это время Кир был рядом, а я, как казалось все больше и больше ухожу в себя, смотря на безрадостный мир равнодушными, пустыми глазами... постоянно теребя толстую витую серебряную цепочку на шее, лишь отстраненно понимая, что она не моя.

Я не спрашивала, чья она и откуда. Я вообще ничего не спрашивала. А потом вдруг поднялась с постели. Прошла по пустым комнатам небольшого коттеджа, отстраненно смотря по сторонам, разглядывая незнакомую обстановку. И как-то незаметно очутилась в подвале. Там-то меня и обнаружил испуганный Кирилл, который по возвращению домой не нашел меня в комнате.

А я стояла, смотрела на прохладную, голубую гладь, слабо, но неприятно пахнущего хлоркой бассейна...

И неожиданно сама для себя попросила Кира научить меня плавать.

А дальше дело уже пошло, как говорят. Да, страх был, увы, от него в первое время никуда не деться. Но еще было невесть откуда взявшееся баранье уперство, настойчивость и неистребимое маниакальное желание во чтобы то ни стало научиться плавать. Почему-то казалось, что как только я это сделаю, вместе с боязнью воды уйдут и все остальные мои страхи. И... они ушли, да. Кирилл научил меня плавать. Но на смену боязни пришла холодная злость. Не знаю, на кого я тогда злилась: на себя, на Богдана, на отца или на весь мир разом, но я часами пропадала в бассейне, загоняя себя до полусмерти, чтобы потом просто упасть на кровать и отключиться.

А через пару месяцев Громов сказал, что так нельзя... и выпнул меня на улицу. Гулять.

Почесав нос, еще раз окинув взглядом большое, но такое уютное строение передо мной. Вздохнув украдкой, чувствуя, как спину сверлит насмешливый взгляд вездесущего Никиты (что б там ему икалось раза два!), я решительно собрала свою мнительность в охапку и вместе с ней направилась вдоль подъездной дорожки, что красивой дугой ложилась перед особняком и уходила за него — в гараж. Уже привычно шлепая родными кедами по теплему асфальту, сунув пальцы под лямки рюкзака и щурясь пол яркими лучами горячего июльского солнышка.

А ведь там было почти так же. Когда Кир просто собрал меня, сунул в руки кошелек, развернул и выставил меня из дома вместе с охраной, я малость обалдела. Вокруг оказался незнакомый мне город, незнакомые люди, похожие на привычных цыган, а с неба светило пока еще прохладное весеннее солнце. Снег уже активно таял, лужи сверкали... а я бездумно шаталась по улицам, пытаюсь понять, где вообще нахожусь. И позади гоготала потихоньку охрана, которая вовсе не собиралась меня просвещать!

Город оказался интересным. Он был каким-то... домашним, негромким, и не испорченным цивилизацией, коли можно так сказать. Неожиданно я прогуляла до позднего вечера, измотав парней Кирилла почти насмерть. И уже вечером, когда начало темнеть, я вдруг зашла в магазин и неожиданно для себя купила две пачки краски для волос.

Новый город как-то невольно навеял мысли о новой жизни. Вот и показалось мне, что в первую очередь стоит что-то в себе изменить.

Да только не зря умные люди говорят, что даже если сильно захочешь, все равно фиг от себя любимой сбежишь! Так оно и оказалось.

На выходе из магазина я нечаянно на кого-то налетела и тут же получила слышала кучу извинений. Я машинально извинилась перед хрупкой девушкой в ответ... и только потом сообразила, что обе мы раскланивались на корейском!

Атас.

Я так привыкла за день к странной речи местных папуасов, что услышав знакомый язык, ответила на чистых рефлексах. И через полчаса мы, познакомившись с Мин Су, уже как-то случайно оказались в ближайшей кафешке.

Она была там с группой туристов, на днях собиралась уезжать. Как-то незаметно мы разговорились, заболтались, да интересы общие нашлись. Девчушка проболталась, что пишет фэнтезийные рассказы и давно бы их выложила в сеть, да только перевести их, увы, некому. Ну, я и подрядилась на сие сомнительное дело... Сама не зная, почему.

Я думала, вспоминать обо всем, что связано с Кореей и их родным языком окажется слишком больно... А вышло все совсем наоборот.

Мы расстались почти друзьями, обменявшись, контактами. Напоследок, я, смутившись, все-таки поинтересовалась, в какую часть мира мы вообще, собственно, умудрились угодить...

И через час влетала в коттедж под дикий хохот охраны, мечтая только об одном — найти Кирилла и убить!

Ибо мой любимый бомжик, мой невыносимый гадкий родственник, не придумал ничего умнее, как притащить депрессивную, безучастную меня... В Румынию, млять, страну летучих мышек и вампиров!

Хотя, коль говорить по чесноку, Громову стоило сказать большое и вполне человеческое спасибо. Вряд ли бы я так относительно спокойно все пережила, обнаружив за стенами дома какие-нибудь экзотические острова... или даже любимую Корею.

Не смотря на легкость общения с Мин Су, вспоминать ее язык было сложно. Мозг отказывался воспроизводить информацию, причиняющую болезненные воспоминания, и перевод текста шел туго. Я психовала, бросала, сминала исписанные листы, долго сидела в углу, бездушно созерцая в потолок, снова спускалась в бассейн, и начинала все заново. В те дни мне пришлось фактически ломать себя, разрываясь между желанием отпустить старую жизнь и начать чистую, новую...

Но в итоге до пачек с краской я так и не добралась.

Встряхнув головой, отгоняя настырные мыслишки, я поймала себя на том, что уже как пару минут стою перед гаражом. А спину все так же настырно сверлит взгляд Никиты...

Обернулась, заценила родимую, незабвенную пакостливую ухмылку, показала исподтишка кулак и уже куда увереннее шмыгнула внутрь.

И встретили меня, как говорится, полумрак и тишина...

Ну, во всяком случае, после яркого летнего солнышка так показалось.

Оглядев огромное пространство, я едва подавила желание присвистнуть. Да уж, сие убежище разнообразных библик конкретно впечатляло, причем не менее чем сам особняк! «Порше», «Ролс-ройс», «Кадилак», и теперь уж ни разу не любимый «Бентли». Несколько спортивных иномарок, машинки «бизнес-класс», одна охотничья дура, несколько джипов на заказ... И все это аккуратно по периметру всех стенок. И еще один ряд прямо посреди гаража, и в центре него такая знакомая серебристая «Ауди»...

Все это время я не вспоминала Богдана. Точнее сказать — не хотела вспоминать. Боролась с собой, выгоняла из памяти, пыталась его забыть. И в тоже время хотела понять. Мне было невыносимо больно вспоминать его шантаж, но еще большее от осознания того, что на самом деле мое место было далеко не в Румынии. А с ним рядом. Все эти полтора года безумно хотелось к нему, включая даже то время, когда я пыталась ненавидеть. Заставляла себя, уговаривала, настаивала... а по ночам просто редела в подушку, понимая, что не могу его ни понять, ни отпустить.

Я ведь даже хотела сорвать с собственной шеи цепочку и выбросить ее. Избавиться от его вещи, как и от воспоминаний о нем. Да только как его можно было забыть? Как?

Не смогла. Не сумела. Не забыла.

И продолжала ночами страдать, днем делая вид, что я в полном порядке. Да только ведь Громова, как и себя, не обманешь....

Внезапный звон едва не заставил меня вздрогнуть. Воровато оглянувшись, встала на цыпочки и, прильнув к боку серебристой «Ауди» моя коварная светлость тихонько прокралась вперед, осторожно высунула непутевую рыжую голову из-за машины... И замерла.

У задней стены тоже приткнулись авто, но какие... Не обычные игрушки, а самые что ни на есть агрессивные и легко узнаваемые американские «мускул-кары»! Но если честно, удивили мою ни разу не впечатлительную тушку вовсе не тяжеленные машины. И даже не вполне натуральный такой подъемник, в авто сервисах активно эксплуатируемый, и не длинный рабочий стол за ним, набор ключей и инструментов, аккуратно развешанных на стенке. На опущенном подъемнике, багажником в сторону «Ауди» притаился темно-синий с белыми полосками красавец «Мустанг»...

Но сердце отчаянно забилося в груди совсем ни при его виде.

Сбоку от широко раскрытого капота, в обычных черных джинсах, кроссовках, и черной узкой футболке, заглядывая в нутро огромного автомобильного двигателя, стоял никто иной, как сам Богдан...

И все. Как когда-то давно, моя по уши влюбленная натура пропала окончательно и бесповоротно!

Затаившись за джипом, отчаянно опасаясь даже дышать, я просто стояла, цепляясь за рюкзак, боясь поверить и осознать в то, что я вижу.

Я ведь столько раз представляла этот момент. Прокручивала его в голове, раскрашивала в красках, порой ворочаясь часами в кровати, не в силах уснуть. И даже при условии, что я слишком четко помнила его лицо и те самые мягкие серебристые волосы, он все равно, как оказалось, изменился немного. Стал чуть старше. Вроде бы даже чуточку выше. Плечи совсем чуть-чуть шире, руки сильнее...

Он уже не парень, нет. Но совсем как прежде сводящий с ума молодой, привлекательный во всех смыслах мужчина...

Когда внезапно раздался звонок мобильного, я на месте чуть не подпрыгнула!

А Богдан, в каких-то десяти метрах от меня, тщательно вытерев руки, достал из кармана телефон и принял вызов:

— Да, Игорь.

И от звуков этого голоса все тело моментально покрылось приятными мурашками, попутно наворачивая на глаза неожиданные слезы. И только сейчас до заторможенного сознания начало, наконец-то доходить, что все-таки вот он, предел моих буйных фантазий.

Уже совсем рядом.

— Да, мне звонил куратор, — спокойным, ровным тоном отозвался в трубку Полонский, закурив и опираясь спиной на бок машины. А я себя поймала на том, что по привычке вожу носом, пытаясь вдохнуть знакомый аромат. — Да, и дипломник тоже. И ректор. И еще куча народа, включая твою невесту, Алехина и Харлея.

Ну надо же... Все мои чудики родимые уже отметить успели!

Да, сие был заговор, безжалостный, коварный, жестокий и, наверное, немножко беспощадный. И, к тому же, долго и тщательно организованный такой вот нехорошей мной!

После знаменательного события, окончательно вправившего мне мозг и прямо-таки вынудившего вернуться в Россию, первым моим желанием стало увидеть его. Да только знакомый уже аэропорт чуток вправил опухшие от перелета мозги на свое место. Вот так вот сразу, с дороги, бросаться к нему на шею было как-то не с руки...

Я ведь толком и не знала, а действительно ли он меня до сих пор ждет?

И потому моя мнительность и активно потирающая лапки паранойя на пару решили для начала все разведать и хорошенько осмотреть. И пошуршали заселяться на квартиру вместе... нет, ни с Киrom. А с напроць прилипшим ко мне охранником, тем самым, чья ухмылка не желала со временем терять ни широту, ни цвет!

И как ни странно, но два этих месяца, что уже минуло по прилету, жили мы с Авериним, тем самым, который Никита, в той самой квартирке на пятом этаже, за стенкой которой по сей день мирно дрыхнул вечно недовольный всем сосед.

Да, сначала было страшно туда ехать. Но там сделали ремонт в подъезде, да такой, что родимый домик было просто не узнать!

Как оказалось, после суда над Стасиком Зыряновым, его исключительно местами милая бабуля решила мне эту двушку подарить. Попыталась откупиться, если проще говорить. И я-то бы послала ее вместе со своим подарком, да ко всем чертям, да прямым рейсом с картой... А вот Кирилл, как оказалось, нет. Он подарок принял, правда на тюремный срок мирно гуляющего в полосатой робе живчика, того самого, который вроде давно труп, это ну никак не повлияло!

И мы туда заехали вдвоем, ибо Громов снова отчалил по работе. Мелочевку закупили, цветочки засадили, даже рыбок запустили в аквариумы! А потом пошли заселять второй этаж. Как оказалось, мой любимый Стасик, тот самый, который мелкий, кантовался теперь с вполне здоровой мамой и отцом совершенно в другом месте. И Кир выкупил их квартиру, прорубил дыру, поставил лестницу...

Короче, теперь мы с Никитой жили вроде как и вместе, но все равно на разных этажах!

Сложно было только не попасться на глаза соседу.

Да, мне было в кой-то веки стыдно и неловко. Я, в общем-то, давно уже поняла, что ребята ни в чем не виноваты, и даже совсем наоборот. Так что, прежде чем увидеться с Богданом, было принято волевое решение сполна огрести на бесстыжую головушку последствия за все свои прошлые грехи.

Начать я хотела как раз с Игоря с Аленкой, но...

И три дня не прошло после прилета, как раздался звонок в дверь, открывать пошел не весть с чего веселый Никита... И вернулся не один. С Липницким! И Аленкой.

Примирение было... бурным. Я даже слова вставить не успела, как меня обняли, сильно так сжали, гадостью любовно обозвали... короче, по итогу ревели с Лелькой мы обе. А потом пришлось мастрячить, как говорится, покаянный пир. Ибо эта гадкая, мелочная эльфийская душонка, в качестве моральной компенсации потребовала себе ничто иное, как пиццу! Ну, кто б сомневался, в принципе.

Да только к ней пришлось готовить еще пирог с мясом, самсу, сосиски в тесте... К концу вечера мы с Авериным уже активно делали ставки, кто раньше скочевряжится: запасы продовольствия на нашей кухне, аль сам Игорек от банального обжорства?

Кстати, сытый, а значит, раздобревший Липницкий, идею про мое аккуратное и красивое возвращение-то и подкинул. Как будто мало ему было однажды полуголым своим телом в качестве расплаты на барной стойке дрыгать, вот ей-богу!

Однако идея его, должна признать, была довольно неплоха и даже имела-таки здравый смысл. А потому следующей моей целью стал знакомый клуб. Но на сей раз с угрозой Аверину, что если он снова растреплет о моем приезде, то жить он будет не внизу, а в аквариуме, у зубатки!

Никиту проняло.

А с событиями прошлых лет все было уже намного проще. Как оказалось всем, кому нужно было это знать, давным-давно рассказал все сам Богдан...

— Нет, Игорь, — хмыкнул тем временем Полонский в трубку. — Я уже тебе говорил, что я занят. Отец просил помочь, у него снова проблема на проблеме.

Ага. Проблемы у него. Одна единственная у него проблема, рыжая такая, вредная и моим скромным именем гордо зовущаяся! Которая, собственно и позвонила миллиардеру с невинной просьбой занять его дорогого, единственного сына, дабы тот не узнал раньше времени о моем внезапном возвращении.

И думаете, он обалдел и отказался? Нифигашечки, он порадовался, явно потер ручки и сразу согласился!

Правда, похоже, перестарался чуток.

Но в «Максимус» я действительно попала без проблем и лишних слухов. Успела пошептаться с обрадовавшимся мне Максимом на фейсконтроле, тот незаметно направил меня в мой же бывший кабинет... И вот тут-то я была готова к хорошей такой моральной трепке, после которой явно бы поняла, что Эльза все-таки имеет приличные знания о БДСМ. Не, физически-то, может, не накажет... А вот приморозит лет на двести — факт!

Деваться было некуда, позади меня болел весь службы безопасности отряд, а потому я поднялась по лестнице, вдохнула, открыла дверцу... И поняла, что меня явно глючит.

И честно, глядя на целующиеся на диване плотно сплетенные тела, я лягнула чисто машинально:

— Ну охренеть, какой пассаж... Я, конечно, дико извиняюсь, но вы тут рабочим процессом так увлеклись, или наглядно изображаете сто тридцать третью статью любимого УК РФ? И если второе, то, собственно, кто кого конкретно домогаться изволит?»

Не, честно, я ожидала любой реакции. Ну, там, нагло улыбающийся начальник охраны, невозмутимо одергивающая жилетку Эльза, ее ровный взгляд, холодный тон...

Но дикий гогот грохнувшегося с дивана и сходу узнавшего меня Верещагина «чудище

вернулось!», и алые щеки севшей Фроз стали для меня полной неожиданностью. От слов вообще и абсолютно!

Да, Эльза. Да, смутилась. Да, вроде даже как покраснела... Да я до сих пор в шоке!

В общем, после данного представления ни о каком стыде и неловкости и речи быть не могло. И на вопрос, как же все-таки отвязному рокеру удалось-таки растопить ледяное сердце неприступного администратора, улыбающийся Олег утащил меня в угол и гордо и со всей серьезностью представил мне, как он выразился, «виновника торжества, всеобщего любимца, местного купидона и жуткого сводника».

И им оказался ни кто иной, как огромный кактус, скромно стоящий в кадке в уголке. Кактус, который эти гении, мать их, назвали просто Федей!

Я едва не хрюкнула при воспоминании об этой счастливой парочке и их колючем друге, но вовремя зажала рот ладошкой, услышав чуточку усталый тон Богдана:

— Нет, Игорь, я уже сказал, что не пойду на выпускной. Нет, можешь не уговаривать. Всё. До связи.

А вот тут моя светлость крепко обидеться изволила.

Я значит, пока он тут диплом защищал и отцу помогал, ему и его группе выпускной в клубе готовила, почти два месяца язык свесив на бок бегала, достала всех, кого позволили и кого очень не рекомендовали, и все ради того, чтобы там ему показаться на глаза, в романтишной так сказать, обстановке...

А он туда идти отказывается?!

Вот... вот... вот кто он после этого, а?

Собственно, в этом и заключался план коварного Эльфенка. Нет, он мне понравился, был всем народом одобрен, правда, изначально меня просто собирались притащить на праздник наконец-то отмучившихся, веселых уже не студиязов.

В организацию сие сомнительного действия я с размаха вляпалась, как только оказалась в клубе «Максимус», а точнее, предстала перед ясными очами его непосредственного начальства, причем перед обоими номерами сразу! Олег сообщил мне тайком, что они на меня не злились, и на данный момент вовлечены в ответственный процесс дегустации новой партии любимого вискарика. И радостная я, после встречи с Фроз и кактусом, ввалилась в бильярдную с громким воплем: «Ну, что, бухаем, братцы-кролики?».

Эх... ну каково же зрелище, когда Харлею попадает драгоценный напиток ни в ту глотку... Ну кто бы только видел! Глаза по семь копеек, стаканчик с треском на пол, брызги в стену... Красота!

Потом меня, правда, долго и упорно тискали в медвежьих объятиях, едва не переломав все косточки разом, и оглушили зычным басом: «Зачуля! Зайчулечка! Зайчунок мой, зайчулук мой! Жива-здоровая, ты, сама!».

Ну, после его объятий с термином «жива», я б, конечно, поспорила...

А после того, как меня перебросили через коленку и не больно, но обидно выпороли, я еще не согласилась с озвученным определением «здоровая»!

Благо хмурной Лександрыч отреагировал иначе. Он встал, покурил, окинул меня своим коронным недовольным взглядом... а потом раскинул руки и заявил с гаденькой улыбкой: «Ну, наконец, здравствуй, мой дорогой второй администратор!».

Вот всегда знала, что соседка мой плюшка сонная. Но, что он вредность редкостная, убедилась, пожалуй, впервые!

Пришлось соглашаться на сие внеплановое «приглашение» на работу. Так, собственно, я

и ввязалась в подготовку выпускного. Нет, ну а чего? Кириллу, значит, кое с кем коварные планы за моей спиной строить можно, а я тут оставайся в стороне?

Фигушки вам, господа хорошие! Мы люди, может и не гордые, но крайне зловредные и жутко мстительные. Местами.

Правда, увы, такими же мозгами явно обделенные — нам и в голову не могло прийти, что Богдан откажется идти на выпускной, который, к слову, уже завтра!

И да, я все равно до него не дотерпела. Просто вчера я получила приглашение на день варения одной очаровательной улыбчивой кудряшки, которое состоится всего через неделю... На острове, в коттедже.

И поняла, что если я и полечу на Маврикии... То только с Богданом.

И потому я, собственно, сейчас здесь, прячусь как мышка за «Ауди» и чувствую, как начинает тускнеть вчерашняя, так скажем, одержимость. И, покуда она не успела окончательно и некрасиво сделать ноги, моя коварность выступила из-за машины. Неслышно подкралась к «мустангу», под капотом которого, где-то в самой глубине, скрылся закончивший разговор блондин, и негромко протянула укоризненным, замогильным голосом.

— Грешно не пойти на выпускной... — и меньше всего я ожидала, что от этой, в общем-то банальной фразы он дернется, стукнется макушкой, а телефон, которым подсвечивал движок, с громким бряком улетит на днище! И я ляпнула быстрее, чем сообразила. — Упс... Оппа, бьяне!

Твою ж сойку-пересмешницу, да весь ее голодающий дистрикт разом... Не надо было мне вчера болтать с Эриком до трех часов ночи, ох, не надо!

— Аня? — и столько искреннего удивления в голосе, во взгляде...

— Нет, это не я, — как можно милее улыбнулась я, едва сдержавшись чтобы не шаркнуть по полу ножкой. Попробуй тут поулыбайся, когда при виде него, стоящего так близко, предательски задрожал не только голос — весь организм! — Это твой похмельный глюк.

Ну давай же, ты должен вспомнить, где ты уже это слышал, ты не мог так просто забыть!

Или же...

Не вспомнил. Удивление быстро пропало, лицо расслабилось, а взгляд как-то даже немного похолодел.

И почему вдруг моя печень чует всеми клетками, что лично здесь мне нифига ни рады?

— Ты... вернулась? — слегка, едва заметно выгнутая бровь и этот ровный тон, а в вопросе даже не заминка, так, пауза чутка. Расслабленное тело, невозмутимое, даже какое-то отстраненное выражение лица...

И поневоле напрашивается тот самый интересный вопрос: а на кой я вообще сюда приперлась?

— Ну, что-то вроде того, — машинально пожала плечами, стараясь выглядеть как можно более беззаботно. Уцепилась за лямки рюкзака, улыбнулась немножко, все-таки шаркнула ногой...

Он даже взгляд не опустил. А я, между прочим, в кой-то веки не в джинсах, в юбке! И джинсовой жилетке, в тех самых, что была на посвящении в клубе.

Да только, судя по всему, над внешним видом можно было голову особо не ломать.

Не так я представляла нашу встречу, ох не так!

И тишина. Стоим. Не знаю, как ему, а мне неловко.

Нет, я четко знаю, почему, а главное, зачем здесь. Я, может быть, это как-то даже объяснила! Но после столь... прохладного приема, я даже теперь и не знаю толком, с чего вообще можно начать. И внутри постепенно скапливается разочарование, какая-то почти обида, и уже самый настоящий, отчетливый страх.

Страх, что на самом деле Богдан видеть меня не очень хочет...

И не знаю, как его, но эту гадкую черноволосую свиристелку у ворот, что сейчас привычно насвистывает мелодию из фильма Тарантино, я сейчас точно прибью, и на сей раз окончательно и безвозвратно!

Собственно, свистела моя вечно ухмыляющаяся охранялка.

Впервые этот раздражающий звук я имела сомнительную честь услышать еще полгода назад, в Румынии.

Как-то утром меня разбудил настойчивый стук в дверь. Помяная буйного дятла, засевшего на первом этаже непечатным русским словом, сонная и отчаянно зевающая я, спустилась вниз, сшибая по дороге косяки и недоумевая, куда все вдруг запропастились. Дошла до входа нифига ни в добром здравии и с диким желанием сеять добро в массы. Распахнула дверь, оглядела стоящего на пороге ухмыляющегося парня с ног до головы... и захлопнула ее обратно, не обратив внимания на раздавшийся по ту сторону характерный «шмяк». И отправилась наверх, банально досыпать, посчитав личного охранника одного миллиардера привидевшимся с утра кошмаром.

Наивная... Как ползающий омарчик в ресторане перед кастрюлей с кипятком!

Стук повторился вновь. Пошла открывать снова. Распахнула дверь, оглядела очередного гостя, потеряла слипшиеся глазки... и поняла, что вляпалась, как никогда. Ибо на нашем с Киром любимом крыльце теперь красовался не только хмурной Никита с чуток подбитым носом, но и незабываемый, сиятельный аж жуть, сам господин Полонский-старший...

Разговаривали мы с ним долго. Он уговаривал вернуться, я, хоть и хотела, шла в категорический отказ. Потом приехал Кир, говорили уже они, я сбежала на прогулку. А через три дня миллиардер, наконец, уехал, прекратив все уговоры и давление на мою совесть и бедный, вспухший мозг. Правда, оставил подарок на прощание.

И этот «подарок» вскоре обнаружился на кухне, невозмутимо потягивающий кофе и весело насвистывая тот самый раздражающий мотив.

Пожалуй, Максиму Леонидовичу стоило все-таки сказать спасибо. Своими разговорами он зародил во мне нужные сомнения, задал направление мысли, всколыхнул вроде бы забытые чувства... а моя активно капающая на мозги, круглосуточная ухмыляющаяся охрана вернула мне когда-то давно и, казалось бы, безвозвратно утраченный незабвенный позитив.

Ей-богу, я после его появления в нашем доме, стала больше ехидничать раз эдак в пять!

И нет, со временем против Никиты я уже ничего не имела, но этот его свист... особенно сейчас!

— Я одолжу на минутку? — улыбнувшись Богдану, я прихватила с двигателя первый попавшийся ключ, отошла в сторонку, смерила расстояние до ворот, ориентируясь на громкий и гаденький свист... Даже замахнулась! Но вдруг мою руку мягко так перехватили. И у меня от прикосновения к запястью таких знакомых теплых пальцев внутри все дрогнуло, да только...

Инструмент аккуратно забрали, руку отпустили и, пока пристраивали его на стене, поинтересовались все тем же спокойным тоном:

— Зачем ты здесь?

И вот после этой фразы мне уже захотелось банально сбежать... Просто развернуться, рвануть из гаража, что есть духу, уцепить по дороге Аверина, стараясь не дать обидным слезам вырваться из глаз.

Стало вдруг очень больно.

Впрочем, наверное, этого и стоило ожидать. Столько времени прошло, я не объявлялась, да и вообще... Червяк сомнения на последней стадии ожирения потирал свои лапки и усики еще с того момента, как я села в машину, чтобы поехать сюда. Теперь вон, сидит в моей душе, того и гляди лопнет от счастья, скотина моя обожравшаяся.

Так, ладно! Чему быть, тому не миновать. Отступать некуда, позади полтора года в стране вампиров, цыган и медведей, а где-то за воротами погано ухмыляющийся гавн... галантный мой телохранитель, конечно же. Мать его итить!

— А, сейчас, — фыркнула я и, не глядя на Богдана, полезла в маленький лакированный рюкзак. А там у меня, помнится, завалился самый крайний вариант. Ну, грубо говоря, отмазка! — Вот!

Выгнув брови, блондин взял протянутую ему красивую рельефную открытку с тисненными золотыми буквами и медленно, каким-то сухим голосом прочитал:

— Приглашение на свадьбу. Вот даже, как...

Так, не, стоп. Он что сейчас подумал? Что я и... приглашение... Что я его на свою свадьбу приехала позвать?!

Вот же ядрешки-макарошки, ядрен батон, да та самая всемирная ядрена вошь!

Что-то у нас разговор не клеится от слова вовсе!

Нет, я, в принципе, согласна позвать его на свою свадьбу... Но если только женихом. И лет так через пять!

— Ты открой, — прыснула я, вытащив сигарету и пристроив рюкзак на стол рядом с инструментами. Закурила... А Богдан, наконец, открыл приглашение, вчитался. И брови его удивленно полезли вверх:

— Сизова Аполинария и... Добрынин Илья?

— В миру известные, как Харлей и Неаполь, — просто улыбнулась я, действительно счастливая за эту парочку родимых колоритных персонажей. — Через два месяца у них свадьба. Просили передать приглашение... на двоих.

— Понятно, — только и ответил блондин, к моему одному сплошному разочарованию. И, скользнув равнодушным взглядом по мне и рюкзаку, поставил открытку на стол. Оперся на машину и просто закурил.

А я... я уже планировала делать ноги. Я не верила своим глазам, разочарованному сердцу и болезненно разрывающейся душе.

Он не заметил. Черт побери его святые крокодилы Нила, он действительно не заметил...

Бордового плюшевого мишку, висевшего на моем рюкзаке.

Я не знаю, как эта игрушка оказалась у меня дома. Нет, это сейчас я понимаю, откуда ноги растут, но чуть больше двух месяцев назад, увидев на своем столе знакомую до боли игрушку, я впала в натуральный ступор. И понеслась на кухню, выяснять у любимого родственника, откуда, собственно, взялся сей предмет. Кир невозмутимо пожал плечами, сказал, что увидел в супермаркете и мне решил купить... Да только крохотная подпалинка на правой лапе свела на нет все его попытки невозмутимо увильнуть. Я ее узнала. Спустя все

это время я ее узнала... И умершие, казалось бы чувства, всколыхнулись вновь.

В тот вечер я долго сидела на полу своей комнате, рассеяно касаясь пальцами шипов на плюшевом пузе... А ближе к ночи ворвалась в кабинет Кирилла, с твердым заявлением и криком, что хочу назад вернуться.

Чесслово, впервые увидела, как Громов с размаха уселся мимо стула...

— Кто бы мог подумать, — неожиданно усмехнулся Богдан, слегка улыбаясь. — Харлей и Неаполь?

И вдруг моя светлость, твердо решившая уйти, только из-за его одного намека на улыбку, захотела вдруг остаться.

В то, что всё вот так закончилось, мне хотелось верить меньше всего.

А потому... затушив сигарету в пепельнице и достав телефон, я нашла нужное фото и протянула мобильник блондину, стараясь сделать так, чтобы наши руки не коснулись. Нифига.

От случайного прикосновения его пальцев все равно прошла дрожь.

— Она изменилась, — рассмотрев фотку, выдал вердикт Полонский, явно оценив симпатичную мордашку чуток отъевшийся Неаполь, ее ровные белые зубки, отсутствие пирсинга и длинные бирюзовые волосы. Ну и теперь активно и ежедневно бреющегося Харлея с ней в обнимку. — Ты тоже.

Я аж дымом поперхнулась!

— Эм-м-м, — с трудом откашлялась и, наткнувшись на его неожиданно насмешливый взгляд, вдруг почему-то призналась. — Ну, есть чуток.

И чего-то мну сейчас не понимает... Но кто-то надо мной поиздеваться решил, да?

— Давно вернулась? — уже куда более приветливо спросил блондин, а я, плюнув на все и сразу, пристроилась рядом с ним, опираясь на высокий бампер машины, едва сдерживаясь, чтобы не пихнуть его локтем в бок.

Он не издевался. Он мне мстить за непонятки с приглашением изволил, гад такой!

— Пару... месяцев, — смущенно кашлянула я, шаркая подошвой кед по полу.

— Теперь понятно, почему Липницкий ходит с довольным видом сытого кота и активно заманивает меня на выпускной, — усмехнулся вдруг Богдан. И констатировал спокойно. — Ты уже их всех видела.

— Ну, так получилось, — смущенно кашлянула я. — Но, да, всех. Кроме тебя...

Признание, если честно, далось с трудом так. И я снова почувствовала себя душой. Ну вот во имя какого святого огородного овоща и чьих-то эльфийских ушек надо было строить коварные планы? Лучше бы я сразу приехала к нему, сюда.

И может быть встреча вышла в итоге не такой уж... нелепой.

— И твоего отца, — спокойно добавил вдруг Богдан.

А я даже не вздрогнула.

Да, я знала, что случилось с ним и с Исаевым в итоге, как и почему. Точнее благодаря кому. Подслушала невольно разговор ребят Кирилла, играющих в бильярд. И да, отец пытался со мной связаться, пока я жила, как и он теперь, за границей. Не напрямую связывался конечно же, аккуратно через Кира. Но, естественно, получил прямой посыл катиться ко всем чертям как можно дальше и надолго.

Воспоминания об этом уже не причиняли беспокойства. Они просто были навсегда вычеркнуты в ту ночь, когда я в последний раз ревела за дверью бильярдной.

— Есть вещи, которые можно понять, — спокойно хмыкнула я, машинально смотря в

сторону своего же рюкзака. — Их даже можно простить, наверное. Но забыть... никогда.

— Как, например, шантаж? — последовал вдруг ровный, спокойный вопрос. Даже слишком... спокойный.

И тут до меня, как говорит Неаполь, «наконец, вконец доперло».

Так вот чего у нас тут льдинки в глазах промелькивают-то... Он ведь боится! Во имя любимой сковородки Ариши и их счастливого с Михеем совместного быта, Богдан сейчас просто напросто боится!

Он думает, что я вернулась просто так, и что я до сих пор его не поняла и не простила...

— «Делай что хочешь, но не отходи от нее ни на шаг. Возможно, придется увезти ее из города», — дословно процитировала я в ответ сообщение с телефона Кирилла, отправленное им Богдану в то самое утро, после разрыва чьей-то помолвки. Сложила руки на груди и усмехнулась, но уже совсем беззлобно. — Конспираторы хреновы. Сразу сказать было нельзя?

— И как бы ты отреагировала? — спокойно посмотрел на меня Богдан, но уже не отрешенно, а так... мягко.

— М-м-м... — задумчиво отозвалась я. — Истерикой. Паникой. Попыткой спрятаться куда-нибудь в угол или еще более глупой попыткой банально сделать ноги. Я понимаю, Дан. Теперь я все прекрасно понимаю...

Сложно было не понять. Одно дело услышать это сейчас, или в тот день от Кирилла, когда я обнаружила дома плюшевого мишку, другое дело попытаться понять тогда.

Как бы я отреагировала, узнав, что на месте Лены должна была оказаться я? И что не забреди тогда на мой балкон Стасик, мы бы были в аэропорту или самолете и я бы вообще ни о чем не узнала и никто бы не пострадал?

Не конкуренты Майкла тогда напали на его жену в подъезде, а папочки драгоценного моего. Консьержка слышала о пропаже ребенка, видела мужчину и машину, и представление о ситуации сложилось само собой, а сознание добавило несуществующую деталь в виде детского кресла в автомобиле.

Не было его там, Кир лично видел. Его люди задержали того, кто напал на соседку, но даже без этого сомнений все равно не оставалось. Лену ранили в правую сторону груди и лишь потому она выжила. А вот я, не будь со мной Богдана, на сей раз получила бы пулю уже в сердце...

И нет, мне не сложно об этом говорить и вспоминать. Уже не сложно.

Они с Кириллом сумели уберечь меня тогда, смогут в случае необходимости и снова. Да, гаврики противные, тайком спелись за моей спиной, но гаврики любимые, причем горячо и много.

И если с Громовым нас и так было черта лысого разлить святой водичкой, то кое с кем другим, кажется, наладить отношения теперь будет очень сложно.

Да взять хоть сейчас — я ведь с ума схожу, всего лишь сидя с ним вот так рядом. А чувства проявить не могу, такое сложилось впечатление, что мы снова стали... друзьями.

— В таком случае, думаю, твой приезд стоит все-таки отметить, — как-то... хитро улыбнулся Богдан.

А мне вдруг стало как-то совершенно не до шуток. Оттолкнувшись от машины, не смотря на блондина, я оперлась руками на верхний край бампера, машинально наклоняясь и разглядывая мощный, огромный двигатель «Мустанга». Уязвленное самолюбие, горечь от разлуки и вполне такая осязаемая боль от несбывшихся надежд вырвались язвительным

ответом:

— Если только не мартини!

И вдруг...

На талию скользнула рука, ладонь легла на живот и резко прижала меня спиной к сильному, мужскому телу, напрочь сбив всю дыхалку разом. Сердце мгновенно зашло в бешеном стуке, а шеи тем временем таким знакомым жестом коснулись горячие губы, негромко прошептав, целуя:

— Не мартини...

И, собственно, и все... Я задрожала вся и сразу!

Он помнил, мамочка моя... Он действительно все помнил! Тот день у меня дома, ни разу не трезвая я, мое настойчивое приглашение, его отказ — сейчас почти все повторилось!

— Или ты за рулем? — негромкий вопрос обжигал шею не хуже поцелуя, я даже зажмурила глаза, чувствуя, как натурально подгибаются колени... но ровно до тех пор, пока не сообразила, собственно, о чем вопрос.

И вот тут уже воспоминанье полоснуло болью по сердцу, невольно заставив замереть.

И он понял. Он как всегда всё понял!

— Анют? — меня тут же развернули, аккуратно обхватили лицо ладонями, пальцами поглаживая щеки. Так нежно, так привычно и знакомо, что по сердцу мгновенно разлилось долгожданное тепло. Да только...

— Меня привез Никита, — смотря ему прямо в глаза, такие яркие и голубые, которые все время помнила и так по ним скучала, все равно как-то невесело улыбнулась я. И нехотя призналась. — Я так и не смогла больше сесть за руль.

— А я-то все гадал, почему его не видно его у отца, — понимающе хмыкнул Богдан и, вдруг взял меня за руку. — Иди сюда.

Душа от этих слов дрогнула, я думала, что меня наконец сейчас обнимут... нифига! Меня зачем-то повели в обход машины. Недоумевая, собственно, что ему пришло в голову и на кой черт было портить такой момент, я молча дотопала следом за ним до угла.

Во имя всех мадагаскарских тараканов, что вообще происходит и на кой он стаскивает с темного силуэта в самом углу огромную белую тряпку?

Нет, я понимаю, что это защитный чехол — тут в гараже многие стояли под такими. И естественно, я догадывалась, что под ним окажется машина, какая-нибудь необычная и жутко дорогая.

И даже с легким любопытством подошла ближе... и не поверила своим глазам, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Вот так просто стояла, тупила, моргала, сжимала кулаки так, что побелели пальцы, боясь поверить и осознать.

Но я видела... Видела!

Хищная морда, характерные фары, широкий капот с воздухозаборником, низкая крыша, узкие зеркала и поблескивающая в свете ярких ламп краска того самого цвета черный металлик...

— Но... как?

Вопрос вырвался сам собой... а я все еще стояла, не в силах поверить. И даже не поняла, в какой момент подошел Богдан и обнял меня сзади, пристраивая свой подбородок на моем плече.

— Сгорел лишь внедорожник, — послышался негромкий ответ. — Твоя машина от огня почти не пострадала. Ее смяло, но... постепенно удалось восстановить. Мне хватило года.

А я молчала. Молчала, чувствовала дикий шок и ступор... И все-таки не могла в это поверить. Даже когда меня легонько подтолкнули в спину.

И я не знаю, почему, но я пошла.

Дрожащими руками коснулась такого знакомого прохладного металла на крыле, провела пальцами по нему, по узким зеркалам. Обошла кругом, медленно осматривая, подмечая малейшие, такие знакомые детали. Габариты на капоте, молдинги и то самое литье с резиной. Значок на багажнике между «стопарями», тот самый с крылышками летучей мыши. Взяла торчащие в двери ключи и, помедлив села внутрь.

Я не верила. Не верила в то, что я вижу. Никак!

Я просто не могла. Но... рука так привычно легла на большой руль с плетеной кожаной оплеткой, вторая коснулась панели пластика, велюра на сиденьях... и как-то совсем незаметно повернула ключ в замке. В ответ раздалось такое узнаваемое урчание сытого мотора. С теми же нотками, с теми же переливами. Нога нащупала педаль, двигатель взревел послушно и охотно... И я вдруг поняла, что это он.

Мой малыш. Моя машина...

Не другая. Не похожая. Не новая. Моя. Та самая единственная и неповторимая. С ее легким сладковатым запахом в салоне, паучком на зеркале над головой и даже той же магнитолой. Не знаю зачем, я на автомате полезла в бардачок... и обнаружила там документы. Маленькая черная кожаная папочка, а в ней техпаспорт и права. На мое имя.

Но апофеозом моей полной неадекватности стала найденная там же пачка тонких, легких сигарет... С ментолом!

Я не помню, как я вылетела из салона. Как встала на ноги, как бежала. Я просто влетела с размаха в него, обхватывая его за шею, чувствуя, как по щекам стекают не сдерживаемые слезы.

И уже плевать там было на холодность и нелепость встречи, долгое ожидание и разлуку, непонимание, неловкость... сейчас далеким лесом пошло всё и абсолютно!

Для меня существовал только он, Богдан. Такой понимающий, заботливый, любимый. Он знал меня, он понимал, как для меня это важно, он отпустил меня, когда это было нужно. Он ждал меня все это время, помнил, не забыл... И более того, преподнес такой подарок, на который я не рассчитывала никогда в жизни!

И я еще в нем сомневалась, Господи... да как же я могла?

А потом меня поцеловали. Обнимая одной рукой за талию, вторая уверенно легла на затылок под волосами... Совсем как тогда. Нежно, бережно и аккуратно. С ноткой уверенности, власти, давая понять, что не причинят вреда. А я стояла, таяла в его руках, ощущая наконец-то самый желанный во всем мире поцелуй с привкусом крепкого дорогого табака и нотками все той же пряной вишни...

— Я скучал, Анют, — едва меня отпустили, я получила долгожданное признание. И улыбку. Таковую знакомую, настоящую улыбку! И не смогла не улыбнуться в ответ:

— Я тоже...

— Богдан Максимович, — вдруг раздалось негромкое покашливание где-то сзади. — Прошу прощения, что отвлекаю... но там курьер ждет. Надо в документах расписаться.

У кого-то после этих робких слов на лице проступило явное желание убивать, а я, хихикнув, обнимая его за талию, уткнулась в его грудь носом.

Нет, ребяташки... Разговоры по душам, это, увы, с Богданом явно не наше!

Блондину пришлось меня неохотно отпустить, а я, украдкой шмыгнув носом, отошла к

своей (своей!!) библике. Достала из нее пачку сигарет и зажигалку, закурила, заглушила двигатель, украдкой вытирая слезы... Не престаивая при этом откровенно улыбаться, как полный, но счастливый до безобразия дурак!

Однако мое счастье померкло чуть-чуть, когда Богдан вернулся к машине. И ладно, документы, но мое внимание привлек конверт в его руке, очень уж характерный для авиабилета.

И вот честное пионерское, я сама не поняла, как мои ловкие кровожадные лапки завладели насторожившей меня бумажкой — скорое всего блондин просто от меня такой наглости не ожидал.

Но и спорить не стал, с усмешкой наблюдая, как я, опираясь на бампер пятой точкой, открываю не приглянувшийся мне почему-то конверт.

Просто вдруг как-то... неприятно стало, что Богдан собрался куда-то уезжать.

— Так-так-так, — разворачивая бумажку, притворно-ехидно пропела я, вчитываясь в печатные строки. — И куда же наострил лыжи сам господин Полонский? Вылет такого-то, угу...

И тут я замолчала, чувствуя, как глаза активно попрыгали на лоб. Перечитала еще раз, увидела знакомую дату, подумала... И перевела обалдевший взгляд на откровенно усмехающегося Богдана:

— Порт-Луи? Маврикий?!

Он просто кивнул. А, я... я даже не нашла что сказать, вот так вот сразу!

— Ты, — я резко выдохнула, сворачивая билет. Убрала его подальше к лобовому стеклу, затушила кедой сигарету и попыталась выразить свой гнев, сложив руки на груди. — Ты... ты все это время знал, да? Тебя тоже пригласил Эрик и ты знал, что я там буду?!

А этот... как бы его так назвать, чтоб не обидеть, небрежно бросил конверт с документами на соседнее авто, молча и спокойно подошел поближе...

И как-то вдруг моя пылающая праведным гневом личность оказалась прямо на капоте лежащей! А надо мной нависли сверху, прижали руки к прохладному металлу над головой и усмехнулись так... чертовски обаятельно:

— Я предупреждал, что я не железный, Анют. Помнишь?

И что-то у меня в груди застыло от восторга. Я посмотрела в его потемневшие глаза, машинально облизнула пересохшие губы... И все. В них тут же впились жадным, быстрым поцелуем!

Просунув руку под спину, заставляя прогнуться в пояснице, прильнуть к нему всем телом, прижать к себе, обхватив за шею, целуя в ответ так же жадно и сильно. Невыносимо крепко, быстро, страстно...

Крыша сразу сказала «пока» и, вздохнув, поплелась паковать чемоданы.

Да только и это безумие не продлилось слишком долго. Всего лишь несколько слишком быстрых минут, от которых желание в венах загорелось огнем, заставляя сердце судорожно биться. А затем, чья-то настырная ладонь, скользнувшая по бедру под мою юбку, вдруг дрогнула... и замерла, остановившись.

— Анют... — на меня посмотрели с такой смесью улыбки с укоризной, что сдержаться просто не хватило сил. — Чулки?..

Моя ни разу не раскаивающаяся в содеянном светлость принялась с открытым любопытством рассматривать гаражный потолок.

Застонав, мой любимый и неповторимый во всех смыслах мужчина уткнулся носом в

мою шею, обреченно признавая:

— Нет, ты не оторва, Анют. И даже не чудище. Ты одна сплошная рыжая беда!

Не выдержав, я расхохоталась.

Ну да, тут прав... Золушки из меня не вышло! Сама вся до сих пор в работе, принц на самом деле оказалось тем еще конем, место злой мачехи занял алчный папуля, а доброго родного отца с лихвой заменил мне найденный когда-то бомжик. Вместо злых сестриц так и остались привычные рокеры, а старое авто вместо кареты восстановила моя любимая фея-крестная. А что до туфельек... там мне всегда было удобнее в обычных кедах.

Ну, собственно, как я когда-то и говорила — ну всю сказку испоганили, ироды!

— Анют, — чуть позже, когда я отсмеялась и поднявшись, осталась сидеть на капоте своего малыша, крепко прижимая меня к себе, вдруг позвал Богдан. — Я уже говорил, что люблю тебя?

— М-м-м, — я весьма неохотно оторвала свою голову от его груди, на которой тихо балдела, вдыхая такой знакомый, ни с чем несравнимый запах одеколona, табака и вишни. И вдруг улыбнулась. — Нет. Как-то сию ценную информацию ты умудрился утаить, ограничившись всего лишь френдзоной, шантажом, похищением, разборками со всеми подряд, отсутствием целых полтора года, а потом...

А потом мне заткнули весьма традиционным и действенным способом. То есть поцелуем. Крепким, сладким, глубоким и одновременно нежным — таким, что всерьез закружилась голова. И когда меня, наконец, отпустили, связно мыслить получилось далеко и не сразу!

— Так нечестно, — тихо прошептала, когда мое лицо обхватили ладонями, пальцами поглаживая щеки и с смотря с такой любовью, в которую и поверить было сложно. Но я смотрела в эти почти синие глаза, терялась в них, тонула... и понимала, что вполне возможно.

Да еще как!

И меня поцеловали снова. Нежно-нежно. Да так, что слезы навернулись на глаза.

А следом ухо обжег громкий шепот, как прежде одним словом доводящий до умопомрачения:

— Моя...

Больше книг на сайте - Knigolub.net